

антология

Ми
Фа

Василий Воронков

Песня песка (С. «Антология МиФа»).— Луганск: изд-во «Шико», 2014 – 364 с.

Уцелевшие после катастрофы города города сотни лет окружены мертвыми песками. Из-за сильного излучения кораблям приходится подниматься в верхние слои атмосферы, чтобы пересечь разделяющую города пустыню.

Она – не может дышать без респираторной маски и мечтает улететь на юг, где воздух чище, но знает, что не переживет тяжелый перелет. *Он* – каждый день рискует жизнью, работая в исследовательских станциях в песках, и хочет только одного – вернуться в родной город, – но не может, из-за нее.

© В. Воронков, авторские права

© У. Дёмина, оформление, 2014

© изд-во «Шико», 2014

Василий Воронков

ПЕСНЯ ПЕСКА

Часть 1

ЧАСТИШИНЫ

Иногда ей снилось, что она забыла, как его зовут.

После того, как он уехал в последний раз – так надолго, что ожидание стало похоже на траур, – все вокруг изменилось. Люди на улицах говорили иначе. По-другому ходили поезда. Даже собственное имя начинало казаться ей холодным и чужим, стоило лишь произнести его вслух.

После его отъезда никто почему-то не называл ее по имени. Имя стало лишним, ненужным. Словно она умерла, и имя это ей уже не принадлежит. Названная при рождении Анаадитва. Яркое короткое ласкающее «а».

Он называл ее просто Ана.

Дом, в котором они жили, медленно разрушался. Настенные росписи потускнели и облупились, старинные изразцы были покрыты длинными глубокими трещинами. Ана слышала, как люди, приходившие из окружной управы, говорили что-то о нарушенной геометрии и недопустимой осадке фундамента. Быть может, именно поэтому вечерами ей казалось, что начинают стонать стены.

Весь старый район на севере города был построен за много лет до рождения Аны – кроме огромной стальной эстакады, по

Василий Воронков

которой, нарушая оцепенелое спокойствие окраин, проносились скорые поезда, увлекая за собой свои длинные неровные тени.

Соседство с хагатой разрушало ветхие здания. Их дом собирались снести еще в прошлом году, в канун праздника, но вместо этого раскрасили фасад, обращенный к рассвету, в синий и красный – одобренные геральдические цвета – скучными протяжными полосами поверх осыпающегося орнамента. Видно, кто-то решил, что в городе и так достаточно разрушений.

Квартира Аны была на восьмом этаже, и поезда проходили прямо под ее окнами. Раньше, когда-то давно, Ана жила здесь совсем одна, но теперь все вокруг напоминало ей о том, что его нет.

Шум, неясный и волнующий, доносившийся с беспокойной улицы даже после того, как отключали магистраль. Тихое шипение дхаава, очистителя воздуха. Помехи вместо выпуска вечерних новостей. Шприц с вставленной ампулой на тумбочке у постели, предусмотрительно заготовленный перед сном. Затертая карта линий скоростных поездов с отметками, сделанными его рукой. Старые механические часы – угловатый металлический корпус, четыре стрелки разной длины и ширины, указывающие во все стороны света одновременно.

Часы перестали ходить после его первого полета в мертвые пески.

В жаркий сезон во всем городе чувствовалось гнетущее дыхание пустыни; казалось, что пески медленно наступают на городские кварталы, что улицы неумолимо поглощаются песком.

Весь праздник Ана провела дома, сидя у окна и слушая радиостанции, которые любил Нив. Многие из этих станций непрерывно молчали, словно в честь праздника их отключили от эфира, а по другим передавали одинаковые бесцветные новости. Ана думала, что все, о чем рассказывает монотонный голос – неизменный, как ни настраивай частоту – происходило давным-давно, столетия назад, но ее приёмник уловил отголоски этих передач только сейчас, когда они уже не имеют ни малейшего смысла.

Вечером прием резко ухудшился, и Ана выключила радио, устав от треска помех.

По эстакаде пронесся грохочущий состав, ослепив весь квартал мощными прожекторными фарами. Ана оделась и вышла на улицу, хотя не слишком-то понимала, куда собирается идти.

В старом районе оказалось на удивление безлюдно.

Улица была безжизненной и заброшенной, как перед воздушной тревогой. Наверняка все уехали в центр, в раскрашенные к празднику кварталы, где намечалось бесцельное народное гуляние или какой-нибудь напыщенный парад. Было еще светло, но по унылому бесцветному небу уже чувствовалось, что надвигается ночь.

Ана села на поезд на ближайшей станции – в залитый электрическим светом вагон, – и огромный яркий состав отправился на запад, к завершению дня.

По этим линиям иногда ходили старые поезда. Сидения в вагонах стояли в три ряда, и проходы между ними были совсем узкими, из-за чего в особо напряженные часы, сразу после рассвета или под закат рабочего дня, протиснуться по такому вагону оказывалось совсем не просто.

На каждой станции в поезд заходили люди, которые уже возвращались домой или же, напротив, только ехали на праздник – определить было невозможно. Кто-то смеялся, громко разговаривал, шутил, но большинство вели себя как обычно, как и в любой другой день.

Ана вспомнила, как раньше отмечала праздник вместе с Нивом.

Нив всегда предварительно составлял маршрут, и они ездили весь день на поезде, ей часто бывало плохо, она задыхалась, но старалась не показывать виду, не хотела, чтобы он волновался. Она была счастлива. Нив рассказывал о чем-то – общая протяженность транспортных путей, самое высокое здание, самый древний храм, – а поезд с надрывным грохотом проносился над сверкающими улицами, город был ярким, живым, и даже ночь уступала свои права праздничным краскам и электричеству.

Теперь же за окном было темно.

Ану толкнул седой невысокий мужчина, усевшийся рядом с ней. Он мельком взглянул на нее и тут же отвел глаза. От незнакомца несло перегаром.

Ана ссутулилась, пряча лицо в респираторной маске. Широкие улицы, над которыми проходил поезд, были унылыми и бесцветными – лишь изредка внизу мелькали неоновые гирлянды или горящие цветные фонари.

Василий Воронков

Мужчина, сидевший рядом, что-то сказал на гали – невнятно, заплетающимся языком, грубо выплевывая слова, – Ана ничего не поняла. В поезд набилась целая толпа – как в будни, в утренние часы, – и в этой шумной бессвязной толкучке не было уже ничего праздничного.

За спиной громко разговаривали, Ана различала лишь отдельные слова и фразы, резкие и бессмысленные, точно кто-то лишь пытался подражать человеческой речи.

Вскоре эстакада пошла ввысь, и старинный поезд со скрежетом и воем уже летел над плоскими крышами однотипных жилых домов, которые даже не украсили к торжеству. Начинало казаться, что о празднике в этом году и вовсе забыли, но потом, после неприметной станции, на которой никто не вышел, они шумно въехали в недавно отстроенный район, и Ана даже прикрыла глаза от разноцветного сияния – можно было подумать, что ночь закончилась, не успев начаться, и наступил яркий электрический рассвет.

Город и вправду стал живым – как когда-то, в воспоминаниях Аны. Горели тысячи огней, по улицам искрил ток. Поезд пустел с каждой остановкой, люди выходили в неоновое сияние, в слепящее зарево гирлянд, которыми были украшены перроны. Сосед Аны тоже вышел, и теперь она сидела одна.

Ана смотрела в окно.

По стеклу, исцарапанному, с серыми клочками оборванных объявлений, скользили отблески городской иллюминации – переливчатые гирлянды, уличные фонари, круглые, как наполненные электричеством планеты, красные маячки, синхронно мигавшие на остроконечных крышах высоких домов. Отражения двоились и расходились по затертому стеклу неровными волнами, ярко вспыхивали и гасли, а когда поезд пролетал рядом с бессветными кубами муниципальных зданий, исчезали совсем, и на мгновение стекло темнело, отражая лишь лицо Аны в респираторной маске.

Ана чувствовала, как от жесткого сидения телу ее передается частая судорога вагона. Внизу что-то уныло поскрипывало, был слышен шум ветра за окном, и столетний поезд, чудом еще ходивший по этой линии, неся, преодолевая усталость металла, сквозь какую-то ненастоящую, расцвеченную яркими огнями ночь.

От города в окне, освещавшего тысячами огней пустоту ночного неба, Ану отвлекала лишь музыка – то протяжная, то ритмичная, – которая играла в громкоговорителях над головой всякий раз, когда поезд, усиленно замедляя ход, приближался к очередной станции.

Ана проехала мимо видая-лая, в которой работала. Северная линия слилась с окружной, и поезд уже вез ее обратно. Ана представляла, что Нив сидит рядом с ней, они оба устали под конец этого праздничного дня, ей уже не хочется выходить на станциях, чтобы посмотреть на сверкающие улицы, и они просто едут домой. Нив снова рассказывает о городе, но голос у него неловкий и тихий, словно он признается ей в чем-то таком, что раньше никак не решался сказать.

Ана вернулась домой, когда огромные пушки оборонного комплекса – где-то за северной окраиной, в песках – уже начали стрелять по ночному небу. По всему городу разносились тяжелые нарастающие раскаты, отражаясь от бесчисленных стен, сотрясая залитые искусственным светом улицы, и Ана чувствовала, как дрожит в окне стекло, когда касалась его рукой.

Небо, пепельно-серое в вышине, было выжжено артобстрелом. Поезда все еще проносились по эстакаде – по измененному в честь праздника расписанию, – ослепляя серую старую улицу ярким безжалостным светом. Кто-то еще возвращался домой.

Ана никогда не понимала, что может быть праздничного в этой оглушающей канонаде, которую устраивали по праздникам вместо привычного часа тишины, но Нив любил салют и всегда пытался вернуться домой до его начала. Это было время, когда тихие и заброшенные северные окраины превращались ненадолго в бушующий городской центр – многие приезжали сюда, чтобы услышать, как палят огромные пушки, а порою и заметить в небе стремительные росчерки огня. Вот и сейчас Ана видела целую толпу у сверкающих линий хагаты, и даже сквозь плотно закрытое окно до нее доносились громкие голоса, хохот и крики.

Ане казалось, что сейчас и вправду начнет орать запоздалая тревога, и весь старый район, впервые оживший под конец праздничного дня, вновь станет мертвенно пустым. Свет в круглых

Василий Воронков

уличных фонарях сменится с безразличного синего на безумный красный – и во всем городе с диким истошным воем замкнет сигнальная цепь. Толпа, вначале ошалевшая от паники, быстро поредет, растечется с тесных кварталов – все разбегутся по своим домам, надеясь, что осыпающиеся пылью здания смогут защитить их от падающего с небес огня. Наконец последние волнения на улицах улягутся, сирена захлебнется воплем и замолчит – станет тихо, как после контузии – так, что от этой тишины заложит уши.

После того как закончился салют и последний поезд отправился в сторону ночи, люди и правда разошлись с улиц. Начался час тишины. Ана хотела спать, но не ложилась – сама не понимая, почему.

Она включила радио.

Небо, которое совсем еще недавно озаряли багровые артиллерийские вспышки, наконец погасло и стало темно-серым, выгорев от праздничной палубы. Радио молчало. Даже те станции, по которым днем передавали бравурные поздравления и безвкусные торопливые марши, отзывались теперь лишь тихим шипением помех.

Давно уже отгремел последний залп. Праздник закончился. Город засыпал.

Ана посмотрела в окно – не пронесется ли внеурочный поезд, опаздывающий вернуться в депо – но нет, весь город парализовало утра. Ана представила, как улицы сейчас бдительно проверяют полицейские патрули – непременно три человека, одного роста, в особой форме, которая сливается с темнотой. Но внизу никого не было, никто не следил за тишиной.

Ана подумала – и почему завершение всех праздников всегда кажется еще более тоскливым, чем конец обычных будничных дней.

Внизу мелькнула чья-то фигура, и Ана присмотрелась к темной улице, перекрытой отключенной эстакадой. Какой-то человек шел по тротуару у высотного жилого здания, фасад которого медленно отступал в ночную темноту. Черная тень прохожего тянулась через всю улицу. Человек шел торопливо, как если бы опаздывал, однако совсем не выглядел взволнованным – как будто не было никакого комендантского часа, он просто не успел

на последний поезд и теперь идет пешком в ночной холод по мостовой.

Завтра Ане на работу – ее ждали обжигающий глаза расцвет, утреннее недомогание, толкучка в поездах, – но она никак не могла заставить себя отойти от окна. Невыключенное радио продолжало судорожно хрипеть – центральный новостной канал транслировал на весь город чье-то болезненное дыхание.

Человек на улице остановился и поднял левую руку, наверное, пытаясь рассмотреть в сумраке циферблат наручных часов. Он стоял в свете сферических ночных ламп, в синеватой мгле пустой промозглой улицы, похожий на призрак, что безуспешно ищет дорогу домой. Ана подумала, что теперь его видно значительно лучше – стоит лишь патрулю появиться из-за черного поворота за станцией хагаты, как они сразу заметят этого беспечного нарушителя.

Это было так странно и страшно – просто стоять на улице в то время, когда уже отключили магистраль. Быть может, он спешит к тому, кто не в силах ждать, пока завершится ночь? Быть может, он просто забыл завести часы?

Ана вздрогнула. Она прошла по комнате, посмотрела на шприц, лежащий на тумбочке, и вернулась к окну, чтобы выключить хрипящее радио – до рассвета оставалось лишь несколько часов, ей нужно было ложиться, – однако не удержалась и вновь посмотрела вниз.

Нарушитель исчез.

Возможно, он свернул в один из темных проулков, разобравшись наконец, который уже час. Вместо того, чтобы выключить приемник, Ана вновь присела у окна и покрутила ручку регулятора, пытаясь поймать хоть одну работающую станцию.

Радио беспомощно шипело и трещало.

Иногда сквозь помехи пробивались чьи-то голоса, неуверенно нарушавшие монотонное радиомолчание – голоса доносились издалека, из ночного сумрака, как эхо, и исчезали, стоило Ане лишь слегка изменить частоту.

Ана отвернулась от никчемного приёмника. Она закрыла лицо руками, чувствуя, как начинает бессильно проваливаться в темноту.

Вдруг радио громко заскрежетало, как обезумев, а потом в скрипящем динамике послышался голос – все громче и четче, –

Василий Воронков

поздравляющий горожан с праздником, рассказывающий о том, какие волнующие события ждут их в течение дня. Это же объявление Ана слышала много часов назад. Утром, когда только занимался рассвет, запись с торжественными поздравлениями синхронно передавали по всем городским частотам. Словно время сбилось со счета, и вместо завтрашнего дня скоро вновь, как заведенный, повторится минувший праздник – загорятся газовые иллюминации, захрипит торжественная музыка, и забитые гуляками поезда полетят по эстакадам в центральные городские районы, переполненные людьми и светом.

Ану напугала эта странная несвоевременная передача, и она резко повернула ручку регулятора. Радостный голос ведущего сменился холодной тишиной.

Вдруг небо над домами рассклала яркая вспышка.

Стекла в комнате хрупко задрожали.

Ана поначалу даже ничего не услышала – ударная волна опережала звук, – и лишь через мгновение по улицам разнесся гулкий раскат, как от залпа всех оборонных пушек разом. Ана успела подумать, что вновь, вопреки порядку, начался салют – и тут же над крышей соседнего здания поднялось ввысь огромное облако пламени, озарив пустое выгоревшее небо.

Страшный, похожий на солнечный протубераец огненный выброс поднимался все выше и выше, выжигая зыбкие ночные тени. Казалось, что начинает гореть сам воздух.

Послышались рев и визжание истеричных полицейских сирен, и несколько кораблей низко пронеслись над багровыми домами, оставляя после себя длинные тлеющие полосы огня.

Ана застыла от ужаса, глядя сквозь свое отражение на страшный столб пламени. Она никак не могла поверить в то, что это происходит в действительности. Весь город превратился в огромный крематорий, сжигающий сам себя.

Огненное облако медленно осело, растаяло в дрожащем воздухе. Иногда над угловатыми крышами все еще поднимались резкие всплески неестественно-яркого пламени, но тут же опадали, превращаясь тонкие полосы дыма.

Ана вдруг успокоилась, продолжая безучастно наблюдать за полицейскими виманами, которые с ревом и сиренами проносились над улицами, где все еще горел летаргический свет

ночных фонарей. Небо было бледно-красным, начался огненный рассвет. Час тишины завершился громом, от которого содрогнулись стены сотен домов.

Радио шипело, как бы ненароком напоминая о себе. Ана покрутила регулятор – не передают ли что-нибудь о произошедшем – но на всех каналах тишина, исчезло даже запоздалое поздравление, что так напугало ее перед взрывом.

Шум за окном постепенно угас, и Ана слышала лишь бледные отзвуки полицейских сирен. Языки пламени по-прежнему ярко вспыхивали над крышей соседнего дома.

Она еще долго смотрела на багровую дымку над разбуженной улицей, пока не поняла, что уже не в силах бороться со сном. Она легла в постель, но уснула не сразу, продолжая думать о том, что произошло.

Где-то совсем рядом, всего в нескольких кварталах от ее дома, беспомощно борются с огнем. Ана представляла себе людей в огнеупорных комбинезонах, пьяных и неуклюжих, все еще не верящих в то, что все это происходит в действительности. Пожарные окатывают пламя шипящей пеной, но это не помогает – вокруг них начинает гореть сам воздух, весь город охватывает облаком кипящего огня, который уже не погаснет никогда.

МАГИСТРАЛЬ

Утром Ану разбудил громкий мужской голос – она забыла выключить радио. Ана даже не могла понять, что говорит ведущий – слова и интонации были знакомыми, но в то же время лишенными смысла. Но стремительный ритм речи и какая-то неестественная надрывная бодрость голоса – на всей той громкости, которую способен был выдать ее слабенький комнатный приёмник – заставили Ану поспешно встать с постели, превозмогая головную боль и тошноту.

Утренние сумерки за окном были неотличимы от вечерних.

Над соседними домами больше не поднимались языки огня, пожар уже потушили, полицейские корабли не пикировали с истошным воем над озаренными пламенем кварталами – все это закончилось, как сон. Городские улицы не сохранили следов недавнего светопреставления, утренний вид из окна был

Василий Воронков

уныл и спокоен, как и в любой другой день, однако Ана чувствовала какие-то едва уловимые изменения вокруг – в зареве раннего рассвета, в чистом бесцветном небе, даже в домах на противоположной стороне улицы, все еще подернутых сумеречной тенью. Как будто чего-то не хватало.

Голос говорил:

– Стал известен результат сложения общей площади. Как одна из возможных причин. Не исключается и настоящий момент магистрали. Далеко ведет этот взрыв активности.

Левая рука заняла чуть ниже локтя – там, где след от укулов.

– Расследование для не успевших вовремя. Через прямую связь снова задерживается включение. Это не является первым признаком подобного. Но может стать усилением расчета солнечной активности. Здесь очевидно отсутствует происшествие.

В комнате было душно. Дхаав совсем перестал работать – изношенный механизм в потертom гофрированном корпусе не издавал ни звука. Приходилось дышать часто и глубоко, с силой втягивая в себя воздух.

Ане вдруг захотелось открыть окно. Не соображая что делает, в сонной одуре, она уже начала сдирать клейкую ленту с рамы, попыталась даже повернуть тугую, всохшую в оконный переплет ручку, но вовремя остановилась.

Голос по радио говорил:

– Торжество проводов ночи кроется в причинах возникновения газа. Момент, когда представляется невозможным само представление, ради которого был перенесен час паники. Смысл становится понятен лишь через очертание трагедии.

Тошнота после укола усиливалась. Теплый ком подступал к горлу, слезились глаза. Ана выключила радио, и ей стало легче.

День начинался.

Город в проеме окна казался бесформенным и пустым, как посмертный слепок.

До станции Нивартан, где Ана обычно садилась на скоростной поезд, нужно было пройти пару кварталов пешком. Ана не выспалась, и даже эта недолгая прогулка представлялась ей мукой. Ее все еще тошнило после укола, лицо в респираторной маске вспотело, ей захотелось пить, но уже не было времени возвращаться.

На фасаде одного из домов судорожно трепыхался синий флажок, призрак минувшего праздника, который Ана не заметила вчера. Ветер сдувал с высоких балконов пыль.

Обычно по утрам на улице было довольнолюдно, слышался нескончаемый гомон, люди в цветных одеждах толпились под эстакадой, и Ану постоянно кто-то толкал. Справившись с недомоганием и тошнотой, Ана наконец поняла, что вокруг никого нет – не проносятся над головой черные тени поездов, не слышно возгласов и шума шагов, никто не спешит на станцию. Было пусто и тихо, как будто ночную тревогу еще не отметили и, хотя огненное зарево над городом уже погасло, по-прежнему запрещается выходить из своих домов.

Станция Нивартан занимала для первых этажа в обычном многоквартирном здании, построенном в старом абитинском стиле, который так нравился Ане раньше, когда она еще обращала внимание на дома. Десятки этажей, очерченных тонкими козырьками карнизов, длинный заостренный купол на конической крыше, от одного взгляда на который, особенно если его скрывал утренний туман, начинала кружиться голова. Стены здания были украшены округлыми изразцами, которые побелели и потрескались от старости, но высокую арку над входом недавно отреставрировали, и влажная синяя краска смотрелась неестественно и чуждо на фоне поблекшего фасада.

На первом этаже был плев станции, а второй выводил на перрон, похожий на длинный балкон с металлической баллюстрадой.

Рядом с красивой синей аркой стояло несколько человек в красной форме военной полиции. На плече у каждого висела отполированная автоматическая винтовка. Ане нечасто удалось видеть такое оружие – короткий, загнутый вниз приклад, рифленый ствол, большой цилиндрический магазин.

Ана растерянно остановилась, глядя на полицейских.

Станция выглядела заброшенной, словно сюда уже много лет не приходили поезда.

Наконец Ана решилась подойти чуть ближе. Один из полицейских заметил ее и резко взмахнул рукой, как бы предупреждая о чем-то. Ана хотела спросить их, что же произошло, почему перестали ходить поезда, откроют ли линию к вечеру, но

Василий Воронков

полицейские показательно отвернулись от нее, явно не желая давать какие-то объяснения.

Так и не отважившись с ними заговорить, Ана побрела обратно.

Через час солнце поднимется высоко над горизонтом, и начнется исступляющая жара.

Добраться до вида-лая, где работала Ана, можно было и по другой линии, однако ближайшая станция, Самкара, находилась в семи кварталах от Нивартана, и Ана редко ходила на такие расстояния пешком.

Ана зашагала в противоположную от Нивартана сторону, как будто возвращалась домой. Она даже ненадолго остановилась у своего подъезда, решая, не вернуться ли обратно, чтобы выпить воды, но потом вспомнила о неработающем дхааве и направилась к Самкаре. Жажда беспокоила ее не так сильно, как предстоящий путь по старым кварталам.

Над улицей, которая начиналась сразу за домом Аны, не возвышались скоростные пути. Часть северного района не была охвачена вездесущей транспортной сетью, и из-за этого грязно-серые обветренные своды старинных зданий казались выше, чем обычно.

Ана вздрогнула, услышав за спиной глухой стук – с одного из фасадов отвалился кусок расколовшейся облицовки и, рассыпавшись на мелкие осколки еще в воздухе, упал каменным градом на тротуар. Даже ходить по этим улицам было опасно. Ана вспомнила, как кто-то говорил ей – наверное, Нив, хотя ей редко доводилось забредать в такие опустошенные трущобы, – что нужно держаться подальше от стен зданий. На тех улицах, где не прокладывали транспортные линии, дома даже не пытались реставрировать, и те медленно разрушались, превращаясь в каменную пыль.

Ветер усилился и теперь дул Ане в спину. Она быстро устала. У нее заболели ноги. Ей стало трудно дышать. Похоже, что и фильтры в респираторной маске забились. Ана судорожно, через силу втягивала в себя воздух.

Вскоре идти стало совсем тяжело.

Ана вспомнила свои странные и непонятные сны, в которых она снимала на улице респираторную маску, отдирая липкую резиновую кожу от своего лица, и начинала дышать мертвым

раскаленным воздухом, смертельно обжигавшим ее легкие. С каждым вздохом дышать хотелось только сильнее. Ана чувствовала растущую боль в груди. Улицу медленно накрывал сумрак, как во время затмения, темнота подступала к ней, смыкалась вокруг Аны, оставляя лишь узкий бесцветный коридор, уходивший в пустоту, к последнему источнику света.

Ана разволновалась, вспомнив об этих комшарах. Ее лицо под маской вспотело, и черная резина неприятно липла к коже. Ана остановилась, чтобы передохнуть и, вопреки полузабытым советам, прислонилась спиной к пыльной стене.

Ана совсем отвыкла от долгих пеших прогулок, хотя когда-то, много лет назад, врачи даже советовали ей почаще ходить пешком. Правда, и в те времена эта безжалостная терапия нередко заканчивалась приступами удушья. Сейчас же Ана куда больше ходила по прохладным коридорам вида-лая, чем по улицам. Все было рядом, все далекое становилось близким, когда рядом с домом проходили линии скоростных поездов.

Длинная куртка Аны была теплой не по сезону, но привычный зной постоянно сменялся ветром, резким, вызывающим какой-то необъяснимый озноб, и Ана не решалась снять куртку.

Ей нужно было продолжать идти.

Чем дальше Ана отдалялась от дома, тем более людными становились улицы. Куски облицовки больше не сыпались на тротуар, здания выглядели чище, многие даже сохранили следы бесчисленных реставраций, точно неудавшихся подтяжек лица. Скрипели передвижные лотки торговцев, раздавались чьи-то бессвязные крики, хлопали двери подъездов. Послышался даже заунывный стон из невидимого громкоговорителя, Ана попыталась прислушаться, но передача оборвалась.

От людей вокруг Ане передавалось ощущение нервной взволнованной спешки. Все шли в одном направлении, безвольно подчиняясь однообразному течению дня, и настолько боялись опоздать, что даже не оглядывались. Ана подумала, что ей тоже следует поторопиться – она еще не добралась до хагаты, а на работу придется ехать с двумя пересадками, – однако поблескивающие вдалеке пути немного успокаивали ее, хоть и казались грубо вставленными в бесформенный городской ландшафт, рассекавшими улицу на две половины.

Василий Воронков

Оставалось совсем немного, лишь чуть больше квартала пешком.

Мостовая расширилась. Прохожие по-прежнему шли в одном направлении, и никто не возвращался назад, навстречу Ане. Над улицей пролетел черный полицейский виман, оглушив всю округу раскатистым ревом моторов, но никто, кроме Аны, даже не посмотрел ему вслед.

Ана прошла под затейливой газовой вывеской, на которой тускло мерцали отдельные буквы, не успевшие остыть после ночи. Некоторые здания ближе к Самкаре выглядели совсем новыми, однако, подойдя ближе, Ана поняла, что это все те же столетние абитинские башни, просто покрытые толстым слоем белил и румянцем. Трещины на стенах были неровно замазаны штукатуркой, оббитые изразцы размалеваны узорами – точно покойника решили подкрасить и нарядить в последний раз.

Ане пришлось еще раз остановиться, чтобы передохнуть – как раз рядом с таким, наштукатуренным к празднику красок домом, – но когда она вышла на забитую площадь перед Самкарой, ее все равно мутило от усталости.

У двух высоких винтовых лестниц, поднимавшихся к перрону, было настоящее столпотворение. Казалось, что сюда согнали все население города. Плева у Самкары не было, станция ограничивалась лишь примыкающим к эстакаде перроном, поэтому в огромный, открытый ветру накопитель превратилась вся городская площадь.

В разношерстной толпе часто мелькали броские фигуры полицейских. Можно было подумать, что они спешно ищут кого-то, но прохожих полицейские не останавливали, зато почему-то сгоняли с улиц недовольных торговцев. Ана подумала, что у полицейских есть, должно быть, особые распоряжения, согласно которым они и пытаются наводить здесь свой безумный порядок.

У невзрачного приземистого здания напротив перрона был грубо выворочен канализационный люк, и из круглого проема в дорожном камне валил густой прогорклый дым. Кто-то крикнул – совсем рядом с Анной, – и несколько человек в тошнотворно-красной форме устремились на крик. Ана невольно попятилась, испугавшись, что полицейские могут принять ее за этого непонятного нарушителя, и попала под струю дыма, которая поднималась из открытого колодца.

Ана прикрыла глаза рукой, но было уже поздно.

Саднящая гарь чувствовалась даже через респираторную маску. Ее глаза заслезились, как обожженные кислотой. На несколько секунд Ана потеряла зрение – она видела лишь нечеткие силуэты прохожих, которые сливались в единую бурую массу, и неправильные, как в обратной перспективе, глыбы домов, скрывающие серое опустошенное небо.

Прохожие поглядывали на Ану с удивлением и даже опаской – она все еще стояла, оцепенев, в клубах дыма, пытаясь прикрывать рукой уродливую респираторную маску, которая заменяла ей лицо.

Крик раздался снова, а затем сменился протяжным жалобным пением, как у бездомных, вымогающих подаяние.

Ана, наконец, выбралась из едкого чада и, по-прежнему поднимая перед собой рукав куртки, хотя ветер относил дым из колодца в противоположную сторону, направилась к эстакаде.

Лестницы, поднимавшиеся к перрону, обступала плотная яростная толпа.

Откуда-то сверху доносились отголоски бессвязных объявлений, – наверное, сообщали о прибытии очередного поезда, но Ана ничего не могла разобрать. Люди агрессивно проталкивались на перрон, и над их головами гремел резонирующий громкоговоритель. Хотя одна из лестниц предназначалась для того, чтобы подниматься, а другая вела вниз, в жаркое пекло улицы, все направления перемешались – люди, торопившиеся на поезд, пытались пробиться там, где спускались только что прибывшие, и на ступеньках образовалась сумасшедшая давка. Непонятно было, чем занимаются полицейские, в чем заключаются их бездумные распоряжения, согласно которым они гоняли причитающих торговцев и преследовали незадачливого певца, но совсем не интересовались столпотворением у подъема на Самкару.

Ана, поддавшись чувству толпы, привлеченной срывающимися на звон объявлениями с перрона, тоже полезла вверх по лестнице, но ее быстро оттеснили вниз, грубо столкнули со ступенек, и она чуть не упала, едва успев ухватиться рукой за шаткие перила. Поезд, который, казалось, лишь на несколько мгновений задержался у забитого перрона, пронесся у нее над головой.

Ана попыталась пристроиться за массивным мужчиной, чтобы подняться под прикрытием его широкой спины, однако

Василий Воронков

уже на первых ступеньках тот резко нырнул куда-то в сторону, и ей пришлось сильно прижаться к перилам, почти согнуться у качающегося парапета, чтобы толпа вновь не столкнула ее вниз.

Поток людей не ослабевал, хотя последний поезд ушел уже несколько минут назад. Можно было подумать, что даже те, кто умудряется выбраться с перрона на площадь, возвращаются назад, чтобы снова влиться в безумную толчею у лестниц.

Ана стояла, обхватив руками перила, безнадежно ожидая, когда толпа, наконец, поредет, а потом сама спустилась вниз и укрылась в тени эстакады. Уже начинало припекать, и у Аны даже слиплись волосы на лбу от пота. Над ней пролетел еще один поезд, а потом вся линия затихла. От раскаленной эстакады исходил жар.

Ана вытерла рукой пот со лба. В это время она обычно уже была в вида-лая, где исправно работали десятки очистителей, а воздух был свежим и прохладным, как ночью после павана-ваари, чистого дождя. Ана только сейчас подумала, что она уже опаздывает на первый урок, и ее будут ждать дети.

Однако всю магистраль парализовало. Не звучали больше бессвязные объявления из громкоговорителей, не громыхали тяжелые составы.

Ана вернулась на лестницу и в этот раз смогла, наконец, подняться наверх, однако перрон по-прежнему был переполнен, и ее оттеснили в самый конец балкона. Ана понимала, что не скоро еще сможет уехать с Самкары, даже если восстановится обычный ритм следования поездов.

Толпа внизу, в одеждах ярких цветов, модных в этом сезоне, постепенно редела ближе к обступающим площадь абитинским башням. Дым все еще валил из незакрытого колодца. Полицейские не обращали на вывороченный люк никакого внимания и с неизменным упорством преследовали людей, прятавшихся от солнцепека в тени зданий, как будто нарочно сгоняя всех к стальным колоннам эстакады. Поездов не было видно даже вдалеке – ни в одну из сторон.

Над головой Аны захрипел серебристый громкоговоритель, и ровный металлический голос стал произносить угнетающую бессмыслицу, похожую на радиопередачу, разбудившую ее утром. Ана разобрала только «задерживается прибытие». По толпе прокатились недовольные крики.

Задерживается прибытие.

Ана почувствовала, как стоящие на перроне запахи – пота, мочи, жженой резины – начинают пробивать дыхательные фильтры в респираторной маске, и это зловоние с каждым вдохом пропитывает ее насквозь. Глаза у Аны снова начали слезиться.

– Задерживается прибытие, – механически настаивал голос. – Внимание сохраняет форму. Спокойствие выходит за линию ожидания.

Ана старалась не слушать неестественный голос, упорно, с металлическим звоном повторявший одно и то же, но бессмысленные слова преследовали ее, она не могла даже отойти от испорченного громкоговорителя из-за обступавших ее людей – хотелось зажать уши руками, навеки лишиться слуха, только бы избавиться от этого навязчивого раскатистого голоса.

Ана была уверена, что провела на перроне несколько часов, когда за сверкающим изломом эстакады показались огни поезда.

Она и в этот раз не смогла сесть в вагон, но зато ей удалось пробиться к самому краю перрона.

Спокойствие выходит за линию ожидания.

Ане хотелось только поскорее убраться с Самкары – она сама поражалась, с каким слепым упорством проталкивалась к поезду, в который ей так и не удалось попасть. Ее бесцеремонно отпихивали в сторону, несколько раз она чуть не упала, однако, с трудом сохраняя равновесие, продолжала пробиваться вперед.

– Интервал поезда в движении, – сообщил голос из громкоговорителя. – Сохраняйте спокойствие. Ожидание обретает контуры тишины.

Ана подумала, что, стоит ей уехать с Самкары, и невыносимое чувство губительного разлада, поразившего город с самого утра – как в мелодии, которую проигрывают наоборот, – наконец исчезнет. Весь этот день, наполовину сошедший с ума, станет точно таким же, как и сотни других дней до него.

– Сохраняйте тишину, – не успокаивался голос.

После очередного объявления, которое теперь заглушали голоса десятков людей, стоявших позади, Ана вдруг забеспокоилась, выключила ли она радио, когда выходила из дома, как будто работающий приемник мог кому-нибудь навредить.

Выключила.

Василий Воронков

Металлический голос за спиной неожиданной внятно произнес:

– Движение поездов восстановлено. – И затем снова: – Интервал поезда в движении. Важен переход в ожидание. Только сохранение тишины.

Вдалеке показался еще один состав.

Ана одной из первых оказалась в вагоне – толпа втокнула ее внутрь, едва лишь открылись двери – и даже успела занять свободное место у окна. Поезд пришел на Самкару почти пустым.

Двери после предупредительного гудка закрылись, и звенящий голос из громкоговорителя, изрыгавший бессмыслицу, остался там, на заполненном перроне. Солнце уже не пекло Ане голову. Никто не толкал ее. Она, наконец, могла отдохнуть.

Скоростной состав стремительно летел прочь от Самкары.

Кто-то приоткрыл окно в головной части вагона, и в образовавшийся проем хлестал ветер. Разговоры людей сливались в неразборчивое усыпляющее бормотание, звучала негромкая электрическая музыка с легкой примесью помех.

От Самкары Ана доехала до Келивана, а там пересела на другую линию, где уже не было такой давки. Новый поезд, только стоячее место – Ана держалась за высокий поручень, до которого едва доставала рукой – и быстрое, под ритмичную, похожую на марш музыку путешествие до Хоры через весь деловой район. После этого нужно было перейти на центральную магистраль, и там Ане снова пришлось пропускать поезда.

Ана сильно опоздала, однако больше всего она боялась не того, что дети ушли с урока или что ей сделают выговор за поздний приход. Ана представляла, как кто-нибудь из знакомых – Ила или Сад – попытается заговорить с ней, но она услышит лишь страшную бессмыслицу, навсегда утратив способность понимать человеческую речь.

Но в видая-лая было пусто и тихо.

Ана пересекла весь первый этаж, так никого и не встретив. Она вышла на лестничную клетку, стала подниматься вверх. Дверь класса, где по расписанию проходило ее занятие, оказалась приоткрыта. Ана заглянула внутрь. В классе никого не было.

Ана зашла и растерянно остановилась перед пустыми партами. Стулья были отодвинуты от парт, на полу валялись клочки исписанной бумаги.

Ана медленно прошлась по комнате. Потом закрыла дверь и села за учительский стол. Через несколько минут должна была уже прозвучать быстрая мелодия из трех нот, которая всегда извещала о конце урока.

Ана вспомнила, что забыла взять в учительской журнал, встала из-за стола, но остановилась, подумав, что ей не потребуется журнал, чтобы обучать пустой класс ихатра-вида. И тут она поняла, что до сих пор не сняла респираторную маску.

ВИМАУНА

Самый большой патман в городе был на южной окраине – там, где обрывалась недостроенная магистраль и начинался выжженный солнцем пустырь, одинаково безжизненный в любое время года. Именно в этом патмане и решили построить шахту для запуска первого в истории космического корабля.

О таком торжественном событии – первом шаге в освоении пустоты – неоднократно сообщали по радио, не уточняя, однако, время, когда должен был состояться полет. Все обычные полеты в тот день отменили, а на территорию патмана никого не пускали, но целые толпы зевак все равно с самого утра стояли у высоких тюремных заграждений, по которым проходил высоковольтный ток.

Ана тогда не пошла к врачу, отменила запланированную встречу, хотя чувствовала себя плохо, уколы ей не помогали, и по вечерам она мучалась от удушья. Ане нужно было увидеть запуск корабля, это представлялось ей настолько важным, что все остальное – обследование в кабинете у врача, направление на новый препарат для внутривенных уколов, тошнота и помутнение по утрам – могло подождать. Еще слушая новости по радио, Ана была уверена, что взлет Вимауны станет самым ярким впечатлением за всю ее жизнь и что этот день она точно никогда не сможет забыть, как забывала о многом, что тоже когда-то казалось ей значительным и важным.

В те дни, много лет назад, когда все врачи отводили Ане не больше года жизни, было на редкость пасмурно.

Грозовые тучи в жаркий сезон, стоявшие над раскаленным от пустынного пекла городом всю неделю, были чем-то противоестественным, нарушающим все законы природы. Бюро прогнозов

Василий Воронков

неуверенно предупреждало о мизрака-ваари и рекомендовало горожанам оставаться дома. Однако, вопреки немилосердным прогнозам, небо над портом было чистым и обморочно-синим – так, что начинала кружиться голова, если долго смотреть вверх.

Ана совсем не боялась дождя.

Впрочем, и других не останавливали настроенные предсказания синоптиков. Этот день был слишком важен, чтобы потерять все из-за такой мелочи, как мизрака-ваари, да и не все верили бюро прогнозов, которое ошибалось куда чаще, чем действительно предсказывало погоду. Ана думала, что если не увидит взлет Вимауны, то просто не доживет до начала следующего дня. Ей не помогут ни осмотр у врача, ни выписанные препараты, и вечерний приступ удушья станет для нее последним – весь обещанный год жизни промелькнет лишь за единое мгновение, закончится в тот самый миг, когда Вимауна оторвется от земли. По сравнению с этим отложенный визит к врачу и сомнительная угроза дождя были лишь незначительными неприятностями.

Ана и сама не понимала, почему ее так волнует этот полет.

Она забыла о нем на долгие годы, и лишь случайная передача, пойманная, когда она пыталась вечером настроить приемник, напомнила ей о корабле, о котором она мечтала еще в детстве, когда представляла его огромным, как самые высокие абитинские башни, способным пламенем из своих сопл накрыть облаком огня весь город. Но потом работы над Вимауной временно приостановили, и история о первом космическом корабле как-то подзабылась, стерлась в ее памяти. Ане даже начинало казаться, что она попросту выдумала Вимауну от одиночества.

Впервые Ана услышала о корабле еще в уннам-лая, в тихие, скованные молчанием вечера, когда она часами слушала монотонные официальные новости, сводки, котировки, бессмысленную статистику, разнообразные прогнозы и прямые включения с каких-нибудь отдаленных мест – в пучине песков или на другой стороне планеты, – о которых никто в уннам-лая даже не слышал. Тогда Вимауна представлялась Ане чем-то таким же мистическим и непостижимым, как нируттара, где не могут летать обычные корабли.

Ана думала, что Вимауна – это гигантский межзвездный ковчег, который строят для того, чтобы жители Дёзы улетели

сквозь бесконечную ночь вселенной в другие миры, где после дождей не умирает земля, а воздух такой чистый, что даже она сможет дышать без респираторной маски. Днем там часто бывает холодно, небо – всегда синее, а еще там нет никого песка, и вместо пустыни – обширные, до самого горизонта, поля, такого же упоительно-синего цвета, как и небо.

Приемник в уннам-лая постоянно хрипел, сбиваясь с нужной частоты, обрывая помехами тусклые голоса, как будто другая передача постоянно грубо врывается в эфир, и Ана часто не слышала и половины из того, что говорили. Незавершенные фразы, безотносительные названия, странные цифры, предназначение которых стирал похожий на ветер шум, лишали Ану сна, и она пыталась додумывать сама, мысленно вставляла пропущенные слова, завершала предложения, даже воображала таинственные места, названия которых слышала во время эфира.

Ана была уверена, что когда вырастет – если вырастет, – то обязательно полетит в другой мир на этом корабле. Когда ей кто-то сказал – должно быть, воспитательница, – что только люди без... – Ана не разобрала слово – могут летать на вахатах, даже тех, что поднимаются лишь в верхние слои атмосферы, она все равно была уверена. Никто не мог ее разубедить. Ведь об этом говорили по радио.

Только потом Ана узнала, что Вимауна – это беспилотный корабль, управляемый сложной вычислительной машиной, который пролетит через всю солнечную систему и сгорит в огне ближайшей звезды.

Прошло больше десяти лет, когда по радио вновь стали передавать о запуске корабля. Ана решила – просто проснувшись утром и делая себе укол, – что должна непременно увидеть это. Тогда еще не было новых лекарств, мучительно продлевавших жизнь, и Ана думала, что ей осталось совсем немного – в лучшем случае она увидит еще один жаркий сезон, еще два или три павана-ваари, после которых расцветает пустыня, а потом умрет от удушья во сне.

Полет Вимауны.

Ана повторяла эти слова как молитву, хотя и не особенно понимала тогда, зачем Вимауну отправляют в космос. Корабль

Василий Воронков

должен был пересечь солнечную систему, посылая на Дёзу закодированные сигналы, похожие, как почему-то казалось Ане, на завывание помех, которые будет принимать специально построенная за городской чертой радиостанция. А потом Вимауна отправится к солнцу и сгорит в его огне. По радио это объясняли тем, что корабль все равно не сможет развить какую-то особенную скорость, необходимую для того, чтобы вырваться из притяжения системы. Однако Ана упорно считала, что в этой запланированной гибели корабля сокрыт особенный, мистический смысл.

Она пыталась как можно больше узнать о Вимауне, хотя в новостях не особенно уделяли внимание деталям. В итоге Ана так и не поняла, что за сообщения корабль будет посылать из пустоты, но это совсем не мешало ей с нетерпением ждать дня полета. Ей хотелось иметь какую-то цель, ради которой она могла бы терпеть приступы и постоянную тошноту от лекарств. Пусть даже это был совсем не тот корабль, о котором она мечтала в детстве.

В день запуска Вимауны Ана поехала в загородный патман еще ранним утром, взяв с собой лишь керамическую кружку с заваренным сладким супом и бутылку воды. Она боялась, что может пропустить взлет, что его перенесут из-за обещанного дождя – ведь точное время запуска так и не сообщили.

Скоростной поезд довез Ану до самой последней станции, от которой она долго шла пешком, задыхаясь от грозовой жары, а потом весь день, до позднего вечера, когда даже пасмурные облака стали незаметны на фоне сумеречного неба, провела у высокого заграждения, ожидая запуска корабля.

В пригороде, где располагался патман, стоял сладковатый запах гнили, который приносило ветром с заброшенных свалок. Ана ощущала эту стойкую тошнотворную вонь даже через фильтры респираторной маски – или, по крайней мере, ей так казалось.

Постепенно у заграждений собралась целая толпа.

Люди приходили, чтобы, как и Ана, посмотреть на взлет корабля, о котором последние дни так взволнованно говорили по радио, однако на территорию патмана, давно уже закрытого для обычных полетов, никого не пускали. Недовольные зеваки шумно толпились у электрической ограды, пытаясь разглядеть то, что

происходит в порту. Сам корабль, поднимавшийся из глубокой ракетной шахты, был похож на высокую стелу, выточенную из цельного камня, или на абитинскую башню с длинной конической крышей, которую венчал тонкий, отводящий грозовые удары шпиль. Невозможно было поверить в то, что эта монолитная, вросшая в забетонированную площадку громадина способна подняться над землей; Вимауна больше напоминала гигантскую бутафорию, построенную, чтобы развлекать пришедший народ.

На пустыре у заграждений слышались разговоры, некоторые показательно возмущались, что их не пускают на территорию патмана. С Аной никто даже не пытался заговорить – ее сторонились, как заразной. Она стояла одна, чуть поодаль от остальных, и смотрела на возвышавшийся в утренней мгле корабль.

В то время урахксату диагностировали лишь у одного на тысячу, и увидеть человека в медицинской респираторной маске доводилось нечасто. Большинство людей спокойно переносили выжженный воздух Дёзы, но Ана могла дышать только благодаря этому уродливому устройству, закрывающему ей половину лица. Из-за маски голос ее становился тусклым и неживым, и она не узнавала саму себя. Резкий, обжигающий нёбо запах защитных фильтров лишал ее обоняния – Ана не различала ароматы духов, сладких напитков, даже растворимой еды из концентратов, которую продавали на площадях, – однако саднящую вонь со свалок или тяжелую гарь хагаты не мог остановить даже фильтр, и весь этот смрад смешивался с пронзительным запахом лекарств в респираторе, отравляя ей дыхание.

Ближе к вечеру, когда обещанный дождь так и не начался, у патмана стало совсемлюдно и шумно. Многие раскладывали свои вещи прямо на земле, расстилали цветные вылянившие тряпки, устраиваясь, как на пикнике. Появились даже приставучие торговцы, предлагавшие сушеный хлеб и воду в бутылках.

Ана сжимала в руке принесенную с собой бутылку из темного-зеленого стекла. Горло пересохло от жажды. Вчера она думала, что сможет быстро снять респираторную маску, задержать дыхание, сделать несколько глотков воды, однако руки у нее начинали трястись, когда она представляла, как будет стоять здесь с открытым лицом. Страх был сильнее жажды.

По-прежнему ничего не происходило.

Все собравшиеся уже устали от монотонного ожидания. Казалось, что Вимауна и правда вмурована в глубокий ракетный колодец и никогда не взлетит. В порту было пусто и тихо, как будто запуск давно отменили, но не удосужились об этом сообщить.

Ана закрыла глаза и попыталась представить, как двигатели корабля, сокрытые в шахте, изрыгают кипящий огонь, от которого плавится камень, площадку вдалеке затягивает черным тяжелым дымом, земля под ногами сотрясается так, что начинаешь терять равновесие, а потом из ракетного колодца вырываются с электрическим треском огромные молнии, корпус Вимауны вздрагивает и уже через мгновение взвивается в небо.

У пожилой женщины, которая расположилась неподалеку от Аны, оказалось переносное радио – редкое и дорогое по тем временам устройство, – и, долго мучаясь с настройкой частоты, вращая в разные стороны слегка погнутый обруч приемной антенны, та, наконец, смогла поймать неустойчивую волну, по которой рассказывали о готовящемся запуске Вимауны.

Люди вокруг оживились.

Ана сидела на земле, подстелив под себя куртку, наблюдая за неподвижным изваянием корабля. Рядом с Вимауной появились люди в унылых робах. Они бегали по взлетной площадке между кораблем и кубическими зданиями патмана. Вокруг Вимауны вспыхивали красные огоньки.

Ведущий безымянной передачи торжественным голосом говорил:

– ...самый значительный и смелый проект по исследованию космоса. Сложно даже представить, каких...

Голос смешивался с помехами, и пожилая женщина снова начала крутить непокорную антенну. Передача на несколько секунд пропала, и был слышен только громкий отрывистый треск. Когда соседка Аны смогла, наконец, настроить приемник, голос стал тише, словно ведущий говорил благоговейным шепотом, восторгаясь величием корабля:

– Хотя многие считали, что такой полет в принципе невозможен, и даже ученые были долгие годы уверены в том, что с нашим уровнем технологий не представляется возможным построить летательный аппарат, который сможет преодолеть гравитационное поле Дёзы...

Серые тени людей за оградой скрылись в невысоком одноэтажном строении, и взлетная полоса вновь опустела, однако сигнальные маяки мигали теперь ярче и чаще.

– В отличие от вахатов, – доносилось из приемника, – преодолевающих зону молчания, поднимаясь в верхние слои атмосферы, которые называются, так же, как и зона пустыни, поясом ветров, двигатели Вимауны обладают достаточной... вырваться из пояса ветров... преодолеть... молчания...

Прием резко ухудшился, пожилая женщина покрутила антенну, однако это не помогло.

– Трудовой подвиг... – продолжал ведущий, которого бесцеремонно перебивал хрип неисправной радиолы. – Чем было доказано, что перед... не устоит даже непокорный...

Вокруг Вимауны что-то засверкало – свет, поднимавшийся из недр взлетной шахты, ярко освещал металлический корпус корабля. Ана не понимала, что происходит. Кто-то из стоявших позади предположил, что начинается прогрев двигателей.

Одна из вспышек была особенно яркой, и Ана отвела глаза. Когда она вновь посмотрела на Вимауну, то над взлетной площадкой уже тянулся черный дым. Это так взволновало собравшихся, что гомон толпы на время заглушил радиотрансляцию. Пожилая женщина опять что-то сделала с антенной, и голос ведущего зазвучал громче:

– Лучшие инженеры долгие годы... не покладая рук... над этим проектом. В конструкции корабля впервые были применены...

Передача растворилась в ряби помех, а когда голос, окрепнув, наконец заглушил протяжное шипение и треск, то ведущий говорил уже о чем-то другом:

– ...антенна, самая большая из когда-либо построенных человеком. Ее размер превышает суммарные размеры...

Маячки на взлетной площадке на несколько секунд погасли, а потом стали мигать еще чаще, как аварийные сигналы – вспыхивая сначала у ракетного колодца, а затем все дальше и дальше, расширяя радиус, расходясь широкой волной.

– ...специальная приемная станция, которая начнет работу сразу после... – Снова шум помех. – ...и будет получать от корабля...

Свет в шахте погас, а последовательность световых сигналов вновь изменилась. Было совершенно непонятно, что происходит в патмане – дым рассеялся, вокруг корабля опять

Василий Воронков

начали сновать едва различимые фигурки людей в серых робах, а Вимауна по-прежнему неподвижно возвышалась над взлетной площадкой. На серебристом корпусе корабля мелькали стремительные отблески от сигнальных огней.

Диктор по радио продолжал увлеченно говорить о подвиге инженеров, работавших над Вимауной, и о громадной значимости этого дня для истории. Многие были так взволнованы, что наверняка давно бы полезли через ограду, если бы не ток.

– План полета был просчитан... – продолжал голос по радио, с трудом различимый в бессвязном шуме помех. – ...сразу же после выхода из атмосферы двигателя Вимауны, самые мощные из когда-либо...

Пожилая женщина подняла радио головой, надеясь, что это улучшит качество сигнала.

– ...придадут ускорение в... превышающее силу тяготения Дёзы...

Голос диктора почти слился с глухим шероховатым шипением.

– ...гравитационного колодца...

Ана заметила, как у пожилой женщины начали дрожать руки.

– ...отключиться навсегда.

Точное время взлета было неизвестно, и по радио никак не комментировали происходящее в порту. Казалось, ведущий и сам ничего не знает, а лишь пытается зачем-то тянуть время, рассказывая, в который раз, об устройстве корабля.

Внезапно в ракетной шахте что-то вспыхнуло, и всю взлетную полосу вновь затянуло густым дымом – исчезли даже сверкающие красные огни.

Ана подумала, что это не может быть обычной предполетной проверкой. Наверняка у тех людей за оградой, пытающихся оживить огнедышащую громадину, что-то не ладится, и огромные двигатели Вимауны, самые мощные из когда-либо построенных человеком, сбоят, захлебываясь огнем.

Однако диктор невозмутимо продолжал:

– Особый код, над которым работали лучшие... специальная последовательность сигналов, в которых важна как тональность, так и... Это послание из... которое... сквозь... будет услышано... изменит навсегда...

Пожилая женщина устала держать приемник над головой – к тому же, это совсем не помогало, – и опустила его на землю. Голос вздрогнул, а затем громко и удивительно четко заговорил:

– Хотя многие считали, что такой полет невозможен...

Передача пошла по второму кругу, с самого начала.

На небе сгущались облака – было действительно похоже на то, что вскоре может начаться дождь, мизрака-ваари.

Прошло несколько часов.

Уже смеркалось. Ана теперь не чувствовала жажды – лишь странную сухую горечь во рту. Двигатели корабля по-прежнему включались со строгой периодичностью, озаряя пустырь и угловатые строения патмана похожими на молнии вспышками, окутывая взлетную полосу черным тяжелым дымом, который ветер относил в сторону ограждений.

Люди начали расходиться.

Пожилая женщина попыталась настроить свой приемник на другую волну, но прямого включения нигде не было – только помехи, музыка или все та же передача, в которой рассказывали о священной миссии корабля, точно так же, до единого слова, как и несколько часов назад. Низкие облака, затянувшие вечернее небо, не предвещали ничего хорошего, однако уйти Ана не могла.

Пожилая женщина что-то сказала, взмахнула рукой и медленно побрела в сторону хагаты, обхватив, точно ребенка, свой истошно хрипящий приемник. Ана с тоской посмотрела ей вслед. Торжественный голос ведущего, в который раз сообщавшего о вкладе в освоение космоса, беспомощно бледнел и отдалялся.

Толпа у ограждений изрядно поредела и затихла.

Говорить уже было не о чем. Никто теперь не надеялся увидеть хоть что-нибудь, кроме дыма и сигнальных огней. Люди просто не решались уйти, простояв у электрических заграждений весь день.

Когда в очередной раз из шахты взвились молнии, никто не придал этому особого значения.

Люди стояли со скучающим видом, просто дожидаясь определенного часа, когда уже можно будет, наконец, вернуться домой, а потом рассказывать всем знакомым о неоправданных надеждах, о космическом корабле, который не смог даже подняться над землей.

И тут по всей округе, резко нарушая усталое молчание, разнеслась оглушительная сирена. На взлетной площадке разом загорелись все сигнальные огни. Двигатели Вимауны продолжали работать, весь корпус корабля окутывала дрожащая дымка расплавленного воздуха.

Через несколько секунд сирена оборвалась, но откуда-то снизу, из черной горловины взлетного колодца, начал подниматься ровный нарастающий рокот, от которого – в точности, как представляла Ана – задрожала уложенная бетонными глыбами земля. Мужчина рядом с Анной восторженно прокричал что-то на гали, и этот радостный возглас показался ей неуместным и даже кощунственным, когда все вокруг сотрясало от страшного рева ожившего корабля.

Чудовищные раскаты двигателей продолжали усиливаться, и гарь от выхлопов застила уже весь патман.

Ана не могла поверить в то, что это действительно происходит, что тот корабль, о котором она мечтала еще в детстве, сейчас поднимется в облаке огня над землей, сжигая темный вечерний воздух, рассекая пасмурные облака.

Она стояла, не двигаясь – застыв от ужаса.

Земля под ногами дрогнула, и Ана чуть не упала, беспомощно всплеснув руками. Рев от двигателей стал настолько сильным, что вызывал почти физическую боль. Из взлетной шахты в небо взметнулись полосы огня, и черная гарь заволокла собой весь корабль.

Люди у заграждения напряженно всматривались в клубящийся дым, но в следующее мгновение корабль уже показался высоко над землей, рассекая в ореоле пламени вечернее небо, которое теперь стало багровым, охваченным огнем.

Вимауна поднималась ввысь по странной изогнутой траектории, оставляя после себя след из черного дыма. Корабль быстро превращался в сверкающую точку, а вскоре и вовсе исчез в беззвездной пустоте.

Люди еще долго стояли у заграждений даже после того, как скрылся корабль и погасло небо. Радио ни у кого не было. Все молчали. Только потом, когда даже обжигающая гарь от выхлопов развеялась, а сгустившаяся темнота напомнила о приближении ночи, все медленно побрели в сторону хагаты.

Ана уже направлялась к станции, когда над ее головой что-то вспыхнуло, и черный след стремительно протянулся от пасмурных облаков к сумрачному, почти черному горизонту, разделявшему небо и ночные пески.

Кто-то громко охнул, послышались крики.

Дым неподвижно висел в воздухе, словно вся атмосфера была насквозь прожжена двигателями падающего корабля. Через секунду, где-то совсем далеко, за барханами, поднялся высокий столб огня, и до Аны донеслись тяжелые, разрывающие барабанные перепонки раскаты, после которых она на несколько мгновений потеряла слух.

В патмане загорелись аварийные огни. Люди в комбинезонах выбежали на взлетную площадку. Взвились в небо ревущие виманы.

Ана несколько минут смотрела на висящее в воздухе облако песка. Можно было подумать, что начинается песчаная буря, которая совсем скоро накроет весь город.

Дома, едва успев утолить жажду, Ана сразу же включила приемник, однако о крушении Вимауны ничего не передавали – была лишь усыпляющая музыка, малозначительные новости и треск помех, как если бы ничего не произошло, ни взлета, ни падения – просто подошел к концу обычный будний день.

Ана почти час сидела напротив приемника.

Руки у нее тряслись. Глаза слипались от усталости. Дышать было тяжело. Наконец она не выдержала и, оставив радио на той волне, по которой обычно передавали экстренные новости, легла в постель.

Однако она все равно не могла уснуть.

Когда, наконец, Ана стала проваливаться в сон, радио громко заскрежетало, раздалась примитивная, похожая на аварийный сигнал мелодия, которая всегда предшествовала срочному выпуску новостей, и ровный, ужасающе спокойный голос произнес...

КАРТА ГОРОДА

По радио в учительской передавали статистику по респираторным заболеваниям.

Василий Воронков

По заверениям ведущего, процент умерших от респираторных заболеваний в этом году сократился на одну целую и три десятых процента, тогда как, к примеру, количество погибших от несчастных случаев в хагате увеличилось почти на три процента. Более того, настаивал ведущий, общее количество погибших в результате несчастных случаев значительно превышает количество умерших от респираторных заболеваний.

Все это говорилось таким тоном, как если бы ведущий общал долгожданную радостную новость, часто вздыхая от волнения. Ана подумала, что еще ни разу не была свидетельницей несчастного случая в хагате, но все чаще и чаще видит людей в респираторных масках.

В учительской было прохладно.

Приятно шелестел на стене большой промышленный дхав, однако лицо у Сада все равно покраснелось, а на лбу даже выступили капельки пота.

Сад вытер тыльной стороной ладони лоб и стал расстегивать воротник рубашки.

– А о вчерашнем ни слова... – сказал он.

Сад раздраженно посмотрел на приемник.

– А много пришло? – спросила Ана.

– Да нет, – Сад кашлянул. – Трое или... четверо. И это со всех классов.

– Родители, наверное, не отпустили? Надо было позвонить, я с утра ничего не соображала.

Сад махнул рукой.

– Когда последний раз было такое? – сказал он. – Я их понимаю... Да ладно дети, из учителей с утра одна Ила была да я... В общем, не знаю... – Сад снова потер ладонью лоб. – Из управы до сих пор никаких распоряжений. Все как обычно.

– А ты уверен, что вечерние придут?

Сад ничего не ответил и лишь покачал головой. Вечерними называли подготовительную группу, в которую записывали детей, не успевавших по каким-либо предметам. Ана вела у вечерников ихатру-вида.

– Я переключу? – спросил Сад.

Ана кивнула головой. Сад поднялся с кресла, заскрипевшего, освободившись от его веса, и подошел к приемнику. Радио

зашипело. Сад быстро крутил ручку регулятора, пытаясь поймать нужную волну. Наконец послышался ровный, хорошо поставленный голос. Сад удовлетворенно хмыкнул, присел на край стола и стал аккуратно поворачивать регулятор, стараясь избавиться от шипения.

– ...вчерашнем гулянии собралось почти две тысячи человек, – торжественно сообщил ведущий. – Это самое большое...

– Драапа! – выругался Сад. – Они совсем уже...

Он попытался вернуть радио на частоту, по которой передавали о респираторных заболеваниях, но не нашел ничего, кроме помех, и раздраженно выключил приемник, шелкнув тумблером на крышке.

– Ничего не понимаю, – сказал Сад, повернувшись к Ане. – Как будто вчерашние новости весь день крутят.

– Да уж, – согласилась Ана.

– Говорят, в этом районе какие-то проблемы с подстанцией, – сказал Сад. – В некоторых зданиях даже отключался на время свет...

Сад встал со стола и прошелся по комнате. Широкое окно в учительской было плотно затянуто шторами – комната находилась в восточном крыле здания, и днем ее выжигало яркое солнце.

Раздался пронзительный скрип – Сад снова уселся в свое расшатанное кресло.

– Ты бы и правда лучше позвонила, – сказал Сад. – Отменили бы твоих вечерников... Не представляю, как ты добиралась.

– Ну лучший, конечно... – начала Ана.

Ей вдруг стало тяжело говорить – каждое произнесенное слово давалось с трудом, а горло воспалилось так сильно, что, казалось, скоро начнет кровоточить. Давно ей не было так плохо после утреннего укола. Обычно это означало, что пора снова идти к врачу, за новым рецептом.

– Я... отойду... – сказала Ана.

Она встала, в глазах у нее потемнело, и она крепко ухватилась рукой за спинку стула.

– С тобой все в порядке? – спросил Сад.

Ана кивнула. Потом медленно, стараясь не показывать вида – ей не хотелось, чтобы Сад о чем-нибудь догадался – подошла к двери и вышла в коридор.

Василий Воронков

В коридоре стоял легкий приятный сумрак – половина потолочных ламп не горели, а единственное окно вдалеке было загорожено старым массивным шкафом, который кто-то вытащил из класса. Ана шла, касаясь одной рукой стены, как слепая. Дышалось в коридоре уже не так легко, как в учительской – воздух был спертый, пах пылью.

Ана почувствовала слабость в ногах. Она остановилась и несколько раз глубоко вдохнула, по-прежнему опираясь рукой о стену. Одна из круглых ламп у нее над головой несколько раз мигнула с противным сухим треском.

Ана пошла дальше.

В туалете было светло и прохладно, однако все портил въедливый запах нечистот. Ана открыла кран и подставила под kloкочущую струю воды руки. Потом несколько раз промыла лицо. У нее закружилась голова, она испуганно схватилась за раковину, руки предательски заскользили по влажной поверхности, но головокружение быстро прошло.

Ана вдохнула и посмотрела на себя в зеркало.

Из-за желтоватого освещения в туалете лицо ее выглядело выцветшим и уставшим. Следы от зажимов респираторной маски – вокруг носа и у висков – сильно покраснели. Ана потерла воспаления пальцем. Кожа в этих местах истончилась и отзывалась болью даже на легкое касание.

Из коридора послышалась странная ритмичная музыка.

Отрывистые сбивчивые удары – как будто кто-то отсчитывал колебания воздуха – сменялись незаметным струнным переливом, напоминавшим журчание воды.

Ана с любопытством вышла в коридор, но там по-прежнему никого не было. Все так же горели заплывшие грязью газовые лампы на потолке, двери в классные комнаты были закрыты, обшарпанный шкаф загораживал единственное окно, оставляя лишь тонкую полоску света.

Ритм мелодии ускорялся.

Теперь это больше походило на неровный сердечный пульс страдающего от одышки больного. Ана уже не держалась рукой за стену. Она шла, оглядываясь по сторонам, а музыка то затихала, то становилась громче.

У прохода на лестничную площадку она столкнулась с Илой.
– О! – выдохнула Ила. – Ты меня напугала!

Ана хотела что-то сказать, но лишь виновато улыбнулась в ответ.

Они вместе зашли в учительскую. Сад снова колдовал над приемником. Увидев Илу, он распрямился.

– А вот и наша героиня! – сказал Сад.

– Да ладно, – махнула рукой Ила. – Я просто живу неподалеку. Представь, каково ей было добираться.

– Это да, – кивнул головой Сад. – Тебе как... лучше? – спросил он, обращаясь к Ане.

– Да. Все хорошо, – сказала Ана.

– Кстати, новый звонок просто отличный! – усмехнулась Ила. – Я, правда, все никак не пойму, что это урок кончается...

– Привыкнешь, – ответил Сад. – Уж получше, чем раньше. Как сирена аварийная. Сегодня это было бы явно...

Он не договорил.

Радио, убавленное почти на нет, тихо шипело на столе. Сад вернулся в свое кресло, и затертая спинка со скрипом прогнулась под его весом.

– Что-нибудь передавали? – спросила Ила.

– Да др... – Сад с трудом удержался, чтобы не выругаться. – Даже не спрашивай. Весь день какую-то ерунду крутят.

– Понятно, – сказала Ила.

Она присела рядом с приемником, который продолжал сдавленно шипеть, и коснулась рукой регулятора частоты. Толстая красная стрелка на длинном табло, похожем на логарифмическую линейку, неохотно сдвинулась.

– Бесполезно, – сказал Сад. – Лучше просто выключи его.

Ила кивнула головой.

– А у меня только что был рекорд посещаемости, – сказала она. – Целых пять человек.

– Ну, пять человек... – сказал Сад. – Вообще на сегодня это и правда рекорд.

Ила улыбнулась, задумавшись о чем-то.

– А пойдем в самад, – предложила она.

– Идите, – махнул рукой Сад. – Меня сегодня мутит от одной мысли о еде.

Самад – большое квадратное помещение с раскрашенными в разные цвета стенами – располагался на подземном этаже,

Василий Воронков

и Ила нередко шутила, а может, и говорила всерьез, с ней не всегда было понятно, что эта размалеванная столовая является по совместительству еще и гатикой, противоздушным убежищем. Солнечный свет в самаде круглосуточно заменяло электричество, а вместо окон на стенах были картины с похожими на ставни рамами, изображающими то неправдоподобно звездную ночь, то хмурый облачный рассвет.

Обычно в середине дня в самаде толпились дети, гремела посуда, играла музыка, заглушая голоса людей, и у Аны нередко начинала болеть голова от всего этого шума. Теперь же они сидели одни – лишь уборщик зашел на несколько минут, передвинул пару стульев, забрал непонятно откуда взявшийся пустой поднос и удалился в подсобку. Дежурный, стоявший на раздаче, когда они зашли, долго причитал о том, что все приготовленное на сегодня испортится к вечеру, а потом тоже удалился в подсобку.

Они сидели у стены, рядом с картиной, изображающей закат над дюнами – песок был похож на пепел, а небо, меняющее оттенок с темно-серого на масляно-красный, напоминало зарево от костровища.

– Диковатое место, – сказала Ила, – когда здесь никого нет.

– Да, как будто мы здесь совсем одни, – сказала Ана. – Точно тревогу объявили.

– Это недалеко от правды, – усмехнулась Ила. – Я не про тревогу, а...

– Да, я поняла, – сказала Ана.

– Даже не представляю, каково тебе было, – сказала Ила. – Ты ведь через Самкару ехала? Утром говорили о том, что там творится, пока не начался этот... заговор замалчивания. А раз уж сообщали в новостях...

– Я, честно, так и не поняла, что произошло, – сказала Ана. – Какие-то линии перестали работать? Утром меня не пустили на Нивартан.

– Какие-то... – хмыкнула Ила. – Да почти все северные!

Она замолчала, вспомнив о своем расавати – заправка уже начала густеть и стала похожа на глазурь.

– Удачно упал, – сказала Ила. – Там ведь даже несколько крупных обломков было вроде бы? И все на севере... Да, такого, по-моему, еще никогда не случалось.

Ана вдруг поняла, что так и не рассказала никому о том, что видела вчера.

– А ведь это не так далеко от тебя было, – задумчиво произнесла Ила.

– Да, я видела ночью, – сказала Ана. – Как раз когда собиралась идти спать.

– И ты молчишь об этом все время! – воскликнула Ила.

Из динамиков стала играть музыка, но быстро затихла – кто-то в подсобке игрался с приемником. Дежурный ненадолго вышел к пустым стойкам, а потом вернулся обратно. Видно было, что ему нечем себя занять.

– Кошмар! – покачала головой Ила. – Я бы, наверное...

– Да нет, ты знаешь, все как во сне было, – сказала Ана. – Хотя, может, это потому что я сонная была.

– Кошмар...

– Интересно, а случалось ли подобное хоть когда-нибудь... чтобы без предупреждения...

– Ты думаешь, у них это в первый раз? – усмехнулась Ила.

Она продолжала говорить, возмущаясь тем, что половина города теперь обесточена, на оставшихся линиях творится ад, а по радио продолжают крутить увеселительные передачи.

Наконец Ила отодвинула от себя тарелку с недоеденным расавати.

– Не знаю, но я бы наверняка страшно перепугалась, – сказала она. – Ведь он мог и на твоей улице упасть.

Ана нахмурилась – она даже и не думала об этом. Но сейчас эта мысль совсем не вызывала у нее страха. Все уже произошло, ничего нельзя изменить.

Ане вдруг показалось, что в самаде стало темнее, чем раньше. Длинные газовые лампы, установленные в карнизах – там, где стены переходили в потолок – горели теперь совсем тускло, как будто наступали медленные подземные сумерки.

– Меня больше пугает, как я поеду обратно, – сказала Ана. – Опять через Самкару?

Ила вздохнула и покачала головой.

– погоди, – сказала она. – Наверняка же можно как-нибудь по-другому... Рядом с тобой Нивартан, верно?

– Ну да, – сказала Ана.

Василий Воронков

– А у тебя случайно нет с собой карты? Давай посмотрим.

Ана запустила руку в карман. Свернутая вчетверо, с растрепанными краями, схема линий – та самая, которую оставил ей Нив – действительно лежала там. Она и сама не помнила, как взяла ее сегодня с собой.

– Так...

Ила нахмурилась, изучая переплетения транспортных путей.

– Да, можно ведь, наверное, и так, или... Вот, смотри, – сказала она, повернувшись к Ане, – можно проехать здесь, – Ила провела пальцем по схеме, – и к дому тебя выведет уже эта линия.

Ана недоверчиво посмотрела на темно-красную полосу, на которую Ила указывала пальцем.

– Ты приедешь на Гарни. Это все же ближе, чем Самкара.

– Гарни? – спросила Ана.

Она никак не могла вспомнить, когда в последний раз ездила куда-нибудь через Гарни, хотя станция была лишь в паре кварталов от ее дома.

– Так, конечно, получается длиннее, – сказала Ила. – И, сама понимаешь, никаких гарантий. Но можно попробовать.

– Не знаю, – вздохнула Ана. – Я не уверена, что вообще когда-то ездила по этой линии. К тому же там тоже может быть давка. Да и я наверняка запутаюсь. Ты же знаешь, как я...

– Да ладно, как тут можно запутаться. Сядишься на поезд, едешь до нужной станции, пересаживаешься на другую линию. Потом повторяешь все с самого начала. И так до тех пор, пока не окажешься дома.

– Угу, – сказала Ана.

У нее совсем не было настроения шутить.

– Вообще, если ты боишься давки, – улыбнулась Ила, – то ехать тоже можно... не самым прямым путем. В принципе вполне можно догадаться, на каких станциях будут толпы.

– И проехать зигзагами через весь город, – сказала Ана.

– Не так все плохо. – Ила качнула рукой и вновь развернула перед собой затертую карту. – Вот здесь, например. Прямо перевалочный пункт для нескольких линий. Ясно, что сюда лучше не соваться.

Ила покрутила карту перед собой, как будто маршрут мог измениться в зависимости от того, под каким углом на нее смотреть. Потом она подняла глаза на Ану.

– А знаешь, давай попробуем, – сказала она. – Вполне может получиться.

Ила достала из кармана ручку и стала что-то чертить на карте, прямо поверх пометок, оставленных Нивом. Ана дернулась, пытаясь остановить ее, но Ила лишь взмахнула рукой и подовинула схему поближе к себе.

– Погоди, погоди, – сказала она. – Мне кажется, я знаю...

– Но эта карта... – начала Ана.

– Старая? Ну, да вроде давно ничего не менялось. Мне кажется, здесь все верно.

Ана качнула головой. В конце концов это просто карта. Старая схема транспортных линий, которую она уже несколько лет носит с собой.

Ила хмурилась, пристально разглядывая схематичные переплетения путей. Она сделала несколько пометок, а потом остановилась.

– Интересно, а какой здесь масштаб... – проговорила она.

Наконец Ила закончила рассчитывать маршрут и показала карту.

– По-моему, это безумие, – сказала Ана.

– Может быть, – рассмеялась Ила. – Утром я бы, наверное, так ехать все же не решилась. Ты и без того постоянно опаздываешь. А вот после работы вполне можно попробовать. Вряд ли это хуже, чем на станциях толкаться. – Ила посмотрела на свои наручные часы. – Ну, или задерживайся здесь подольше. Помогай вон программы составлять. Сад наверняка обрадуется.

– Только вместе с тобой, – сказала Ана.

– Да, можно как-нибудь, – согласилась Ила. – Надо будет только мужа предупредить, чтобы ночью меня не ждал.

Они рассмеялись. Ила снова посмотрела на часы.

– Ну что, пойдём, – сказала она. – А то Сад там, наверное, уже соскучился без нас.

Они уже выходили из саада, когда Ана поняла, что оставила на столе карту. Она вернулась. Схема линий лежала рядом с тарелкой расавати, аляповатые стрелки, нарисованные Илой, пересекали, точно вычеркивая, надписи, выведенные рукой Нива.

– Точное количество погибших не известно. Спасательные работы ведутся до сих пор. Людей достают из под завалов. Один

Василий Воронков

из взрывов практически целиком разрушил многоквартирное здание. Также выведен из строя участок транспортной сети протяженностью в...

Сад стоял перед приемником, упершись руками о стол, и время от времени покачивал головой. Лоб его был влажным от пота. Радио ближе к вечеру стало работать хуже, и диктора заглушали помехи, из-за которых казалось, что тот сбивается от волнения, проглатывая целые слова.

– Спасатели считают, что много выживших может до сих пор находиться под развалинами. Они будут... всю ночь...

– Да что с ним сегодня! – Сад хлопнул рукой по крышке приемника, но помехи стали только сильнее.

– Последнее время вечерами часто бывает так, – сказала Ана. Сад снова покачал головой.

Ведущий опять начал говорить о том, что подсчет погибших все еще производится, а спасательные бригады продолжают доставать из-под развалин выживших. Можно было подумать, что новости закончились раньше эфирного времени, и надо было заполнить чем-то пустоту между отчетом о трагедии и прогнозом погоды на завтрашний день.

Сад понял, что ничего полезного он уже не услышит, и отошел от приемника.

– Да, а по сути ничего и не сказали, – вздохнул он.

Ана молчала, глядя на работающее радио. Ей почему-то хотелось убавить звук.

– Ладно, попробую добраться до дома, – сказала Ила, подходя к двери. – Надеюсь...

Она не договорила и вместо этого улыбнулась Ане, сидевшей рядом с приемником.

– До завтра, – сказала Ила.

Они попрощались. Ила вышла в коридор.

– У тебя вечерники через час? – уточнил Сад, когда они с Аной остались одни.

Ана кивнула.

– Надеюсь, не сорвется... Я звонил родителям, но...

Сад несколько минут нервно расхаживал по комнате, а потом как-то спешно выбежал в коридор, громко хлопнув дверью, наверное, вспомнив о чем-то важном, что нельзя было откладывать ни на секунду.

Настенные часы показывали приближение сумерек.

По радио заиграла музыка. Помехи усиливались, и голос певца тонул в отвратительном треске – казалось, его заглушает шум нарастающего пустынного ветра. У Аны от всей этой какофонии даже разболелась голова. Рука ее невольно потянулась к приемнику, и она выключила радио. На сегодня было достаточно новостей и помех.

Ей сразу стало легче.

Ана откинулась на спинку стула и вздохнула. Потолочная лампа на секунду мигнула и загорелась вновь, судорожно наливаясь желтоватым светом. Ана удивленно посмотрела на потолок. Опять перебои с электричеством? Она вспомнила, как Сад говорил что-то о проблемах на подстанции, но в новостях об этом ничего не сообщали. Впрочем, если проблемы и были, то вовсе не обязательно, что их вызвал вчерашний пожар. Может, просто во всем этом здании, построенном десятки лет назад, пришла в негодность старая электрическая сеть.

Лампа на потолке вновь начала мерцать – с тонким, чуть слышимым потрескиванием, как от закоротившей проводки. Ана потянулась к круглой металлической кнопке у двери – голая стена качнулась ей навстречу, шатко заскрипел стул – и выключила свет.

Стало темно настолько, что Ана даже вздрогнула от неожиданности. Плотное затянутое шторой окно совсем не пропускало свет. Поначалу Ана ничего не могла разглядеть. Комната была пустой. Все вокруг исчезло – радио, настенные часы, любимое кресло Сада. Однако Ана вскоре почувствовала себя лучше.

До занятия с вечерниками оставался почти час, и Ана подумала, что могла бы провести все это время вот так, одна, в наглухо закрытой комнате. Под дверью тихо бледнела невыразительная полоска света.

Ана закрыла глаза. Смотреть все равно было не на что.

Вскоре из-за двери послышались встревоженные голоса, топот ног, даже крики. Ана решила поначалу, что задремала, и непонятный шум ей только снится, однако гомон в коридоре усиливался. Полоски света под дверью больше не было. Ана потеряла глаза.

Раздался резкий, отдающийся в стенах грохот. Кто-то начал грубо распахивать все двери – из глубины коридора, неумолимо приближаясь к Ане.

Василий Воронков

Она испуганно вскочила.

Глаза ее так и не привыкли к темноте. Ана с трудом могла разглядеть даже очертания стен. Она неуверенно подалась вперед, пытаясь нащупать выключатель, вытянув, как слепая, руки. Нога ее задела за что-то, и Ана чуть не упала. Она уткнулась в стену и провела рукой по ее шершавой поверхности, но кнопка включения света исчезла. Ана попыталась перейти к другой стене, но вновь зацепилась за что-то – наверное, за выставленную ножку стула – и, на секунду потеряв равновесие, привалилась плечом к заскрипевшей двери. Ее рука уперлась в круглую металлическую ручку.

В коридоре было светлее.

Лампы на потолке не горели, но свет падал из открытых дверей, пробиваясь через перегородженное шкафом окно вдалеке. Однако больше всего Ану пугало то, что не было слышно привычного шипения дхаавов на стенах. Во всем здании отрубился ток. Ана тут же почувствовала, что воздух стал тяжелым и теплым. Каждый вздох вызывал ноющую боль в груди.

Сад появился в конце коридоре и, махнув Ане рукой, быстро засеменял ей на встречу.

– Линии гириазы работают, – сказал он, встав рядом с Аной. – Но это все... Драапа, хорошо хоть детей уже нет!

Лицо Сада совсем покраснелось.

– Что... что случилось? – с трудом произнесла Ана.

Дышать становилось все тяжелее – как будто из здания медленно выкачивали весь воздух.

– Подстанция, – ответил Сад. – Сегодня во всем районе были периодические отключения. Они говорили, что у нас все будет в порядке. Я и сам надеялся... но, увы...

– И долго так будет? Все дхаавы не работают...

– Да, все отключилось, – сказал Сад. – Мы полностью обесточены. Я звонил... обещают, что все должно наладиться через несколько минут. Но, драапа, днем они обещали, что все будет в порядке!

– Воздух... – пробормотала Ана.

Она невольно попятилась и уперлась спиной в стену.

– Что? – спросил Сад. – Электричества нет буквально несколько минут. Ты никак не можешь...

– Мне нужно выйти на улицу... Я...

Сад хотел что-то сказать, но промолчал. Ана медленно пошла, упираясь одной рукой о стену, хотя света в коридоре было достаточно. От волнения дышать стало еще тяжелее, Ана подумала, что у нее начинается приступ. Ноги задрожали, но она продолжала идти.

Впереди показался черный проем лестничной клетки.

Когда Ана спускалась по лестнице на первый этаж, осторожно переступая через ступеньки, раздался резкий отрывистый гудок, и над головой у нее загорелась газовая лампа.

Из группы в двенадцать человек на занятия пришла половина. Дети выглядели уставшими и невыспавшимися, хотя за окном уже стемнело, а на некоторых зданиях рядом с отключенной магистралью даже зажглись синие ночные фонари.

– Ну, кто из вас помнит, какие города располагаются на севере? – спросила Ана.

Класс молчал.

– Я даже подскажу, – сказала Ана, – самый ближний называется Северный...

– Бахис? – попытался угадать кто-то.

– Нет, – улыбнулась Ана. – И поднимай сначала руку в следующий раз, договорились?.. Ближайший к нам город называется Северный Магхаван. Вы, кстати, уже должны были хорошо это знать.

Ана подошла к доске и взяла мел.

– Что ж, – сказала она. – Начнем в таком случае с самого начала.

Ана стала рисовать на доске. Мел сыпался у нее в пальцах. Она вывела неровный овал, изображающий город, затем небольшой круг на юге – Северный Магхаван, – затем еще один круг к северо-востоку.

– Сугуру? – спросил один из мальчиков, сидевший на первой парте. – А какая линия взорвалась вчера?

Ана опешила.

– Вчера... ничего не взрывалось, – выдавила она из себя и сама не поняла, почему так сказала. – Просто некоторые линии на севере вышли из строя. Из-за этого сегодня и были проблемы. Но очень скоро линии заработают снова.

Мальчика не слишком удовлетворил ее ответ.

Василий Воронков

– Но отец мне говорил, что линии взорвались, – упрямо повторил он.

– Дети, – покачала головой Ана, – давайте сосредоточимся на уроке. Движение по северным линиям скоро возобновится. Я...

– А когда? – спросил мальчик.

Ана вздохнула.

– Дети, я не знаю, когда. Об этом наверняка в ближайшее время сообщат в новостях. А пока нам нужно подготовиться к пересдаче зачета... Ну, никто не вспомнил северные города?

Дети молчали. Ана повернулась к доске и продолжила выводить мелом круги.

– Итак, – продолжила Ана. – Ближайший к нам город – это Северный Магхаван. Он находится на расстоянии в пятьсот миль. Магхаван – небольшой город, и он строго на севере. Далее...

Ана зачем-то заштриховала мелом один из кругов.

– На северо-востоке находится Качханта. Это второй по удаленности город. Он находится от нас на расстоянии в тысячу сто миль. Третий город... Ну, неужели никто не вспомнит третий?

Ана повернулась к классу, однако подтянутых рук не было.

– Ну же, это совсем просто!

Никто не решался ответить. Ана подумала, что непросто будет подготовить их к пересдаче всего за несколько дней.

– Третий город называется Хапур, – Ана показала мелом на самый дальний кружок. – Хапур находится на расстоянии более четырехсот...

Ана отложила мел и потерла рукой глаза. Пальцы у нее были в меловой крошке, и она испачкала лицо. Кто-то хихикнул.

– Нет, извините, – сказала она. – Третий город – это Бахис. Его уже упоминали. Бахис – на северо-западе от нас, и до него более тысячи четырехсот миль.

Дети молчали. Ана стала искать в сумке платок, чтобы вытереть лицо.

– К северу от Бахиса... – продолжала она.

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

Ана поначалу хотела задержаться в видая-лая после занятий, переждать самые напряженные на транспортных линиях часы, однако побоялась, что в здании вновь могут отключить ток.

Она вышла из видая-лая одна.

Вечер встретил ее невыразительным небом и резким кислотным запахом, который издавали фильтры в респираторной маске. Вновь каждый вздох обжигал ее легкие.

В квартале за видая-лая былолюдно, но из-за парализованной эстакады, похожей на огромный каркас недостроенного здания, почему-то казалось, что весь город опустел.

Ана достала схему линий с пометками, нарисованными ее подругой, изучала их несколько секунд, а потом убрала схему в карман. Она не была готова к такому путешествию. Ей просто хотелось домой.

Ана направилась к ближайшей работающей линии, собираясь повторить свой утренний маршрут.

Первый же пришедший поезд оказался почти пустым, как ночью, перед началом часа тишины. Когда состав, дрогнув, тронулся и начал уверенно набираться скорость, Ана даже подумала, что едет в неправильном направлении.

Поезд летел над улицей необычно быстро. Ветер с хлопками и свистом бил в приоткрытые окна. Раскачивались пустые вагоны.

Вскоре поезд подошел к Хоре.

Ана спустилась с перрона, чтобы перейти на другую линию. С приближением ночи сильно похолодало, ветер усилился, и песчаная пыль под эстакадой летела в лицо. Фасады городских домов выглядели унылыми и серыми, потеряв свои краски с приближением сумерек. Улицы были неотличимы одна от другой.

Новая станция оказалась почти пустой, однако Ане пришлось ждать поезда куда дольше, чем утром.

Сначала на станции было лишь несколько человек – один стоял в плеве и говорил с кем-то по гииразе, а двое других ожидали поезд на перроне, – но постепенно собралась целая толпа. Люди начали шумно обсуждать, почему не приходит поезд. Ана слышала, как за ее спиной говорили, что якобы движение поездов по этой линии тоже прекращено.

Люди начинали нервничать.

Некоторые, устав от бессмысленного, как они считали, ожидания, куда-то уходили – а может, и просто спускались в плев, – но вместо них приходили другие. Ану удивляло то, что толпа постоянно пополняется, хотя многие и не выдерживают нервной

Василий Воронков

толкучки на перроне – не приходят же все эти люди с соседних линий, где тоже невозможно дожидаться поезда, словно во всем городе отключили ток.

Когда вдалеке засверкали огни прибывающего поезда, Ана вдруг поняла, что стоит на самом краю перрона, ей некуда отойти из-за плотной толпы за спиной, и ее сметут приехавшие на Хору люди.

Однако состав оказался пустым.

Поезд замер напротив перрона с закрытыми дверями. По громкоговорителям ничего не объявляли. В пустых вагонах горел ровный яркий свет, угловато вытягивались желтые отражения окон под ногами. Казалось, что этот призрачный состав совершает бессмысленный круговой объезд по всей эстакаде, не забирая с переполненных станций ни одного пассажира.

Люди на перроне уже начали волноваться. Ана тоже подумала, что из-за чьей-то ошибки поезд так и уедет с Хоры пустым. Кто-то ударил ладонью по закрытой двери. Послышались возмущенные крики.

Наконец раздался неприятный долгий гудок, и двери открылись. Ану втолкали в вагон, она споткнулась о порожек у двери и едва успела ухватиться за высокий пилон, подпиравший потолок.

В вагон набилось столько людей, что двери поначалу даже не могли закрыться. Потом кому-то прищемило полу длинной куртки. Вновь слышались недовольные крики. Ану пытались грубо оттеснить вглубь вагона, и она с трудом могла удержаться за пилон. Люди и правда были уверены, что следующего поезда придется ждать всю ночь.

Наконец все двери закрылись, и после очередного протяжного гудка поезд тронулся и начал быстро отдаляться от станции. В вагоне было трудно дышать, и Ана пожалела, что не осталась на перроне.

Руки у нее тряслись, лицо покрылось холодным потом, а маска больно врезалась в кожу. Легкие начинало сводить от боли. Это было похоже на начало приступа – вдалеке от дома, без Нива, в вагоне, полном людей.

Ана попыталась успокоиться.

Она просто устала. Поезд с головокружительной скоростью проносится над сверкающими улицами, с каждой секундой она

приближается к дому, и этот безумный день подходит, наконец, к концу.

Ана стояла, прижавшись к пилону.

Вагон передергивало, когда поезд начинал разгоняться или тормозить. Обжигающий запах фильтров в респираторной маске, который она обычно почти не замечала, стал вдруг невыносимым – как те странные, отравляющие дыхание препараты, вонь от которых стоит в отделениях для безнадежно больных. Ану подташнивало. Она подумала, что ее может вырвать прямо в маске, и руки ее потянулись к тугим зажимам на затылке. Что бы ей ни говорили, ей не может стать еще хуже – надо просто избавиться от этого отвратительного запаха, снять тяжелую липкую маску, которая сдавливает ей виски. Но потом Ана заметила, как на нее смотрят другие пассажиры – с каким-то тупым безучастным интересом, – и просто вытерла пот со лба.

Ей нужно было выходить только на Келиване, почти через дюжину остановок, а там пересесть на другую линию и доехать до Самкары, а потом...

Ана вышла на следующей остановке.

Она медленно спустилась в плев, присела на единственную свободную скамейку напротив гиразы и стала дышать – ровно, спокойно, медленно – едким кислотным запахом, который издавали фильтры в ее маске.

Кто-то входил и выходил. Широкие двери распахивались на темную улицу. Бесцветный вечер плавно превращался в непроницаемую ночь.

Ана закрыла глаза и откинулась на спинку скамейки. Голова людей стали приглушенными, затих грохот поездов. Ана плыла по немому безвоздушному пространству. Впервые за день она почувствовала себя хорошо. Вонь от фильтров перестала ее беспокоить, дышать было легко, тошнота прошла.

Над головой раздался пронзительный свист.

Ана вздрогнула и открыла глаза. Громкоговоритель у потолка, разразившийся надсадной какофонией, на секунду замолчал, захлебнувшись собственным ором, после чего послышался неприятный резонирующий голос – что-то о поездках, увеличенных интервалах и путях объезда. Ана не вслушивалась, боясь, что вновь, как и утром, перестанет понимать человеческую речь.

Она осмотрелась.

В плев-заале было не так уж и много людей. Видимо, все, кто хотел уехать, поднялись на перрон, чтобы с боем пробиваться в переполненные вагоны.

Невысокий мужчина разговаривал о чем-то с облаченным в утилитарно-красную форму охранником, который отвечал нехотя и недовольно, часто хмурился и покачивал головой. Женщина в длинной темной одежде сидела на скамье у стены и что-то медленно разворачивала, комкая в руках кусочки серебряистой фольги, а перед ней стоял мальчик, совсем маленький – вероятно, ее сын – и нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

– Даддхи, даддхи! – клянчил мальчик.

Возникало странное ощущение, что эти люди и не собираются никуда уезжать.

Ана вдруг подумала, что именно так она и представляла это раньше – сумерки, плев с сонными горожанами, чувство странной, сводящей с ума свободы, которую ощущаешь, когда уходишь, чтобы никогда не вернуться.

День, когда она уйдет от Нива, чтобы он не видел, как она умирает.

Где-то наверху послышалась сдавленная музыка, которую вскоре заглушил шум прибывающего состава, и через несколько минут беспорядочная толпа хлынула вниз по лестницам в плев.

Ана много раз представляла себе, как это будет.

Выписанные врачом препараты перестанут помогать, вызывая лишь головную боль и тошноту. Но она не пойдет за новым направлением – в очередную агада-лая, где воздух пропитан вонью лекарств, – понимая, что ей уже ничем не смогут помочь.

Она не сразу убедит себя в том, что это необходимо.

Она раз десять отложит свой неотвратимый уход, попытается придумать какой-нибудь повод, чтобы остаться с Нивом еще ненадолго, провести с ним последний выходной, последний вечер, последнее утро. Но дышать с каждым днем будет все труднее. Она уже не сможет скрывать приступы удушья. Нив начнет замечать ее страдания. И тогда она, наконец, решиться.

Она проснется ранним утром.

В их комнате, обращенной окном к рассвету, будет еще свежо после беззвездной ночи. Тихо, стараясь не разбудить Нива,

она сделает себе укол – самый последний и уже совершенно не нужный. Она будет чувствовать себя значительно лучше, чем обычно – в это тихое, с легким налетом пустынной пыли утро. Силы ненадолго вернутся к ней, дышать станет совсем легко.

Ана понимала, что не сможет – попрощаться с Нивом, послушать радио в последний раз, выпить горячего хараса, сделать себе сладкий суп на завтрак. Она представляла, как сложно ей будет бороться с желанием задержаться хотя бы на несколько минут, разбудить Нива, услышать его голос, почувствовать прикосновение его губ. Но она понимала, что стоит ему лишь сказать одно слово, коснуться ее руки, поймать ее взгляд, как она уже не сможет уйти.

Поэтому она просто спешно оденется, натянет на лицо свою уродливую маску и осторожно прикроет за собой дверь.

Вся улица покажется ей истошно-желтой, как на старом испорченном снимке. Ветер будет поднимать волны колючей пыли, как будто в городе начинается песчаная буря, и скоро все дома заметет песком.

Несмотря на ранний час, на станции окажетсялюдно и шумно.

День, сбившись с привычного ритма, начнется раньше положенного – загремят с металлическим звоном громкоговорители, извещая о прибытии бесчисленных поездов, заведет постоянно повторяющуюся песню радио, безуспешно пытаясь заглушить гул голосов. Из-за столпотворения на перроне Ане как обычно придется пропустить несколько поездов.

Наконец она с трудом протиснется в переполненный вагон, встанет у самых дверей и увидит, как до отвращения знакомый перрон с огромной вывеской «Нивартан» застынет на секунду в исцарапанном стекле, а потом вдруг унесется с пугающей скоростью прочь и исчезнет в солнечной вспышке. Состав будет раскачиваться, как воздушный корабль, летящий над выгоревшими улицами в потоках раскаленного ветра. Потом Ане внезапно покажется, что все вокруг говорят на языке, который она не знает, который она никак не может понять. Она закроет глаза, попытается сосредоточиться только на дыхании.

Выдох. Глубокий вдох. Запах кислоты в респираторной маске.

Постепенно – по мере того, как нарушающий законы тяготения поезд будет удаляться от ее дома – опустеют вагоны,

Василий Воронков

затихнут разговоры, люди перестанут заходить на станциях. Город в пыльных окнах станет почти неотличим от песков.

Ана проедет мимо вида-лая и выйдет через несколько остановок. Она переседет на другую линию, и новый поезд понесет ее дальше на юг. Потом она переседет снова.

Ана представляла, что у нее будет особый план – карта последнего пути, со стрелками, отмечающими направления, и похожими на узлы точками пересадок. Она нарочно попытается сделать свой последний путь как можно более запутанным и длинным, опасаясь, что Нив может поехать за ней вслед, или что она сама захочет вернуться.

И вот она уже садится на последнюю линию.

В вагонах теперь почти никого нет. Не слышно надоедливых разговоров. Несколько минут Ану окружает полная тишина.

Поезд плывет в безвоздушном пространстве.

Звук возвращается постепенно – Ана слышит чье-то дыхание, обрывок разговора, затем шипение в громкоговорителях над головой. Она находит себе свободное местечко у окна, однако ее начинают раздражать резкие отблески солнечного света. Солнце над раскрашенными домами кажется ей огромным и страшным, как в самом сердце пустыни. Весь воздух в городе пропитывает песчаная пыль. Музыка, играющая перед каждой станцией, напоминает заунывные, лишенные мелодий песни, которые она слушала по радио в детстве, когда жила у границы песков.

Потом поезд придет на конечную.

Ана представляла, как спустится в плев, сядет на скамью и закроет глаза. Долгий путь утомит ее, наверняка она будет задыхаться от усталости. И тогда она снимет респираторную маску – здесь, на конечной, маска будет уже не нужна.

Ана много раз воображала этот последний путь.

Ей даже снились сны, в которых она добиралась до самого края города – через десятки линий и пересадок – и видела, как эстакада обрывается прямо посреди улицы, как улица, наполовину стертая ее воображением, переходит в бесконечные пески. Ей снилось, как она уходит в пустыню – навстречу страшному, поднимающему песчаные волны ветру – каара, как называл его Нив. Ей снилось, как она бесцельно бродит по окраине города – по улице, пролегающей между дюнами и старыми выцветшими домами, которые тоже постепенно превращаются в песок.

Но она не понимала, куда же ей в действительности нужно идти. Последний путь обрывался у края карты, и ей оставалось лишь вернуться обратно, домой, пока Нив еще спит.

Или же и правда уйти в пустыню.

Уйти, обмотав лицо покрывалом вместо респираторной маски, как паломники из древних писаний, которых Ана всегда представляла себе уходящими и ни разу – возвращающимися.

Но время шло, ей становилось хуже, однако этот последний путь – бегство от Нива, чтобы он не видел, как она начинает угасать – так и оставался ее печальной фантазией, похожей на воспоминания о ночном кошмаре, которые не блекнут даже по прошествии множества лет.

И только потом она поняла, что в действительности никогда не сможет уйти.

Даже если уколы перестанут действовать, а врач на очередном приеме скажет, виновато отвернувшись, что бессилён ей помочь – даже тогда она не сможет его оставить. Она проведет с ним все время, которое у нее есть – до самых последних минут, самого последнего вдоха.

И только если он...

Мальчик, клянчивший что-то у своей матери, наконец успокоился. Мужчина, говоривший с полицейским, ушел, и полицейский теперь стоял со скучающим видом у лестницы, разглядывая свои отполированные башмаки.

В плеве появились другие люди. Они были взволнованы, в них чувствовался холод ночного города.

– Внимание! – заскрежетал громкоговоритель. – Поезда идут с увеличенными интервалами. Выбирайте пути объезда.

Ана достала из кармана карту транспортной сети и развернула ее, медленно и аккуратно, как будто боялась, что та рассыпется у нее в руках. Маршрут с десятками пересадок, нарисованный ее подругой, теперь уже не казался таким безумным. Ана подумала, что все еще могла бы воспользоваться кое-какими наметками Илы, перейти на соседнюю станцию, по которой, согласно плану, она и должна была поехать изначально, а там пересесть на поезд до самого Келивана. Получалось гораздо длиннее, чем ее утренний маршрут, но если движение не восстановится, то она может просидеть на этой станции до самого часа тишины.

Василий Воронков

Ана поднялась со скамейки, вздохнула и вышла на темную, почти ночную улицу. Перспектива необычного путешествия немало пугала ее, но ей не хотелось просто сидеть и ждать поезда, который может никогда не прийти.

Ана довольно быстро доехала до западной линии, но на станции, где она намеревалась пересечь, оказалосьлюдно, несмотря на поздний час. Однако Ане удалось пробиться в первый же поезд и даже занять свободное место напротив уклеенной объявлениями стены.

Когда поезд уже подходил к Келивану, раздался чей-то удивленный возглас. Несколько человек стали грубо проталкиваться к окну, отодвигая остальных.

Ана встала.

Люди плотно обступили окна, и Ана не могла ничего разглядеть. Поезд замедлил ход, эстакада огибала район полукругом. И тут Ана увидела это в одном из дальних окон в конце вагона, которое не закрывали фигуры стоящих людей.

Абитинская башня вдалеке была расколота пополам.

Вся верхняя часть здания обрушилась, точно ее срезали под кривым углом. На нижних этажах башни в окнах горел свет, мерцали приделанные к стенам ночные фонари, даже переливалась неестественно-яркими цветами призывная иллюминация, верхняя же часть здания была черна, как от копоти. Из отверстого жерла башни уродливо торчали осколки каменных плит и согнутые стальные сваи. Над полуразрушенным зданием завис массивный воздушный корабль, похожий на пассажирские челноки, которые летают через пустыню. Неповоротливый виман ощупывал рваные стены мощным прожекторным лучом. Луч поднимался над черными запавшими окнами, выхватывая из темноты огромные трещины в фасаде. Потом виман направил луч на самый край разрушенной стены, потом луч скользнул в зияющую горловину здания, а потом башня вместе с кораблем скрылись за поворотом.

МУЗЫКА

Ночью Ана никак не могла уснуть. Воздух в комнате казался ей сухим и теплым – как на окраине города в середине дня, где особенно сильно свирепствует ветер, и песок быстро забивает

фильтры у маски. Была уже глубокая ночь, исправно гудел комнатный дхаав, однако каждый вздох обжигал легкие.

Постель была непривычно жесткой, все тело ломило. Ана думала, что нужно встать, заварить себе харас, быть может, даже настроить радио на какую-нибудь запоздалую волну, но никак не могла решиться – признаться самой себе в том, что уже несколько часов кряду не может заснуть. Ана убеждала себя, что начинает проваливаться в сон. Еще немного, и все волнения завершившегося дня поблекнут – бессвязный бред в громкоговорителях утром, страшная духота в видая-лая, долгое возвращение домой. Если же она встанет, если начнет кипятить на огне воду, слушать радио, даже если просто сядет у окна, то уже точно не сможет заснуть всю ночь.

И Ана продолжала ворочаться в постели, не открывая глаз.

Наконец, устав притворяться, что засыпает, она встала и подошла к столу. Над городом медленно плыли редкие облака, освещенные снизу прожекторными лучами, но Ане вдруг привиделось, что это ветер поднял в беззвездное небо тучи песка, и скоро здесь начнется песчаная буря, ураган, какой бывает лишь в самом сердце спящих земель. Песок забьет все воздуховоды, будет нечем дышать.

Ана медленно прошла по комнате. Ее немного подташнивало, и пить харас уже совсем не хотелось. Она включила свет – темнота стала ее угнетать, как если бы именно из-за сумерек у нее затруднилось дыхание. Лампы на потолке ярко вспыхнули, и Ана прикрыла глаза ладонью.

Вид за окном преобразился, как только загорелся свет. Улица, бесплотнo проступающая сквозь отражение комнаты, стала призрачной и нереальной. Темные силуэты домов почти сливались с ночным небом.

Ана присела у окна. Спать не хотелось, заняться было нечем. Она включила радио.

На привычной частоте было лишь невыразительное монотонное завывание, сквозь которое неуверенно пробивался чей-то голос и музыка, медленная и сумеречная, едва различимая в шипении помех. Ана попыталась настроить приемник, однако стоило ей лишь немного повернуть ручку регулятора, как голос исчезал, а музыка вместе с раздражающим шипением становилась

Василий Воронков

громче, как будто по одной из станций передавали ночной шум ветра с южного моря и старую бесцветную песню, которую пели сказочные паломники в песках.

Ана вспомнила о чем-то.

Она стала поспешно выдвигать ящики стола, забитые старыми ненужными вещами. На пол посыпались сломанные карандаши, сменные стержни для ручек, детали от старой радиолы, которую Нив когда-то разобрал.

Наконец, она нашла.

Массивный бобин с магнитной пленкой лежал в самом нижнем ящике под стопкой исписанной бумаги и альбомом с вырезками из газет. На железной коробке был криво приклеен ярлык с длинным многозначным числом – вроде порядкового номера у записей из архивов. Ана наткнулась на пленку еще до последнего отъезда Нива. Гуптики у них не было, и сама она точно никогда не приносила этот бобин домой. Ана собиралась спросить у Нива, откуда взялась эта штука с номером из архива, но забыла, а потом уже было не до того.

Ана положила бобин на стол.

Что это? Какое-нибудь тайное послание, передача с одной из исчезнувших радиостанций, а может, просто музыка, медленная пустынная песня, которую Нив хотел послушать с ней вместе, но не успел, отправившись в свой последний полет?

Ана вспомнила, как Нив однажды сетовал на то, что у них нет своей гуптики, как они присматривали вместе новенький проигрыватель, собираясь вскоре его купить. После того, как Нив вернется из песков.

В коридорах видая-лая снова было душно и шумно.

Первое занятие у Аны начиналось после полудня, она приехала во время перемены, и на всех этажах стоял нестерпимый детский гомон. Ана шла по коридору, вновь позабыв снять респираторную маску, и дети испуганно косились в ее сторону.

В учительской хранилась старая гуптика, которую преподаватели иногда использовали на уроках.

По пути Ана чуть не столкнулась с учителем гали, пятившимся задом из класса, обхватив руками огромный проигрыватель, на котором лежало несколько пленок. Тот вздрогнул от

неожиданности, увидев Ану, и нахмурился. Ана стала снимать маску, не отрывая взгляд от гуптики в его руках. Она попыталась вспомнить – тот ли это проигрыватель, который стоит в учительской, или же ее коллеге выделили отдельный, для уроков гряз-видая.

– Добрый день, – сказал мужчина с проигрывателем, когда Ана прятала в сумку респираторную маску. – Вы позволите?

И он зашагал по коридору, по-прежнему забавно обнимая проигрыватель и покачиваясь при ходьбе.

Ана недовольно поморщилась. Кто-то убрал из коридора шкаф, закрывавший единственное окно, и яркое полуденное солнце слепило ей глаза.

В учительской проходило какое-то внеплановое собрание.

Сад стоял у двери в свой кабинет и периодически вытирал платком пот со лба. Он был чем-то похож на тех ораторов, что по праздникам выступали с трибун на городских площадях, обливаясь от пота. Незнакомый молодой мужчина – видно, из недавно принятых учителей – занял любимое кресло Сада. Вайс, учитель агка-видая, листал журнал, даже не глядя на страницы, усевшись прямо на стол с выключенным приемником. Канти, пожилая женщина, которая раньше вела занятия вечерников, пристроилась на стуле неподалеку от него.

Илы не было.

Ана попыталась вспомнить, во сколько у ее подруги начинается первый урок, но не смогла.

– А... – протянул Сад. – Ты как раз вовремя. У нас сегодня просто целый букет новостей.

– Говорят, это может произойти снова, – добавил сидящий в кресле.

– Что произойти? – спросила Ана и тут же поняла ответ.

– То же, что вчера... Вернее, позавчера.

Сад начал нервно рассказывать по комнате, комкая в руках платок.

– Это просто смешно! – сказал он. – То они перед самым падением не могут дать тревогу, то вот решили предупредить заранее. На всякий случай, так сказать.

– Ну да, – согласился мужчина в кресле. – Потом всегда можно будет оправдаться. Ну, вы же знаете, мы же предупреждали...

Василий Воронков

Сад покачал головой.

– И это точно? – спросила Ана.

Голос ее дрожал.

– Да нет, конечно! – взмахнул рукой Сад. – Упадут-то они точно, а вот куда упадут... Пока что утверждается, что есть небольшая вероятность... Знаю я эти их «небольшие вероятности»...

Радио внезапно взвизгнуло и зашипело. Вайс извинился и поспешно выкрутил громкость на нет.

– По радио об этом еще не сообщали, – сказал Сад, подозрительно уставившись на приемник. – Пока не хотят обнаруживать. Только избранным по секрету, так сказать.

– И что мы должны делать? – спросила Ана.

– В этом-то весь вопрос, – вздохнул Сад. – Они хотят, чтобы мы возобновили учения – в смысле, устраивали бы два раза в неделю учебную тревогу с эвакуацией всех детей в гатику... то есть, в наш самад.

Мужчина, сидевший в кресле Сада, хмыкнул. Канти как-то скорбно прикрыла глаза рукой.

– Но в чем смысл? – сказала она. – Если здание обрушится, нас там всех похоронит заживо.

– Не спорю, – согласился Сад. – Не зря тогда все это отменили. К тому же дети и так напуганы, устраивать сейчас эти... представления не самая лучшая мысль. Но таково распоряжение...

– Но может, стоит просто объяснить им ситуацию? – предложил Вайс.

– Ладно, подумаем...

Сад протер лоб платком и снова начал расхаживать по комнате.

– Это, кстати, еще не всё. Я как раз говорил, когда ты вошла, – Сад посмотрел на Ану. – Они собираются по закрытой частоте делать передачу для всех видая-лая первой ступени. В учебное время, разумеется. Что они будут там передавать – непонятно.

Сад вздохнул и встал у двери в свой кабинет, привалившись к ней спиной.

– В общем, через четыре дня нам нужно организовать мероприятие. Со всеми, так сказать, подобающими...

– А у нас гаандхарва-заала ведь... – начал Вайс.

– А я, думаешь, забыл об этом? – скривился Сад. – Третий год уже жалобы пишу, а сегодня утром встал и – забыл!

– Ну, а делать-то что?

– Четыре дня, – повторил Сад. – Стулья, конечно, там сами не появятся, но ничего, будем стоять, как во время торжественных речей...

– Да что стулья, там вся аппаратура не работает! – сказал Вайс.

Они начали спорить. Вайс пытался что-то объяснить про антенну, но Сад даже не собирался прислушиваться к его словам. Он спрятал захватанный платок в карман и вытирал пот со лба уже рукавом. Лицо у него покраснелось даже больше, чем обычно. Ана подумала, что они будут препираться так, пока не начнется ее урок.

– Извините, – сказала она. – Но я...

Сад и Вайс замолчали и посмотрели на Ана.

– У меня не так много времени... – неуверенно произнесла она. – Мне... У нас есть гуптика?

– Что? Проигрыватель? – удивленно переспросил Сад. – Нет, тот, который здесь, взял Икапада. А зачем тебе?

Ана замялась.

– Да нереально это! – вновь начал Вайс. – Ты хоть сам видел, что там творится? Давно туда поднимался?

– Да ты... – Сад нервно закашлялся. – Так! – Он ткнул указательным пальцем в Вайса. – Вот давай-ка и сходим туда! Хватит уже тут...

– Ну, давай сходим, – сказал Вайс и слез со стола.

Сад уже стоял в дверях, по лбу у него стекала капелька пота.

Они вышли в коридор, но Сад вдруг обернулся и сказал Ане:

– У меня есть еще один, в кабинете. Можешь воспользоваться. Только никуда не выноси. Он, правда, не очень хорошо работает. Но уж что есть.

– Спасибо, – сказала Ана.

– Ну что, идем? – недовольно сказал Вайс.

Запись начиналась с тишины.

По какой-то причине Ана была уверена, что тишина эта, как чей-то бесплотный голос, тоже неведомым образом записана на пленку.

Выжидающее молчание длилось, впрочем, совсем недолго – меньше, чем глубокий вдох, – после чего послышался тихий сбивчивый шум, действительно напоминающий дыхание.

Василий Воронков

Невнятное прерывистое шипение, из-за которого Ана уже начала думать, что у Сада и правда разладился проигрыватель, сменилось резким и громким треском, как во время вечерних выпусков новостей, когда голос ведущего неожиданно уходит в истерический шум, как будто несколько радиоканалов сливаются в один, превращаясь в чудовищную какофонию.

Потом началось быстрое чередование высоких сигналов, похожее на сумбурную нервную музыку, вроде той, что играют в поездах. Ана представляла себе колебания маятника, каждый удар которого обращается звоном, и при этом ритм с каждой секундой усиливается, маятник звучит все пронзительней, с нарастающим раздражением, пока вдруг не замолкает, резко, как оборванный крик.

Ана даже проверила, работает ли еще гуптика.

Оглушающая тишина, сменившая рваную ритмичную музыку, еще больше испугала Ану, и она обрадовалась, когда в наушниках послышался тусклый шорох, шум осыпающегося песка в пустыне, от которого стало спокойно и легко – хотелось откинуться на спинку кресла, глубоко вздохнуть, расслабиться, закрыть глаза.

Постепенно сквозь шорох и шипение ветра начал пробиваться чей-то судорожный и высокий голос. Это было похоже на старинную песню, испорченную помехами так, что Ана не могла разобрать слов. Голос вздрагивал, растворялся в окружающем его шуме или срывался на пронзительный фальцет – точно кто-то пытался перекричать вой надвигающейся бури.

А потом проигрыватель остановился.

Диск с пленкой был уже пуст и беспомощно застыл на шарнире, отмотав всю запись до конца.

Ана долго сидела не двигаясь, уставившись на гуптику. Ей вдруг пришла в голову мысль, что число на кассете – лишь бессмысленный набор случайных цифр, вроде того, что выдают машины для предсказаний на основе радиопомех.

Запись просто испорчена.

Наверное, она размагнитилась. Нив взял домой старую никому не нужную пленку в надежде, что она когда-нибудь ему пригодится. Например, если они купят гуптику. И Ане он не сказал, потому что такая мелочь не стоила того, чтобы о ней упоминать.

Или же это одна из тех искаженных радиопередач, расшифровкой которых занималось его бюро. Нив зачем-то принес ее домой, нарушив десятки правил, и спрятал в столе, надеясь когда-нибудь разгадать потерянное в помехах послание, хотя у них не было даже проигрывателя. Но нет, это совсем не имело смысла.

Ана вспомнила, как Сад предупреждал ее о том, что гуптика не очень хорошо работает, и посмотрела на покрытую пылью клавиатуру проигрывателя. Наверняка им не пользовались уже несколько лет. Быть может, гуптика даже испортила запись.

Ана вздрогнула, быстро сняла со штекера бобин и стала просматривать пленку, но не увидела никаких повреждений.

Она вернула пленку на место.

Может, это и была запись, которую Нив по непонятным причинам прятал от нее в столе? Станный шорох, молчание, нервная ритмичная музыка и чей-то высокий голос.

Ана прослушала запись пять раз подряд и вдруг почувствовала, как ее собственное дыхание начинает подчиняться неровному сбивчивому ритму, звучавшему в наушниках.

Это было похоже на начало приступа, но Ана совсем не чувствовала страха.

Она сняла тяжелые наушники и помассировала пальцами виски – там, где были воспаления на коже от зажимов респираторной маски. Ана старалась дышать медленно, глубоко и ровно, но это не помогало. Она ощущала странный пульсирующий ритм во всем теле – с каждым вздохом, с каждым мгновением. Даже тесный кабинет Сада, освещенный пыльным электрическим светом, ровные стыки выбеленных стен, идеальная плоскость потолка – все эти параллельные поверхности, пересекающиеся прямые – стали лишь продолжением той сложной ритмической закономерности, которая таилась на магнитной пленке.

Запись перестала быть бессмысленным хаосом из радиопомех.

Ана начала неосознанно, интуитивно понимать ее – как речь на чужом языке, в котором не разбираешь ни слова, но в самих интонациях, в придыхании, в повисающих паузах между фразами, во время которых говорящий делает глубокий вдох, даже в звенящих окончаниях слов ощущаешь некую тень, ускользающий призрак смысла.

Василий Воронков

Ана вновь надела наушники и поставила ленту на перемотку. Дышать было тяжело, как будто ей теперь даже в помещении требовалась респираторная маска.

Гуптика издала отрывистый щелчок – запись была снова готова к прослушиванию. Ана неуверенно нажала на затертую, сохранившую отпечатки тысяч прикосновений кнопку. Диск с лентой тихо скрипнул, сдвинулся с места, и в наушниках послышалась глубокая осмысленная тишина.

Ана, не отрываясь, смотрела на то, как тонкая прозрачная лента медленно тянется между двумя металлическими дисками, которые синхронно вращаются вокруг своей оси, сжимая все окружающее пространство в магнитную нить. Лентопротяжный механизм чуть слышно поскрипывал, и гуптика часто вибрировала под электрическим напряжением. Ане даже показалось, что в комнате начал мигать свет.

Вернувшись вечером домой, Ана спрятала пленку обратно в стол. Она подумала, что лучше бы никогда ее не находила.

Вечером Ане не хотелось даже слушать радио. Не хотелось спать. Не хотелось выходить из дома. Она стала готовить себе ужин, хотя от одной мысли о еде ее начинало мутить.

Утром следующего дня ее стошнило после укола.

ДЫХАНИЕ

Ана всегда ненавидела утренние уколы – эту предписанную врачами процедуру, с которой начинался каждый ее день. Она старалась подготовиться к инъекции заранее – многоразовый шприц с заправленной ампулой еще с вечера лежал на тумбочке у ее постели, – но было так трудно заставить себя встать, зная, что тебя ждет лишь очередной укол, после которого весь день болит голова, а есть приходится через силу.

Но после того, как Нив переехал к Ане – в тесную неприглядную квартиру на высоте в восемь этажей, где даже по вечерам бывало душно, а днем оконные стекла раскалялись от солнца, – утренние уколы перестали быть такими мучительными.

Все делал Нив.

У него отлично получалось, он умело обращался со шприцом, и порою Ана даже не успевала ничего почувствовать – только

проснувшись, еще не восстановив ту связь с реальностью, что отличает бодрствование от сна. Это и был их странный ритуал пробуждения, после которого сон окончательно отступал и начиналось светлое пустынное утро – с поцелуя и легкой тошноты от внутривенных лекарств.

Перед последним, самым долгим своим отъездом Нив сильно переживал о том, как Ана будет справляться с этими болезненными уколами сама, как будто ему не приходилось уезжать раньше, как будто Ана до их знакомства не жила много лет одна.

Ану удивляло все это.

Но она молчала. Чем-то ей даже нравилась его преувеличенная забота, из-за которой она чувствовала приятное беспомощное спокойствие. Она не была одна.

В те последние дни Нив каждое утро настойчиво пытался объяснить Ане, как делать уколы без боли. Он заставлял ее внимательно следить за тем, как медленно и осторожно вводит иглу, а Ана лишь сонно улыбалась, слушая его ровный и теплый голос – ей совсем не хотелось смотреть на шприц с хромированным поршнем, который Нив держал двумя пальцами, как настоящий врач, ей хотелось закрыть глаза и поспать еще немного, ведь весь мир, едва отошедший от ночи, был еще так нереален, в комнате пахло духотой и приторным подсластителем для напитков, и за плотно зашторенными окнами уносились в сторону рассвета первые скоростные поезда. Кровать еще сохраняла тепло их тел, но Нив уже был одет – в наглухо застегнутой рубашке с чуть помятым воротничком.

Теперь же нереальным казалось то время, когда Нив был еще рядом.

Здание агада-лая ничем не выделялось среди обычных многоквартирных домов. Это было невысокое строение с бесцветными изразцами на стенах и высокой угловатой аркой над входом. У дверей никого не было, никто не проверял входящих. Ана зашла внутрь и оказалась в просторном, хорошо освещенном плеве, где были плотно задрапированы все окна, а жаркое дневное солнце, по обычаю многих муниципальных заведений, заменял газовый свет.

Новый врач встретил ее приветливо и любезно – он даже поднялся из-за стола и сделал несколько шагов ей навстречу,

Василий Воронков

словно Ана пришла не в лечебницу на окраине города, а в дорожной магазин, где собиралась что-то купить.

– Я записывалась сегодня на прием, – сказала Ана. – Я Ана-адитва.

– Да, да, я ждал вас, – ответил врач.

– Извините, я немного опоздала.

– Не страшно, – сказал врач и улыбнулся. – Мы же никуда не спешим, правда?

Ана улыбнулась в ответ.

Врач выглядел совсем не так, как она ожидала. Невзрачная серая одежда вместо белого халата, пропахшего шаром, узловатые руки, усталый взгляд. Ана даже почувствовала облегчение. Здесь все будет значительно проще, без обследований и надоедливых вопросов – он просто выпишет ей новое направление, и она вернется домой.

– Вы ведь в первый раз у нас? – спросил врач.

Ана кивнула головой.

– Да, меня перевели в эту агада-лая... в последний раз.

– И правильно сделали, – удовлетворенно сказал врач. – Очень правильно.

Ана стояла в дверях, испуганно улыбаясь и не решаясь войти. Облегчение, которое она чувствовала, вдруг сменилось странной неприязнью к этому незнакомому человеку. Было в его внешности что-то куда более жуткое, чем белый врачебный халат или смрад препаратов. Слегка помятый костюм казался на несколько размеров больше, чем нужно, и широкие рукава дрябло свисали с рук. Кожа на лице была бугристой, точно изъеденной молью. Тонкие редкие волосы слиплись от пота. Ана попыталась вспомнить название кожной болезни – сложное мучительное слово, – о которой что-то слышала раньше.

В кабинете врача, как и в плевле этажом ниже, было свежо и прохладно. Дхаавы в центре работали так хорошо, что на стенах едва не выступал иней. Дышалось необычно легко, и Ана совсем не чувствовала себя больной.

– Так... – медленно проговорил врач, снова усаживаясь в свое широкое кресло.

Ана наконец решила к нему подойти.

На столе у врача лежали стопки измятых протоколов, медицинские карты, пустые бланки для рецептов, отпечатанные

на тонкой прозрачной бумаге, но внимание Аны привлекло золотистое папье-маше в виде вахата – с длинным цилиндрическим корпусом и огромными крыльями у хвоста.

– Так... – повторил врач и стал что-то искать на столе. – А... Вот!

Он наконец-то нашел в завале бумаг медицинскую карту Аны и стал торопливо просматривать ее, быстро переворачивая исписанные мелким почерком страницы.

– Так, а где справка о... – начал врач.

– Справка? – не поняла Ана.

– Нет-нет, вижу.

Врач, сощурившись, стал внимательно изучать тоненький листок, приклеенный на обложку медицинской карты.

– Вы проходили последнее обследование четыре месяца назад, все верно? – спросил он у Аны.

– Да.

– Что ж, понятно, – врач закрыл медицинскую карту и положил ее на стол, к другим таким же делам. – Это не займет много времени, – добавил он. – Нужно будет сделать лишь один небольшой тест. Нам как раз недавно привезли новый аппарат.

Ана вспомнила название кожной болезни.

– У вас как... Есть какие-нибудь жалобы? – спросил врач.

– Нет, в общем всё... – Ана не смогла заставить себя выговорить «хорошо». – Ну, конечно, после уколов меня иногда немного мутит. Тошнота, головная боль...

Врач несколько раз кивнул головой с таким видом, как если бы Ана сказала именно то, что он ожидал услышать.

– Но мне говорили, что такое возможно, что это... нормально, – поспешила добавить Ана. – Сегодня я чувствую себя хорошо.

– Ну, вот и отлично! – Врач еще раз дежурно улыбнулся. – Что ж, приступим... – сказал он и встал из-за стола.

Они прошли в светлую комнату, где стоял тяжелый едкий запах, как будто истошно-белые стены недавно травили кислотой. У Аны закружилась голова. В центре этого тесного квадратного помещения возвышался стол, похожий на парту, и маленький неудобный стул без спинки. К столу был намертво прикручен массивный аппарат, напоминающий человеческие легкие. Два выпуклых стеклянных резервуара разделял серебристый стальной стержень – как механический хребет, вросший

Василий Воронков

в матовую исцарапанную столешницу. От вспученных колб торчали две металлических трубки, которые сходились вместе, как кончики сжатого пинцета, и чуть уплощались на концах, точно кто-то судорожно сжимал их зубами от боли. Стекланные резервуары были почти до верха заполнены странной желтоватой жидкостью.

Врач показал рукой на стул, и Ана послушно села. Сам же он встал напротив нее, перед аппаратом.

– Так, – сказал он. – Я уже все подготовил перед вашим приходом. Вам нужно просто дышать через трубки.

Ана нехотя наклонилась к аппарату.

– Нет, нет, дышите только ртом, – тут же поправил ее врач. – Только через трубки.

Жидкость в прозрачных колбах начала пениться и бурлить. Каждый вдох обжигал Ане горло, а легкие разрывало от боли. Рот наполнился горькой слюной.

– Что чувствуете? – спросил врач.

Ана отодвинулась от аппарата, собираясь ответить. Губы горели. От ее рта к изогнутым трубкам потянулась тонкая ниточка слюны.

– Нет, нет! – запротестовал врач. – Продолжайте дышать!

И Ана продолжила дышать.

В аппарате что-то кипело и потрескивало. Когда Ана пыталась сделать вдох, легкие пропитывались едким паром. Рот Аны наполнился горькой слюной, но она боялась, что если проглотит эту обжигающую желчь, то ее тут же вырвет, вывернет наизнанку. Липкая струйка потекла у нее по подбородку.

– Вот, сплюньте, – сказал врач, пододвигая к ней судно.

Ана резко дернулась от аппарата, дыхательные трубки даже поцарапали ей щеку изнутри, а громоздские искусственные легкие шатко качнулись на столе – терпеть уже не было сил, – и сплюнула в облезшее от постоянной чистки судно. Гортань воспалилась, как во время катаракты. Ане хотелось прополоскать рот водой, но она не решилась попросить об этом врача. Тот молча стоял над ней и смотрел, как она, согнувшись над судном, пытается справиться с очередным рвотным спазмом, сплевывая густую желтую слюну.

– Продолжайте дышать, – улыбаясь, сказал врач.

Он коснулся аппарата на столе, повернув незаметный переключатель, потом провел пальцами по металлическому хребту, как бы убеждаясь, что с устройством все в порядке, что Ана не нанесла вреда этой изощренной пыточной конструкции. Жидкость в округлых резервуарах заметно потемнела.

Ана вновь зажала губами плотные трубки.

Она попыталась представить – надеясь, что так легче перенесет все эти необъяснимые мучения, – будто едкий пар, выжигающий легкие, постепенно исцеляет ее. Лечение болезненно, но нужно терпеть, нужно продолжать дышать – как можно глубже и чаще, давая этим едким испарениям пропитать себя насквозь. И тогда она, наконец, излечится, и ей будет уже не нужна респираторная маска.

Ана сделала глубокий вдох через трубки и едва сдержала приступ кашля. Боль в груди нарастала. Губы Аны сводило от горечи.

Пар вытравляет болезнь из ее тела. Легкие судорожно расширяются, набирая воздух, пропитанный спасительным лекарством. Нужно просто немного потерпеть, совсем чуть-чуть.

Когда Ану рвало в судно, врач, наверное, продолжал заботливо рассматривать аппарат.

Потемневшая, спекшаяся жидкость в стеклянных легких сильно пенилась, и пузыри оседали на стенках сосудов. Врач недовольно покачивал головой. Ана уже знала, что он скажет, когда отворачивалась от судна, вытирая губы. Врач так и не предложил ей воды.

– Продолжайте дышать.

Ана тяжело вздохнула, все тело ее дрожало.

– Но я больше не могу, – тихо сказала она.

– Плохо, – сказал врач и снова покачал головой.

Это звучало как приговор. Ана даже пожалела о своих словах – ведь если она сделает над собой усилие, если попытается...

– Впрочем, – сказал врач, опять поворачивая какой-то регулятор на аппарате, – быть может, этого и достаточно.

Жидкость в колбах постепенно осела, но так и не вернула свой первоначальный цвет.

– Да, к сожалению, не самая приятная процедура, – добавил врач, закрывая за Аной дверь в комнату с искусственными легкими. – Но, к сожалению, необходимая. И весьма эффективная.

Василий Воронков

Он сел в кресло и стал покачиваться из стороны в сторону. Ана пристроилась на стуле напротив. Голова у нее кружилась. Она взволнованно ждала, когда врач что-нибудь скажет, объяснит, почему дышать было так тяжело, почему жидкость в колбах потемнела и стала похожа на гной, насколько плохо то, что ее стошнило, для чего вообще нужен этот аппарат. Она вдруг пожалела, что решила не жаловаться на самочувствие. Возможно, тогда врач не заставил бы ее дышать через это страшное приспособление. В старой агаде Ану всегда подробно расспрашивали, уточняли каждую мелочь.

– Это скоро пройдет, – сказал врач, не глядя на Ану. – У всех бывает такое после...

Он не договорил и начал что-то торопливо записывать в медицинскую карту.

– Вы знаете... – начала Ана, влажно покашливая – говорить все еще было тяжело. – Вы знаете, мне... Мне последнее время становится немного хуже... И мне кажется, что это... из-за уколов.

Врач удивленно посмотрел на нее и наморщил губы.

– Но вы же говорили... – сказал он.

– Нет, я, наверное, не совсем так... – Ана закашлялась. – Это происходит не всегда. Сегодня я чувствую... чувствовала себя хорошо. Но часто бывает так, что мне становится плохо именно после уколов.

– Ну, что ж, это возможно, – сказал врач. – Это в принципе... нормально. Лечение не всегда бывает приятным, я, к сожалению, тут ничего изменить не могу... Но зато вот сейчас я вам выпишу направление, – бодрым голосом добавил он. – Будете принимать совсем новый препарат.

– И мне станет лучше? – спросила Ана.

– Конечно, – ответил врач и взял один из бланков для рецептов.

– Но... – начала Ана.

Она и сама не понимала, что хочет сказать.

Врач протянул Ане тонкий лист рецепта.

– Вот, возьмите, – сказал он. – Карта ваша останется у меня. А дравия у нас есть на первом этаже, не нужно искать.

Ана взяла рецепт, исписанный странными витиеватыми каракулями, которые невозможно было прочитать.

– Спасибо, – сказала она.

– Вам станет лучше, – добавил врач, но это прозвучало так неправдоподобно, что он даже виновато улыбнулся.

Попрощавшись, Ана вышла из кабинета.

Ноги у нее подкашивались, голова кружилась. Она сжимала в руке тоненький листок с рецептом.

Ана спустилась на первый этаж и зашла в дравия-лая для пациентов. Она протянула стоявшему за стойкой мужчине рецепт, опасаясь, что он тоже ничего не сможет разобрать, однако мужчина в ответ лишь торопливо кивнул и вынес ей несколько ампул. Ана осторожно спрятала их в карман, завернув в платок. Потом вышла в плев.

Она долго стояла посреди зала, где было прохладно и воздух пах так же, как после павана-ваари на окраине города, пока на нее не стали удивленно поглядывать другие посетители. Тогда Ана надела респираторную маску и вышла на улицу.

Домой она вернулась уже под вечер, хотя и не понимала, как могла так долго ехать по линиям хагаты. Кто-то просто украл из ее жизни несколько часов. Хотя после обследования и прошло довольно много времени, Ана все еще ощущала едкий кислотный привкус во рту и тяжелую боль в грудной клетке. Ее мучила жажда – и сколько бы Ана ни пила воды, жажда не проходила. Ана не помнила даже, как заснула – помнила только, что всю ночь почему-то работало радио, и в темноте тоскливо звучали песни, похожие на молитвы.

Проснувшись, Ана долго лежала в постели. Радио работало – и молчало. За окном давно рассвело. Шприц уже был направлен ампулой с новым препаратом.

Ана взяла шприц. Села за стол. Выключила радио, которое все равно передавало тишину. Потом спокойно и медленно, как учил ее Нив, сделала себе укол.

Протирая руку смоченной шаром ватой, она подумала, что до сих пор чувствует запах тех едких испарений, которыми пропитались ее легкие, и даже шар не может перебить эту вонь.

Укол подействовал неожиданно быстро.

Все тело Аны налилось тяжестью, она почувствовала слабость и легкую дурноту, как после скверной выпивки. Часы на стене неумолимо показывали приближение полудня, но Ана

Василий Воронков

решила, что вполне еще может немного поспать – или хотя бы просто полежать в постели, разглядывая солнечные блики на потолке. Ей нет нужды торопиться.

Она попыталась встать со стула – и не смогла.

Дурнота прошла, но Ана чувствовала себя как после контузии – шум улицы за окном, крики людей, грохот пролетевшего поезда по эстакаде стали приглушенными, тонули в окружающей ее тишине. Ей нельзя было спать. Она была уверена, что стоит ей лишь на секунду забыться, как она уже не сможет проснуться.

Легкие ее вдруг стало распирать от боли, голова потяжелела. Ана забыла сделать вдох.

Ей стало страшно.

Нужно продолжать дышать, просто дышать.

Продолжайте дышать.

Ана как-то невольно ухватила руками за край стола, точно боялась, что вся ее комната вот-вот перевернется, и сделала глубокий медленный вдох.

У нее закружилась голова.

Руки вспотели от волнения, сердцебиение участилось, но размеренное глубокое дыхание по предписаниям врачей действительно помогло. Она почувствовала себя лучше. Спустя еще немного времени даже спертый воздух в нагретой солнцем комнате казался свежим и прохладным, как в просторном плеве агады. Ану не мучила тошнота, как после прежнего препарата, она дышала свободно и легко – даже когда вышла на улицу и надела респираторную маску.

Северная магистраль была все еще закрыта, и улица, отключенная от живой транспортной сети, казалась пустой и заброшенной – оцепеневшей, как и Ана после укола.

Все вокруг двигалось неправдоподобно медленно, как если бы новый препарат исказил само течение времени. Полицейские вдалеке, продолжавшие невозмутимо сторожить запечатанный вход на станцию, были похожи на окоченевшие куклы – безвольные, обездвиженные. Громоздкая эстакада над головой затмевала солнце, и всё мертвенно застывало в ее неровной тени. Ане было сложно даже заставить себя сделать шаг – и не из-за того, что болели ноги или начинался приступ удушья, а из-за какого-то упругого сопротивления окружающего пространства.

Черный полицейский виман, зависший над улицей на уровне эстакады, между пустыми сверкающими на солнце путями и цветной стеной жилого дома, медленно покачивался в кипящем воздухе. Его корма плавно поднималась и опускалась, как будто корабль неподвижно плыл по невидимым волнам.

Улицы уходили в пустоту, небо было засвеченным, как от фотовспышки. Ана была уверена, что прошел не один десяток часов, прежде чем она добралась до Самкары. Однако она вовсе не боялась, что может опоздать на урок.

Толпа на площади медленно двигалась к винтовым лестницам. Ану никто не толкал. Все странно расступались перед ней.

Лишь подъезжая к видая-лая, Ана стала постепенно приходить в себя. Рука, та, в которую она сделала укол, разболелась, но боль была приглушенной и вялой, как от старого пореза, который зачем-то, из-за раздражающего зуда, потревожили вновь, содрав темные чешуйки запекшейся крови.

Поезд нес ее к последней остановке. В вагоне звучала музыка, заглушая голоса людей.

ЗОНА МОЛЧАНИЯ

Передача должна была начаться в полдень, сразу после третьего урока, и Ана опять опоздала. Сад, с которым она столкнулась на втором этаже, возмущенно всплеснул руками и, ничего не говоря, потащил Ану за собой, словно из-за ее опоздания торжественное мероприятие могло сорваться.

Все и правда уже собрались.

Гаандхарва-заала представляла собой широкое прямоугольное помещение с замурованными окнами, где от яркого гальванического света болели глаза. Ана не была здесь уже несколько лет. Зал закрыли на плановую реконструкцию, согласно неким новым стандартам, о которых в свое время расплылся Сад, но потом реконструкцию заморозили, или стандарты вновь решили помять – Ана уже и не помнила точно, – и в итоге большинство их теперешних учеников даже и не подозревали, что в видая-лая есть гаандхарва-заала.

Впрочем, сейчас это было больше похоже на склад, пропитанный пылью.

Краска на потолке выцвела и облупилась, стены были заставлены тяжелыми на вид ящиками из темной мореной фанеры и старой мебелью, давно списанной и сваленной здесь. Даже пол под ногами скрипел и прогибался.

Скамеек в гаандхарва-заале тоже не оказалось. Сад, впрочем, сразу сказал, что во время трансляции всем придется стоять, как на молитве. Однако электрика работала, и лампы на потолке выжигали глаза. Сад лично руководил восстановлением зала и был очень горд тем, что им удалось починить приемное устройство и древний, вышедший из строя усилитель, подключенный к десяткам динамиков у потолка.

Ана попыталась вспомнить, какие мероприятия устраивали здесь раньше – и не смогла.

Зал завершался треугольной площадкой, похожей на символическую сцену неправильной формы, часть которой несоотносительно затягивал плотный занавес из грубой ткани – как перед началом непонятного торжественного представления.

Все это огромное, занимающее треть этажа помещение, которое когда-то проектировалось, чтобы вместить весь учебный состав видая-лая, было заполнено детьми. Ученики, правда, вели себя на удивление тихо; казалось даже, что они чем-то напуганы. На стенах висели яркие красные таблички, изображающие указательный палец, поднятый к напыженным женским губам. Но все же в зале постоянно слышался взволнованный детский шепот – иногда совсем тихий, неотличимый от дыхания, а иногда неприятно громкий, отчетливый и ясный, как если бы кто-то, увлекшись, забывал, что нужно говорить вполголоса.

Хотя у стен и работали дхаавы, в зале быстро становилось душно, и Ана подумала, что вряд ли сможет дотянуть до конца эфира. Или же у нее снова начнется приступ.

Невысокий сутулый мужчина, стоявший к Ане спиной – она постоянно забывала его имя, – нервно покашливал, прикрывая рот скомканным платком. Отчеливо слышался голос Канти, которая говорила с кем-то на гали. Шелестела одежда – что-то было потеряно и срочно искалось по карманам. В воздухе витала пыль.

Сад изможденно вздохнул и потер рукой лоб. Он все еще держал Ану за рукав.

– Я и не вспомню, как мы собирались вот так последний раз.

– Столько детей в одном месте, – улынулась Ана.

Они попытались пройти в центр зала, но дорогу им преградили ученики, которые энергично проталкивались к выходу. Сад раздраженно схватил одного из них за руку и что-то прокричал.

Люди в гаандхарва-зале постоянно менялись местами, некоторые пытались протиснуться поближе к остороконечной сцене, другие же, напротив, отходили дальше, к табличкам, призывающим к тишине. Ана даже чувствовала, как ей передается это радостное возбужденное волнение.

Сад наконец оставил в покое мальчишку, который пытался сбежать с представления, и снова повел Ану вглубь зала. Ана пыталась высматривать в толпе своих учеников, но не видела ни одного знакомого лица.

Где-то над головами послышалась неторопливая протяжная мелодия.

– Скоро начнется, – сказал Сад.

Ане показалось, что она заметила Илу – та промелькнула где-то вдали и вновь утонула в толпе. Ана остановилась, глядя поверх детских голов, но Сад настойчиво потянул ее за собой.

– Пойдем, уже скоро, – сказал он. – Ты должна это увидеть. Мы полностью его восстановили.

Свет на секунду погас и разгорелся вновь, но уже не так ярко, как раньше. Ана вздрогнула, подумав, что сейчас во всем здании опять отрубится ток. Сад тоже задержался и стал как-то нервно оглядываться по сторонам.

В гаандхарва-заале быстро становилось шумно.

Многие уже не стеснялись говорить в полный голос. Музыка стала громче и напоминала теперь гудок на перроне, извещающий об отбытии поезда, только очень тягучий и долгий.

Теперь Ана и Сад стояли совсем близко к треугольной сцене, все еще таинственно скрытой от глаз, хотя занавес уже слегка покачивался, вздрагивая от нетерпения. Они столкнулись с Вайсом, и Сад начал что-то обсуждать с ним сбивчивым шепотом, но вдруг замолчал.

Массивная штора медленно поднималась.

Стоявшие в первых рядах – в основном взрослые – замерли, задержав дыхание от волнения. Остальные еще не понимали, что происходит. Музыка продолжала играть.

Василий Воронков

За медленно ползущей вверх шторой стояло странное кубическое устройство, от которого тянулось множество проводов. Тень от занавеса медленно спадала. Аппарат еще не работал.

– Неужели это...? – шепотом спросила Ана.

– Ну да, – удовлетворенно сказал Сад. – Мы его починили. Он, конечно, не выдает такую мощность, как раньше, но вполне...

– А зачем занавес и вся эта музыка?

– Ну... Это же первое открытие после стольких лет.

Сад немного смутился и полез в карман за платком, чтобы вытереть пот со лба.

Мужчина в серой спецовке раболепно стоял перед аппаратом на коленях и копался в переплетениях цветных проводов, торчавших из бесчисленных разъемов. Сад нервно посмотрел на часы.

Музыка неожиданно смолкла, прерванная на высокой ноте, и рассыпалась шорохом помех. Учителя и даже неугомонные дети послушно замолчали, уставившись на кубический аппарат. В зале повисла пугающая тишина.

Сад продолжал стоять рядом с Аной.

Воротник его рубашки смялся и вылез поверх пиджака, однако Сад не замечал или не придавал этому значения. Он напряженно следил за происходящим на сцене.

Мужчина в спецовке поднялся и поспешно, но в то же время как-то странно прихрамывая, удалился за край сцены.

Ана вздохнула.

И вот со всех сторон слышался низкий нарастающий гул – аппарат включился.

Сад снова взглянул на часы.

Ничего не происходило. По всем динамикам передавали тишину. Вновь слышался возбужденный шепот. Кто-то из детей позади Аны рассмеялся.

– Да кто это там?!

Сад гневно обернулся и стал высматривать нарушителя.

Передатчик молчал.

Сад нервно тербил часы на руке.

– Может, просто опаздывают, – предположила Ана.

– Сейчас... сейчас должны начать, – сказал Сад.

– Нет сигнала? – громко предположил кто-то рядом с ними.

Сад снова рассерженно оглянулся.

Ана вновь заметила Илу – та стояла с другой стороны сцены, рядом с приемным устройством. Ила нарядилась в пестрое праздничное платье с длинной бархромой на рукавах, но выглядела странно уставшей. Она обнимала себя за плечи, как будто ее знобило, несмотря на духоту в зале, и напряженно смотрела на оплетенное проводами устройство.

Рядом с Илой стоял молодой мужчина – Ана уже видела его раньше в учительской, когда Сад рассказывал всем о передаче, однако до сих пор не знала, как его зовут. Мужчина иногда прижимался к Иле плечом, склоняясь в сторону сцены, пытаясь что-то рассмотреть.

Ровный электрический шум со всех сторон постепенно усиливался, и Ана вдруг поняла, что это не гул старых динамиков, молчавших несколько лет подряд, а сама передача. Ана взглянула на Сада, но тот лишь едва заметно качнул головой. Потом вновь посмотрел на часы.

– Уже должны... – сказал он.

В динамиках зазвучала высокая протяжная нота – как человеческий голос, который безуспешно пытается имитировать электрическая машина. А еще это было похоже на искаженную музыку, которую воспроизводит неисправный проигрыватель.

Люди в зале вновь начали говорить в полный голос; слышались детские возгласы, стоял гомон, как на перроне в утренние часы.

– Драапа! – Сад стал торопливо проталкиваться вперед.

Он забрался на сцену, покачнулся – видимо, оступившись, – но не упал и, мельком взглянув на обступивших подиум людей, поспешил за кулисы, после чего вернулся вместе с техником, что-то настойчиво втолковывая ему и нетерпеливо размахивая рукой. Техник в ответ лишь молча мотал головой.

Они остановились у приемного устройства, и техник, подернув штаны, опустился на колени.

Сад повернулся к залу.

– Извините! – громко сказал он странным незнакомым голосом. – У нас небольшие технические проблемы.

Послышались разочарованные возгласы.

– Не волнуйтесь! – продолжил Сад. – Скоро все будет... – Он невольно взглянул на техника, копавшегося в проводах. – Немного терпения, и мы...

Василий Воронков

Искаженная передача, которая доносилась со всех сторон, постепенно затихла и сникла – звук убавили до предела. Сад немного постоял на сцене, безучастно наблюдая за работой техника, а потом спустился вниз. Он подошел к Ане и, вытянув из кармана огромный мятый платок, принялся вытирать им лицо и шею.

Звук снова усилился. Техник поднялся на ноги и в ответ на удивленный возглас Сада развел руками и громко – так, чтобы его все услышали – сказал:

– Все в порядке! Именно это и передают!

Сад выругался.

Из динамиков стала литься причудливая какофония, непохожая даже на шум помех. Протяжная электрическая нота, напоминающая неверно симитированный человеческий голос, зазвучала вновь – только тише и мягче, но в то же время четче, ритмичней, точно неведомая машина училась произносить слова.

Ана почувствовала странный холодок на спине.

Ритм с каждой секундой усиливался, и непонятный шум из динамиков звучал теперь с пронзительным надрывом, как чей-то болезненный крик.

У Аны закружилась голова. Она покачнулась и уперлась в кого-то рукой. Послышался недовольный возглас. Дышать стало совсем тяжело, Ана попыталась глубоко вдохнуть, но вместо этого из груди ее вырвался лишь глухой болезненный хрип.

– Что с вами? – спросил кто-то.

Ана обернулась, чтобы ответить, и не увидела ни одного знакомого лица.

Музыка тем временем превратилась в истеричную какофонию – такую же, как на записи Нива.

Ана зажала уши руками.

Несколько секунд она еще слышала ровные оглушающие удары, доносившиеся с потолка – как будто все здание содрогалось от чудовищных подземных толчков, – а потом наступила глубокая ровная тишина. Ана даже решила, что лишилась слуха.

Она убрала руки от ушей. Из динамиков сыпался сухой отрывистый треск, напоминающий помехи радиоприемника со сбившейся частотой. Все вокруг смотрели на Ану. Она попыталась улыбнуться – как-то показать, что у нее все в порядке – и не смогла.

Треск в динамиках затих, началось монотонное раздражающее шипение, которое резко оборвалось тишиной.

– Все! Хватит! – крикнул кто-то.

Его поддержали другие.

– Ахи эту трансляцию! – раздалось совсем рядом с Аной.

Кто-то из детей вдруг начал смеяться.

– Спокойно! Спокойно! – Сад поднял руку и пытался перекричать возмущенные возгласы. – Давайте еще немного...

Тишина вновь сменилась причудливым шумом, послышался нарастающий гул, как в самом начале передачи, а потом зазвучал пронзительный электрический голос, который прерывался на едва ощутимые мгновения, сбиваясь и вздрагивая, но затем продолжался вновь, отчетливее и громче.

Сад неожиданно закашлялся – лицо его было совсем красным и лоснилось от пота, даже на воротнике рубашки выступили темные пятна.

Ана испугалась. Воздух в зале раскалился. Из-за яркого света перед глазами плыли круги. Свист становился все громче и громче. Ана попыталась успокоиться, глубоко вдохнула, закрыла глаза. А свист нарастал.

Дети плакали. Кто-то отрывисто крикнул – за спиной Аны. Ана обернулась – одновременно с Садам, лицо которого уже воспалилось от пота, – и в этот момент свист стал настолько громким, что Ана почувствовала резкий укол боли в ушах.

Терпеть больше не было сил. Ана обхватила руками голову, конвульсивно согнувшись, как будто защищаясь от чего-то.

– Выключай! Выключай! – заорал Сад, взбираясь на сцену.

Двери зала распахнулись. Все повалили к выходу.

В коридоре стояла неразбериха. Приемное устройство наконец-то отключили, но Ана по-прежнему слышала разрывающий барабанные перепонки свист, как если бы все здание видая-лая захлестнуло нескончаемое дикое эхо.

Сад стоял у стены и спорил с кем-то, яростно жестикулируя. Ана различала лишь отдельные слова.

Женский голос:

– Почему не выключили раньше... Были дети...

Сад:

– Я пытался... могли сделать...

Василий Воронков

Ана искала в образовавшейся толкучке Илу, но Илы нигде не было видно. Ана беспокойно озиралась по сторонам и встретила с вопросительным взглядом Сада, который уже перестал препираться с женщиной и просто стоял у стены, зажав в руке мятый платок.

Наконец Ана увидела Илу.

Молодой мужчина, с которым та была в гаандхарва-заале, заслонял ее спиной от Аны. Кофта Илы была расстегнута у подбородка, а волосы растрепались.

Ила тоже заметила Ану и улыбнулась. Ана хотела помахать ей рукой, но почему-то не решилась. Или же руки просто не слушались ее.

Ила повернулась к молодому мужчине и что-то тихо сказала – а может, просто кивнула головой. Тот сделал неопределенный жест рукой и с интересом посомотрел на Ану.

Сад опять начал спорить с кем-то. Он выглядел как человек, который только что перенес сердечный приступ. Даже пиджак на нем потемнел от пота.

Со всех сторон раздавались детские голоса, крики, плач. Ане вдруг показалось, что свет на потолке начал мигать.

В учительской стояла глубокая тишина, как в безвоздушном пространстве. Дышать было по-прежнему тяжело, сдавило грудь.

Сад расшторил окно.

Он стоял, сцепив за спиной руки и глядя на людный перекресток внизу. Солнце садилось, цвета вокруг стали безжизненными и тусклыми, в окнах отражался закат.

– Ты уверена, что с тобой все хорошо? – сочувственно спросила Ила.

Из кабинета Сада донесся нервный трезвон гиразы, и он, вздрогнув, дернулся к двери.

Ана сидела на стуле рядом с неработающим приемником. Сейчас никому бы и в голову не пришло включить радио.

– Нормально, – сказала Ана и коснулась рукой лба. – Прихожу в себя потихоньку.

– Да, это было как-то... – неуверенно проговорила Ила. – Что-то у нас все в последнее время не ладится.

– Сад в управу звонил? – спросила Ана.

– А куда же еще? – ответил Вайс, который стоял у шкафа и перебирал классные журналы на полке. – Говорил я, но нет... Понадеялись, как обычно. Надо было сразу им сообщить, что мы не располагаем...

Вайс достал один из журналов, перелистнул несколько страниц, а потом раздраженно бросил его на полку.

– Вот теперь он сам и будет все это расхлебывать, – добавил Вайс.

Ана непонимающе посмотрела на него.

– В управе сказали, что проблема была на нашей стороне, – объяснила Ила. – Что-то с принимающим оборудованием.

– Что-то! – усмехнулся Вайс. – Этому оборудованию двадцать лет, и последние десять им никто не пользовался.

– Но вы же проверяли! – удивилась Ана.

– Ну да, один раз, – Вайс снова начал просматривать журналы. – Как видишь, этого явно не хватило.

– Ладно, – сказала Ила. – Мало ли что говорят в управе. Может, это они сами и устроили, а теперь...

– Дорогая, ты как себе это представляешь? – сказал Вайс, не оборачиваясь. – Ты серьезно считаешь, что так было во всех видах-лая? И они всех теперь убеждают, что это не их проблема? Смешно, да...

– Слушай, давай в самад ходим, – вдруг предложила Ила. – Что-то здесь сегодня... – она показательно кашлянула, – дхаавы совсем плохо работают.

Ана послушно встала. Они вышли в коридор.

Видая-лая была почти пуст. Детей отпустили пораньше, и большинство учителей тоже разошлось по домам.

– И что теперь будет? – спросила Ана, когда они спускались по лестнице.

– Да ничего, – пожала плечами Ила. – Что может быть-то?

– Но Сад как-то...

– Да ладно! Он всегда... – Ила вздохнула, – несколько преувеличивает реальное...

Ила не договорила.

Они спустились в самад и взяли прохладительные напитки. Снова, как и несколько дней назад, они сидели за столиком совсем одни.

Василий Воронков

В самаде было прохладнее, чем в учительской. Дышать стало легче, но Ана по-прежнему чувствовала тяжелую боль в груди. Она думала, что нужно поскорее вернуться домой, самым коротким путем, и сделать себе внеурочный укол – в некоторых случаях дополнительная инъекция допускалась, даже была желательна, как уверяли ее врачи, – и тогда ее, наконец, перестанет мучить удушье. Но потом Ана вспомнила, что дхав в ее квартире совсем разладился с утра, и там наверняка стоит страшная духота.

– И все же я не понимаю, как такое могло произойти, – сказала Ана.

– Ну, а кто понимает? – сказала Ила. – Что уж теперь обсуждать. Да и не вижу я никакой трагедии, если честно. Ну, не послушали очередной треп о том, что скоро все наладится, линии включатся – и все такое.

– Думаешь, они об этом хотели?..

– Ну, а о чем еще?.. Ладно, – Ила качнула рукой. – Давай о чем-нибудь другом поговорим, а то у меня голова начинает болеть, когда я обо всем этом вспоминаю.

Они замолчали.

Ана ждала, когда Ила расскажет ей о своем новом знакомом, о том молодом мужчине, который спешно исчез сразу же после испорченной передачи, но Ила молчала и лишь как-то странно качала головой, как будто мысленно спорила с кем-то.

– У тебя на сегодня все? – спросила Ана.

– Конечно, я сейчас с вечерниками не занимаюсь, – сказала Ила. – Это же ты у нас... А у тебя завтра, да?

– Ну да, завтра. Всё с той же группой.

Они снова замолчали. Ана уже думала предложить Иле уйти – та, видимо, никуда не торопилась, – когда Ила вдруг сказала:

– Слушай, а ты не хочешь как-нибудь съездить в икавезман рядом с Южной? Давно мы с тобой... Можно в этот выходной, например.

– Рядом с Южной? – спросила Ана.

По стенкам стакана с макарандой, стоявшего напротив Илы, медленно стекали прозрачные капли – словно само стекло таяло в мягком сумраке самада.

– Как, а ты не помнишь? Я же вроде говорила... Его не так давно построили. Огромный. Я вообще уже пару недель туда собиралась. Интересно все-таки...

– И чем он от остальных отличается? – спросила Ана.

Ила сделала глоток из своего стакана.

– Во-первых, ехать туда надо вечером, – сказала она. – Вот прямо когда солнце садится. Говорят, что там... Ну, это из-за того, что в башне же этажей тридцать, если не больше, а в центре огромный зал, который... ну... упирается в потолок, – Ила что-то замысловато изобразила руками. – Забыла, как это называется. Зал такой через все этажи, а потолок стеклянный... В общем, говорят, что там по вечерам видно звезды, – удовлетворенно закончила Ила. – Прямо как в пустыне.

– Звезды? – удивилась Ана.

– Ага, представляешь? Ну, и самад какой-нибудь там наверняка есть, можно посидеть. Хотя цены наверняка...

– Ну, давай... – неуверенно сказала Ана. – Вот только вечером... От меня до Южной далековато... Мы успеем?

– Куда успеем? – спросила Ила.

У раздачи что-то зазвенело, и Ила отвлеклась.

– Ладно, – сказала она. – Пойдем уже потихоньку... Я тебе позвоню тогда в конце недели, хорошо?

Они уже выходили из самада, когда Ана не выдержала и спросила:

– Ты, я смотрю, познакомилась с этим новеньким...

– А... – кивнула Ила. – Да только сегодня на самом деле. Он ведь вторую неделю у нас.

Ила открыла дверь, пропуская Ану вперед. Они вышли на лестницу, ведущую с подземного этажа.

– Он раньше где-то работал, – продолжала Ила. – Он говорил, но как-то из головы вылетело после этого. В каком-то... необычном месте.

– Не в видая-лая? – удивилась Ана.

– Нет.

Ила встала у дверей, ведущих в коридор на улицу, но Ана продолжала идти, не сразу заметив, что ее подруга остановилась.

– Эй, ты куда? – сказала Ила. – У тебя же сегодня нет вечеринок. Да и поздно уже.

Василий Воронков

– Да, но у меня тут... небольшие дела, – сказала Ана. – Надо посмотреть журналы, я могу задержаться. Да и Сад просил... Иди без меня.

– Ну ладно, – кивнула Ила. – Смотри там, не перерабатывай. До завтра.

И вышла, неожиданно громко хлопнув массивной дверью.

Сад все еще сидел в кабинете, и его приглушенный голос доносился из-за закрытой двери. Окно в учительской было по-прежнему расшторено, и багровые отблески заката скользили по стенам.

Ана присела у шкафа с журналами. В нижнем ящике, который никогда не закрывали на ключ, обычно лежала казенная гуптика, если только Икапада не забывал вернуть ее сюда после уроков и не оставлял в классной.

На сей раз проигрыватель был на месте.

Ана даже нашла на соседней полке массивные наушники с перемотанными красной клейкой лентой проводами.

Она пристроилась у окна.

Эта гуптика наверняка была исправна – ее использовали чуть ли не каждый день и регулярно проверяли. Если бы с ней что-то случилось, то у Икапады сорвался бы урок.

Ана взволнованно вздохнула, перематывая пленку, подумав, что теперь она наконец-то услышит записанное на пленке послание, что проигрыватель Сада был попросту сломан – точно так же, как и огромный приемник в гаандхарва-заале.

Ана включила гуптику и прижала наушники к ушам.

Тишина.

Затем протяжное нарастающее шипение, похожее на тяжелое дыхание больного. Потом резкие ритмичные сигналы, постепенно сорвавшиеся на рваный истерический фальцет. Эта нервная музыка вызывала теперь у Аны почти физическую боль, и она с трудом сдерживалась, чтобы не убавить громкость.

Но вот какофония завершилась, и в наушниках снова слышалась ровная бессмысленная тишина.

Ана отключила гуптику и поднялась с кресла.

Она несколько раз прошлась по комнате, посмотрела на настенные часы и собралась уже убрать проигрыватель обратно в шкаф, но снова уселась напротив окна и надела наушники.

Ана прослушала запись несколько раз подряд, повторно проигрывая отдельные фрагменты. Запись отпечаталась в ее сознании. Ана продолжала слышать шорохи и шипение, торопливую череду высоких сигналов, похожую на мелодию из поездов, только ускоренную в несколько раз, даже когда гуптика молчала, перематывая пленку на начало, обращая время вспять.

Ана слушала запись снова и снова.

Отрывисто пощелкивали угловатые кнопки со стершими-ся надписями, протяжно скрипел лентопротяжный механизм.

За окном раздался вопль полицейской сирены – так громко, что Ана услышала его даже в наушниках и вскочила на ноги.

Уже смеркалось. Черный виман завис над перекрестком, высвечивая что-то прожекторными лучами за стеной соседнего здания, а потом резко взвился вверх и понесся над покатыми крышами, оставляя после себя тающий след огня.

Ана вздохнула и качнула головой. До часа тишины оставалось не так много, ей нужно было возвращаться домой.

Гуптика все еще продолжала работать, массивный бобин с пленкой медленно вращался в сторону, противоположную той, куда движется часовая стрелка; из брошенных на столе наушников доносился слабый судорожный шум.

И вдруг Ана поняла, что вся эта запись не имеет ни малейшего смысла. Это просто помехи на пленке. Или, может, пленка пролежала где-нибудь несколько лет, размагнитилась, и то, что на ней когда-то было – музыка, которая кому-то нравилась, голоса людей, говоривших о том, что представлялось им важным, достойным того, чтобы сохраниться во времени – превратилось в шум.

Когда Ана вышла из вида-лая, уже совсем стемнело, и на стенах некоторых домов даже зажглись синие газовые фонари. Ана некоторое время стояла, вдыхая тусклый вечерний воздух, словно ожидая кого-то. Вдалеке, увлекая за собой длинные слепые вагоны, пронесся скоростной поезд.

– Только бы не сегодня... – едва слышно проговорила она.

В вагонах оказалось не таклюдно, как она боялась. В первом же забравшем ее от работы поезде были свободные места. Ветер хлестал в приоткрытое окно.

Василий Воронков

Улицы смеркались, небо меняло свой цвет с пепельного на темно-серый. Поезд увозил ее в ночь.

Ана вновь поехала по западной ветке, опасаясь, что попадет в давку, и поезд провез ее мимо обрушившейся башни, над которой по-прежнему кружил массивный воздушный корабль, освещающая прожекторами разломы в стенах. Ана подумала, что завтра дети опять будут спрашивать ее, когда, наконец, заработают северные линии и что случится, если в видая-лая попадет метеорит.

Вид разрушенного, расколотого попалам здания больше не пугал ее. Эти руины стали уже частью города – такой же, как синие вечерние огни или толкучка в плевах по вечерам.

Ана вернулась домой ночью.

На самых высоких башнях северного округа горели мощные прожекторы, лучи которых осматривали погасшее небо, высвечивая редкие перистые облака. Порывистый ветер приносил запах соли и песка, но дорожный камень все еще был горячим после дневного солнцепека.

Ана вдруг почувствовала, что скоро пойдет дождь, как если бы за годы, проведенные у берегов пустыни, она научилась предсказывать осадки.

Поднявшись к себе, она сразу же включила радио.

В новостях никаких прогнозов не сообщали – говорили лишь о восстановлении города и метеоритном дожде в мертвых песках. По другому каналу была музыка, по еще одному – образовательная передача, бессмысленная в такой поздний час.

В комнате было почти невозможно дышать.

Весь воздух выгорел за день, и дхаав лишь бессильно шипел, прогоняя через себя углекислый газ. Ана попыталась настроить дхаав, выкрутила регулятор мощности до упора, и изношенный механизм стал натужно раскручивать в своих недрах электрическую центрифугу, пока, наконец, не выдохнул слабую струю воздуха.

Ана достала из тумбочки у кровати ампулу и шприц. Резкий запах шара, которым она смачивала бинт, ударил ей в нос.

Ана вернулась к приемнику и переключила его на канал, по которому должны были передавать последний за день выпуск новостей, но вместо отрывистого голоса ведущего зазвучала протяжная медленная песня, мелодичный плач, переложенный

для струнного оркестра. Помех не было, даже пыльный динамик приемника перестал шипеть.

Ана смотрела в окно, но видела лишь собственное отражение. Она задыхалась. После укола ей не стало легче.

Дхаав натруженно гудел, однако в комнате так и не стало прохладнее.

Ана выключила свет – в темноте дышать было почему-то легче. Песня теперь зазвучала громче. Высокий, дрожащий женский голос затухал на едва ощутимые мгновения – Ана почти слышала, как певица в этот момент делает глубокий вдох, – и вновь продолжал тянуть нескончаемо длинную ноту, до невозможности долго, пока не надорвутся голосовые связки и вся песня не захлебнется в тишине.

Динамик у приемника начал резонировать, Ана переключила канал. Послышалось привычное шипение и чье-то неразборчивое торопливое бормотание.

В комнате по-прежнему стояла духота.

– Возможные последствия, – глухо произнес голос по радио, – повторного падения...

Ана закрыла глаза. Препарат так и не начал действовать, ей очень хотелось спать, но она боялась задохнуться во сне.

– Сочетание факторов... – говорил голос. – Изменение траектории...

Ана попыталась сделать глубокий вдох.

– ...и как следствие непонимания... Мы не можем разделить всей... безответственность, – прошипел голос из динамика.

Ана выключила радио, и после этого в комнате стало еще темнее.

Она разделась, легла в постель и несколько минут просто смотрела в потолок, стараясь глубоко и ровно дышать. Вскоре она почувствовала, как начинает засыпать.

Ана видела черный ночной город, где вместо дождя шел снег, а она ехала на поезде, который, презрев все законы, взлетал над домами по почти отвесным путям. Вагоны раскачивались, в окна бил ураганный ветер, у Аны развевались волосы.

Она была без респираторной маски.

Вдруг поезд остановился – замер посреди черной пустоты. Из динамиков слышались шипение и свист, резкие ритмичные сигналы, нервно нарастающие с каждой секундой. Свет

Василий Воронков

в вагонах погас, и какофония тут же замолкла, как если бы машинист оборвал электрическую цепь.

Ану оглушила страшная тяжелая тишина.

Она хотела выйти, но не смогла встать. Наконец из громкоговорителей послышался сдавленный, неотличимый от шепота голос, который произносил какие-то слова по слогам. Ана попыталась прислушаться и – проснулась.

Она несколько минут лежала в постели, думая, что уже рассвело, и ей нужно вставать, пока не увидела, что за окном еще стоит глухая полуночная темнота.

Ана попыталась рассмотреть циферблат настенных часов, но не смогла. Она повернулась лицом к стене и попробовала представить себе поезд, иссиние-черную ночь, закрытые двери вагона, голос, шепчущий что-то, странно растягивая слова, но сон никак не хотел возвращаться. Ана просто лежала, чувствуя непонятный дискомфорт, который не давал ей забыться.

Только спустя несколько минут Ана поняла, что в комнате – промозглый холод, и все ее тело окоченело.

Она встала с постели.

Дхаав с выкрученным до упора регулятором все-таки заработал и натруженно шумел, выдыхая ледяные струи воздуха. Ана убавила мощность, однако ее все еще трясло от холода. Тонкое одеяло совсем не помогало. Ана полезла в шкаф, чтобы достать теплую одежду. Свет ей включать не хотелось – электрические лампы окончательно лишили бы ее надежды заснуть.

Ана вытащила большую тяжелую куртку, с трудом нацепила ее на себя одревеневшими от холода пальцами и уселась на постель.

Действие препарата, который она колола перед сном, почти не чувствовалось, но дышать было легко. Синий уличный свет слабо освещал комнату.

Ана не сразу поняла, что сидит в синей куртке Нива, «пилотной», как она ее называла. Куртка была теплой и мягкой, с длинными широкими рукавами и – неожиданно чужой.

В груди у нее что-то резко сжалось, и Ана почувствовала, что вновь с трудом может сделать вдох – дыхание сбилось, и промозглый воздух лишь обжигал ей гортань. Рука Аны невольно потянулась к шприцу на тумбочке.

В нагрудном кармане что-то лежало.

Ана неуверенно запустила руку в карман и вытащила маленькую серебристую ручку с забавным колпачком в виде виха. Ручка Нива.

В комнате было холодно.

Ана сидела на постели, зябко потирая плечи. Ручка выпала, повалилась на пол и закатилась куда-то, исчезла в темноте. Ана тут же вскочила на ноги, включила свет и принялась ее искать.

Ручки нигде не было. Ана устала и остановилась напротив отключенного дхаава.

Электрический свет был таким ярким, что в окно комнаты уже невозможно было ничего разглядеть – только отражения мебели, стен и ее саму в куртке Нива.

Дхаав перестал работать. Скоро в ее комнате будет невозможно дышать, стылый холод сменит сухая пыльная духота, начнется рассвет, в окно будет печь солнце.

Ана села на постель и заплакала.

На тумбочке рядом с ней лежал заправленный шприц. Все еще продолжая вздрагивать, прикрывая рукой рот, как будто стыдясь своего плача, Ана взяла шприц.

После укола она долго сидела на постели, пока не наступили вялость и оцепенение. Ей снова захотелось спать.

Потом Ана поняла, что на ней до сих пор куртка Нива.

В этот раз на занятие пришли все ученики – все, кто был записан в вечернюю группу. Ана даже несколько раз перепроверила список, чтобы точно никого не пропустить.

С самого утра у нее была мигрень, и боль временами усиливалась – от яркого света, шума, даже от музыки в поездах. Классная комната находилась на солнечной стороне здания, поэтому, несмотря на вечерние часы, все окна были плотно зашторены, а у потолка горел колкий электрический свет.

– Сегодня, – сказала Ана, машинально переворачивая страницы учебника, – сегодня у нас последнее занятие, после чего вам предстоит пересдача.

Парень на первой парте нахмурился. Кто-то хихикнул на заднем ряду. Со скрипом сдвинулся чей-то стул.

– Поэтому, – Ана встала, упираясь руками в стол, – сегодня у вас последняя возможность... Я готова задержаться, если это понадобится... Если у вас будут какие-то вопросы...

Дети молчали.

– Хорошо, – сказала Ана. – Мы еще вернемся к этому в конце урока. У нас осталась последняя тема, по ней тоже будут билеты... Откройте учебники на странице...

Ана опять стала переворачивать страницы в своей потрепанной книге. Она подумала, что стоит в следующий раз сделать закладки – чтобы не искать нужный раздел по несколько минут.

– Пустыня разделяется на несколько зон, – сказала Ана, спешно листая учебник. – Что, никто не помнит? Это нужно обязательно знать. Первая зона...

Ана повернулась к доске, но, посмотрев на раскрошенный кусочек мела, решила сегодня ничего не рисовать.

– Первая зона называется нандин, – сказала она, открыв, наконец, нужную страницу. – Это двенадцатый раздел. Раньше так называли степь, переходящую в пустыню. Сейчас этот термин используется для обозначения границы пустыни с населенным пунктом. Вот, например, наш город со всех сторон окружен нандин. Правда, северные районы сейчас активно орошаются и...

– Сугуру? – послышался знакомый голос.

– Да?

– Сугуру, а почему... – начал паренек, поднявший руку, и тут же замялся.

– Ну же, смелее, – сказала Ана и попыталась улыбнуться, хотя голова все еще раскалывалась от боли. – Мы пока не на зачете. Можно задавать вопросы.

– А это правда, что пустыня движется?

– Двигется? – удивилась Ана. – Совсем нет. С чего ты решил?

Ана закрыла учебник и потерла пальцами виски.

– На самом деле движутся барханы, – сказала она, – но буквально на дюйм за несколько лет. Общая площадь пустыни при этом не увеличивается, как раз напротив... – Ана попыталась вспомнить цифры, которые как-то передавали по радио. – Если взять наш город или соседние города, то можно увидеть, что как раз наоборот, города растут, наступают на пустыню.

Ана вдруг разволновалась и встала из-за стола.

– Итак, нандин, – сказала она. – Это первая зона пустыни, часто переходящая в степь. В нандин обычно нет высоких дюн, изредка можно даже встретить заросли джата.

Ана вздохнула.

– После нандин следует карпараза. Карпаразу еще часто называют открытой пустыней. Если нандин – это граница пустыни, и ее протяженность невелика, то карпараза может быть огромна. Ее протяженность бывает самой разной – от ста до четырехсот миль.

Ана, сама того не замечая, стала нервно расхаживать перед доской.

– Следующий сектор пустыни, – продолжала Ана, – называется мекхала-агкати. Мекхала-агкати означает «пояс ветров». Климат и геомагнитный фон...

Ана покосилась на закрытый учебник на столе, подумав, что ее объяснения звучат слишком заумно. Вряд ли об этом будут спрашивать детей на зачете.

– Многие на самом деле путают пояс ветров с зоной молчания. Это неверно. Запомните... на это будут обращать особое внимание на зачете. Через пояс ветров можно передавать сигнал по радиорелейным путям, там могут летать специально подготовленные корабли. Однако магнетизм в мекхала-агкати уже довольно силен, поэтому на кораблях, как правило, практически отсутствует электронное оборудование.

Ана остановилась перед доской. Неплохо было бы как-нибудь изобразить все это, нарисовать карту пустыни – тогда дети лучше запомнят, – однако мел наверняка опять начнет крошиться.

– В мекхала-агкати часто падают метеориты, дюны там обычно не очень высокие, не такие, как в карпаразе, и песок...

Ана снова вздохнула и прикрыла рукой глаза. Головная боль не проходила.

– Кстати, верхние слои атмосферы тоже часто называют поясом ветром – это как бы граница атмосферы планеты, выше которой корабли уже подняться не могут. Граница, после которой начинается... – Ана на секунду закрыла глаза. – После пояса ветров следует нируттара, или зона молчания... Кстати, кто знает, почему она так называется?

– Там не работает связь! – выкрикнул кто-то.

– Правильно, – улыбнулась Ана. – Только надо сначала поднимать руку. В нируттура не работает связь. И не могут летать корабли, кроме... кроме ракет, вахатов... Но вахаты на самом не

Василий Воронков

летают над зоной молчания, – поспешила добавить она, – а поднимаются в верхние слои атмосферы, чтобы...

Дети внимательно следили за Аной. Рассказ о вахатах заинтересовал их куда больше, чем зоны пустыни, которые они не смогли выучить на прошлом зачете.

– Итак, зона молчания, – продолжала Ана. – Считается, что причиной высокого магнетизма в этой зоне являются частые падения метеоритов, однако это пока неподтвержденная теория. Да и точная география зоны молчания неизвестна. Вернее, она постоянно меняется. Зона молчания может расти или, напротив...

Ана замолчала, она была не уверена, действительно ли когда-нибудь мертвые пески отступали, или же она придумала это сейчас, чтобы не пугать детей.

– Зона молчания по сути окружает наш город со всех сторон, – продолжала Ана. – Даже на севере... далеко на севере, после Магхавана, тоже начинается зона молчания. Но ближе всего она находится на юге – чуть больше двухсот миль. Поэтому у нас нет прямого сообщения со всеми южными городами. Например, сообщение с Хапуром, самым отдаленным от нас южным городом...

Дети явно заскучали и начали перешептываться.

– Вы уже один раз не сдали зачет! – громко сказала Ана. – Постарайтесь все-таки сосредоточиться. Вам нужно будет знать все зоны, все их особенности, включая температурные режимы... Например, где обычно регистрируется наиболее высокая температура?

Дети молчали.

– Разумеется, это зона молчания. Обезвоживание там может наступить уже в течение полчаса, даже если...

Ана попыталась вспомнить, снаряжались ли когда-нибудь экспедиции в зону молчания, но не смогла.

– Даже в поясе ветров, – сказала она, – куда часто летают исследовательские корабли, воздух настолько тяжелый, что приходится постоянно носить респираторную маску... Все эти вещи вам нужно будет знать. Вам это понятно?

Несколько учеников активно закивали головами.

– Обязательно прочитайте двенадцатый раздел, – сказала Ана. – Там... все это описано.

– Сугуру! – крикнул кто-то с заднего ряда.

Ана посмотрела на полноватого мальчишку, который нетерпеливо тянул вверх руку.

– Да, можешь спросить, – сказала она.

– А что начинается потом, после нируттар?

Ана вздохнула.

– Потом... – сказала она.

После занятия Ана вновь вышла из вида-лая одна. Она достала из кармана карту с пометками Илы и Нива. Было еще светло, но по холодному ветру и сонной усталости прохожих уже чувствовалось приближение ночи.

Ана посмотрела на карту.

Ее путь домой, задуманный Илой, начинался на той же самой линии, что и обычно, однако ей нужно было проехать на несколько остановок дальше и там, недалеко от окраины, пере-сесть на западную ветку.

На перроне снова оказалосьлюдно, мелькали фигуры полицейских в красных одеждах, вопил громкоговоритель, предлагая пути объезда. Ане пришлось пропустить два поезда, прежде чем она смогла уехать со станции – в переполненном и душном вагоне, стоя у самых дверей и держась за высокий поручень у потолка.

До западной линии Ана ехала долго; несколько раз ей даже хотелось выйти на станциях – в вагоне было почти нечем дышать, – но она боялась, что следующего поезда придется ждать несколько часов.

Добравшись, наконец, до нужной остановки, Ана долго стояла на перроне, глубоко вдыхая холодный вечерний воздух.

В плеве на западной линии, до которой Ане пришлось пройти почти квартал пешком, никого не оказалось. Ана поднялась на перрон как раз в тот момент, когда начинал отходить поезд, и едва успела заскочить в закрывающиеся двери.

В вагоне она была совсем одна.

Поезд уносил Ану – сквозь ранние сумерки и досаждающий шум нарушенных коммуникаций, сиплое хрипение дежурных динамиков и занимавшиеся уличные огни.

Ана взволнованно теребила в руках схему транспортных линий. Она редко ездила по этой ветке и боялась пропустить

Василий Воронков

нужную станцию, которую Ила обвела на карте неровным кружком. Ана даже встала заранее у дверей – задолго до того, как прозвучала извещающая о прибытии на станцию мелодия.

Когда Ана перешла на новую линию, то в первую секунду ей показалось, что там уже много лет не ходят поезда. Пустынный плев, в котором все покрылось пылью, ржавые баллюстрады на перроне. Ана даже удивилась, когда состав все же пришел – старый, давно снятый с производства, с вагонами, где сидения стоят в три ряда.

Ана проехала две остановки, а потом снова вышла – по плану ей предстояла еще одна пересадка. До новой станции Ане пришлось идти почти три квартала пешком, и там уже оказалосьлюдно. Ана смогла пробиться в первый прибывший к перрону поезд, но свободных мест на скамейках не оказалось, и она встала у дверей.

Потолочные лампы в вагоне горели куда ярче, чем в старом расшатанном составе, который вез Ану раньше, и от непривычки она щурила глаза.

Неподалеку от Аны сидела пожилая женщина и прикрывала лицо платком, как если бы в вагоне плохо пахло, хотя Ана не чувствовала никаких запахов. Заметив Ану, бессильно повисшую на поручне у двери, женщина быстро убрала платок от лица и стала как-то наигранно смотреть в другую сторону.

Ожили громкоговорители над головой. Поезд подходил к станции.

Ану едва не вытолкали на перрон, но она смогла удержаться за поручень и попыталась протиснуться вглубь вагона.

Через несколько остановок в поезде стало свободнее. Ана достала из кармана свою карту, чтобы свериться с маршрутом. Уже на следующей станции ей нужно было выходить.

И снова ей предстоял долгий путь пешком – через широкую улицу, похожую на спешно сооруженный базар – разноцветные шатры, примыкающие к стенам, люди с круглыми подносами, заваленными цветистой мишурой, похожие, скорее, на приставучих попрошайек, чем на торговцев.

Большинство деляг уже начали прикрывать свои лавки, считая, видимо, что торговать в сумерки – это плохая примета, но на улице все еще былолюдно. Многие, как и Ана, возвращались с работы, задерживаясь по пути у торговых лотков.

Вокруг стоял гомон, как во время народных гуляний – отовсюду звучала речь на разных языках, приемники играли со всех сторон разом, яростно перекрикивая друг друга, какой-то зазывала включил громкоговоритель, но тот лишь оглушал прохожих громким резонирующим звоном.

Ана старалась побыстрее пройти через торговую улицу, но уже на выходе с рынка чуть не столкнулась с высоким парнем в яркой расшитой куртке, надетой поверх еще одной, точно такой же. Парень держал в руках переносной лоток с огромными бусами из ненатуральных синих камней и шел, не глядя перед собой, уставившись на прилавок под линялым навесом, где собралась уже целая толпа. Ана едва увернулась от него и тоже невольно посмотрела на торговый развал.

И тут она увидела его.

Нив!

Он стоял, повернувшись к ней спиной, и о чем-то говорил с торговцем. Ана крикнула – так громко, насколько ей позволяла респираторная маска, – однако он даже не обернулся, как будто забыл свое имя. Ана бросилась к прилавку, но ей преградил дорогу крижистый мужчина, который нес массивный радио-приемник, заботливо обхватив его руками. Ана оттолкнула его, и мужчина, чуть не выронив свою драгоценную покупку, что-то прокричал ей вслед на гали.

Нив тем временем уже быстро шагал по направлению к хагате.

Ана что было сил побежала за ним, но вскоре почувствовала судорожные спазмы в груди и остановилась. Она несколько раз глубоко и хрипло вдохнула, опустив голову, упираясь рукой в какую-то стену, с которой осыпалась штукатурка.

Нив же только прибавлял шаг, не оглядываясь назад.

Отдышавшись, Ана снова пошла вслед за ним – так быстро, насколько могла, – хотя и понимала, что ни за что не сможет его догнать. Нив продолжал неумолимо удаляться, пока не скрылся за поворотом, неподалеку от входа на станцию.

Когда Ана зашла в плев, то едва могла дышать.

Нива в плеве не было. На скамейке у стены сидела молодая женщина, пожилой мужчина говорил по гииразе, привычный полицейский в красном балахоне со скучающим видом расхаживал у лестницы, ведущей на перрон.

Василий Воронков

Ана встала рядом с гиризой и попыталась восстановить сбившееся дыхание.

Раздался громкий неприятный гудок – на станцию прибывал поезд.

Ана стала подниматься по лестнице на перрон, опираясь рукой о перила. Ее постоянно толкали спускающиеся вниз люди.

Она едва успела.

Поезд уже отбывал, и двери закрылись сразу же после того, как она ввалилась в вагон, обессиленно хрипя, чувствуя себя на грани обморока.

Нива в вагоне не было.

Ана встала, изможденно прислонившись к пилону, и вытерла ладонью пот со лба.

Состав раскачивался, стремительно набирая ход. Ана даже не понимала, в какую сторону едет. К восточной окраине? На северо-запад? Она вдруг подумала, что он мог сесть на другой поезд или просто пойти вниз по улице. Она потеряла его. Навсегда.

Придя в себя, Ана осмотрелась.

Все скамейки в вагоне были заняты. Несколько человек стояли напротив окон, держась за металлические поручни у потолка. Ана, все еще покачиваясь от слабости, прошла до конца вагона, опираясь руками о спинки скамеек, встала у дверей, оглянулась и вышла в тамбур.

Следующий вагон.

Здесь уже было посвободнее. Мальчишка лет десяти стоял, обхватив одной рукой серебристый пилот, а все остальные сидели. Ана шла между рядами сидений, вглядываясь в лица.

У потолка заиграла музыка, поезд приближался к станции. У Аны сжалось сердце. Несколько человек встали со скамеек и подошли к дверям. Поезд дернулся и замедлил ход. В окнах вагона показался длинный перрон.

– Нив! – отчаянно крикнула Ана.

Почти все пассажиры уставились на нее. Мальчишка, обнимавший пилот, вздрогнул и тоже испуганно посмотрел на Ану. Пожилой мужчина, сидевший у дверей, нахмурился и покачал головой.

Поезд остановился. Ана метнулась к дверям, решая, выходить или нет.

На перроне было людно, и, когда открылись двери, в вагон хлынула нетерпеливая толпа. Ану толкали – она мешала людям заходить в вагон. И тут она увидела знакомую фигуру – Нив был уже на дальнем конце перрона. Он на мгновение промелькнул перед ее глазами и тут же скрылся на лестничной клетке.

– Нив! – крикнула Ана.

Она выскользнула из вагона в самую последнюю секунду – перед тем, как закрылись двери, – и побежала к спуску с перрона. Ана пролетела по лестнице, пересекла плев и остановилась уже на улице, где почувствовала, как к горлу подступил огромный, теплый комок, мешающий ей дышать.

Широкая мостовая шла под откос – наверное, эта часть города была на несколько миль ниже уровня моря. На стенах домов висели грязные флаги и отключенная иллюминация, оставшиеся после праздника.

Нива нигде не было.

Над головой Аны пролетела черная тень скоростного состава, уходящего в том направлении, откуда она только что пришла. Приближалась ночь, нужно было возвращаться домой.

Ана проводила взглядом поезд и пошла вниз по улице. Стали зажигаться ночные фонари. Свет плавно приближался к ней из глубины улицы.

Вдалеке мелькнул чей-то силуэт, едва различимый даже в свете ночных фонарей.

– Нив!

Ана была уверена, что это именно он. Она побежала навстречу разгорающимся огням, свернула за угол.

И остановилась.

Ана оказалась посреди узкой ярко освещенной улочки, на которой не было ни души. Она прислонилась спиной к стене здания и зашлась тяжелым судорожным кашлем. Ей хотелось стащить с лица респираторную маску. Дышать стало невозможно. Ана надрывно хрипела, пытаясь сделать вдох.

Вокруг никого не было. Только горел свет.

Рука Аны потянулась к зажимам респираторной маски. Где-то поблизости хлопнула дверь. Послышался мужской голос.

– Нив... – негромко произнесла Ана.

Она сделала несколько шагов, опираясь рукой о стену, и остановилось рядом с закрытой дверью.

У двери висел бумажный плакат – выцветший, с расплывшимися после недавнего дождя красками, – на котором был изображен длинный цилиндрический вахат с широкими крыльями у хвоста, летящий, выбрасывая сноп ненатурального маслянистого пламени, на фоне пустого предзакатного неба.

РОЖДЕНИЕ ДОЖДЯ

Город заканчивался там же, где и скоростная магистраль, которая, изменяя высоту и направление, огибала стальным кольцом названные в честь сторон света районы. Как ровно очерченный периметр, разделявший серую духоту столицы и пространство, которое, в зависимости от настроения или времени суток, было то открытое, то пустое, ограниченное лишь горизонтом, а по сути – зрением, уже не различавшим ничего вдали.

Всегда можно было приехать к границе на поезде – требовалось лишь выйти из дома пораньше, когда еще не совсем рассвело, поезда ходят с увеличенными интервалами, но и почти никто их не ждет.

На окраинах, у самой границы с песками, город необъяснимо менялся, начиная обращаться в пустыню.

Над домами, которые казались бесплотными, как пустынные миражи, поднимались прозрачные полосы дыма, едва различимые на фоне утренних сумерек – хотя труб было не видно, и город еще спал. Во всем – в оттенках неба, в ветре, хлеставшем в окна вагонов, даже в навесных перронах – чувствовалось неумолимое приближение пустыни. Расстояние между станциями хагаты увеличивалось – в соответствии с законами распределения площадей. Шумные улицы становились безлюдными проулками, по которым никто не ходил. Вместе череды нанизанных друг на друга кварталов открывался вид на строительные пустыри, заваленные медленно разлагающимся мусором, отходами жизни.

Город постепенно сходил на нет, растворялся в солнечном зное или холодном ночном сумраке – и за последней эстакадой начиналось широкое ветреное море.

Вдали, на его высоких песчаных берегах, виднелись станции для очистки атмосферы, стоящие в каком-то запутанном порядке, на неравном отдалении друг от друга – если, конечно,

не обманывали глаза. Эти башни – высокие, как ни одно из городских строений, необъяснимо возведенные там, где фундаментом служил лишь проседающий песок – напоминали величественные древние храмы.

Море Анила было широкой впадиной, лишенной жизни, подернутой зыбким белесым песком, по которому невозможно ходить, не увязнув по колени. За морем поднимались отвесные стены, изогнутые навстречу ветру, как стальные щиты, а далеко за этой тщетной, постоянно разрушавшейся баррикадой, которая должна была препятствовать движению песка, стояли наполовину заметенные этим песком исследовательские станции.

Сильные морские ветра иногда приносили со спящих земель сумрачные облака, и никакие атмосферные станции не могли предотвратить мизрака-ваари, во время которых город умирал – по иным линиям даже переставали ходить поезда. Если что и расцветало вопреки засухам на уставшей земле, то после таких дождей обречено было на смерть. Песок на дне анильской впадины становился грязью, которая поднималась как во время потопа, чтобы разлиться ручьями по всей пустынной равнине, высыхая на жаре, неизменно приходившей на смену ливням, превращаясь в призраки рек. Прогнозы мизрака-ваари всегда тщательно подготавливались заранее – с параноидальным вниманием к малейшему сдвигу в движении циклона, к возмущениям на выгоревшем небе Дёзы, – хотя все равно нередко случалось так, что дождь оказывался неожиданностью и для самого предсказательного бюро.

Ана провела раннее детство в уннам-лая для особенных детей.

Родителей своих она не помнила, но почему-то была уверена в том, что они приехали из далекого южного города, вроде Хапура, где каждый день идут чистые дожди, а воздух пропитан холодом и влагой. Возможно, кто-то из взрослых сказал ей об этом, или же Ана придумала себе родителей сама, но даже в самых ранних своих воспоминаниях она всегда знала, что ее заставляют жить в мире, которому она никогда не принадлежала.

Здание уннам-лая стояло на самой окраине города, за стальным скелетом эстакады. Из окна комнаты Аны открывался ослепительный вид на безжизненное море, на заградительные стены,

Василий Воронков

обступавшие его берега, и на пустыню, которая казалась бесконечной из-за обмана зрения, простираясь до самого горизонта, где дюны сливались с небом, таким же бесцветным, как и песок.

Несколько раз Ана видела, как зарождается над пустыней дождь.

В детстве она никогда не слышала прогнозов погоды и даже не знала о том, что они существуют – старенький приемник, оставленный или просто забытый кем-то в ее комнате, умел принимать единственную волну, которая упрямо игнорировала движения циклонов, ограничивая свой репертуар сбивчивыми новостями, заунывной музыкой и шипением помех.

О приближении дождя Ана узнавала сама.

Часто перед грозой становилось так душно, что дхавы в здании уже не успевали остужать воздух, захлебываясь в песчаной пыли, а ей нельзя было открывать окно. Начинало смеркаться, мир сходил с ума, вечер опережал день, но они продолжали мучиться от духоты и пекла.

Сосед Аны, живший с ней в одной комнате, не умел говорить, хотя другие дети прозвали его Болтуном.

Ана уже не помнила собственное прозвище – как и лицо Болтуна, – но она помнила радио, песню, которая играла по вечерам, дождь, принесенный ветром, и свои сны – куда лучше чем то, что происходило в действительности. Действительность же была там, за окном, в мертвой пустыне, которая тянулась до горизонта, где прерывалась полоса реальности, и небо превращалось в песок. А пустыня никогда не менялась. Вернее, менялась лишь несколько раз за все время, что Ана жила в уннам-лая – когда начинался дождь.

Однако некоторые совсем ранние воспоминания, еще до того, как Ана научилась говорить – так, по крайней мере, она сама оценивала их давность – сохранились в ее памяти особенно ясно. А может, память обманывала ее, и это тоже были всего лишь сны.

Все небо над морем затянула густая черная пелена, что-то ярко вспыхнуло, озарив на мгновение грозовые облака. Потом прогремел страшный гортанный раскат, опаздывая за молнией, которая уже рассекла судорожным разрядом небо. Гром доносился откуда-то из глубины, из самых недр анильской впадины. Ана так удивилась, что даже попыталась открыть окно –

одна в комнате, без респираторной маски, – но тугая оконная ручка, к счастью, не поддавалась. Голубая электрическая вспышка вновь осветила на секунду береговые пески.

Ана не помнила сам дождь – быть может, кто-то увел ее из комнаты, или же воспитательница, которая неизменно, как призрака, преследовала ее весь день, рассказывая о запретах и давая наставления, зашторила окно, рассудив, что Ане не стоит на это смотреть.

Ана не помнила дождь, но она помнила шум дождя. Сначала тихий и неуверенный шелест, а потом оглушающий рев падающей с неба воды, перебиваемый раскатами грома. А потом – тишина.

После дождя еще долго нельзя было выходить во двор. Все двери уннам-лая закрывались. Но Ане хотя бы позволяли смотреть в окно.

Ненастные сумерки сменялись вечерними. Вечер уносил черные тучи в сторону города, к высоким каменным башням. На транспортных линиях загорались тревожные красные огоньки, но поезда все еще ходили – до самой последней минуты, пока их не настигнет прошедшая над анильским морем гроза.

Первый в жизни приступ случился у нее как раз во время дождя.

Тогда для лечения еще не использовали внутривенные инъекции, и Ану заставляли дышать через специальный ингалятор – а это было куда мучительнее, чем сам приступ удушья. Весь оставшийся день ее тошнило, а голова кружилась, как перед обмороком.

Первое ее воспоминание в жизни – толстая трубка в горле, резкая вонь от едкого препарата, выжигающего легкие. Белые бесплотные люди вокруг нее говорят вполголоса. Из-за трубки в горле, содравшей всю гортань, и зловония лекарств к горлу подкатывает рвотный спазм, однако желудок пуст, и Ана лишь чувствует, как что-то судорожно сжимается у нее внутри, а рот наполняется горькой слюной.

Второе воспоминание.

Маска на лице больно врезается в щеки и давит на виски. Маска пахнет точно так же, как и та отравы, из-за которой у Аны был немой приступ рвоты. Эти события отделяют мгновения или же долгие годы. Дышать очень тяжело, приходится с силой втягивать в себя воздух. Кто-то ведет ее за руку, настойчиво

Василий Воронков

тянет за собой, и Ана не сопротивляется, хотя ей совсем не хочется идти. Коридор уннам-лая – длинный и пустой. Но вот резкая полоса света разрезает спокойный сумрак, и они выходят во двор.

Небо совершенно желтое. Как песок. Время суток определить невозможно. Полный мальчишка рядом со входом замирает, когда Ана спускается вниз со своим невидимым спутником, и смотрит на нее, странно выпучив глаза, даже выронив от удивления что-то из рук. Ана пытается присмотреться, ей становится интересно, что же он уронил... После этого темнота.

Болтун был ниже ее ростом, полноватым, с редкими сальными волосами – это все, что она запомнила о его внешности. Болтун как-то неловко и настойчиво проник в жизнь Аны и навсегда остался в ее памяти странным безликим призраком, все время следующим за ней по пятам. Болтун все время молчаливо ходил вместе с Аной, куда бы она ни направлялась, какие бы надуманные воспитателями запреты не решила нарушить. Одиночество пугало Болтуна не меньше, чем Ану – его упрямое молчаливое преследование. Болтун ничего не делал, не пытался даже заговорить с ней на своем немом языке – Ана вообще не была уверена, что он знает все эти специальные жесты, которыми общаются люди, лишенные голосов. Впрочем, она довольно быстро привыкла к Болтуну и даже сама звала его с собой, хотя в этом и не было никакой нужды, кроме, разве что, попытки сказать себе и ему, что она его все еще замечает.

Ана помнила: его отдышку после того, как они поднялись вместе на самый последний этаж, через длинные лестничные пролеты, решившись на это бессмысленное восхождение только потому, что в силу каких-то невнятных причин находиться на последнем этаже было строго запрещено; его страх перед громкими звуками – кто-то прокричал во всю глотку, заскрежетали громкоговорители, – и Болтун конвульсивно вздрагивал, как будто его ударило током; его сонное безразличие ко всему, что не нарушало тишины – до тех пор, пока они не выходили из стен уннам-лая; его ужас, когда он не мог ее узнать, – однако Ана никак не могла вспомнить его лица. Она даже забыла, если вообще знала когда-то, почему он не говорил – это был порок речи, врожденная болезнь, как ее неумение дышать

выжженным воздухом Дёзы, или он просто боялся собственного голоса так же, как и бесноватых воплей других детей по утрам.

Через какое-то время прогулки с Болтуном стали для Аны чем-то таким же важным, как и лечебные процедуры по утрам. Ведь это было то, что делало ее особенной, отличало от остальных – бессменный помощник, который покорно тащился за ней, куда бы она ни шла, даже если за это их ожидало неизбежное наказание. Болтуну доставалось тоже, как если бы он сам отвечал за свои решения, а не шел на поводу у Аны. Но Болтун не обижался. Мало что могло нарушить его равнодушие. Кроме респираторной маски Аны.

Всякий раз, когда Ана надевала ее, Болтун застыл от ужаса. Ана пыталась объяснить ему, что это по-прежнему она, что ничего не изменилось, а страшное устройство у нее на лице просто помогает ей дышать, однако Болтун бледнел и начинал пятиться, панически озираясь по сторонам, пытаясь найти другую, настоящую Ану.

Та непонятная связь между ними, помогавшая понимать друг друга без слов, неожиданно обрывалась, когда Ана надевала респираторную маску. Ана стала сторониться двора – там она не могла дышать сама, а Болтун не мог узнать ее в маске. Двор стал запретным, по-настоящему, а не как те особые этажи и комнаты в уннам-лая, куда им не разрешали ходить. Выход во двор был той чертой, за которой они существовали только поодиночке.

Этот непреклонный час тишины, запрет на прогулки во дворе, нарушение которого обращалось кошмаром для них обоих, длился весь день, от рассвета до темноты, завершаясь лишь с заходом солнца, когда небо меняло свой цвет, и темнели барханы.

Поздно вечером, дождавшись, пока Болтун заснет, а в небе зажжется хотя бы одна звезда, Ана выскальзывала из комнаты, прихватив с собой респираторную маску. Конечно же, разгуливать по коридорам в такой час запрещалось, но Ане нравилось нарушать очередные суровые порядки. К тому же ни одна из дверей – на лестничную клетку, на первый этаж, в темноту подъезда – не была закрыта.

Так, по крайней мере, она помнила теперь.

Вместе с сумерками пустели коридоры. Во всем здании включали свет, и идти приходилось на ощупь, касаясь руками

Василий Воронков

шершавых стен. Надо было добраться до конца коридора, а потом спуститься по ступенькам на самый низ, крепко хватаясь за хлипкие перила, чтобы ненароком не поскользнуться. После этого оставалось только надеть респираторную маску и отворить последнюю дверь.

Ана никогда не уходила далеко, ей вовсе не хотелось забредать в пустыню или даже гулять по двору – достаточно было лишь встать неподалеку от подъезда, повернувшись спиной к городу, освещенному миллионами огней, и тяжело, через силу дышать, с трудом привыкая к воздушным фильтрам, ощущая ровный бесстрастный холод, головокружительный простор ночного моря, отдававший запахом едкой химии от респираторной маски. В небе над ней сквозь полуночную темноту проступали тусклые звезды. Впрочем, наверняка это было всего лишь сном.

А еще Ане как-то приснилось, что Болтун заговорил.

Они стояли вместе во дворе, на Ане не было респираторной маски, однако дышалось ей так же легко, как и в помещении. Догорал закат, в уннам-лая во всех комнатах уже выключили радио и приглушили свет. О них просто забыли. Ана оглянулась – весь двор пересекали страшные черные тени, какие можно увидеть только во сне. Она захотела что-то показать Болтуну в надежде, что это неожиданно вызовет у него интерес, и тут услышала его голос – ровный и громкий, но в то же время бездушный, неживой, как у заводного механизма, речь которого, не связанная с дыханием, становится пустой, теряет все признаки жизни. Болтун произносил какие-то слова, громко и четко, глядя на Ану в упор, однако то, что он говорил, было полностью лишено смысла. Очертание трагедии. Результат сложения общей площади. Это было похоже на речь сумасшедшего, который не замечает, что путает все слова, и безоглядно уверен, будто другие его понимают. Ана просила Болтуна замолчать, зажимала уши руками, но он продолжал говорить – из него безостановочно лился этот поток слов, накопившийся за годы молчания. А над пустыней тем временем сгущались страшные грозовые облака.

Ана видела, как над пустыней начинается дождь, только дважды – второй раз, когда уже жила в своей комнате одна.

Она не была даже уверена в том, что действительно случилось с Болтуном. Он просто исчез, устав от скучных странствий

по этажам уннам-лая. Все коридоры были уже изучены, тайные комнаты найдены, все запреты нарушены.

И Болтун оставил ее одну.

Ана никак не могла этого понять, но ей ничего не объясняли – о Болтуне боялись говорить вслух. Ана была не в силах смириться с тем, что ее друг внезапно ушел, исчез – вот так, без истории, – просто сгинул как тень, перестал существовать.

И она придумала ему историю. Историю Болтуна.

Ана представляла, как Болтун однажды не пошел вслед за ней, когда она вновь захотела нарушить очередные бестолковые запреты – подробности не имели значения, все равно их обычно не сохраняет память.

Впрочем, это случилось во второй половине дня.

Или даже вечером – в это время солнце уже не печет так сильно, и можно даже смотреть на небо, не прикрывая глаза рукой. Болтун, такой же, как и всегда – чуть насупленный, с вечно сальными волосами – дождался, пока Ана не исчезнет в коридоре. Потом, с обычным своим вялым безразличием ко всему, что происходит вокруг, встал со стула у окна, в котором отражался желтый пустынный вечер, и вышел из комнаты, аккуратно притворив за собой дверь, точно собирался скоро вернуться, ведь его ждали стул и вид из окна.

Болтун не вернулся.

Он прошел мимо одинаково закрытых дверей навстречу широким лучам солнечного света. Потом спустился по лестнице, ступая медленно и осторожно, не пропуская ни одной ступени.

Но все это и вправду не важно.

Был вечер, садилось солнце, Болтун вышел во двор. И все с тем же молчаливым безразличием пошел дальше, оказался неизвестным образом за стеной, отделявшей их пыльный мирок от настоящей пустыни, а потом стал забираться на высокий бархан. Ана представляла – тонкая вереница следов, которые тут же засыпает ветер, и – уже совсем далеко – одинокая знакомая фигура, похожая на темную песчинку на фоне желтого песка.

Смеркалось, и небо стало темно-серым. Хотя нет. Это было перед самым началом дождя.

Черные облака, быстро растущие над анильским морем, скрывали солнце. Послышался первый раскат – издалика, с той

Василий Воронков

стороны, куда уходил Болтун. Но потом громовой грохот оборвался, погас во все еще раскаленном вечернем воздухе – ведь время пока не настало, и гроза должна была подождать.

Ветер срывал с застывших волн на барханах тонкие гребешки песка.

Ана не видела дождя. Но она слышала – помнила – шум воды. Неудержимое горе обветренного пустынного неба, надрывной плач. Под окном яростно бурлили потоки. Все небо превратилось в воду, стало живым бушующим морем, которое проливалось на мертвые пески.

Во время дождя закрывали шторами окна. В коридорах и комнатах гас свет, как будто из-за грозы нельзя было зажечь даже газовые лампы. А еще воспитательница забирала у Аны приемник. Ана не понимала, почему. Это было похоже на какое-то бессердечное наказание – пусть даже в такие часы приемник и передавал лишь шипение да треск.

Ана совсем не помнила воспитательницу. Теперь она представлялась ей лишь какой-то невыразительной тенью, бесплотное присутствие которой ощущалось везде и повсюду. Зато Ана хорошо помнила, что делала воспитательница – она забирала приемник по вечерам и во время дождя.

Каждый вечер, в неизменный час, по комнатному приемнику, умевшему различать в волнах эфира лишь единственную станцию, передавали одну и ту же песню – долгую и тоскливую, как молитва. Высокий мужской тенор, музыка, совсем тихая, словно в тени голоса... – Ана не разбирала слов, видимо, пели на каком-то забытом наречии, вышедшем из обихода сто лет назад. Голос судорожно, почти надрывно тянул бесцветные гласные, вздрагивая от хрипа помех, сбиваясь с ритма и снова подхватывая свой длинный заунывный напев. Ана удивлялась, как можно так долго растягивать гласные и не задохнуться, но голос только набирал силу, сиплый шорох помех становился тише, и песня уже звучала во всей комнате, вырвавшись из приемника. Но потом голос вновь затухал, медленно гас, сливаясь с игрой щипковых инструментов, заканчивая на выдохе свою грустную непонятную молитву.

Ана так никогда и не узнала, о чем он пел. Она слышала, как кто-то – наверное, из взрослых – называл эту песню плачем.

Песня песка

Песня разливалась волнами, подобно дождю, то затихая, то вновь расходясь с новой силой – протяжные гласные, перебивчатая мелодия, шипение помех.

Ана смотрела в окно и придумывала историю для Болтуна. Песня становилась для нее частью утасяющего вечера.

А потом воспитательница забирала радио.

Ана представляла – в день, когда Болтун ушел навсегда в мертвые пески, перестало работать радио.

Голоса, единственная радиостанция, по которой передавали новости о первом в истории космическом корабле, и тоскливая напевная молитва по вечерам, и рассказы о жизни в огромном каменном городе, где с наступлением сумерек зажигаются синие огни, заменяя собой свет звезд, и что-то еще, теперь уже позабытое – все это распадалось на шорох и треск помех, бессмысленный и бессвязный, и ничего уже нельзя было собрать воедино, та самая действительность, которая забывается быстрее, чем сны, рассыпалась с закатом подобно песку, исчезала в дыхании пустыни – ветер, окрепший с началом сумерек, поднимал в воздух песчаные волны, где-то в сердце спящих земель начиналась страшная буря, а голоса тем временем затихали, медленно гасла зауспокойная песня, и приемник бессильно замолкал.

Свет во всей уннам-лая приглушали, и это всегда поражало Ану – ведь она была уверена, что электричество состоит в близком родстве с разрядами молний, от которых песок превращается в стекло. Потом закрывали тяжелыми шторами все окна – детям нельзя было смотреть на дождь. А потом наступала глухая непроницаемая темнота.

В последний раз Ана видела грозовые облака над дюнами незадолго до того, как ее отправили в город, в видая-лая первой ступени, где все умели говорить и дышать без маски. Вспоминая об этом, она часто думала – в те дни для нее не существовало запретов, она точно назло кому-то нарушала все заведенные в уннам-лая порядки, но ни разу не решилась выглянуть в окно, когда шел дождь, довольствуясь лишь шумом воды, бегущей по стенам.

Тайна дождя навсегда осталась за закрытым окном.

Прогноз передавали еще вечером.

Ана вернулась домой поздно, когда улицы уже опустели. Она хотела лечь пораньше, выспаться, ведь завтра она собиралась

Василий Воронков

с Илой в икавезман. Но по радио дали прогноз мизрака-ваари – нечистого дождя, который шел лишь несколько раз в году.

Ожидаемый уровень осадков, скорость движения ветра, облачность.

Ана думала о том, как бы дождь не начался еще утром, сразу вслед за рассветом, не давая городу прийти в себя после беззвучной ночи. Хотя бюро прогнозов и обещало осадки только ближе ко второй половине дня, это не успокаивало Ану – слишком часто они ошибались в своих предсказаниях. Она знала, что многие будут ждать дождь еще с утра.

Ана проверила дхаав – легкая струя воздуха приятно была в ее поднятую ладонь – и села у окна.

Уже стемнело, Ане нужно было спать, но спать она не могла. Сонная одурь после утреннего укола давно прошла, и Ана вновь чувствовала тяжесть в груди при каждом вдохе.

Комната – свет нигде не горел – была пропитана темнотой и пылью. Ана еще раз проверила дхаав – тот по-прежнему исправно работал, обдавая слегка прохладным воздухом ее дрожащие руки.

Ана включила приемник и стала настраивать частоту. Она и сама не понимала, что ищет. Ана медленно поворачивала ручку регулятора. Густая пелена помех менялась опустошенным молчанием, а затем странными завываниями, напоминающими шум ветра. Наконец прорвались чьи-то голоса.

О дожде больше не говорили.

У Аны даже мелькнула мысль – а не послышался ли ей этот несвоевременный прогноз, не придумала ли она дождь сама из-за странного вводящего в транс препарата, к которому медленно и неохотно привыкало ее тело.

И в ночном сумраке, и в черной полосе смога над неясными домами у горизонта было что-то волнующее и тревожное, напоминавшее ей о тех днях, когда она видела, как начинается в пустыне гроза.

Голос по радио, новости, повтор утреннего выпуска. Кому нужны были новости в такой час. Голос иногда сбивался – его бесцеремонно заглушал треск помех, и части слов, а то и целые предложения тонули в шуме. Казалось, что человек по радио постоянно запинается, путает слова, резко меняет тему, забывая, о чем говорил несколько секунд назад.

Ана вдруг подумала, что завтра действительно будет дождь – теперь в этом уже не было сомнений.

Она выключила радио. Потом закрыла глаза и представила – шелест воды, громовые раскаты, окно в ее комнате, погасшее, не пропускающее свет – смотреть на дождь по-прежнему нельзя.

Ана подумала, что завтра ее наверняка разбудит шум дождя – прекрасный и страшный одновременно.

ПОСЛАНИЕ

Ночь была необъяснимо светлой, хотя половина фонарей на улице не горела, но все небо мерцало, освещая застывший от холода город. Ана не видела ни единого облака, ни единой звезды, и даже черные полосы смога, тянувшиеся над огромными трубами на юге, быстро таяли на холодном ветру. Небо, объятное странным голубоватым свечением, отражалось в бесчисленных окнах, и вся улица из-за этого становилась бесплотной и призрачной, как мираж.

Падал снег.

Поначалу снежинки просто исчезали в густой тени улиц, но потом их начал кружить ветер, они оседали на оконные стекла и тут же превращались в грузные дождевые капли.

Ане снилось, что всю улицу замело.

Ей было холодно во сне. Вся ее маленькая квартирka насквозь промерзла, хотя рама окна была по-прежнему плотно проклеена толстой бумагой и пленкой. Ана пыталась кутаться в какую-то одежду, но это не помогало. Даже когда Ана поняла, что спит, холод не проходил, и она никак не могла проснуться.

Ана смотрела на снегопад и светящееся небо, но потом вдруг вскочила на ноги и начала сдирать пленку с окна. Пленка отходила неохотно, с треском и скрипом, как будто вся оконная рама разламывалась на части. Ана поранила пальцы, на стекле остались следы крови, но она совсем не чувствовала боли – только холод, пробирающий до самых костей. Наконец окно было свободно. Ана глубоко вздохнула, повернула оконную ручку, резко дернула ее на себя и...

В первые секунды после пробуждения Ана все еще чувствовала легкий озноб. Она подумала, что дхаав опять заработал на полную мощность и выстудил всю комнату, пока она спала.

Василий Воронков

Она с трудом поднялась с постели и, покачиваясь, подошла к дхааву. Воздух в комнате раскалился, а очиститель не издавал ни звука. Ана выключила дхаав, включила снова, и внутри машины что-то громко заскрежетало.

Половину циферблата настенных часов скрывала тень, минутная стрелка указывала на восток. Нужно было спать.

Ана легла в постель и попыталась уснуть. Ей хотелось вновь вернуться в тот сон, где было голубое водянистое небо, снег и холод, от которого ломило кости, где она могла распахнуть окно на улицу и дышать полной грудью без маски. Она сосредоточенно восстанавливала в памяти образы из сна, пыталась даже вспомнить, в какой позе вчера засыпала, но сон не шел.

Ана не помнила, как заснула и что ей снилось – если после снежного города ей вообще снились какие-то сны. Проснувшись на рассвете, она умылась, сделала себе укол и несколько минут просто ждала, когда препарат подействует. Но чувствовала только легкую ноющую боль в руке.

Утро выдалось облачным, как и обещали вчера по радио. Вместо мерцающего голубого неба над городом висели темные грозовые тучи, а порывистый ветер – внизу, под эстакадой – нес по улице мусор и песчаную пыль. Ана уже больше года не видела таких грозовых облаков.

На улице никого не было, а из-за отключенной эстакады казалось, что во всем городе объявили мертвый час. Ана посмотрела на часы, потом проверила дхаав – тот выдыхал лишь слабую и теплую струю воздуха.

На лбу Аны выступил пот.

Дышать становилось все тяжелее, а препарат по-прежнему не действовал. Ана посмотрела на пустую ампулу и шприц, оставленный на тумбочке у постели, а потом взгляд ее снова остановился на часах. Теперь минутная стрелка указывала на юг – откуда ветер приносил тучи.

Ана стала собираться.

Она быстро, насколько могла, натянула платье и даже чуть не забыла респираторную маску. На лестничной клетке и в подъезде было так же душно, как в квартире. Ана, несмотря на слабость, быстро спустилась и вышла на улицу.

Даже в маске дышать теперь было значительно легче. Ана набрала полную грудь воздуха и почувствовала легкое приятное головокружение. Она была одна на всей улице.

Ана медленно пошла под эстакадой в сторону Нивартана. Облака быстро плыли над крышами домов; вдалеке, у скрытого за каменными башнями горизонта небо стало уже совсем черным – можно было подумать, что на город надвигается буря из мертвых песков.

Ветер усилился. Ана склонила голову, чтобы защитить глаза от пыли.

Идти с каждым шагом становилось все тяжелее. На улице не было других прохожих, даже у Нивартана не дежурили привычные полицейские.

Ана остановилась. Ей вдруг стало страшно. Она не знала, куда идет. Маска забилась пылью. В любую минуту мог начаться дождь.

Ана в спешке зашагала в сторону дома.

Дхаав в комнате по-прежнему едва работал. Ана чувствовала себя совершенно измотанной, но улица в окне была спокойной и тихой – ливень, от которого она бежала, так и не начался.

Ана сделала себе еще один укол. На сей раз препарат подействовал неожиданно быстро, у Аны закружилась голова, и она прилегла на постель.

Зазвонила гиираза.

Ана удивленно посмотрела на дребезжащий на стене аппарат. Ей пришлось встать. Она сняла трубку.

– Привет! – послышался голос Илы. – Ну... ты как?

– Да не очень, – сказала Ана.

– Что так?

– Дхаав едва работает. Дышать... нечем.

Ила молчала.

– А у тебя как? – спросила Ана.

– Да. Я что звоню... – Ила на секунду замаялась. – Ты ведь слышала прогноз, да? Хотя тут и без прогноза... В общем, может, перенесем наш сегодняшний поход? А то не хотелось бы... сама понимаешь...

– Ну да, конечно, – сказала Ана.

– Что? – Голос Илы стал громче. – Я ничего не слышу. У меня тут все хрипит.

Василий Воронков

– Да, давай перенесем, – повторила Ана. – Я и сама хотела тебе позвонить.

– Ну да, – сказала Ила. – Тогда на следующей неделе? Если, конечно, не будет дождя.

– Хорошо. Обсудим на работе.

Ила что-то сказала в ответ, но Ана услышала лишь отрывистый треск, который сменили громкие гудки.

Ближе к вечеру – стемнело необычно рано – Ана вышла из дома. Дождя все еще не было, однако небо полностью затянули тучи, а от порывов ветра покачивались даже вывески на стенах домов.

Но Ана уже не боялась дождя.

Она пошла к Гарни, навстречу ветру, не представляя, куда может поехать в такой час, накануне дождя.

Лишь пару раз ей попадались по пути другие люди, да и те наверняка спешили домой – шли быстрым и нервным шагом, пряча лицо от порывистого ветра. Улицы были безжизненными. Казалось, что в поблекших домах давно никто не живет.

Поезда Ане пришлось ждать долго, и все равно к станции подошел почти пустой состав. Ана проехала несколько остановок и вышла на незнакомой улице, где уже горели синие фонари и до сих висели цветные флаги, оставшиеся после минувшего праздника.

Ана медленно пошла вниз по улице. Стало темно, как в поздние сумерки. На эстакаде загорелись красные огоньки.

Это всё.

Ана остановилась и вздохнула – глубоко, насколько позволяла маска. Больше не нужно никуда спешить. Время суток, час тишины, затрудненное дыхание – все это не имело ни малейшего значения. Сейчас начнется дождь – тот самый, который она так и не смогла увидеть в детстве.

Ана закрыла глаза.

Ей даже послышался плавно нарастающий шум воды. Но нет – это лишь ветер гнал по тротуару песчаную пыль. Ана стояла так несколько минут, ожидая, что вот-вот почувствует на своем лице холодные капли. Но ничего не происходило. По-прежнему шелестел ветер. По-прежнему было трудно дышать.

Ана вдруг поняла, как утомила ее эта недолгая прогулка в ненастные сумерки. К тому же она почти ничего не ела весь день, приближалась ночь, а завтра ей рано вставать.

Ана еще раз взглянула на небо и пошла обратно, к хагате.

За весь день на город так и не упало ни одной капли.

Ана слушала радио во время ужина. Она сделала себе харас, приготовила суп и сварила немного палаана. Она давно уже не чувствовала такой голод и не ела с таким удовольствием. Дхав к вечеру стал работать лучше, и в комнате было уже не так душно, как днем.

По радио говорили о дожде.

Несостоявшийся прогноз обсуждали сразу на нескольких каналах. Оказалось, что в городе ожидали не просто мизракаваари, а сильнейший ливень за последнюю сотню лет, причем «признаки грозы», как выразился один из ведущих, можно было наблюдать с самого утра, тогда как поздним вечером небо неожиданно прояснилось.

Впрочем, тут не было единого мнения.

Некоторые считали, что дождь все-таки пойдет, но уже ночью и не такой сильный, как предполагали вначале. Другие же уверенно заявляли, что горожанам уже не стоит опасаться осадков – как будто кто-то всерьез намеревался гулять в час тишины, – так как усилившийся ветер уносит тучи на юг, в пустыню.

Все понятно. Если дождь и пойдет, то уже за анильским морем, в песках, а может, даже ветер унесет пасмурные облака в нируттара, где они просто растают в воздухе, ведь, как известно, в зоне молчания никогда не идет дождь.

Ана вела урок итихаза-видая старшему классу.

Мысли путались, весь день она чувствовала себя сонной и слабой – возможно, сказывался лишний укол. Ей нужно было рассказать об истории основания первых южных городов, а она вдруг начала говорить про пустыню, перепутав уроки.

Ученики смотрели на нее с удивлением, кто-то даже не выдержал и сказал:

– А это тоже будет в программе?

– Нет, извините, – вздохнула Ана.

Василий Воронков

День выдался солнечным, и в классе были зашторены все окна, но из-за яркого электрического света Ане казалось, что давно уже наступила ночь.

– Так, откройте учебники на странице... – сказала Ана и стала быстро листать свою книгу, – на странице двести пять.

– Но мы уже это проходили на прошлом занятии, – послышался недовольный возглас.

– Да, но... – Ана замялась. – Давайте быстро пробежимся... Это будет одна из... ключевых тем на зачете.

Ана встала из-за стола.

– К тому же, – сказала она, – раз мы это уже проходили, вы уже должны неплохо знать материал. Ну, кто из вас помнит, в каком году был основан Южный Хапур?

Ана быстро устала стоять и снова села за стол. Голова кружилась, и она даже подумала, что не стоило ей сегодня делать укол, что она чувствовала бы себя гораздо лучше без этой отравы.

– Ну же! Смелее!

Ана вызвала одного из учеников к доске и заставила его рассказать всю хронологию города. Парень говорил сбивчиво и постоянно путал даты.

– И когда вы собираетесь все это учить? – спросила Ана, отпустив заикающегося докладчика. – В ночь перед зачетом? Так вот и попадают в вечернюю группу... Ладно, откройте учебники на странице...

Послышался дружный шелест страниц. Все сидели, опустив головы, уткнувшись в свои книги. Ана улыбнулась. Но потом что-то смутило ее, она нахмурилась и встала из-за стола.

– Итак, Южный Хапур... – начала рассказывать Ана.

Занятия у Илы в тот день заканчивались рано, но Ила задержалась в учительской, ожидая Ану. После своего последнего урока Ана чувствовала себя совершенно измотанной и хотела лишь сдать журнал и отправиться домой.

Сад снова возмущенно жаловался на управу, усевшись в скрипучее кресло напротив окна.

– Нет, ну это уже где-то за гранью! – распалялся Сад. – А если бы и правда сегодня отменили занятия? Если отменять их вот так, каждый раз...

Сад покачал головой.

– О, ты все? – Ила радостно повернулась к Ане. – Домой?
Ана кивнула.

– Идите, идите, – сказал Сад. – Если вдруг завтра решат отменить занятия, я вам обязательно сообщу.

– Отменить занятия? – спросила Ана уже в коридоре.

– Да... – махнула рукой Ила. – Сад как обычно... Я вот была бы не против посидеть сегодня дома.

Они вышли на улицу.

Небо было без единого облака, белесым и чистым, как и всегда.

– Даже не верится в то, что вчера творилось такое, – сказала Ила.

– Так ничего же не было, – сказала Ана.

– Да, точно, – рассмеялась Ила.

Они зашагали по направлению к хагате.

– Кстати, – сказала Ила. – Ты ведь не торопишься? Тут есть неподалеку одно местечко. Могли бы посидеть...

Ана вздохнула.

– Нет, извини. Я сегодня... совсем неважно себя чувствую. Еле дождалась конца... Надо было вообще отгул взять.

– А, ну ладно... – сказала Ила. – Сегодня и правда тяжелый был день. Это из-за погоды, наверное. Говорят, сильные перепады давления. Даже здоровые люди...

Ила не договорила.

У них над головами проходила эстакада. Поездов не было, как будто всю линию отключили. Почему-то все прохожие шли им навстречу. Ана даже несколько раз оглядывалась, пытаясь понять, куда все идут.

– А у тебя точно все хорошо? – спросила Ила. – Дхаав заработал?

– Да, заработал, – сказала Ана. – Все в порядке. Просто немного нездоровится сегодня.

Ила кивнула головой.

Ана внезапно остановилась.

– Ты знаешь, – сказала она, – может, нам и правда стоит куда-нибудь зайти? Все равно мне... Да и дхаав может опять...

– Уверена? – спросила Ила. – Тебе точно не нужно...

– Нет, уколов на сегодня хватит, – сказала Ана.

Василий Воронков

– Ну что ж, давай. Здесь совсем недалеко.

Местечко, о котором говорила Ила, было не слишком похоже на другие самады в городе.

Они оказались в большом помещении с высокими потолками, где не горело ни одной газовой лампы, но при этом было довольно светло благодаря широким незашторенным окнам. Ана застыла у входа от удивления.

– Должно быть, днем у них посетителей немного, – попыталась пошутить она.

– Не знаю, – сказала Ила. – Никогда не приходила сюда днем.

Впрочем, даже вечером в самаде совсем не былолюдно. Кто-то тихо говорил на гали, слышалось позвякивание посуды. Из-за расписанной под старину бутафорской стены, разделявшей зал на две половины, доносилась слабая приглушенная музыка.

Ила предложила сесть у окна.

– Здесь довольно уютно, – сказала она. – И тихо.

Ана улыбнулась.

Она смотрела на улицу в окне. Эстакада была почти в целом квартале отсюда, и ее наполовину скрывало монолитное муниципальное строение с грязными темно-серыми стенами. Пассажирский виман медленно садился на крышу соседнего здания, неуклюже покачиваясь в воздушных волнах – поблескивали на посадочной площадке сигнальные огоньки, в темной обшивке корабля отражалось вечернее солнце.

Виман напомнил о чем-то Ане, и она глубоко вздохнула.

– Ну, что закажем? – спросила Ила. – Здесь, кстати, готовят отличный...

Ану стало слегка подташнивать, когда она подумала о еде.

– Я ничего не буду, – сказала она. – Только харас.

– Ну, как хочешь.

Ила отложила меню.

– А что с тобой последние дни? – спросила она. – Мне казалось, тебе становится лучше, а тут...

– Да все в порядке, – улыбнулась Ана. – Просто слишком много событий... Я просто устала.

Ана снова посмотрела в окно. Тени от зданий на противоположной стороне улицы стали уже темными и длинными. Вечернее солнце неприятно слепило глаза.

– Непривычно тут как-то, – сказала Ана.

– Если тебе не нравится, можем уйти.

– Да нет, все в порядке.

Ана вздохнула. Дышать было тяжело, несмотря на легкий прохладный воздух в самаде.

– Ну, – сказала Ила, – рассказывай, как у тебя... Чем занималась вчера? Я весь день дома от страха просидела, думала, в любую минуту может начаться...

– Странно, конечно, что дождь так и не пошел, – сказала Ана. – Первый раз такое на моей памяти – чтобы такие тучи и...

– Да, весь день нам испортили.

Музыка, доносившаяся с другого конца зала, стала громче. Теперь это было что-то звонкое и торопливое, не слишком соответствующее окружающему их сонному спокойствию.

Принесли напитки. Ана слегка пригубила харас и отодвинула чашку.

– Все-таки у тебя что-то произошло, – сказала Ила. – Ты какая-то... потерянная сегодня.

– Да нет, ничего, просто... – Ана поморщилась и вздохнула, дышать становилось все сложнее. – Ты знаешь, я... Я все время нахожу его вещи.

– Нива?

– Да. Они повсюду и... Ну, это ведь была и его квартира. Казалось бы чего тут... Но я... Вот недавно совсем я нашла...

Голос у Аны дрожал, она начала задыхаться. Ана отпила из чашки, но харас был обжигающе горячим.

– Не думаю, что дело в вещах, – вдруг сказала Ила.

– Что? – удивилась Ана. – Почему?

– Вещи – это просто вещи. Ты сама не хочешь его отпустить. А ведь столько времени уже прошло...

– Отпустить? Что значит... Ты думаешь, это так просто? Отпустить... Само это слово даже...

– Но ты-то должна жить дальше, – сказала Ила.

– Должна... – повторила Ана.

Они замолчали. Ана часто и глубоко вздыхала. Тени на улице стали совсем длинными.

Ила сидела, нахмурившись, наблюдая за Аной и нервно покусывая нижнюю губу.

Василий Воронков

Харас в ее чашке остывал.

– Ты знаешь, – сказала Ила, – а давай так...

Она наклонилась к Ане, как если бы собиралась сказать что-то по секрету.

– Отдай мне все его вещи.

Ана удивленно уставилась на нее, не говоря ни слова. Ила нетерпеливо качнула рукой.

– Ну... давай я просто приеду как-нибудь к тебе и все заберу. Или ты сама можешь принести, хоть завтра.

– Но это ведь... – начала Ана.

– Что? – перебила ее Ила. – Память? На воспоминания я не претендую. Только вещи... Ты не беспокойся, я с ними ничего не сделаю. Будут лежать у меня в коробке. Я даже посмотреть не стану. Захочешь – в любой момент заберешь.

Ана покачала головой.

– Нет, – сказала она. – Так нельзя. Ты думаешь, это так просто? Взять и отдать... – Ана взволнованно вздохнула. – Это теперь... Я должна с этим жить...

– Что значит должна с этим жить? – нахмурилась Ила. – Ты себя наказываешь, что ли? Ты в чем-то виновата?

– Это память, – сказала Ана. – Это то, что осталось...

Она готова была расплакаться.

– А по-моему, это просто вещи, – сказала Ила. – На память я не посягаю, поверь. К тому же это не навсегда, – добавила она, заметив, как побледнело лицо Аны. – Просто на время. Все равно что переехать на несколько дней в другую квартиру.

За перегородкой начала играть очередная бравурная мелодия. Кроме них, в заведении почти никого не осталось.

– Это ничего не изменит, – сказала Ана. – Ты просто не понимаешь.

– Ну хорошо, хорошо, – согласилась Ила. – Я только хотела помочь. Мне показалось, что его вещи...

– Да при чем тут вещи! – вдруг выкрикнула Ана.

Ила примирительно подняла руки.

– Всё, – сказала она. – Забыли об этом. Я тебе ничего не предлагала. Мы просто зашли выпить по чашке хараса и поболтать о всякой ерунде.

– Да, извини, – сказала Ана. – Я просто очень устала сегодня.

– Это ты меня извини, – сказала Ила. – Мне, наверное, и правда не стоило.

Уже начинало смеркаться, и в самаде, наконец, загорелись газовые лампы.

Они расстались на станции, и Ана села в свой поезд. Былолюдно, и она даже не смогла пройти вглубь вагона, оставшись стоять у самых дверей. Ее толкали на каждой остановке.

Но домой Ане совсем не хотелось.

Она уже представляла себе тяжелую духоту в своей комнате, безвкусный ужин, запах шара, которым она будет протирать ранку после укола.

Поезд внезапно резко дернуло – всех стоявших в вагоне качнуло вперед, кто-то даже вскрикнул, и Ана едва удержалась рукой за поручень.

Поезд остановился.

Громкоговорители молчали, и люди начали взволнованно переговариваться. Ана не сразу поняла, что происходит, хотя и стояла неподалеку от окна. Она напряженно вглядывалась в темную улицу. Поначалу ей показалось, что, наконец, пошел дождь – она почти хотела этого, – но никакого дождя не было, поезд просто замер посреди эстакады, а внизу начинали загораться первые газовые фонари.

Небо над городом было удивительно чистым и ясным. Ана вспомнила о своем холодном сне.

Громкоговоритель заскрежетал, и раздался резкий мужской голос:

– Просим извинения за задержку. У нас... небольшие изменения в расписании. Поезд отправится через несколько минут.

Вскоре весь состав затрясло, вагон дернулся – Ана едва устояла на ногах, крепко схватившись за поручень, – и они тронулись. Поезд торопливо, рывками, набирал ход, пытаясь наверстать упущенное время.

Оставалось лишь несколько остановок до пересадки. Вечерний город стремительно мелькал в окне.

Вернувшись домой, Ана сразу стала готовить шприц. Она достала капсулу и пузырек с шаром, даже перетянула руку жгутом, но потом вдруг передумала.

Василий Воронков

Дхаав работал, и в комнате оказалось не так душно, как она боялась. Ана подумала, что ей стоит просто поужинать и лечь спать – от укулов ей уже не становилось лучше.

Она пошла на кухню и поставила чайник. Потом вернулась в комнату и включила радио. Передавали вечерние новости – как и обычно в такой час.

Рассказывали о строительстве ботанического сада – где-то на северо-западе, на улице, название которой она никогда не слышала раньше. Это было интересно – причудливые названия растений, дотошное описание температурного режима и уровня влажности, огромные, похожие на искусственные легкие машины, создающие в саду особенный климат, непрямой потолок из стекла.

Чайник закипел. Ана зашла на кухню, заварила себе харас и вернулась в комнату.

Передача о ботаническом саде уже закончилась, и по радио передавали прогноз погоды на завтра.

Ана выключила приемник.

В комнате сразу стало как-то пусто. От чашки поднимался пар. В окне, напротив которого сидела Ана, отражались голые стены и старая потертая мебель – тумбочка у постели, криво придвинутый к стене стол, шкаф, в котором висела одежда Нива.

Ана вспомнила, что ничего не ела сегодня, и нужно хотя бы сделать себе растворимого супа, но вставать ей совсем не хотелось. Дхаав работал. Дышалось легко. В комнате было спокойно и тихо.

Ана пригубила харас. Напиток получился обжигающе горячим, и Ана облизала губы. Потом сделала еще один глоток.

Вдруг Ана так резко встала из-за стола, что чашка покачнулась и чуть не упала на пол.

Ана посмотрел на шкаф, затем на свою постель, сделала шаг к тумбочке, на которой лежал заготовленный для укула шприц, но потом вернулась к окну и распахнула дверцы шкафа. Ана встала на колени и несколько минут что-то спешно искала, шаря руками между одеждой. Наконец она вытащила большую сумку из грубой темно-серой материи, забитую доверху старыми тряпками.

Она вытряхнула тряпки и поставила сумку на пол, посреди комнаты.

Первой туда угодила пилотная куртка Нива, которую Ана положила в сумку вместе с вешалкой. Вслед за курткой –

и другая одежда. Какое-то время Ана с сомнением смотрела на радио, даже стала отодвигать его от окна, но потом передумала – радио принадлежало ей, она купила его задолго до знакомства с Нивом. Зато Ана вытащила из кармана своей куртки схему транспортных линий и тоже отправила ее в сумку, а после этого принялась опустошать ящики стола.

Там было множество его вещей – детали от старых приборов, исцарапанная лупа, кассета с записью помех, сломанные наручные часы. Все это тоже оказалось в сумке.

Ана устала и уселась прямо на пол. Сумка была уже полна вещей, но Ане упорно казалось, что она что-то забыла.

Она встала и прошлась по комнате. Зашла на кухню, в уборную, вернулась обратно и села у окна. Ана несколько минут смотрела на темную, почти ночную улицу, проступавшую сквозь ее отражение, когда, наконец, вспомнила.

Книги.

Нив хранил их в шкафу, на верхней полке. Всего несколько томов – что-то об орошении пустыни, роман, непонятный справочник с кодами радиочастот. Ана стала вытаскивать книги из шкафа, поднявшись на цыпочки, едва доставая до них руками. Затрепанный талмуд об орошении пустыни выскользнул и с глухим стуком упал на пол.

Из книги вывалился конверт, грубо разорванный с края. Ана уже хотела не глядя бросить его в сумку, но потом остановилась и вытащила из конверта сложенный попалам лист.

Ядовито-белая гербовая бумага.

Ана подумала, что это какой-нибудь официальный отчет, но потом пробежала глазами первые несколько строк, и лицо ее побледнело.

Она медленно прочитала его до конца.

Потом села на кровать. Руки у нее дрожали – листок выпал и осел на пол.

Ана долго сидела, уставившись в одну точку. Ее трясло, как от лихорадки. Она закрыла руками лицо и заплакала.

СОН

Без Нива ей часто снились сны.

Ночи были тусклые и душные. Дхаав чуть слышно шелестел, а иногда и вовсе замолкал, захлебываясь уличной гарью.

Василий Воронков

Шум поначалу не давал Ане уснуть, ей начинало казаться, что это чье-то неровное болезненное дыхание – когда перестаешь дышать, забывшись во сне, а потом просыпаешься, вздрогнув, от сонного удушья.

Ее будила тишина.

Комната без света, на фоне глубокой, подсвеченной газовыми фонарями ночи, пугающе увеличивалась в размерах. Все предметы вокруг – тумбочка, стол с приемником, изголовье кровати – теряли свой привычный дневной облик и медленно исчезали, отступая в неровную дрожащую темноту.

Ана начинала ощущать пустоту, окружавшую ее.

Единственным, что связывало эту лишенную сна ночь и то время, когда вновь, после холодного молчания, заработает радио, были запахи – жар и песок, сохранившиеся в уличной одежде, резкая кислотная вонь медикаментов, смутный аромат сладкого супа, который Ана ела перед сном.

Этот неприятный вкус все еще чувствовался во рту. Левая рука болела в месте укола. Ана представляла, что за окном не улица в призрачном свете газовых рожков, а мертвая безветренная пустыня – белесый, странно выцветший песок, пронзительно черное звездное небо, одинаковые покатые дюны, которые тянутся до самого горизонта, где сходятся в сумрак небо и песок.

Ана думала, что пролежит так всю ночь – в темноте, воображая вокруг себя безмолвные просторы спящих земель, чувствуя ноющую боль в руке и тошноту от растворимого супа. Утром она уже и не помнила, как, в какой момент у нее все же получилось заснуть. Но она всегда помнила свои сны.

Ане снилось то, чего в жизни она не видела никогда.

Облака над городом, густые и светлые, как тающий в воздухе пар, которые быстро темнели, превращаясь в ненастные тучи. Дождь, во время которого никто не разбежался по домам, не начинали мигать истошные огоньки на эстакадах, и люди сами выходили на улицы, смотрели на пасмурное небо, вытирая мокрые счастливые лица, а по тротуарам бурлили пенистые ручьи, и вода стекала по расписанным стенам зданий, смывая яркую, наложенную в несколько слоев краску. Просторные поля и холмы – одинаковые, точно один и тот же пейзаж отражался в воздухе, повторяясь до тех пор, пока хватало зрения, – где по каким-то невероятным причинам можно было дышать без маски,

и дыхание от холода обращалось в пар. Ане снился снег, вьюга и лед на покатых городских крышах. Она видела звезды, сотни созвездий – крохотные песчинки, яркие и тусклые, разница в силе свечения которых придавала черному небу фантастическую глубину.

Но потом эти образы сменялись другими – знакомыми и пугающими.

Ана видела страшные черные корабли, которые в облаке огня поднимались над землей, оглушая улицы ревом моторов. Она видела башни, высокие, как ни одно из городских строений, похожие на храмы забытой древней религии, стоящие посреди пустыни. Длинные коридоры, узкие и едва освещенные, напоминающие бесконечный, не имеющий выхода лабиринт.

И ей снился Нив.

Он был во всех ее снах, он улетал от нее на гиганстских кораблях, сжигающих небо, именно его она искала в темных пугающих лабиринтах. И даже когда он стоял совсем рядом, и нужно было лишь оклинуть его, чтобы он обернулся, Ана с ужасом понимала, что не может вспомнить, как его зовут.

У него больше не было имени.

Яркий дневной дождь превращался в пасмурную ночь. Синая долина, где воздух был чист и прохладен, сменялась затхлыми коридорами, тускло освещенными пыльными лампами на потолке. Сон быстро переходил в другую фазу, когда образы, рожденные где-то на грани безумия и памяти, становились пугающе похожими на реальность, и Ана начинала безоговорочно верить всему, что происходит вокруг.

Он не был один.

Ана видела его с другой женщиной, невысокой и худощавой, похожей на Илу. Он шел вместе с этой женщиной по невзрачному коридору видавая-лая, и свет медленно гас у них за спиной. Близился час тишины, говорить было запрещено. Но он упорно шептал что-то на ухо своей спутнице, обнимая ее за плечо, и та отзывчиво улыбалась, прижималась к нему, не обращая внимания на темноту, которая неотвратно на них надвигалась.

Ане было больно и обидно, ей не хотелось верить в его предательство. Нет, это не может быть он. Это кто-то другой. Страшное наваждение, жестокий обман.

Но она не могла обознаться.

Василий Воронков

Он невозмутимо целовал чужую женщину, похожую на Илу, игриво привлекал ее к себе. Женщина громко смеялась, неестественно откидывая назад голову, как кукла. У нее были длинные черные волосы, худые плечи и блестящие неподвижные глаза.

Они не замечали Ану. Для них ее просто не существовало.

Ана плакала во сне, отворачивалась, закрывала руками лицо, но все равно слышала их шепот, смех и влажные поцелуи. Ана думала, что вся ее жизнь – удушливое одиночество по вечерам, воспоминания о тех днях, когда они еще были вместе, о том, как они прощались, о том, как он возвращался и уезжал – все это теперь потеряло смысл, поблекло, как мимолетный сон по утрам, ведь она больше не нужна ему, он забыл о ней, как будто и она, и весь этот перевернутый мир, город на границе песков, с поездами и высокими башнями, даже ее приступы удушья по вечерам продолжали жить лишь в его памяти и теперь бесследно сгинули, перестали существовать.

В тот момент, когда он поцеловал другую.

Ближе к пробуждению сон становился хаотичным и бесвязным. Яркие головокружительные образы сменяли один другой. Ускорялось течение времени, путались мысли, смешивались краски, звуки обращались в дрожащее эхо. Все вокруг теперь было призрачным и зыбким, точно нарушалась сама плотность пространства – как у пустынных миражей, которые превращаются в знойную дымку, стоит лишь миновать ближайший бархан.

Неуловимая сила, связывающая сны, придающая им очертания и смысл, беспомощно слабела с приближением рассвета.

Ане казалось, что все вокруг рассыпается, как пепел после пожара, а ветер уносит этот невесомый прах, оголяя пустоту, которая ее окружает. Становилось душно, воздух был выгоревшим и пустым, вобравшим в себя горечь чужого дыхания, и пах то ли песком, то ли пылью – как в маленькой плотно закрытой комнате, где едва работает дхаав.

И тут неожиданно она вспомнила, как его зовут.

Ана выкрикнула его имя сквозь слезы – с ненавистью, как проклятие. Нив вздрогнул и замер, другая женщина исчезла, как призрак, и Ана внезапно увидела, как Нив тоже начинает проваливаться в страшную бесцветную пустоту. В глазах его

читались страх и непонимание, словно все, что происходило до этого, и вправду было лишь навязчивым миражом, навеянным вечной близостью бесконечной пустыни, и только теперь – это он, настоящий, тот, кто всегда помнит, тот, кого она ждет, и он, наконец, увидел ее, но его затягивает в вакуум, в пустоту.

Ана понимала, что совершила что-то непоправимое, она кричала Ниву, умоляла простить – в этот миг ей хотелось пожертвовать всем, лишь бы подарить ему хотя бы одно мгновение жизни. Но пустота была неотвратима – как и пробуждение в душной комнате, с резким судорожным вздохом, как будто выныривая из тяжелого забытья.

По-прежнему едва работал дхаав. Дождь так и не пошел, было все еще темно. На тумбочке у постели лежал шприц, заготовленный перед сном.

Нив всегда сам заботился об утренней инъекции, Ана почти разучилась это делать, поэтому даже шприц на тумбочке в первые секунды после пробуждения напоминал ей о том, что его больше нет.

Она встала не сразу и еще долго лежала в постели, пытаясь прийти в себя после страшного сна, который видела уже множество раз.

Ана подумала о последнем дне перед его отъездом, вечере, проведенном вместе – перед тем, как виман на следующее утро унес его в хаос зарождающегося дня. Она попыталась вспомнить, что он говорил ей в тот день. Слова, сказанные на выходе. Лицо, склонившееся к ней в синеватом полумраке квартала – так близко, что она чувствовала его частое взволнованное дыхание. Она понимала – он хочет что-то сказать и не может решиться.

Скоро наступит час тишины.

Им захотелось пройтись. Воздух в старом районе, уже готовом к пришествию ночи, был разреженным, как на высоте в десятки миль. Сумрачная улица шла под откос. Стальные своды эстакады нависали над ними, и казалось, что с каждым шагом они поднимаются все выше и выше. Загорались на каменных стенах синие фонари.

И вот он. Идет рядом. Смотрит куда-то в сторону, что-то отвлекло его внимание. Но ведь вокруг ничего нет, ничто, кроме

Василий Воронков

них, не имеет значения. Она по-прежнему ждет. Сейчас он посмотрит на нее, улыбнется – его взгляд, едва заметные морщины на лбу – и...

Над ними проносится поезд. Вдалеке проходят какие-то люди. Слышатся голоса. Затем шум постепенно стихает.

Она останавливается и смотрит в небо. Он стоит рядом, обнимает ее за плечо и молчит. Небо не сохранилось в памяти, и оттого кажется пустым, лишенным признаков надвигающейся ночи.

Она начинает приглядываться к прохожим и вдруг понимает, что у них нет лиц. Даже стены зданий серые и пустые. Всё вокруг медленно и неотвратно проваливается в страшную пустоту. Исчезают случайные люди, гаснет свет, и последний поезд бесшумно соскальзывает куда-то вниз, за границы зрения...

Уже поздно, пора возвращаться домой.

– Мне надо с тобой поговорить, – слышит она голос Нива. – Я давно хотел... Нужно обязательно вернуться сюда...

Темнота. Голос звучит все тише. Ана вспоминает уже только слова, но не то, как он произносил их. Она не видит его лица.

Или она просто забыла.

Он все же решил и сказал ей в тот вечер, когда они были одни под пустым и безликим небом, сказал то, что давно не решался сказать... И теперь, лишь из-за того, что слова эти потерялись, запутались где-то в бессонных и душных ночах без него, он никак не может вернуться назад.

Но теперь она вспомнила. На столе лежит белый гербовый лист. И он уже никогда не вернется назад.

Захрипело радио, отрывистый треск грубо вырвал Ану из зыбкого полусна, и смутный неосознанный порыв прекратить этот досаждающий шум – выключить приемник – оказался сильнее, чем даже сонная слабость и нежелание вставать.

Сегодня занятий у Аны не было, но она не хотела весь день провести дома.

Ана и сама не понимала, зачем, куда собирается идти, но все равно стала спешно одеваться. Начался чуть запаздывающий рассвет, и яркое багровое зарево поднималось со стороны спящих земель.

Ей нужно было торопиться.

Город постепенно приходил в себя, бледнели и таяли тени, появлялись на улицах люди, материализуясь из воздуха, как духи. Ана чувствовала их взгляды, но не успевала рассмотреть лиц.

Остановившись у проулка, который вел к соседней магистрали, Ана прислонилась к обшарпанной стене здания, прижалась к ней руками, пытаясь восстановить потерянную точку опоры.

Она направлялась к Гарни. Идти до Самкары не было ни желания, ни сил.

Ана села на первый же поезд и поехала туда, где серые здания, похожие издали на дрожащие в воздухе тени, заслоняли собой багровое небо, из-за чего казалось, что город не имеет конца, и поезд по этой линии будет вечно идти до конечной.

Ана была одна.

Ярко сверкали окна, когда состав выезжал на солнечную сторону улиц, и эти отблески в стеклах странно усиливали чувство окружающей ее пустоты. Эстакада иногда поднималась выше, и поезд стремительно взлетал над улицей, плыл в потоках раскаленного воздуха навстречу рассвету и мертвым пескам.

Город оживал по мере приближения к центральному району.

Ана пересекала соседние линии, расходящиеся по всем сторонам света, над ней пролетали встречные поезда, и весь состав содрогался от гвалта.

На перронах нетерпеливо толкались ожидающие, и вскоре в вагоны набилась целая толпа – все скамейки теперь были заняты, кто-то висел на поручнях, кто-то прижимался к стальным пилонам, а поезд, словно движимый ветром, слепо несясь вперед, в пустоту занимавшегося дня.

Стало душно. Пожилой мужчина неподалеку от Аны попытался опустить заедающую створку окна.

Ана не понимала, куда едет.

Вся грудь ее горела, но дышать – возможно, благодаря укулу – было необычно легко. Глядя в окно на незнакомые улицы, башни, перроны, икавезманы, она вдруг поняла, что ей все равно, куда отвезет ее поезд, только бы движение не прекращалось, только бы продолжалась музыка из громкоговорителей над головой. Ане хотелось уехать подальше – от своего старого квартала, от мертвых линий хагаты и тесной квартиры на восьмом этаже, от страшных снов и неработающего дхаава.

Василий Воронков

Северо-восточная линия проходила через множество городских районов, как сверкающее лезвие. Стиль архитектуры и плотность застройки менялись в зависимости от улицы, жилые дома и даже монотонные муниципальные здания становились ниже по мере приближения к горизонту, и город, едва успевший ожить после ночного сна, вновь умирал.

Эстакада рассекала тесные окраинные кварталы, где тень от их длинного состава затмевала собой солнце. Поезд безучастно пролетал над пустырями и свалками, над заброшенными домами, которые подлежали скорейшему сносу, но продолжали стоять, медленно разрушаясь, напоминая мертвые руины после падения небесного огня.

Линия не замыкалась в круг.

Отыграв последнюю мелодию, похожую на электрический шум, поезд остановился напротив непривычно узкого перрона, который выбивался из общего стиля других станций.

Ана замешкалась, не сразу разобрав, что эта станция – конечная, и поезд не поедет дальше.

Вдалеке показался мужчина невысокого роста – он шел сквозь вагоны, постоянно опираясь на спинки сидений, как калека, который не может двигаться без помощи рук. Ана сначала приняла его за полицейского и испугалась, подумав, что эту линию тоже закрыли. Но мужчина, встав рядом с Аной, лишь что-то неразборчиво пробормотал на гали, глядя на нее уставшими слезящимися глазами.

Конечная.

Ана вышла на перрон.

Станция с пустыми флагштоками, которые забыли убрать после праздника, была заброшенной и пустой. Порывистый ветер поднимал с улиц пыль, и Ана прикрыла глаза рукой. Она вдруг представила, как развеваются на перроне флаги, ей даже послышался шелест материи, взволнованные разговоры людей.

Раздались протяжные сигналы – первый, второй, третий – с каждым разом все тише и тише, обрываясь на середине, точно невидимый громкоговоритель сбивался и пропускал окончания нот, – и поезд, простоявший на перроне дольше обычного, стал медленно набирать скорость, утаскивая за собой пустые вагоны.

Ана понятия не имела, где находится. Линия завершилась. Эстакада, снижаясь над улицей, уходила за поворот.

Ана спустилась с перрона и встала посреди улицы. Ее окружали слепые, без окон, муниципальные башни, многоквартирные дома, пережившие не одно поколение жильцов, искусственно выровненные площадки за колючими ограждениями, заваленные разлагающимися отходами.

Ана стала проверять карманы в поисках схемы транспортных линий, но схемы нигде не было. Ана вспомнила, что так и не достала ее из сумки.

Теперь ей предстояло искать дорогу самой.

Впрочем, она всегда могла вернуться обратно – достаточно было лишь перейти на противоположную сторону улицы, на другой перрон. Однако уезжать ей почему-то не хотелось. У нее вдруг возникло чувство, что она приехала к кому-то на встречу, что кто-то давно ее ждет.

Раньше Ана даже боялась хагаты.

Ее пугали поезда, станции с отвесными перронами, запутанные переходы между линиями и полицейские в красной форме, которые слонялись по плевам и останавливали случайных людей.

Как-то, когда Ане в очередной раз пришлось ехать в новую агада-лая, она полдня искала нужную станцию. Ей не помогли ни схема линий, ни советы случайных прохожих. Она уже отчаялась разобраться в том, как попасть на правильную линию – ту самую, которая приведет ее на встречу с новым врачом.

Непокорные поезда увозили ее все дальше и дальше, в невиданные ранее районы. Линии, которые должны были пересекаться, пролегли одна над другой или расходились в тоннелях. Ана не понимала даже, как ей вернуться домой.

На одной из станций, где было неуютно и шумно и все люди как будто говорили на незнакомом ей языке, Ана решила, что никуда больше не поедет. Она останется здесь – и пусть даже стемнеет, и ей придется провести на станции всю промозглую беззвездную ночь, – пока не разберется, как добраться до агада-лая, где ее давно уже не ждут.

Ана уселась на скамейку напротив гииразы и тяжело дыша склонилась над измятой картой транспортных путей.

Из громкоговорителей над головой время от времени раздавался отрывистый гудок – на станцию прибывал очередной

Василий Воронков

поезд, приносивший толпы людей, которые в нервной спешке спускались с перрона. Ана смотрела на прохожих, думая попросить кого-нибудь помочь ей разобраться в карте, но все быстро выходило на улицу, боясь задержаться в плеве даже на лишнюю секунду.

Вскоре Ана уже перестала надеяться на чью-то помощь. Она сидела, склонив голову, и сосредоточенно изучала карту, пытаясь понять, на каких станциях есть переходы.

Высокий мужчина – аккуратно выглаженные коричневые брюки, чистые новые ботинки с блестящими мысками – неожиданно остановился напротив Аны. Он был первым, кто никуда не спешил.

Ана быстро взглянула на него и вновь опустила голову.

Мужчина был молод, но Ана не успела рассмотреть его лицо. Он продолжал стоять напротив. Ана вдруг подумала, что мужчина хочет заговорить с ней, спросить о чем-то – быть может, он тоже потерялся и не может найти дорогу домой. Она невольно улыбнулась, представив, как будет ему помогать, и респираторная маска больно врезалась ей в скулы.

Плев быстро опустел. Никого, кроме них, уже не оставалось. Перестали распахиваться ведущие на улицу двери, громкоговоритель у потолка растерянно замолчал. Был краткий перерыв, немое затишье перед очередным пассажирским составом.

Мужчина прошелся вдоль скамейки, на секунду замер, раздумывая о чем-то, а потом неторопливо направился к выходу. Ана, не слишком понимая, что делает, ведь никто из предыдущих прохожих, которых она донимала расспросами, так и не смог ей помочь, неуверенно поднялась со скамейки – помятая схема линий так и осталась лежать там, оставленная, уже не нужная, – и хрипло, не узнав собственный голос, окликнула его.

Мужчина остановился.

Он повернулся и посмотрел на Ану странным и долгим взглядом, в котором читались недоумение и, как ей тогда показалось, даже страх. Ана подошла к нему.

– Извините, – повторила она. – Но я... я немного заблудилась. Вы не могли бы мне помочь?

Мужчина оторопело кивнул головой. Он был в новом тщательно выглаженном костюме, хотя его куртка, темно-синяя,

как у пилотов, с широким мягким воротником, не подходила по цвету к остальной одежде. На руке у него были массивные часы в хромированном корпусе.

Мужчина напряженно смотрел на респираторную маску Аны.

Она принялась искать по карманам карту, но нашла лишь какую-то забытую скомканную записку. Она испугалась, что мужчина не будет ждать, извинится и уйдет, сославшись на спешку. Потом она поняла, что оставила карту на скамье.

– Сейчас... подождите...

Ана быстро подбежала к скамейке, взяла карту, взмахнув ей, как бы отряхая от пыли, и вернулась к мужчине.

– Вот, – сказала она. – Мне нужно на Прапату. Но я никак не разберусь, как пересечь на эту вот линию...

Мужчина аккуратно развернул транспортную схему в руках.

– Прапата? – переспросил он. – Сейчас посмотрим... Правда, я, честно говоря, тоже не очень...

– Хуже меня, наверное, никто в этом не разбирается, – поспешила заверить его Ана.

Она тут же представила, как мужчина извиняется и, показав головой, возвращает ей бесполезную карту.

– Я уже с утра тут блуждаю, – сказала Ана.

– Да, в этих схемах и правда можно запутаться, – сказал мужчина. – К тому же они часто бывают... не совсем точными.

Он немного оживился и даже улыбнулся Ане. Его, наконец, перестала смущать респираторная маска, хотя он по-прежнему не решался смотреть Ане в глаза.

Мужчина был совсем молод – может, даже моложе Аны. Его лицо, плечи, руки казались ей какими-то мучительно знакомыми, как будто она знала его когда-то – в другой, позабытой теперь жизни.

– Вот. Смотрите, – сказал мужчина, показывая Ане схему.

Захвачанный листок, весь в продолговатых складках, упрямо складывался пополам в его руке.

– Отсюда вам нужно проехать три станции на юг... Вот до этой станции. А там... если я не ошибаюсь... должен быть переход. Правда, здесь он не обозначен.

Ана подумала, что сейчас он вернет ей карту, попрощается, по-прежнему стараясь не встречаться с ней взглядом, вяло

Василий Воронков

улыбнется в ответ на ее благодарность и уйдет, аккуратно ступая, стараясь не помять мыски своих новых туфель. А она снова останется одна. И не важно даже, поможет ли ей его наспех придуманный маршрут или снова заведет на какую-нибудь заброшенную окраину города, где уже много лет никто не живет.

Его новая праздничная одежда смотрелась так странно и необычно в этот серый будничный день. Ботинки, которые он до этого не надевал ни разу. Наверняка он и вправду спешит куда-то. Кто-то давно его ждет.

– Я что-то не так говорю? – немного обиженно спросил мужчина. – Вам непонятно?

– Нет, нет, извините, – сказала Ана. – Я просто... Я совсем уже запуталась. Я сегодня уже весь день... – Она вздохнула. – Меня, наверное, уже начинает пугать само слово «пересадка». И наверняка я опять заеду куда-нибудь не туда.

– А хотите я вам тут нарисую? – предложил мужчина. – Здесь все не так страшно, как может показаться на первый взгляд. Вполне можно во всем этом... У вас есть ручка?

Ана стала проверять карманы, хотя и знала, что ручки у нее с собой нет. Они молча стояли – Ана пыталась найти то, чего у нее не было, а мужчина по-прежнему неловко держал в руке развернутую карту.

– Давайте я все-таки попробую объяснить. – В его голосе уже слышалось нетерпение.

– Давайте, – сказала Ана.

– Так вот... – начал мужчина. – Отсюда вам нужно доехать до станции...

Из громкоговорителя над ними раздался громкий гудок – новый поезд прибывал к платформе, – и Ана вздрогнула от неожиданности.

С перрона начали спускаться люди – послышались голоса, топот десятков ног, – а затем еще один пронзительный сигнал известил о том, что поезд отходит со станции. Их несколько раз толкнули, мужчина даже чуть не выронил карту и раздраженно обернулся. Резко хлопнули двери. Мужчина покачал головой и снова принялся водить пальцем по схеме.

Ана глубоко вздохнула – ей не хватало воздуха.

Вскоре плев вновь опустел. Из громкоговорителя послышался голос, монотонно напоминающий о расписании поездов.

– Подождите-ка... – сказал мужчина. – Я совсем забыл...

Он запустил руку в нагрудный карман пиджака и вытащил оттуда маленькую сувенирную ручку с колпачком в виде вахата.

– Вот, – сказал он. – Теперь будет проще.

– Какая красивая ручка, – сказала Ана.

Мужчина улыбнулся.

Он развернул карту на обшарпанной стене и стал вырисовывать поверх схематичных линий тонкие заостренные стрелки. Ручка плохо писала в таком положении, и он несколько раз встряхивал ее, недовольно поглядывая на стержень.

– Да, значит отсюда... сюда... – говорил он. – Здесь переход, как я говорил... Потом по этой вот линии – и до самой...

Ана смотрела, как он рисует на карте. Она хотела спросить его, почему он в парадном костюме, откуда у него эта странная ручка, но продолжала молчать.

Мужчина спрятал ручку, нацепив на нее смешной колпачок, и протянул карту Ане.

– Вот. Надеюсь, это поможет.

И тут Ана решила. Ведь если он и откажется, если он и правда куда-то спешит, жалея даже о том, что она задержала его на эти несколько неловких минут, то для нее все равно ничего не изменится – она просто поблагодарит его за беспокойство, извинится и пожелает удачного дня, а он торопливо уйдет, пытаясь наверстать потерянное с ней время.

Но ведь все это произойдет, даже если она ни о чем не просит.

– Извините, – дрогнувшим голосом сказала Ана. – Я понимаю, что у вас, наверное, дела и... И это так... слишком... с моей стороны. Но, вы знаете, я...

Ана вздохнула. Мужчина удивленно смотрел на нее, сжимая в руке карту.

– Я так намучалась сегодня, – сказала Ана. – Вы не могли бы... – и добавила чуть тише, – меня проводить.

Мужчина не говорил ни слова, растерянно сминая угол карты. Ана решила, что его молчание и есть ответ.

– Еще раз извините, – сказала она. – Мне и правда не стоило... Я совсем не хотела быть такой навязчивой. Просто я сегодня... Большое спасибо вам за помощь, – и протянула руку, чтобы забрать карту.

– Погодите, я... – проговорил мужчина. – Я в принципе не против. В конце концов, – улыбнулся он и в этот момент впервые посмотрел Ане в глаза, – почему бы и нет?

Ана почувствовала приятное тепло в груди. Ее перестал беспокоить надвигающийся приступ удушья, хотя каждый вдох по-прежнему давался с трудом. Она пожалела, что не может улыбнуться своему проводнику в ответ.

– Ну что ж, – деловито сказал мужчина. – В таком случае нам нужно на противоположный перрон, – и отдал ей карту транспортных линий, теперь уже совсем не нужную.

– Кстати, меня зовут Анаадитва, – сказала Ана таким голосом, точно извинялась за что-то.

– А меня – Ниверт, – сказал мужчина. – Или Нив.

Они вместе вышли со станции и пересекли улицу.

Нив шел чуть впереди и не говорил ни слова. Он продолжал молчать и на перроне станции. Ане хотелось снять респираторную маску.

Поезда пришлось ждать недолго. Они стояли рядом, в конце перрона. Нив смотрел на пути, уходившие в широкий неосвещенный тоннель в конце улицы. Со стороны можно было подумать, что они пара.

Они молчали и в поезде. В вагонах было много свободных мест, но Нив не стал садиться, и Ана тоже встала с ним рядом, напротив помутневшего от грязи окна.

– А что там такого интересного на Прапате, – спросил наконец Нив, – что вы ищете ее весь день?

– Там агада-лая, медицинский центр, – сказала Ана.

Нив понимающе кивнул головой и промолчал.

Вечернее солнце тускло мелькало в окне. Старый расшатанный поезд начал сбавлять ход под хрипение невыразительной музыки, похожей на электрический гул в проводах.

– Я не больна, – сказала Ана.

– Да я и не думал... – начал Нив.

– Вернее...

Ана вдохнула, попыталась вдохнуть. В вагоне стоял тяжелый спертый воздух, боль в груди усиливалась, и у Аны даже начали дрожать руки. Она могла бы попросить своего спутника приоткрыть окно – так, чтобы в вагон прорывался созданный

движением ветер, холодный и резкий, как перед началом дождя, – но тогда бы он понял, что ей плохо, что она не может дышать.

– Это не совсем болезнь, – сказала Ана. – Просто...

Она с трудом подбирала слова.

– У меня есть некоторая... особенность, – сказала Ана. – И мне нужно время от времени проходить обследование.

– Понятно, – сказал Нив.

Поезд приближался к очередной станции – они выходили. С потолка зазвучал неторопливый музыкальный фрагмент, красивый и плавный.

– Со мной все в порядке, просто... – сказала Ана, когда они вышли на перрон. – Мне нельзя дышать неочищенным воздухом. И приходится носить эту маску.

– Я... я так и подумал, – пробормотал Нив. – Я слышал об этом.

Он огляделся по сторонам, сощуриваясь от яркого вечернего солнца. Какой-то мужчина, торопившийся в поезд, толкнул его плечом.

Первая пересадка.

– А вы хорошо разбираетесь в хагате? – беспомощно спросила Ана.

Она не понимала, о чем еще его можно спросить, достаточно ли они знакомы, чтобы она могла полюбопытствовать о его праздничном костюме, не решит ли он, что она слишком навязчива, не бросит ли ее здесь, на очередной незнакомой станции, посреди этого желтого пустынного вечера и духоты.

– Вовсе нет, – сказал Нив.

Они шли по улице – до соседней линии. Нив шагал слишком быстро, размашистым и резким шагом, как у военных, и совсем не смотрел на Ану. Она с трудом поспевала за ним, грудь ее разрывало от боли, маска мешала дышать, но все равно она не решалась попросить его хоть ненадолго остановиться. Она думала, что Нив просто торопится поскорее вернуться домой. Удивительно, что он вообще согласился помочь ей.

– На самом деле, – сказал Нив, оборачиваясь и сбавляя шаг, заметив, наконец, что Ана отстает, – на самом деле я тоже не очень люблю хагату. Как-то тут всё... не очень логично... Как

Василий Воронков

будто строили и сами не понимали, чего построить-то хотят. Впрочем, не знаю, – добавил он. – Может, для тех, кто здесь всю жизнь...

– А вы давно в городе? – спросила Ана.

– Не знаю даже, как сказать, – рассмеялся Нив. – Лично мне кажется, что очень. Меня перевели, по работе. Из Южного Хапура.

– Из Южного Хапура? А я всю жизнь здесь...

Она вздохнула.

– А расскажите, как там?

– Да... Сложно как-то так, в двух словах... – сказал Нив. – Вообще совершенно разные города. Хапур меньше. У нас вообще нет таких магистралей... Вам бы у нас понравилось, – добавил он. – В Хапуре не так-то просто заблудиться.

Теперь они уже шли неторопливо, как на прогулке.

– Вы не подумайте, что у меня всегда так... – сказала Ана. – Просто мне нечасто приходится ездить. Вернее, нет. Езжу-то я каждый день, но...

Она задыхалась от волнения.

– Да, а станция дальше, чем мне казалось, – сказал Нив.

– Просто искать что-то мне приходится не так часто, – закончила Ана.

– А вы где живете? – спросил Нив.

– Неподалеку от Нивартана, на севере. Ну, знаете, старый район.

– Да, примерно представляю. – Нив хмыкнул. – Нивартан... Мне кажется, оттуда даже немного ближе до Прапаты, чем там, где мы встретились.

– Хорошо хоть, что только немножко, – сказала Ана. – Думаю, я бы скоро начала спрашивать, как мне вернуться домой.

Нив улыбнулся.

– Как-то... неправильно с их стороны, что вам даже нормально не объяснили, как нужно проехать, – осторожно сказал он.

– Да мне, в общем, объясняли, но я... – Ана покачала головой. – Наверное, у меня просто неправильная схема.

– Да, – согласился Нив. – Наверное, в этом все дело.

Ана пожалела, что не может рассмеяться.

Они, наконец, пришли к очередной станции, занимавшей первые этажи в высокой ярко раскрашенной новостройке.

В плеве было необычно чисто и прохладно – Ана даже подумала, что могла бы снять маску.

– А я то часто езжу, то редко, – сказал Нив. – Как повезет. Я ведь вообще связист. Вернее, был им. До перевода. А здесь...

Полицейский в зале, утомленно ходивший между скамейками, поглядывал на них с интересом. Резкий оглушительный гудок известил о прибытии поезда.

– А вы чем занимаетесь? – спросил Нив.

– Я учитель. В видая-лая, – сказала Ана.

– О, сугуру, – Нив шутиливо склонил голову.

– Всего лишь в видая-лая первой ступени, – сказала Ана.

– И что преподаете?

– Ихатра-видая.

Нив открыл дверь на перрон, пропуская Ану вперед.

– И итихаза-видая.

Ана начала рассказывать о своей работе, о зашторенных весь день окнах, о детях, даже о своих занятиях с вечерниками. Нив заинтересовался ее рассказами – или же изображал интерес из вежливости. В поезде былолюдно, однако Нив на сей раз сам поспешил занять свободные места.

– Да... Хорошая, спокойная у вас работа... – сказал он.

– На самом деле не всегда. Вернее, практически никогда. Вы, наверное, давно не были в видая-лая. Уж что-что, а спокойной я бы ее точно не назвала.

– А, дети... Первая ступень?

Поезд набирал ход, отходя от очередного перрона. Вскоре в вагоне послышалась громкая некрасивая мелодия.

– Кажется... – Нив выглянул в окно. – Кажется, мы подъезжаем.

Когда они подходили к агада-лая – невыразительной пятиэтажной гармии, которую можно было отличить от жилых зданий лишь по опознавательным вывескам у дверей, – то уже болтали как старые знакомые.

– Ну надо же, – попробовал пошутить Нив, остановившись напротив входа, – я и сам, честно говоря, не был уверен в том, что мы ее найдем.

– А я бы точно не смогла. Я даже не запомнила, как мы ехали.

Они стояли у дверей в агада-лая. Проходили мимо проходные, летел по эстакаде огромный пассажирский состав, поднимался ветер – вся улица была в движении, – но Ане казалось, что мир вокруг нее застыл, замер в бессмысленном ожидании.

Она лихорадочно соображала, у нее оставались лишь какие-то секунды перед тем, как он попрощается и уйдет, надо было просто заговорить, найти какой-нибудь повод – встретиться там, где она сможет снять респираторную маску.

– Было очень приятно с вами познакомиться, – сказал Нив. – Вам в ближайшее время никуда больше не нужно? А то я бы с радостью...

Ну, конечно же, ей нужно.

Ана и правда начала придумывать какой-то вымученный повод, поиски несуществующей станции в транспортной сети, но в итоге они просто договорились о новой встрече.

Там, куда Ана доехала бы без карты.

А потом Нив ушел. Ана смотрела ему вслед, но потом почему-то испугалась, что он обернется, и зашла в агада-лая. И конечно, у ее врача уже давно закончились приемные часы.

Но Ану совсем не беспокоило то, что она не получила направление на новый препарат. Уже на следующий день, после ненавистного укола она ехала в поезде с необычным, волнующим чувством, что ее кто-то ждет, у нее свидание, что она не просто ищет жирную точку на неправильной схеме движения скоростных поездов.

Иногда, вспоминая об этом дне – самом долгом за всю ее жизнь – Ана думала, что Нив тогда согласился встретиться с ней из жалости и немного из любопытства, что он просто захотел узнать, что скрывает ее респираторная маска. Она не была уверена, что он не разочаровался. Раздражение кожи, там, где маска прилегает к лицу, уже тогда было довольно сильным.

Но почему в таком случае он продолжал встречаться с ней?

Первое время они много ходили по городу, хотя Ана совсем не любила много ходить. Поначалу она никак не решалась рассказать Ниву о своих приступах, зато могла часами говорить о работе. Когда однажды ей стало настолько плохо, что она уже не могла это скрывать, то испугал ее вовсе не приступ удушья, а то, что Нив это видит.

Нив тоже рассказывал о работе. Ана взволнованно слушала его истории и как-то невольно искала что-нибудь общее в их таких непохожих жизнях. Они оба любили радио – как и большинство людей на Дёзе. Нив не любил фотографии, и Ана сказала, что тоже не любит.

Ана долгое время не приглашала его к себе – поначалу она не решалась, а потом ей было просто неловко показывать свою душную квартирку. Нив, как и любой контрактник, жил в общественной гармии, каморку в которой ему предоставила городская управа, и явно не считал, что его обиталище подходит для того, чтобы водить туда гостей. Они просто встречались как друзья или коллеги, чтобы обсудить события последних дней, пожаловаться на глуповатое начальство и вместе пообедать. Они сходили в космический музей, где было холодно и темно, а толстые стеклянные сферы изображали открытые учеными планеты, свисая на тонких нитях вокруг большого газового фонаря. Все это выглядело странно и комично, но Нив любил такие места, а Ане было все равно, куда идти.

Нив быстро разобрался, где системы фильтрации воздуха достаточно мощные для того, чтобы Ана могла снять свою уродливую маску. Он увиделся, узнав, что лучшие дхаавы всегда стоят в икавезманах, а также в больницах – но туда им совсем не хотелось ходить.

В ярком газовом свете, под мерное дыхание очистителей Ана аккуратно расстегивала крепления на маске, отворачивалась на несколько мгновений, чтобы убрать респиратор подальше от глаз, и всегда улыбалась Ниву, как бы здороваясь с ним во второй раз – вот я, настоящая. И они превращались в самую обычную пару, на них уже никто не смотрел.

В икавезманах часто бывало людно, от постоянного шума и заносчивых объявлений начинала болеть голова, но перед закрытием это были самые пустынные места во всем городе.

Там, где еще совсем недавно стоял оголтелый гомон, царила глубокая тишина, вызывающая смесь ужаса и восторга. Опечатанные магазины, манекены из подтаявшего воска, примеряющие модные цветастые платья, блеск газовых ламп в зеркальной плитке пола. И она – без респираторной маски.

Все эти образы навсегда запечатлелись в ее памяти.

Ана даже не решалась спросить Нива, есть ли у него кто-нибудь. Она предпочитала думать, что все и так ясно, но в действительности не знала ответ. Их отношения были такими непонятными и хрупкими, что их могла разрушить любая мелочь или случайность – неверный взгляд или плохо выбранное слово.

Они встречались больше месяца, прежде чем Нив впервые ее поцеловал.

Она о чем-то быстро говорила, часто дыша – легкие ее устали от такого количества слов, – а Нив просто склонился над ней и молча, глядя ей прямо в глаза, из-за чего Ана пораженно замолчала, поцеловал ее, едва коснувшись губ.

Ана смутилась. Она как будто не ожидала, что Нива может заинтересовать в ней что-либо, кроме разговоров. Да и Нив вдруг начал извиняться – случайность, неосознанный порыв. Они долго молчали – посреди безлюдного икавезмана, вдыхая отфильтрованный воздух с резким запахом хлора.

Ночью Ана никак не могла уснуть.

Она думала, почему он поцеловал ее, почему именно тогда, почему так медленно и осторожно, точно в действительности не хотел или боялся. Она думала, почему он начал извиняться, почему она сама ничего не сказала в ответ. Это было так непривычно и непонятно – чувствовать себя желанной для кого-то.

Они не виделись несколько дней, а когда встретились вновь, и Нив, дождавшись, когда она снимет респираторную маску, опять начал оправдываться за свой поцелуй, Ана не дала ему договорить.

Вспоминая о первых днях их знакомства, Ана часто представляла себе пустыню, хотя они никогда не ездили вместе на окраину, где ощущение пространства, свободы, открытого неба, которого так не хватало на закатанных в камень городских улицах, быстро сменялось чувством какой-то гнетущей пронзительной пустоты.

Это было довольно странно – помнить о том, чего в действительности никогда не было. Если только движение песков, порывистый пустынный ветер, приносивший запах соли, и пыль, которая забивала фильтры в респираторной маске, не были как-то связаны с их знакомством, с обстоятельствами их встречи, с первой разлукой, с первым его возвращением домой.

Они продолжали встречаться, ездили на скоростных поездах, но Ана не запоминала ни маршрутов, ни названий станций, она думала только о том, как, забежав с Нивом в какой-нибудь крытый квартал, планетарий или ботанический сад, избавится от своей респираторной маски, станет собой, настоящей, такой же, как все.

Сокровенная темнота искусственной галактики, растения в герметичных колбах, похожие на крашенные муляжи, радиоприемники в витринах, умеющие ловить бесчисленное количество волн, и респираторная маска, мешавшая, когда становилась ненужной. Духота и приступы удушья, странное онемение от лекарств. Вот Нив пытается открыть для нее дверь и почему-то колеблется. А вот они встречаются на станции, в плеве, и он не решается ее обнять – ведь она еще в респираторной маске. Вот он помогает ей одеться – они уходят из самада, счет уже оплачен, – и маска выпадает из ее куртки.

Нив был часто неловок.

Ему требовалось сделать над собой усилие, чтобы просто похвалить ее платье, которое она тщательно подбирала перед свиданием. Можно было подумать, что он все время боится ее ненароком обидеть, сказать что-нибудь не то. Но Ану это не волновало. Ее даже смешили его неуклюжие шутки, в которых не было ничего смешного, как будто шутить он начинал от волнения и тут же, вместо того, чтобы улыбнуться, растерянно поджимал губы, как бы извиняясь за что-то. И только когда она снимала маску, вся эта неловкость исчезала.

Нив постоянно говорил ей, какие у нее красивые глаза – именно глаза. Он говорил, что не мог себе представить, что глаза бывают такого удивительного цвета – серые, почти голубые, как небо после дождя.

Но не одному Ниву было неловко. Прошло немало времени, прежде чем Ана наконец решилась пригласить его к себе. И попросила остаться.

Ана жила в старом районе, где несколько лет назад проложили высотные линии для поездов. Дом ее, старый и обветренный, с потрескавшимся фасадом, построили еще до того, как на юге появилось анильское море. Ана боялась, что им будет тесно, но после общественной гармии ее квартирка была для Нива роскошными хоромами.

Василий Воронков

Даже спустя неделю после его переезда Ана не могла поверить, что она больше не одна. Как не могла потом поверить в то, что останется без него, когда ему приходилось улетать в пустыню. Иногда она думала, что все то время, которое они встречались перед тем, как Нив поселился вместе с ней на восьмом этаже, длилось лишь один, стремительный и яркий день. Ты думаешь, что еще совсем недавно погас рассвет, что еще только утро, но тени от домов уже становятся черными и длинными – близятся сумерки, пустая и беззвучная ночь.

Когда Ана возвращалась домой, уже начинало темнеть.

У нее не было приступа, который так пугал ее утром, однако во время своих бесцельных блужданий по хагате она заблудилась снова и долго не могла найти дорогу назад. Теперь она уже не думала, что едет к кому-то на встречу – ее ждал лишь бесцветный и одинокий вечер, приёмник, который она не выключила перед тем, как уйти, и дхаав, едва справляющийся со стоящей на улицах духотой.

Ана сильно устала, ее утомило путешествие по заброшенным окраинам, где город умирал, отдавался во власть пескам, которые не могли остановить даже высокие стены. Ане надоели станции, где никто не ждал поездов, разрушенные дома и зловонные свалки. Она хотела лишь поскорее вернуться домой.

Ана сидела в поезде у прохода, склонив голову и закрыв глаза. Где-то далеко слышались голоса людей, электрическая музыка, гвалт старого скоростного состава.

Она не сразу заметила, что творится за окном.

На одной из станций люди с панической спешкой ввалились в полупустой вагон и, когда поезд с судорожным рывком стал ускоряться по рельсам, стали что-то взволнованно разглядывать в заплывших окнах вагона.

Поезд двигался необычно шумно.

Ана поначалу не придавала этому значения – состав был старый и давно подлежал списанию, продолжая развозить пассажиров лишь по чьему-то недосмотру или ошибке. Однако потом она посмотрела в окно, как и все остальные.

Улицы были необычно пустыми, как если бы во всем городе объявили внеурочный час тишины, или странная тревога,

беззвучная, как в глухой пустоте, распугала последних прохожих. Изредка можно было заметить чью-то одинокую фигуру, бежавшую так быстро, как будто от этого зависела жизнь.

Ана никак не могла понять, что происходит.

Не было истошного воя сирен, не пылали на стенах домов красные панические огни – лишь поезд с режущим свистом рассекал вечерний воздух, пролетая над безлюдными кварталами. И только когда стекла вагонов стало обдавать колкой уличной пылью, Ана наконец увидела. Маленькие песчаные вихри под эстакадой, обрывки бумаги, пустые банки и другой неразборчивый мусор, который бешено носился в воздухе над мостовой, мечущиеся тени от фонарей на стенах домов.

Ветер.

За окном что-то ярко блеснуло и затем, чуть опаздывая за молнией, послышался громовой раскат, отраженный от множества стен, усиленный слепыми тоннелями кварталов.

Ана видела рождение дождя.

Когда поезд подъезжал к станции, на которой она собиралась выходить, то по хлипким стенам вагона уже вовсю хлестал ливень, а улицу в окне затянула густая серая пелена. Весь город заливали тяжелые, пенистые потоки воды.

Ана колебалась, решая, выбежать ли ей под дождь, на открытый перрон, или поехать дальше, не зная даже, куда завезет ее поезд. На секунду она подумала, что несущийся сквозь потоки воды состав даже не остановится на станции – музыка из динамиков не играла, а машинист не сбавлял ход, – но потом послышался резкий скрежет и свист, и весь вагон покачнулся, словно поезд слетел с залитых дождем рельс.

Когда состав все же остановился, открыв ураганному ветру двери, Ана была единственной, кто выбежал в ревущий поток воды, на перрон.

Ана быстро спустилась в плев, но все равно промокла насквозь. Ноги ее дрожали, она впервые в жизнь попала под мизрака-ваари. Если, конечно, этот тот самый дождь, который еще два дня назад обещали синоптики.

Плев был набит людьми.

Некоторые стояли даже на лестнице и у подступов к платформе. Большинство, наверное, попали на станцию с улицы,

Василий Воронков

перед началом грозы, и даже те, кто хотел уехать на поезде, не решались подняться на залитый дождем перрон.

Ана спустилась вниз, отряхивая мокрую куртку. Широкий обмякший воротник тяжело свисал у нее на спине. В обувь попала вода.

На Ану смотрели, как на прокаженную. Она попыталась протиснуться поближе к окну – ей вдруг захотелось посмотреть на дождь, гул которого отдавался в каменных стенах, – и ее с опаской пропускали, точно боялись к ней прикоснуться.

Но Ану совсем не беспокоило то, что она попала под дождь.

В окно было почти ничего не видно. Косые струи дождя били по толстому мутному стеклу. Ана подумала, что этот дождь, пропущенный бюро прогнозов, предсказанный на неверное время, должен был начаться много дней назад – вместо праздника красок, после которого на многих улицах до сих пор висели цветные флажки.

В плеве врубилась громкоговорители – на полную громкость, до надрывного звона, – и ровный электрический голос сообщил об измененном графике движения поездов. Потом послышалась плавная успокаивающая музыка.

Дхаавы едва работали, и в зале было почти невозможно дышать.

Люди громко разговаривали, обсуждали неожиданный дождь. Многие жаловались на то, что им придется провести на этой захолустной станции всю ночь, хотя вечер еще только начался – правда, из-за пасмурной темени на улице в это было трудно поверить.

Ана старалась дышать медленно, как во время приступа, но это не помогало, и она чувствовала, как что-то судорожно сжимается у нее в груди, и каждый вздох дается ей через силу.

Станция не была рассчитана на такую толпу. Ана подумала, что если ей станет плохо, никто даже не попытается ей помочь, никто не вызовет врачей, да те и не поедут на станцию в дождь. Все просто решат, что у нее обморок из-за волнения. Впрочем, кто-нибудь наверняка попытается снять с нее респираторную маску. Хотя бы просто из любопытства. Или чтобы проверить, не перестала ли она дышать.

Размеренно и глубоко.

Медленная мелодия в динамиках сменилась другой, слышались легкие помехи, и новая музыка, ритмичная и быстрая, стала подражать тембру дождя.

Ана подумала, что гроза будет длиться вечно.

Все вокруг казалось ей каким-то ненастоящим – она всего лишь спит, и этот дождь, даже начинающийся приступ удушья не имеют ни малейшего смысла и сгинут, когда отступит сон.

Ана достала из кармана письмо, которое утром нашла в книге Нива. Голова была тяжелой, а движения – замедленными. Действие утреннего укола, наверное, не успело еще завершиться.

Ана развернула письмо.

Она устала стоять и перебралась поближе к стене, но все скамьи были заняты, и Ана уселась прямо на затоптанный пол. Рядом стояла высокая цилиндрическая урна, вся почерневшая изнутри, но Ана не различала запахов.

На улице шел проливной дождь.

«Мы рады вам сообщить, что нами было принято положительное решение о переводе вас в бюро радиопеленга...»

Струи дождя барабанили в окна.

«...в Южном Хапуре».

Ана подумала – а зачем он постоянно пытался научить ее разбираться в схеме движения поездов? К врачу они всегда ходили вместе. Ана последнее время редко ездила в хагате одна – лишь на работу, по одной и той же северной магистрали, и для этого ей точно не требовалась карта. Почему же тогда? Ведь они бы никогда не познакомились, если бы она не заблудилась в тот день. Не жалел ли он? О чем он думал, когда уезжал в последний раз?

Незадолго перед отъездом он говорил, что приемник стал плохо работать. Они расставались, а его беспокоило радио. Плохо работает приемник, нет четкого сигнала. Может, стоит купить новый? Стоит. Стоит подумать об этом, когда...

Ана попыталась вспомнить последние дни перед его отъездом. Все вокруг – гул голосов в переполненном плеве, музыка с металлическими нотками, шум ливня – поблекло и отдалилось.

Вместо разговора о радио Ана вспомнила, как поздним вечером – на улице, где все вокруг тонет в синем свете фонарей, – он наклонился к ней и сказал, улыбаясь, в ответ на что-то:

– Некоторые вещи просто... происходят...

Ана хотела возразить, но не успела.

– С этим приходится жить...

И Нив отступил назад, в темноту.

Потом Ана увидела свою комнату. Вечерний свет окрашивал голубоватой пастелью стены, Нив возился с шипящим приемником на столе. Тишина сменялась шумом помех и обратно – помехи обращались тишиной. Все было без толку. Нив повернулся и сказал, что надо купить новое радио, когда он вернется.

– Этому в любом случае уже пора на свалку...

Ана почти слышала его голос, но воспоминание тут же угасло, исчезли окно и вид из окна, стол, приемник, и Нив. Ана помнила, но увидеть уже не могла.

Любил ли он ее? Или ему было просто любопытно? Или же он устал от одиночества, как и она сама – в этом городе, окруженном пустыней, где так много людей, что невозможно дышать.

Ана глубоко вздохнула, и ее респираторная маска страшно захрипела. Что-то не так. Она подумала, что ей наверняка бы полегчало, если бы она сделала себе еще один укол как раньше, но у нее с собой ничего не было.

Ана сидела, прислонившись спиной к стене.

Свет в плеве медленно гас, голоса людей тускнели и сливались в неразборчивый гул, их движения становились плавными и какими-то незавершенными.

Вот мальчик, совсем еще маленький, настойчиво тянет руку к своей матери и замирает в сумраке. Пожилой мужчина на скамейке, читающий мятую желтую листовку, устало морщится, касается пальцами лба, и листок, ненароком выскользнув из его руки, падает с бледным шелестом рядом с Анной и вдруг застывает, не касаясь пола. Даже грохот ливня становится тише.

Но Ана по-прежнему отчетливо слышит каждый свой вздох.

Она снова закрыла глаза, попробовав сосредоточиться на образах – комната, приемник, Нив, – чтобы вновь услышать его голос, и почувствовала, как ее затягивает глубокая головокружительная темнота.

И она не стала сопротивляться.

Когда Ана пришла в себя, то толпа в зале странно оживилась. Слышались возбужденные крики, топот ног. Дождь закончился и, хотя на улице все еще было темно – Ана не понимала, село ли уже солнце, или тучи все еще затягивают небосклон, –

люди стали спешно ломиться в двери. Никто не сомневался, что это лишь краткий перерыв перед началом еще более сильного дождя, и нужно найти местечко получше, с просторными залами и работающими дхаавами, где можно спокойно провести хоть целую ночь. Кто-то сказал, что неподалеку – в паре кварталов от станции – есть большой икавезман.

Люди задевали Ану, некоторые даже спотыкались о ее ноги. Ана попробовала встать. Двери станции были распахнуты, и в плев тянуло холодом. Но идти Ана не могла – ее качало. Она с трудом поднялась на ноги – в глазах потемнело, – и ей пришлось встать у стены, привалившись к ней плечом.

Когда плев опустел, Ана осторожно, как калека, выбралась на улицу. Дышать после дождя было легко, но Ана чувствовала, как в легких у нее оседает едва различимый едкий запах, который не могла остановить даже респираторная маска. Вместо неба над головой простиралась темная ненастная марь.

На большинстве домов, казавшихся только что окрашенными из-за размокшей штукатурки, не было даже водостоков, и мыльная дождевая пена стекала прямо по стенам, образуя на тротуаре глубокие лужи и ручьи. Порывистый ветер иногда становился таким сильным, что мешал Ане идти. С вывесок и фонарей, неровно державшихся на металлических опорах, слетали брызги воды, рассыпаясь по мостовой – как если бы вновь, после минутного затишья, начинал расходиться дождь.

Быть может, она и правда не успеет пройти два квартала. Еще минута, и где-то над городом, в черных клубящихся тучах, накопится мощный заряд, и брошенные улицы осветит вспышка грозы, извещая о начале нового ливня. Везде погаснет свет, встанут прямо посреди эстакад поезда, перестанут работать дхаавы, и в городе до самого утра будет нечем дышать.

Ана нерешительно стояла посреди улицы, думая, куда ей идти. Она чувствовала себя чуть лучше, силы немного вернулись к ней, но это было похоже на краткое подобие жизни после комы, перед тем, как вновь провалиться в мертвенный сон.

Она могла пойти в икавезман, как другие – два квартала вниз по улице, как сказал кто-то на станции. Там просторно, там работают сотни дхаавов, и воздух не закончится так быстро, как в плеве. Или можно было добраться до соседней линии

Василий Воронков

и, если там все еще ходят поезда, попытаться вернуться домой до начала мертвого часа.

Ветер продолжал усиливаться.

Ана достала из кармана письмо о переводе Нива. Белая гербовая бумага, ровно отпечатанный текст. Нив жестоко пошутил над ней на прощание, когда оставил ей это письмо, не забрал с собой, точно хотел, чтобы она его нашла.

Ана порвала письмо прямо по полосе сгиба. Гербовая бумага разошлась легко и беззвучно. Над ее головой вместе с ревущим ветром пронесся скоростной поезд, уходя куда-то вдаль и ослепляя сумеречную улицу пронзительными фарами.

Ана разорвала листок снова. И еще раз. Как можно мельче. Пока сложенная во много слоев бумага не перестала поддаваться. Ана скомкала в руке обрывки, почему-то влажные, хотя дождь еще не начался, и бросила их в ручей, который стекал вниз по тротуару к широкой расселине в камне.

И тут она почувствовала резкую боль в груди. Ана заплакала, ее словно разрывало изнутри. Стон, заглушенный респираторной маской, превращался в хрип, дышать стало тяжело, но Ана не могла остановиться. Все было напрасно, все потеряло смысл. Слезы стекали по респираторной маске. Ана вздрагивала, как от холода. Она попыталась снять маску, но та странно приросла к ее лицу, и непослушные пальцы соскальзывали с зажимов на затылке.

И тут Ана глубоко, через силу вздохнула и замерла, задерживая плач вместе с дыханием.

Небо вдалеке, над серыми силуэтами домов у горизонта, стало совсем черным. Еще один поезд пролетел по эстакаде – последний, как подумала Ана, перед тем, как парализует весь город. Она посмотрела вслед удаляющемуся составу, и огни на эстакаде стали вспыхивать красным. Дыхание ее постепенно восстановилось, но она чувствовала себя уставшей, обессиленной, больной.

Ана закуталась в отяжелевшую от воды куртку и пошла – с трудом, преодолевая усталость – вниз по улице. Высокие дома вдалеке уже всю поливал дождь.

Часть 2

ПЕРЕВОД

Ночью в городе было почти не видно звезд.

Неустанное городское освещение, бессмысленное – ведь в этот час на улицах не было ни души, – вызывало пронзительное, похожее на неожиданный приступ озноба чувство одиночества. Небо, необычно светлое у горизонта, постепенно темнело в вышине, возвращая себе свой естественный ночной цвет, но не звезды, которые тщетно пытались заменить электричество. Под этим беззвездным небом все становилось бесплотным, и даже мерцание ночных фонарей лишь странно усиливало ощущение гнетущей беспомощной слепоты, как бывает, когда глаза еще не привыкли к отсутствию света, и ты ждешь, надеешься, что вот-вот перед тобой возникнет знакомая улица, скелет эстакады, созвездия в вышине, но время идет, и ничего не происходит.

Изредка в вышине можно было заметить одну или две тусклые песчинки, хотя все равно, уверившись в то, что свет города мешает настоящим звездам проснуться, не оставалось сомнений, что это лишь причудливые галлюцинации, обман зрения, вроде пустынных миражей.

Всякий раз, когда Нив вспоминал о доме, он видел звездное небо, десятки созвездий, светившие сквозь тающие облака – то, что раньше было таким обычным, но между тем навсегда врезалось в его память.

Как-то, почти решившись подать заявление на досрочный перевод – домой, туда, где были звезды, – Нив, который уже день подряд мучаясь от бессоницы, нашел полуночную радиоволну, видимо, специально для тех, кто не мог совладать со сном.

Шла научно-популярная передача, ведущий неторопливо рассказывал о песчаных бурях и магнетизме песков, о метеоритах, падающих в пустыню, и о том, что нируттара расширяется из года в год.

Передача, как запомнилось Ниву, длилась несколько часов – он выключил радио, когда уже начинало светать. Нив совсем не чувствовал усталости, он даже решил, что не будет спать в эту ночь, просто примет душ, выпьет чашку горячего хараса и, возможно, немного прогуляется по утренним улицам, когда солнце только начинает вставать и еще чувствуется ночная прохлада.

Но потом он все же ненадолго прилег – и тут же провалился в сон. Небо за окном посветлело, с города спадала тень.

Ниву приснилось, что он гуляет по улице на рассвете.

Город был другим. Он не узнавал улиц. Дома стали ниже и не выглядели так вычурно, как раньше, пропала скоростная магистраль. Но больше всего изменилось то, что нельзя было увидеть глазами. Воздух. Нив даже остановился, ошалело озираясь по сторонам и глубоко, часто вдыхая. Он больше не чувствовал пустыню. Небо было облачным, дул легкий прохладный ветер, под ногами не скрипел песок.

Нив был дома, в Южном Хапуре.

В следующее же мгновение начался ливень, вода загремела по водостокам, в лужах стали пучиться пузыри. Нив оказался в другой части города, рядом с высокой башней в абитинском стиле, единственной во всей округе, на которой были огромные механические часы. Стрелки как-то растерянно показывали во все стороны света. Нив присмотрелся, и ему показалось, что часы идут задом наперед.

Его кто-то толкнул, и он обернулся.

Люди торопливо шли по улице, прикрываясь одинаковыми черными зонтами. Ливень превратился в сплошную стену дождя. Весь город смывали потоки воды.

Потом Нив перенесся на окраину.

Дождь закончился, растаяли на небе облака. Нив быстро шел вниз по улице, где-то вдалеке начинали загораться фонари,

но сумерки только продолжали сгущаться, и время неумолимо опережало его шаг. Когда Нив добрался до перекрестка, была уже глубокая ночь.

Он остановился и посмотрел на небо.

Над его головой сверкали сотни звезд, одна была особенно яркой, но потом рядом появилась такая же. Нив улыбнулся и попытался вспомнить созвездие, которое мерцало над башней вдалеке. Название крутилось у него на языке. Он нахмурился, опустил голову, а когда наконец вспомнил и вновь посмотрел на небо, то увидел лишь глубокую бездонную пустоту. Нив вздрогнул.

И проснулся.

Нив написал заявление в тот же день и был уверен, что ему стоило решиться на этот шаг еще давно, что он напрасно ждал так долго, однако, вернувшись вечером домой, он засомневался.

Согласно порядкам, Нив должен был отработать еще несколько лет. Никто не просил перевода по собственной прихоти, соскучившись по родным местам. Нив уже представлял, как будет оправдываться за свою дерзость, когда его вызовут на строгий разбор к начальству. И даже если его вернут в Южный Хапур, он может забыть об успешной карьере.

Вечером Нив снова включил радио, чтобы немного отвлечься, однако ничего похожего на вчерашний рассказ о магнетизме песков не передавали. Был лишь обычный выпуск новостей.

Поначалу Нив не прислушивался, продолжая думать о своем заявлении и вспоминая побудивший его на это безумие сон, но потом монотонный голос ведущего внезапно прервала торопливая ритмичная мелодия, и уже совсем другой диктор объявил начало экстренного выпуска новостей.

Нив прибавил громкость.

– Нам только что стало известно, – послышалось из динамика, – что около часа назад потерпел крушение пассажирский вахат, летевший регулярным рейсом...

Нив нахмурился и напряженно уставился на радио.

– Корабль летел из Южного Хапура и упал в южной пустыне, в ста девяносто восьми милях от моря Анила. По предварительным заключениям, причиной крушения стала ошибка пилота. Траектория вахата была рассчитана неправильно, в результате чего произошло снижение до слепой высоты еще над территорией мертвых песков...

Василий Воронков

Нив качнул головой. «Слепой» в этом городе называли высоту, на которой летали обычные виманы, не умевшие преодолевать зону молчания из-за магнетизма песков. Нив всегда недоумевал, почему высота называлась слепой.

– На борту упавшего вахата было шестьдесят пять человек. По нашим данным, температура в мекхала-агкати сейчас...

Нив неожиданно рассмеялся. Ведущий по радио говорил о том, что крушение пассажирского вахата – это страшная трагедия, что будет проведено доскональное расследование, что спасатели будут спасать, что власти накажут виновных. А он смеялся.

– Хочу также добавить, что мы все шокированы произошедшим. Мы призываем наших слушателей почтить...

Нив выключил радио и подошел к окну.

Уже совсем стемнело, и на улице начали загораться ночные синие фонари. Небо над городом было бессветным и черным – без единой звезды.

Нив работал в самом центре города, там, где пересекались все городские магистрали, и постоянное движение – толкучка на улицах, рев пролетающих кораблей, поезда, включавшие головной свет задолго до сумерек – продолжалось до тех пор, пока не садилось солнце и на всех транспортных линиях не отрубали ток.

К западу тянулись массивные скоростные эстакады, поднимавшиеся одна на другой, чтобы разойтись во всевозможных направлениях – северо-запад, юг, юго-восток. Глядя на эти страшные воздушные развилки, терявшиеся вдалеке в дымке смога, начинала кружиться голова. Дорожный камень под ногами дрожал из-за очередного пролетающего поезда. Восход солнца заслоняли высокие муниципальные строения, и солнечные лучи пробивались над остроконечными крышами лишь ближе к полудню.

В городе днем всегда было душно, особенно если по радио обещали несбыточные дожди, и одежда Нива вся становилась темной от пота, пока он ехал в раскаленном поезде по эстакаде, а потом толкался на улице в очумелой толпе. Небо в будние дни нередко становилось черным от копоти. На окраинах порывистый пустынный ветер обычно разгонял смог, но в центре почти

никогда не бывало ветрено, и вся эта едкая гарь скапливалась в воздухе, из-за чего даже здоровым людям становилось сложно дышать. Многие надевали на лица медицинские марли и маски.

Нив жил тут уже больше года.

Он переехал из Южного Хапура, где отработал пять лет по первому своему назначению после акаара-лая. Тогда он мечтал вырваться из Хапура и был согласен на любую должность. Пустыня, высокие каменные башни, скоростные эстакады, даже пояс ветров – все это как-то странно привлекало его в те дни. К тому же Нив боялся, что если он не подсуетится, то его рано или поздно переведут в какое-нибудь невзрачное захолустье, как уже случилось с его товарищами, и он будет торчать там до самой старости, вспоминая об упущенных возможностях под шум радиопомех.

Нив отчетливо помнил свои самые первые дни в городе.

Ему нездоровилось после тяжелого перелета, голова сильно болела, хотелось спать. К тому же он постоянно чувствовал сильную жажду, как будто один лишь вид пустыни на горизонте вызывал обезвоживание организма.

Ниву казалось, что он проснулся после многолетнего коматозного сна. Все вокруг – эта безумная суета, шум забитых толпами улиц, реактивный рокот кораблей, пролетавших над домами в зареве огня – было чуждым, отталкивающим и даже враждебным.

Делать ничего не хотелось. От радио, по которому с гипнотической настойчивостью повторяли одни и те же передачи, лишь усиливалась головная боль. После простой прогулки по улице Нив выбивался из сил. Воздух, пропитанный миллионами запахов – раскаленного камня и песка, чада и пота, благоуханий и сладкой гнили с ближайшего базара, – оглушал его, вызывая временный паралич чувств – так, что хотелось надеть респираторную маску. Теплый пустынный ветер, приносивший пыль с берегов анильского моря, обжигал при каждом вздохе легкие, и Ниву было сложно заставить себя куда-то выходить. Тесная и темная комнатка в общественной гармии становилась убежищем, спасавшем его от непонятного мира за окном.

Все вокруг было таким огромным.

Дома в десятки этажей высотой, эстакады, которые тянулись на много миль, вечно забитые улицы, площади с толпами людей – все это пространство, заполненное хаосом и криком,

Василий Воронков

и ослепительная белизна бесконечной пустыни за последним кольцом были непостижимым и невозможным, как и сны, которые снились ему каждую ночь после прилета.

Нив занимался расшифровкой передач, приходивших из-за анильского моря по релейным путям – искаженных из-за сбоев в радиосети так, что их не могли разобрать на приемных станциях. Когда утраченные в шуме помех сообщения уже теряли всякое значение, их отправляли к ним в бюро, на обработку.

Задачей Нива было восстановить то, что еще хоть как-то поддавалось расшифровке, разобраться в причинах искажения сигналов, а затем отправить результаты другому инженеру и приниматься за новое сообщение – шум, отдаленно напоминающий завывания ветра, чередующийся со странными бессмысленными фразами, произнесенными нечеловеческим языком.

Это могли быть обычные дежурные передачи, ежедневные сводки, зачитанные тусклым голосом оператора, распадавшиеся на бессвязные звуки в треске помех, или же сигнал бедствия с корабля, упавшего в пески.

В центре города, в самой отдаленной от пустыни точке, все равно порой возникало чувство – особенно, если солнце после полудня начинало припекать, – что стоит только выглянуть в окно, как вместо задыхающей от гари улицы глазу откроются бесконечные пески.

Жар пустыни, запечатленный на магнитной пленке, в записи причудливых шумов, необъяснимо передавался и самому Ниву. Частенько посреди рабочего дня он поднимался из-за стола и, встав у стены, подставлял лицо под холодные струи воздуха, которые выдыхал широкий настенный дхаав, работавший, не переставая, весь день.

Это помогало ему думать. Или, напротив, забыться на несколько секунд, отвлечься от мучительных попыток услышать в своих записях что-либо, кроме бессвязных помех.

После целого дня, проведенного в тяжелых наушниках, Нив начинал верить, что из пустыни и не приходит других передач, кроме той мешанины звуков, которую присылали к ним на кассетах в бюро. Любые слова, посланные по радио из песков, неумолимо распадаются на ритмичные механические звуки – открытые протяжные гласные, меняющие свою тональность

от удивления до крика, твердые бесцветные согласные. И во всем этом шуме смысла остается не больше, чем в отрывистых звуках, издаваемых работающей вычислительной машиной.

Нив часто вспоминал о доме.

У него было бессрочное назначение, и он мог оставаться в городе до конца своей жизни. Нив не раз хотел подать заявление на перевод – обратно, в Южный Хапур, – но, согласно правилам, он должен был отработать на новом месте хотя бы пять лет.

Пять лет.

Этот срок был невыносимым. Даже один год, проведенный в городе, был длиннее, чем вся его предшествующая жизнь. Нив боялся, что за эти пять лет с ним произойдет что-то непоправимое – он сойдет с ума от бессмысленных помех на пленке, забудет про свой дом, легкие не выдержат отравленного городского воздуха, и ему придется до конца своих дней ходить в респираторной маске.

И Нив написал заявление. Спустя всего лишь год.

Существовала официальная процедура подачи прошений о переводе: сначала нужно было написать заявление на стандартном гербовом бланке бюро; затем приходил официальный ответ о начале рассмотрения; затем (обычно через неделю или две) назначалось формальное собеседование, которое всегда проводили в гармии на северо-западной окраине города, где в ясный день, вдалеке, за высокими каменными строениями виднелась сверкающая на солнце песчаная коса.

Нив думал, что его вызовут в первый же день.

Он и боялся, и ждал этого. Утром на станции он был уверен, что ждет поезда уже несколько часов, хотя минутная стрелка его старого хронометра не успела даже сместиться с востока на север. А потом, когда Нив уже протиснулся в душный вагон, и перегруженный состав со скрежетом начал разгоняться над улицей, он вдруг захотел выйти на первой же остановке.

Он нарушил правила, он проработал по контракту всего лишь год.

В бюро утром все было обыденно и привычно – газовые лампы, мерцавшие с раздражающим треском в коридорах, шипение приемников, легкий сквозняк, который поднимали дхавы

Василий Воронков

на стенах, – но Нив во всем искал подвоха. Он не сомневался, что коллеги уже знают о его переводе. Нив на все обращал внимание. Кто-то засунул руку глубоко в карман, увидев его, точно не хотел здороваться, но потом все же улыбнулся и поспешно протянул ладонь. Кто-то нервно почесывал щеку при разговоре. Кто-то постоянно тер лоб, как будто вытирая пот, хотя кожа была сухой. Ниву постоянно слышалось собственное имя – в обрывках разговоров, которые доносились до него, пока он сидел в наушниках, даже в трещащих записях на пленке. Он вздрагивал, когда кто-нибудь проходил мимо.

Во время перерыва – сразу после полудня, в самый солнцепек, – Нив не пошел с другими в самад, а спустился вниз, на улицу, хотя сам не понимал, куда собирается идти. Ему не хотелось есть.

Он долго стоял посреди улицы. Нависающие над головой магазинные вывески отбрасывали на тротуар причудливые изломанные тени, которые слегка покачивались на теплом пустынном ветру.

Нив быстро зашагал вдоль эстакады, против движения поездов, навстречу слепящему солнцу. На лбу его выступил пот, рубашка на груди потемнела, но Нив продолжал идти. Из-за дрожащего в воздухе зноя дома впереди были похожи на пустынный мираж, словно там, в конце улицы, за поворотом, начинались бесконечные пески.

Нив запыхался, но ему все равно не хотелось возвращаться. Сидеть весь остаток дня, вздрагивая от малейшего шума, ожидая, что вот-вот зазвучит дежурный сигнал из громкоговорителей на потолке, и его вызовет к себе начальство, чтобы раздраженно отсчитать за самоуправство и заставить забрать заявление.

Нив дошел до конца улицы.

Перед ним открылся широкий и шумный проспект. Два вимана низко пролетели один за другим, оставив после себя черный клубящийся след. Скорый поезд пронесся по эстакаде, подняв пыль. Нив простоял так несколько минут, прикрывая глаза рукой от полуденного солнца, а потом побрел назад.

После оглушающего пекла улицы здание бюро показалось ему промерзшим насквозь. Нив сел за свой стол. Дхаав бил струей холодного воздуха прямо в спину, Нив несколько раз

передвигал стул, но это не помогало. Запись на пленке, которую ему приходилось слушать, была совсем лишена смысла.

Нив не выдержал и ушел с работы раньше, чем обычно – задолго до сумерек, когда на улице все еще стояла изматывающая жара. На следующий день все повторилось вновь – и снова ничего не происходило. Как и спустя еще один день. Однако Нив продолжал ждать.

Через две недели он нашел в своем ящике письмо с печатью бюро – официальное приглашение на интервью.

До этого Нив был на собеседовании только однажды – когда жил и работал в Южном Хапуре. Тогда все произошло очень легко и быстро, как если бы решение было принято задолго до того, как он пришел на интервью. Ему задали несколько дежурных вопросов – какие цели и планы и чего вообще он хочет добиться в жизни, – потом попросили рассказать о текущей работе, прервав его тщательно отрепетированную речь на полуслове. Потом пожелали удачи.

Когда Нив ехал на поезде на второе в своей жизни собеседование на новую позицию, то уже представлял, что через несколько дней окажется дома. Не будет ни эстакад с ревущими поездами, ни высоких зданий, раскрашенных в немыслимые цвета. В день его возвращения наверняка пойдет дождь – чистый грозовой ливень, какие нечасто увидишь здесь, на границе песков. На улицах соберется множество людей с одинаковыми черными зонтами, воздух будет пахнуть водой, а ночью, когда он выйдет из дома, чтобы немного пройтись, то увидит на небе звезды.

Нива встретил пожилой уставший мужчина с совершенно седой головой. В комнате стояла духота. Шторы на окне были слегка приоткрыты. На столе лежало личное дело Нива.

– Значит, хотите вернуться в Хапур? – спросил мужчина.

– Да, – сказал Нив, хотя мужчина явно не ждал ответа.

Интервьюер устало сощурил глаза и потер ладонью лицо.

– Что, вам не нравится город? Работа?

– Наверное, я просто соскучился по дому, – улыбнулся Нив.

Мужчина начал без всякого интереса листать личное дело Нива, иногда задерживая взгляд на отдельных страницах, делая вид, что читает.

Василий Воронков

– А ведь вы здесь всего лишь год, – сказал он.

– Да, вы знаете, я...

– Хорошо.

Мужчина отложил папку с личным делом, сцепил пальцы и деловито посмотрел на Нива.

– И в какой... роли вы видите себя в Хапуре?

– Я был бы рад вернуться на свою прежнюю позицию, – сказал Нив.

– А вас не пугает то, что вы можете всю жизнь так и остаться на этой вашей прежней позиции? – неожиданно резко сказал интервьюер.

Нив замешкался, не зная, что ответить. Пожилой мужчина вздохнул и покачал головой.

– Год – это слишком мало, – сказал он.

– Я люблю свою работу, – наконец выдал из себя Нив.

– Но только не ту, которая у вас здесь? – усмехнулся мужчина.

Нив опять промолчал.

Пожилой мужчина снова открыл личное дело Нива и начал там что-то искать.

– Год... – проговорил он. – Вы знаете, – мужчина посмотрел на Нива, – я сам приехал из небольшого города. Вполне могу себе представить, как вы тут себя чувствуете после Хапура. Всему нужно время, – заключил он, вновь откладывая в сторону папку.

– Да, вы правы, – согласился Нив, – но когда кажется, что ты тут не год, а уже лет десять... в общем, это дает повод задуматься.

– Хорошо, – сказал интервьюер каким-то официальным тоном.

Он поднялся из-за стола, вздохнул и протянул Ниву руку для прощания.

– Я понял вас. Было очень приятно с вами пообщаться. Мы сообщим вам о нашем решении.

Нив возвращался домой в недоумении.

Он даже не понимал, удачно прошел собеседование или нет, и все еще чувствовал радостное возбуждение и волнение, надеясь, что скоро вернется в Хапур.

Но уже на следующий день ему пришел официальный отказ.

Согласно процедуре о переводах, с которой Нив детально ознакомился еще в акаара-лая, заявление можно было подавать

не чаще двух раз в год. В конце письма с отказом вежливо сослались на отсутствие «открытых вакансий» и рекомендовали попытать счастье еще раз.

Нив сделал пометку в календаре и прождал еще полгода. Он постоянно думал о том, что мог сделать не так на своем интервью – быть может, ему отказали, потому что он мешкал тогда с ответами, потому что не мог внятно объяснить, с чего вдруг решил вернуться в Южный Хапур, из которого все мечтают уехать.

Когда истек наконец срок ожидания, Нив так разволновался, что коллеги даже спрашивали, не случилось ли с ним чего. Нив отшучивался, уходил от ответа – перевод был его тайной.

Он подал второе заявление, и приглашение на интервью снова пришло через две недели.

Теперь Нив испытывал перед собеседованием совсем другие чувства. Он мысленно репетировал беседу с уставшим седым мужчиной, пытался угадать возможные вопросы, проговаривал свои ответы – и так увлекся этим, что чуть не пропустил нужную остановку.

На сей раз Нива принимал совсем другой человек – гораздо моложе, в опрятном костюме, с редющими волосами и необычно бледной кожей, которая в городе могла быть только у больных людей. Интервьюер сразу не понравился Ниву – мужчина с бледным лицом нервничал, явно опаздывая куда-то, постоянно смотрел на наручные часы и нетерпеливо барабанил по столу пальцами.

– Значит, вы – в Южный Хапур? – спросил интервьюер, даже не поздоровавшись. – Так, давайте вы для начала расскажете, чем занимаетесь на текущей позиции, но только, – он нетерпеливо покачал рукой, – кратко.

– Я работаю инженером в бюро анализа данных, – начал Нив. – В мои обязанности входит дешифровка сообщений, которые не прошли первичную обработку. В основном...

– Так, – перебил его мужчина. – А вы на этой позиции меньше двух лет, да? Скорее, даже год с небольшим.

– Да, но...

– А вас не смущает, что это, – интервьюер непонятно вытянул вперед ладонь, – противоречит устоявшейся процедуре?

Василий Воронков

– Смущает, – сказал Нив, – и я прекрасно понимаю, что мое заявление может показаться несколько необычным, но у меня в действительности есть...

– Да, и это, к тому же, еще не первое ваше заявление? – снова перебил его интервьюер.

– Да, но...

– Подождите, – мужчина с бледным лицом раздраженно взмахнул рукой. – Я и так все прекрасно вижу, понимаю и так далее. Давайте все-таки перейдем к основным вопросам.

Интервьюер впервые взглянул Ниву прямо в глаза. Нив невольно заерзал в кресле.

– Что произошло? – спросил бледный мужчина. – В чем конкретно ваша проблема здесь?

– У меня нет проблемы, – сказал Нив. – Я бы, скорее...

– Тогда почему вы хотите перевестись? Не переводитесь!

– Я как раз и пытаюсь вам объяснить, – сказал Нив. – Если вы дадите мне возможность...

– Я не хочу слушать от вас пересказ того, что записано здесь, – голос интервьюера заметно повысился; он покачал перед Нивом папкой с его личным делом. – Не нужно мне тут... Я и так все это слушаю по двадцать раз в день. Я хочу реальных ответов. У вас проблемы? Конфликты с кем-то?

– Да нет у меня никаких проблем и конфликтов.

Интервьюер вздохнул.

– Ладно, думаю, я услышал все, что было нужно. Остальное записано в вашем личном деле. – Он резко вскинул голову. – Удачного дня.

На сей раз, возвращаясь домой, Нив почти не сомневался в том, что ему снова ответят отказом. Он злился на это бледного лысеющего бюрократа, который даже не дал ему высказаться и завершил собеседование раньше времени, потому что торопился на обед. Ему просто не повезло. Так бывает. Какой-то идиот.

Официальное письмо пришло уже на следующий день.

«К сожалению, на настоящий момент в Южном Хапуре нет открытых позиций, которые соответствовали бы Вашему опыту и уровню компетенции. Мы будем рады рассмотреть Ваше новое заявление, если Вы решите его подать, по истечению стандартного срока...»

Нив убрал письмо в стол и сделал очередную пометку в календаре.

Собеседования превратились для Нива в традицию. Он всегда специально отмечал в календаре те дни, когда можно было подать очередное заявление – обязательно четные, как если бы это имело особое значение. А когда наступал день собеседования, Нив брал на работе отгул, хотя мог бы прийти с заранее оговоренным опозданием.

Эта традиция не менялась годами.

Нив просыпался совсем рано, еще до рассвета. Он умывался ледяной водой, брился и, облачившись в тщательно выглаженный праздничный костюм, даже если такая одежда была совсем не по погоде, надев новые лакированные ботинки, которые не носил в обычные дни, выходил из дома, когда только оживали после ночной спячки скоростные поезда.

Со стороны можно было подумать, что он едет отмечать какой-нибудь долгожданный праздник, день рождения, известный только ему юбилей, или же спешит на внеурочное свидание в самом начале монотонного буднего дня.

Эти поездки особенно сильно запоминались ему, как если бы сами путешествия в пустом поезде в сонную сумеречную рань имели даже большее значение, чем собеседования с безразличным клерком о причинах, по которым он так хочет перевестись.

В вагонах было тихо, все места свободны, лишь надсадно скрипели динамики, изрыгая элекрическую музыку, да гудел ветер за окном. Самое заурядное везение, хорошее настроение интервьюера, долгожданное признание его заслуг, опыта и профессионализма – Нива устраивало любое стечение случайностей и обстоятельств, – и он будет вспоминать об этой поездке как о границе между его старой жизнью и новой, новой и старой.

Наверное, именно поэтому Нив всегда отправлялся ранним утром, когда еще чувствовался успокаивающий холод ночи, небо в вышине было темно-серым, как ночью, без звезд, с прозрачной палевой дымкой над крышами домов. Казалось, что в городе начинается не опаздывающий за механическими часами рассвет, а мягкие вечерние сумерки, и последний поезд медленно увозит его на окраину города, где его уже ждет пассажирский вахат. Пункт назначения – Южный Хапур.

Нив всегда приезжал слишком рано, и ему приходилось больше часа сидеть в плеве на втором этаже, где было душно, светло и – решительно нечем заняться. Нив сидел перед закрытой дверью, терпеливо ожидая, когда его вызовет секретарь. Ближе к началу примных часов появлялись другие люди. Некоторые пытались заговорить, рассказывали о своих переводах, но Нив всегда неохотно делился планами. Ведь это плохая примета – говорить о том, что еще не произошло.

Собеседование всегда проводили разные люди. Ни разу Нив не попадал к одному и тому же человеку, как будто это планировалось умышленно, по причинам, о которых ему оставалось только гадать. Результат, однако, всегда был неизменным.

Нив часто думал, что отвечает как-то неправильно, что те, кто умудряется добиться желанного перевода за первое же собеседование, просто умеют подбирать более уместные, ожидаемые ответы, и им известно обо всех этих бюрократических формальностях что-то такое, о чем он за все эти годы так и не смог узнать. Или же просто все дело в том, что он не успел еще отработать в городе положенные пять лет и, каким бы убедительным он ни казался, перевод его просто не могут одобрить. Впрочем, от этого аргумента пришлось отказаться после того, как пять полных лет уже прошли.

Собеседование обычно проводили мужчины, хотя однажды Ниву попалась женщина, старше него, с сединой на висках, и ему как-то особенно запомнился тот раз.

Нив тогда волновался сильнее обычного.

Он поздоровался, остановившись в дверях и неловко улыбаясь, не решаясь даже зайти в кабинет. Женщина пригласила его небрежным жестом. Башмаки Нива, купленные за день до собеседования, поскрипывали при каждом шаге.

Он остановился у стола. Ему предложили сесть. Он сел.

У кресла не было подлокотников, и Нив не знал, что ему делать с руками – он пробовал сцепить их на груди, положить на колени, даже засунуть в карманы брюк.

– Скажите, а что входит в ваши текущие обязанности? – спросила женщина, как и многие другие до нее, хотя обязанности Нива подробно описывались в его личном деле.

Вначале Нив думал, что ему следует рассказывать о своей должности с большим воодушевлением – ведь в противном

случае могут подумать, что он просто потерял интерес к работе, и уж точно никуда его не переведут. Однако потом он начал сомневаться в том, что поступает правильно. Зачем переводить кого-то, кто и так всем доволен? Важнее было показать, что он мог бы принести больше пользы, что его способности могли бы использоваться более эффективно на новом месте. Вернее, на старом – там, где он родился.

– Да, в общем-то, и рассказывать особо нечего, – сказал Нив. – Обычная история. Я работаю в бюро анализа. Занимаюсь расшифровкой сообщений, которые не прошли первичный анализ. Повышений за все время работы здесь у меня не было. Нареканий, вроде бы, тоже.

– И, я так понимаю, вас не слишком все это устраивает? – спросила женщина.

Она была спокойной и даже доброжелательной. Нив решил, что это хороший знак.

– Дело, в общем-то, не в работе, – сказал он. – Я прекрасно понимаю, что работа – это работа, и, конечно, у нас много рутины, но так, наверное, будет на любой позиции... По правде сказать, я просто хочу домой.

– А вы хотите перевестись... – медленно произнесла женщина, опустив голову и переворачивая страницы в папке на столе.

– Хапур, – сказал Нив. – Южный Хапур. Там я родился.

Несколько секунд женщина молчала.

– Скажите, – сказала она наконец, – как я понимаю, как вы говорите, вас в общем-то устраивает позиция, и вы просто хотите вернуться в Южный Хапур. Но переводились вы сюда тоже по собственному желанию. А когда вы были в Хапуре, что побудило вас подать на перевод? Почему вы просто не остались работать в своем родном городе?

Нив вздохнул и взволнованно сцепил пальцы. Такого вопроса ему еще не задавали.

– Ну, я всю жизнь занимаюсь системами связи, – сказал он. – Не просто системами связи. Ну, вы понимаете. Радио-картография, системы релейной передачи данных. Мне тогда казалось, что здесь будет очень интересно. – Нив кашлянул, горло его пересохло. – Сами понимаете, зона молчания, нируттар, как здесь говорят. Огромные радиореле в песках. Мне тогда казалось...

Василий Воронков

– Понимаю, – сказала женщина. – А закончилось все тем, что вам поручили заниматься расшифровкой? А это вы явно могли бы делать и в своем Хапуре?

– Ну, в общем, да, – согласился Нив. – Я, конечно, понимал, что далеко не сразу... И не то чтобы меня не устраивала эта работа...

– У меня пока складывается впечатление, что именно работа вас и не устраивает, – сказала женщина. – Мы здесь именно для того, чтобы во всем разобраться, обсудить ваши планы на дальнейшую карьеру. Вы, кстати, не думали подать заявление на другую позицию здесь, вместо того, чтобы возвращаться в Хапур, где, по правде сказать, у вас не будет совершенно никаких перспектив?

– Нет, вы знаете, все-таки дело не совсем в этом. Я достаточно долго думал о том, чем я хочу заниматься в будущем... о том, где я хочу быть в будущем... И это... это точно не здесь.

– Ну что ж, – кивнула женщина. – Дело ваше. Но я уверена, что вы совершаете ошибку. Вернетесь вы, пройдет еще какое-то время, и... У вас будет только должность без перспектив в Хапуре. И вас уже не переведут обратно.

Она помолчала, выдерживая паузу.

– У вас же хороший опыт и рекомендации. Уверена, что для такого, как вы, вполне можно было бы найти куда более интересную работу. Вспомните, ради чего вы сюда переводились.

– Да, но... – Нив нервно заерзал на стуле. – Думаю, хорошие специалисты везде нужны. Даже в Южном Хапуре.

Он запнулся, подумав, что его слова звучат глупо. Он совсем не думал о карьере, новых обязанностях, повышении. Он просто хотел вернуться домой.

– Да, да, понятно, – с легким нетерпением сказала женщина и вновь погрузилась в его личное дело. – Скажите, а вы уже раньше проходили собеседование? Я тут что-то не вижу...

Она быстро переворачивала страницы в папке.

– Да, проходил. Там должно быть... – сказал Нив.

Она даже чуть привстала с кресла.

– Да, нашла... Однако...

Женщина закрыла папку, потом откинулась на спинку кресла и посмотрела на Нива, непонятно улыбаясь.

– А вы весьма... целеустремленный молодой человек, – сказала она. – Ваши отказы даже стали подшивать отдельным слоем –

так много их накопилось. Нечасто увидишь подобное. Люди обычно боятся, что это повредит их... карьере. Вы же, несмотря ни на что, продолжаете писать заявления два раза в год.

– Повредить карьере? – спросил Нив. – Это правда?

– Ну да, я же забыла, – сказала женщина. – Вы ведь как раз и хотите изо всех сил повредить карьере. Южный Хапур... – Она покачала головой. – Скажите, но все-таки... Такое упорство. Чем вы сами-то это объясните?

– Я хочу вернуться домой, – сказал Нив. – Единственный способ перевестись обратно – подать заявление.

– Есть и другой способ, – сказала женщина. – Уйти из бюро. Нив побледнел.

– Нет, – рассмеялась женщина. – Не волнуйтесь. Я не буду писать ничего такого в своей рекомендации. Просто мне показалось, что если вам и вправду так хочется вернуться домой...

– Перелет в Хапур мне обойдется... – начал Нив. – Да я за все время работы здесь едва ли отложил столько. Потом, еще надо получить разрешение, что непросто.

– И остаться без работы, – добавила женщина.

– Да, – согласился Нив. – Без возможности восстановить-ся. Насколько я знаю политику бюро. В общем, я...

– Да, я поняла, – сказала женщина. – Вы просто упорный, вы не глупый.

Она подняла со стола папку с личным делом Нива, взвесила в руке и бросила обратно на стол, к другим бумагам.

– Ну что ж, – сказала она. – Думаю, я узнала все, что мне было нужно. Спасибо вам за беседу, мы с вами скоро обязательно свяжемся.

Нив встал, попрощался и уже подошел к двери, как вдруг остановился.

– Извините... – сказал он.

– Да, да?

Женщина удивленно подняла на него глаза.

– Я понимаю, – неуверенно начал Нив, – что это не совсем по правилам, но... сами знаете, я уже довольно долго хожу сюда... целые годы... Мне просто хочется разобраться, как вообще все это происходит. Я, по правде, уже и понятия не имею...

Женщина хотела его перебить, но Нив продолжал:

Василий Воронков

– Каждое мое собеседование завершается вот так, как сегодня, а на следующий день я всегда получаю отказ. И последнее время уже не жду ничего, кроме отказа.

– Мне очень жаль, но... – начала женщина.

– Почему? – перебил ее Нив. – В чем причина? Это потому, что я написал свое первое заявление так рано? Я говорю что-то не то? Или все дело в Хапуре? В Хапур не переводят?

– Я не думаю, что дело в Хапуре. Я...

– Кто принимает решение? Кто вообще отвечает за все это? Вы?

– Нет, – сказала женщина. – Решение принимаю не я. От меня зависит не так много, как вы думаете. Я всего лишь должна разобраться в причинах, по которым вы подаете на перевод. И дать свою рекомендацию.

Нив несколько раз молча кивнул головой и повернулся к двери.

– Ниверт! – откликнула его женщина.

Нив обернулся.

– Хотя я искренне считаю, что вы совершаете ошибку, – сказала она, – если бы решение полностью зависело от меня, то я бы одобрила ваш перевод. В конце концов... мне вполне понятно ваше желание вернуться домой.

– Спасибо, – сказал Нив.

Он возвращался в подавленном настроении. Теперь он был уверен в том, что прошение его никогда не одобрят, а он так и будет всю жизнь писать бесконечные заявления, получая один и тот же формальный ответ.

Он был так погружен в свои мысли, что даже проехал нужную станцию, и поезд увез его чуть ли не до конечной. Нив вышел на перрон, затем спустился в плев, думая, как ему вернуться обратно, на остановку, которую он пропустил.

На скамейке сидела женщина в респираторной маске и взволнованно теребила в руках мятую схему транспортных линий.

На следующий день Нив вновь получил стандартный отказ.

Последний раз Нив поехал на собеседование спустя полгода после знакомства с Аной.

Молодой и бойкий мужчина уверял его в том, что в Хапуре есть множество интересных позиций, что Нив проработал на

своей текущей должности уже достаточно долго и что нет абсолютно никаких причин, которые могли бы препятствовать переводу, но потом Нив снова получил отказ.

И тогда он пообещал себе, что больше не будет ходить на эти бессмысленные интервью. Слишком многое поменялось в его жизни. Даже работа – каждодневные поездки в душный городской центр и бессвязный шум помех на пленке – стала обыденной и привычной. Он начал забывать Южный Хапур.

Нив убедил себя в том, что нет уже смысла что-то менять. И переехал жить к Ане.

Но однажды, спустя несколько лет, ему приснился странный и неприятный сон – из тех, что хочется забыть сразу же после пробуждения.

Ему снилось, что он снова поехал в центральное управление, на формальную беседу о том, почему он так хочет вернуться домой, однако знакомый уже город был во сне совершенно другим.

Гармония центрального управления почему-то стояла посреди пустыни. Вокруг нее поднимались высокие песчаные холмы, а эстакада, которая шла под странным углом, под откос, упиралась прямо в пологую дюну. Весь остальной город был погребен в песке.

Однако внутри здания оказалось свежо и прохладно. Работали на полную мощность дхавы. Ярко горели газовые лампы.

Нив ждал своей очереди в просторном плеве, совсем не таком, как в реальном управлении, похожем, скорее, на роскошный холл в каком-нибудь старинном театре, но это совсем не удивляло его во сне. Поначалу он даже чувствовал радостное волнение, ему упорно казалось, что на сей раз все будет иначе, что сегодняшний день – особенный, что ему обязательно попадется человек, который внимательно выслушает его и поймет, который, в отличие от тех, остальных, сам принимает решение.

В плеве, кроме Нива, никого не было. Ярко горел электрический свет, поблескивал чистый зеркальный пол. Поначалу Нив не замечал времени, но потом начал нетерпеливо поглядывать на часы. Никто не ожидал приема вместе с Нивом, никто не выходил из комнат. Только двигалась минутная стрелка на настенных часах.

Нив встал и нервно прошелся рядом с закрытой дверью, где, как он был уверен во сне, ждал его новый интервьюер. Нив

Василий Воронков

не слышал никаких голосов, шипения радио, звука шагов – ни единого признака человеческого присутствия.

Он провел в плеве несколько часов, но его так и не пригласили на интервью.

Нив вдруг понял, что уже приближается ночь, что он провел в этой безжизненной зале весь день и, решив, что нет смысла чего-то ждать, направился к выходу.

Однако двери оказались закрыты.

Нив не мог поверить в то, что это действительно происходит. Во всей гармии действительно не было ни единой души. А о нем попросту забыли.

Большинство зданий в городе соединялись переходами. Во сне Нив был почему-то уверен в этом. Он даже мог с легкостью представить себе глубокие подземные туннели, едва освещенные пыльными лампами, пристройки, соединявшие два непохожих, принадлежащих разному времени строения, высокие, открытые ветру балконы.

Нив некоторое время сидел на скамейке, решая, как ему быть. Потом он встал, быстро пересек плев и вышел на лестничную клетку. Спуск на подземный этаж был открыт.

Нив и сам не особенно представлял, что делает. Ана ждала его. Оставаться в плевe на всю ночь было невыносимо.

И Нив спустился вниз.

Он оказался в узком и прямом тоннеле. Было темно. Большинство потолочных ламп перегорели. Пахло сыростью и мочой. Идти приходилось почти что на ощупь. Нив не знал, куда его выведет этот тоннель – он мог оказаться в соседнем корпусе, в другом здании или перед очередной закрытой дверью.

Но подземный коридор закончился еще одной лестничной клеткой. Нив стал подниматься и вышел на первый этаж.

Снова плев.

Нив стоял посреди огромного зала с зеркальными полами, испуганно озираясь по сторонам. Это был точно такой же плев, как и тот, в котором он провел весь день – те же двери, утопающие в стенах, те же отражения потолочных люстр в отшифрованной до блеска напольной плитке, даже едва заметные трещины на ярких изразцах были точно такие же. Двери на улицу опять оказались закрыты.

Нив не помнил, что произошло потом. Конец сна позабылся сразу – да он и не пытался его вспомнить.

С утра ему нездоровилось, и он чуть не заснул в поезде, несмотря на шум.

На работе все было без изменений. Его ждали металлические кассеты с записями помех и старая вычислительная машина. Знакомая обстановка, синеватое мерцание экрана и привычный шум в наушниках как-то даже успокаивали Нива.

Он сидел за столом, уставившись невидящим взглядом в экран. Дхаавы как всегда работали на полную мощность, но все же Ниву казалось, что ему не хватает воздуха, и он даже не мог вдохнуть полной грудью. Нив подумал, что Ана, должно быть, чувствует себя так каждый день.

Он коснулся ладонью лба – его действительно начинало лихорадить. Правда, Ана тоже жаловалась на плохое самочувствие этим утром, когда он делал ей укол. Это, должно быть, из-за жары.

Нив снял наушники, поднялся из-за стола и прошелся по залу. Никто не обращал на него внимания – все сидели, склонив головы в тяжелых наушниках, или сосредоточенно высматривали что-то в мерцающих экранах. Было еще утро, за окном пролетали переполненные пассажирские составы, стрелки часов на стене показывали в разные стороны, словно запутавшись, какое сейчас время суток.

Нив остановился напротив дхаава на стене, чтобы, закрыв глаза, подставить лицо под потоки холодного воздуха, однако именно этот очиститель почему-то не работал.

Возвращаясь вечером на поезде домой – Нив ушел чуть раньше обычного, сославшись на плохое самочувствие, – он заметил, как на стенах некоторых зданий вспыхивают красные огни. С трудом протолкнувшись к окну – был самый час пик, все ехали с работы, – Нив увидел, как внизу, на улице, ветер поднимает волны песчаной пыли, хотя небо было чистым и ясным.

Город тонул в песке.

Поезд, летевший навстречу урагану, судорожно покачивался на рельсах. Пассажиры взволнованно переговаривались, обступив окна. Скрипели громкоговорители на стенах.

На следующий день Ниву пришло официальное письмо.

ПРАЗДНИК КРАСОК

Когда газовое освещение уступало рассвету и небо медленно прояснялось, окрашиваясь в цвет вечных дюн, где-то далеко, за южным морем, начинали подниматься высокие фонтаны песка. Взрывов было совсем не слышно – как в вакууме, – словно утренний воздух, дрожащий от зноя, препятствовал распространению ударной волны. Песчаные струи разлетались в разные стороны, поднятые чудовищной силой и, на мгновение застыв над выжженными косогорами, оседали бесцветной пылью. Не успевали развеяться клубы после первого взрыва, как тут же на небольшом отдалении вздымалась в небо новая волна, а за ней, вновь не дождавшись, пока улягутся брызги, еще одна, снова и снова – казалось, что начинается страшный песчаный шторм, что буря поднимается из самых недр раскаленной планеты, но вблизи города дул лишь слабый и теплый ветер, а море было спокойно и мертво как всегда.

Нив знал – это взрывают дюны, превращая пустыню в пустошь, одинаковую, в какую сторону ни смотри. Так возводили новые стены, защиту от песка.

День обещал быть особенно жарким – обычно так еще не припекало в этом сезоне, особенно в столь ранний час – и приветствовал Нива этими фонтанами из песка.

Нив чувствовал себя больным, хотя и не понимал, что с ним. Он даже взял на работе небольшой отгул по состоянию здоровья, сказав Ане, что ему выдали премию отпускными днями, и он хочет побольше времени провести с ней. Нив старался изображать радость и беззаботность, чтобы Ана ни о чем не догадалась, однако ему было тяжело даже заставить себя утром подняться с постели, а руки его тряслись, когда он делал Ане укол.

Нив чувствовал себя так же, как и много лет назад, когда только приехал в город, и все вокруг представлялось ему невыносимо огромным, враждебным и чужим. Переполненная хагата. Улицы, исходящие истерическим криком, когда, чтобы перейти на другую сторону, приходится пробиваться через яростные толпы людей. Рев пикирующих виманов, от которого закладывает в ушах. Все это – все, что он научился не видеть – стало вдруг таким пронзительным и ясным.

Ана старалась возвращаться с работы пораньше, чтобы проводить с ним больше времени. Нив радовался, шутил, слушал вместе с Аной вечернее радио, несмотря на головную боль. И никак не мог найти в себе силы, чтобы сказать ей о переводе.

Он не поверил своим глазам, когда впервые прочитал пришедшее к нему на рабочий ящик официальное письмо. Он и раньше слышал, что некоторым счастливицам доставалась совсем не та должность, о которой они просили в своих заявлениях, но как-то не придавал этому значения. К тому же он уже несколько лет не ходил на интервью. Почему о нем вспомнили именно сейчас? Как будто кто-то просматривал от безделья архивы и заметил толстую подшивку с отказами Ниву. Как будто кто-то решил злобно над ним подшутить.

После всех этих заявлений, которые Нив писал почти пять лет подряд, мечтая только о том, чтобы вернуться домой, его перевели на работу в пески.

Поначалу Нив собирался оспорить принятое в управлении решение, но ему никто не стал помогать – никакой официальной процедуры для отказа от перевода не существовало, а жаловаться высшему руководству его настоятельно отговаривали, намекая, что после такого он может и вовсе лишиться работы. Ниву ничего не оставалось, кроме как согласиться на новую должность.

Радиокартография. Южные пески.

Письмо о переводе было написано так торжественно, как если бы Ниву собирались вручить почетную награду, повесить на недостижимо высокую должность, перевести на работу, о которой он мечтал всю жизнь.

Пустыня. Беззвучные взрывы песка, встретившие его по утру, на следующий день, когда он проснулся.

Однако потом Нив начал убеждать себя в том, что жизнь его меняется к лучшему. Он хорошо научился этому, пока жил в городе. Новая должность куда интереснее сводящих с ума помех на магнитной пленке, которые он слушал, сидя за одним и тем же столом уже почти десять лет. К тому же ему сказали, что в отделе радиокартографии достаточно будет проработать лишь год, после чего можно подать любое заявление, на любую позицию, в любой город – и его обязательно возьмут.

Но Нив все еще не знал, как скажет об этом Ане; он был уверен, что она испугается таких перемен. Он даже хотел соврать,

Василий Воронков

что всегда мечтал заниматься картографией, летать в пустыню, изучать мертвые пески. Да, ему придется часто уезжать, но всю следующую неделю после поездки он будет проводить в городе, вместе с ней. Целых семь дней регулярного отпуска, вместо обычных выходных. Он сможет каждый вечер встречать ее после работы, даже ездить вместе с ней в видае-лая по утрам. У них будет куда больше времени друг для друга, чем раньше.

Нив рассказал Ане о назначении вечером, в последний свой день на больничном. Тогда Ана задержалась на работе, и Нив ждал ее, нетерпеливо расхаживая по комнате, а потом, когда она пришла, долго не решался начать разговор.

Ана выслушала, но ничего не сказала.

Она выжидающе смотрела на Нива, надеясь, что он сам подскажет ей – вздохом, взглядом, едва заметной улыбкой, – хорошая это новость или плохая. Она, наверное, и не понимала, о чем он говорит – пустыня, радиомаяки, звуковые карты, виман, который будет увозить его в пески.

Нива пугало ее молчание.

– Я, по правде, сам подавал заявление, – сказал он. – Правда, очень давно... Еще до нашего знакомства. Я уж и забыл об этом. Не думал, что они в итоге...

– Это... опасно? – спросила Ана.

– Опасно?

Нив еще не думал об этом. Виманы иногда падали в пустыне, но это случалось так редко, что он не смог даже припомнить, когда о подобном сообщали в последний раз. Станции хорошо защищены, там можно протянуть несколько месяцев, даже если их полностью заметет песком. Исследовательские работы? Установка радара? Метеориты? Но им не придется залетать далеко в пояс ветров.

И все же...

Нив никогда не был в открытой пустыне. На работе его пытались убедить, что несчастные случаи на станциях происходят чрезвычайно редко, и у него куда больше шансов погибнуть в хагате, но он до сих пор не говорил ни с кем, кто действительно летал в пески.

Только год. Одобряют любое заявление. Ниву вдруг стало страшно.

– Нет, вовсе нет, – сказал он. – Большую часть времени я буду проводить на станции. А станция – это настоящая крепость. Там есть запасы еды и воды. Никакой шторм не страшен.

– А метеориты?

– Все станции далеко от пояса ветров и... Не думаю, что это в действительности опасно. Я никогда не слышал, чтобы...

– Но ты ведь все равно не сможешь отказаться?

Щеки у Аны покраснелись, а глаза стали влажными. Это от волнения, или ей снова тяжело дышать? Нив невольно покашлянул на дхаав. Очиститель работал, в комнате было свежо.

– Нет, – сказал Нив. – Боюсь, что нет. Но это всего лишь на год. И после этого я смогу просить о любой должности, в любом...

Ана кивнула головой, но Нив почему-то подумал, что она не слишком-то этому верит.

– Это действительно так, – добавил он. – Никто не держит в песках насильно. Только год. Многие, конечно, работают там по своему желанию и куда дольше, но...

Ана посмотрела Ниву в глаза.

– Только год, – повторил он.

– И ты будешь уезжать каждую неделю? – спросила она.

– Раз в две недели, – сказал Нив. – Одну неделю там, одну здесь, с тобой.

Ана вздохнула.

– Это ведь совсем недалеко, – сказал Нив, обнимая Ану за плечо. – Станции наши неподалеку от города. Всего какой-нибудь час или два на вимане.

Ана молчала.

– Перелет меньше времени займет, чем ты с работы сегодня возвращалась.

– Да, но... – начала Ана. – Это глубокая пустыня. Там падают метеориты. Там... Один бог знает, что там может произойти.

– В городе тоже падают метеориты. Да и станциям даже большой метеорит не страшен.

Нив очень в этом сомневался, но решил, что уж лучше со-
врать, чем расстраивать Ану.

– И я по крайней мере перестану сидеть весь день с наушниками на голове, – добавил он. – А то уж оглохну так скоро.

Ана глубоко и часто дышала, обдумывая его слова. Тихо шелестел очиститель воздуха.

Василий Воронков

– Ты знаешь, – сказала она, – если ты действительно этого хочешь... И потом – целая неделя вместе... Но я буду очень переживать.

Нив не знал, что ответить.

– И когда тебя переводят? – спросила Ана, нарушив затянувшееся молчание.

Она попыталась улыбнуться.

– Через три недели, – сказал Нив. – Хотя, нет, погоди. – Он потер пальцами лоб. – Еще почти через месяц.

– Так скоро?

Ана сидела, прижавшись к нему плечом. Нив чувствовал ее частое неровное дыхание на своей коже.

– Да, – сказал он. – Мне и самому не верится.

– Ладно. – Ты уж меня извини. Я всего боюсь. Я понимаю, что для тебя это важно. А я уж как-нибудь переживу, что некоторые вечера мне придется проводить одной.

– На самом деле, мы даже больше времени будем вместе, – вновь начал Нив.

– Да, я на работе, а у тебя выходной, – сказала Ана.

Она глубоко и быстро вздохнула, собираясь о чем-то сказать, но промолчала. Нив почувствовал, как все ее тело стало чуть заметно вздрагивать.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – спросил он.

– Да, я... Просто сегодня... – Ане не хватило воздуха, даже чтобы закончить предложение, и она резко вздохнула. – Просто я немного устала.

Нив поцеловал ее в лоб.

– Я рада за тебя, – сказала Ана. – Надо будет отметить на выходных... твоё повышение.

– Обязательно отметим, – сказал Нив.

Он подумал и добавил:

– Ты знаешь, а я ведь, наверное, смогу встречать тебя у видя-лая, когда ты будешь заканчивать.

– Обещаешь? – спросила Ана.

Нив обнял ее. Ана тяжело и часто дышала, но все равно пыталась улыбаться.

На следующее утро она вновь заговорила о его назначении.

Нив делал ей укол, и Ана сидела на постели, даже не открывая глаз. Тень от крестовины расшторенного окна растянулась по стене. В комнате пахло сном и шаром.

– Скажи, а эти твои поездки... – медленно проговорила Ана. – Это ведь там, где были взрывы в песках?

– Думаю, чуть дальше, – сказал Нив. – Взрывы – это же восстановление периметра.

Он поднял шприц над головой – было видно, как плывет на свету пыль – и слегка надавил на поршень, чтобы выпустить воздух.

– Да я и сам пока еще не все знаю, – сказал Нив.

Нив сделал укол. Ана вздогнула и недовольно посмотрела на свою перетянутую жгутом руку.

– Сегодня было больно, – пожаловалась она.

– Извини, – сказал Нив.

Он достал пустую ампулу из шприца.

– А почему ты спрашиваешь про взрывы?

Он снова протирал ей кожу смоченной шаром ваткой – там, где было покраснение от укола.

– Да так, – сказала Ана. – Ты ведь знаешь, я все детство провела... с видом на пустыню.

Нив улыбнулся.

– Да, наверное, в этом есть... – не договорил он.

Нив посмотрел в окно и попытался представить, что, вместо перекрытого эстакадой тротуара и старых гармий, окрашенных тусклым рассветом, перед ним бесконечная пустыня, выточенные ветром дюны, которые простираются до тех пор, пока хватает глаз.

– Может быть, я тоже увижу, как в пустыне начинается дождь, – сказал он.

Ана вспомнила, что хотела послушать прогноз погоды на следующий день, но не смогла настроить радио. Нив тоже не нашел ни одной частоты, по которой говорили бы о погоде. Хотя он и так не сомневался, что ожидается засушливая жара. К тому же завтра был праздник красок – выходной у них обоих, – а Нив никогда не слышал, чтобы во время праздника красок шел дождь, как если бы это противоречило законам природы.

Нив собирался обсудить с Аной, чем они займутся на следующий день, но забыл, провозившись с приемником. Им удалось поговорить только вечером. Ана хотела весь день кататься на

Василий Воронков

поездах, пересаживаясь с одной линии на другую. Впрочем, она понятия не имела, куда собирается поехать, и Ниву предстояло придумать все за нее – в вечер перед праздником, – разработать особенный маршрут их поездки так, чтобы они смогли посмотреть на раскрашенный к торжеству город, но не попали бы в толкучку на станциях и в поездах.

Нив беспокоился, как Ана перенесет этот засушливый день, когда даже в городе чувствовалось дыхание окружающей их пустыни, а ветер приносил с собой жару и песок. Вдруг ей станет плохо из-за духоты? Вдруг у нее начнется приступ? И он пытался продумать их праздничное путешествие так, чтобы всегда можно было быстро вернуться домой.

Они вышли рано утром, когда на некоторых домах даже не погасли ночные огни – так хотела Ана, хотя еще чувствовала слабость после укола – и направились к ближайшей станции, Нивартану. Это было похоже на начало самого обычного буднего дня. Ниву упорно казалось, что он просто провожает Ану до ее работы.

В праздник, вопреки всем законам природы, день длился дольше, и после сумерек электричество должно было замечать солнечный свет, поэтому весь город еще спал, никто никому не торопился, и по пути им не попадались другие прохожие.

Ана жаловалась на холод, потирая руками плечи, хотя, несмотря на ранние часы, уже начинало припекать. Ветер был теплым, как чье-то дыхание, а небо – чистым и светлым, без облаков. Нив хотел предложить Ане вернуться, его пугал этот странный озноб после укола, но не решался – она так ждала этого праздника, и он не мог заставить ее весь день пролежать в постели.

Старый район почти не украшали.

Не было неоновых гирлянд на стенах, обещанных в новостях, позабыли даже про цветные флажки, которыми всегда пестрили в этот день улицы. Лишь некоторые жильцы, вопреки унынию заброшенных кварталов, приклеили на стекла окон яркие фигурки – силуэты людей, вырезанные из бумаги, невозможных цветов, всегда с распростертыми руками, в позе комической радости или сердечной молитвы. Издали крашенные аппликации на окнах теряли форму, превращаясь в яркие и странные кляксы – желтые облака, оранжевые овалы, синие

планеты, – как будто стекла были просто заляпаны приторной краской. Нив пожалел, что сам не догадался вырезать праздничные фигурки из бумаги и наклеить их на стекло. Ана наверняка была бы рада.

Но она и так улыбалась, выжидающе оглядываясь по сторонам. Ее совсем не смущал серый и сирий сумрак окраин.

Потом, уже у Нивартана, они увидели несколько ярких растяжек под эстакадой и одинокий флаг у самого входа в плев. Со станции они уехали в почти пустом вагоне – праздник еще не начался.

Ана сидела у окна – она бы прислонилась к стеклу лбом, но ей мешала респираторная маска – и смотрела на проносящиеся мимо дома. Они выходили там, где она хотела. Ана не знала названий, она просто говорила – когда начинала играть музыка, и весь состав, вздрогнув, замедлял свой ход, – что им обязательно нужно посмотреть на эту древнюю гармию, газовую иллюминацию, длинный икавезман, или просто постоять на перроне, накрытом как саваном тусклой гирляндой, от которой исходила тень, а не свет.

Город постепенно оживал.

На станциях появлялись люди в нарядных одеждах, слышались музыка, голоса. В вагонах теперь было шумно – все смеялись, пересказывали выпуски новостей, обсуждали то, что происходит в центральных районах.

Нив волновался, что Ане нездоровится, и она просто не показывает вида. Ана иногда замирала, точно задержав дыхание, и сидела, не двигаясь, неподвижно глядя в окно.

Нив даже решил, что разбудил ее от странного нездорового сна, когда лишь слегка тронул за плечо и сказал, что им пора выходить – здесь, по его задумке, они пересаживались на другую линию, чтобы объехать праздничные толпы стороной.

И снова они сидели в пустом вагоне, и музыка над головой играла только для них.

Ана, устроившись у окна, с интересом разглядывала крашенные дома, людей внизу в модных одеждах, предпочитавших скоростным составам неторопливые прогулки пешком, полицейских, истошно-красная форма которых неожиданно вписывалась в палитру этого безумного дня. Ана по-прежнему иногда просила выйти на некоторых станциях, но теперь они даже

Василий Воронков

не спускались с перрона. Они стояли, наблюдая за улицей внизу. Ветер перебирал материю флагов, украшавших парапет, пересчитывая цветные складки. Пустыня была далеко, много миль по скоростным путям в любую из сторон, но почему-то казалось, что уже за этой улицей стоят высокие барханы, а дорожный камень обращается в раскаленный песок.

Когда они стояли на очередном пустом перроне, Нив подумал, что, благодаря его стараниям, они объехали все интересные места стороной, и от всего праздника им достались только цветные флаги.

Ана молчала.

Нив вопросительно кивнул, но она лишь пожала плечами в ответ, убрала прядь волос со лба и тяжело вздохнула.

– Ты как себя чувствуешь? – спросил Нив. – Не устала?

– Все хорошо, – сказала Ана, но глаза ее говорили об обратном.

Дальше по плану у них была остановка в большом икавезмане. Нив беспокоился, что там может оказаться людно – из-за питейных, самадов и распродаж, – но Ане требовался отдых, а в икавезмане работали сотни очистителей, и воздух был таким свежим, что начинала кружиться голова. Они могли пообедать, выпить стаканчик макаранды, о чем-нибудь поговорить.

Ана сняла респираторную маску.

В самаде, который они выбрали – на самом верху, рядом с парапетом, где за перилами открывался головокружительный вид на огромную винтовую лестницу, а Нив, точно официант, приносил различные блюда на подносе, – Ана неожиданно разговорилась. Она спрашивала Нива обо всем, что они видели – сколько лет тем зданиям, которым, как говорил Нив, уже десятки раз перекрашивали фасад, когда включают всю иллюминацию, почему на линиях, где они проезжали, так мало людей.

Они сидели у парапета, люди проходили мимо, поднимались и спускались, громкоговорители вещали о чем-то – вразнобой, перекикивая друг друга, – иногда заводилась суматошная музыка, хлопали невидимые двери.

Ана пила ледяную макаранду, а Нив взял себе немного каттойи. Он даже почувствовал, что слегка опьянел, хотя выпил лишь одну рюмку. Ему вдруг захотелось остаться здесь, в самаде на последнем этаже, и больше не ездить по хагате.

– А как называется эта станция? – спросила Ана. – Которая тут рядом?

Щеки ее покраснелись, но дышала она легко.

– Келиван, – ответил Нив.

Ана задумалась, решая что-то.

– И куда мы поедем теперь? – спросила она, отодвигая стакан.

– Ну, по плану у нас... – начал Нив и вдруг осекся. – А ты бы куда хотела?

Ана покачала головой.

– Можем съездить в центр города, – предложил Нив, – но там... там уже сейчас толпы.

– Да, я знаю. И на станциях тоже. Так мы и домой к салюту не успеем.

– Вряд ли, конечно, все настолько плохо, но...

Каттойя была необычно горькой и обжигала горло.

– Или можем съездить в музей планет, – предложил Нив.

Пора было идти. Нив взял куртку, перекинутую через спинку стула, проверил, что ничего не забыл на столе.

– Ты точно не устала? Этот румянец на щеках.

Но Ана лишь покачала головой.

Когда они спускались по винтовой лестнице, объявления в динамиках, звучавшие над самой головой, сливались в неразборчивый резонирующий шум, бесцеремонно перебивая друг друга. Чей-то бодрый голос начинал торжественно зазывать всех на распродажу – только в этот день, невозможные скидки, никак нельзя пропустить, – и его тут же заглушала ритмичная музыка, похожая на танцевальную, доносившаяся со всех сторон. Но затем раздавались протяжные гудки, и уже совсем другой голос, в другой тональности, подхватывал прерванное объявление и на одном дыхании приглашал всех подняться, спуститься, найти этаж, отдел с порядковым номером, спрятанный где-то магазинчик, после чего обрывался, и уже новый диктор радостно поздравлял всех с торжеством.

Они спустились на первый этаж. Голоса и музыка затихли, оставшись где-то высоко, наверху.

Ана надела респираторную маску.

На станции собралась уже целая толпа, даже в плеве былолюдно, и им пришлось пропустить несколько поездов. Нив

Василий Воронков

подумал, что они слишком задержались в икавезмане. Он обнимал Ану за плечо, пытаясь защитить ее, когда они проталкивались в вагон.

По этой линии им нужно было проехать лишь пару остановок, сделать пересадку, и там, на другой магистрали, как надеялся Нив, они опять окажутся одни во всем вагоне.

Ана стояла, прижавшись к нему, и тяжело, устало вздыхала. Нив крепко держался за пилон, когда поезд трясло на поворотах, обнимая Ану одной рукой. Он уже начал жалеть, что не настоял на возвращении домой; в любой другой день они давно бы уже ехали по направлению к Нивартану. Сколько еще она может выдержать? Нив повернулся к Ане, собираясь высказать ей свои опасения, но она вдруг посмотрела на него, чуть склонив набок голову – ее влажные глаза блестели, – и Нив понял, что она улыбается в респираторной маске.

В поезде на другой линии, и правда, было безлюдно.

Ана снова села у окна и прижалась к его плечу. Почти пустой вагон слегка раскачивался на рельсах, когда состав стремительно набирал ход, отдаляясь от станции. Нив успокоился. Они просто сбились с пути, заблудились в бесчисленных переходах между станциями, но теперь вернулись на нужную магистраль, где они снова одни.

Ана смотрела в окно на раскрашенную улицу. Поезд продолжал ускоряться, взлетая над городом.

Они молчали, пока в громкоговорителях не раздалась сдавленная музыка, извещающая о скором прибытии на станцию, название которой не знал даже Нив. Его смущало это молчание и, сам не понимая зачем, он стал рассказывать Ане о городе, хотя она-то как раз, в отличие от него, жила здесь всю жизнь. Все, что он вычитал в ежедневных газетах или слышал по радио – общая площадь, протяженность всех транспортных линий, суммарная высота всех зданий, среднее количество места на одного человека.

Нив говорил, пока поезд со скрежетом и свистом нес их над заполненными улицами, где проходило какое-то беспорядочное гуляние и уже горели цветные праздничные огни. По стеклам вагона скользили отблески фонарей и отражения раскрашенных домов.

Ана слушала Нива с удивлением и даже перестала разглядывать улицы в окне. Она смотрела на Нива так, словно никогда не представляла, что город настолько большой, а людей так невыносимо много, и дома такие невозможно высокие, хотя вся забавная статистика, которую запомнил Нив, не имела ни малейшего смысла.

Поезд остановился у переполненного перрона, и, когда открылись двери, в вагоны хлынула шумная праздничная толпа.

Вскоре они вышли на станции со звучным названием на гали, рядом с которой был музей планет. Нив и сам не слишком понимал, зачем повел туда Ану.

Музей был сумрачным и безжизненным. Экспозиция не пользовалась популярностью, поэтому в помещениях музея всегда соблюдалась невольная тишина. Можно было подумать, что там, по всем законам открытого космоса, не распространяется звук.

Музей оказался небольшим – лишь несколько сквозных комнат, где глаза поначалу, не успев привыкнуть к темноте, не различались ничего, кроме искусственных небесных тел, подвешенных на толстых нитях. Ана даже не решилась снять респираторную маску.

В первом зале стояла модель солнечной системы, и Дёза, непонятно мглистого цвета, была необъяснимо больше в размерах, чем ярко подсвеченный солнечный шар. В остальных комнатах в странном и нелогичном порядке красовались глобусы известных планет, огненные короны звезд, бутафории камет, названных в честь умерших ученых. В самом последнем зале снова была Дёза – огромный светящийся шар, на котором был тщательно воссоздан по аэроснимкам реальный рельеф.

Нив долго разглядывал города, напоминающие мелкие соты с россыпью разноцветных огней. Можно было подумать, что ночное освещение кварталов образовывало знаки на неведомом языке, послание в пустоту, выведенное на поверхности планеты. Потом Нив попытался найти анильское море, он был уверен, что море должно быть видно с орбиты, но вместо Анилы на глобусе виднелась лишь странная неровная тень.

– Ты что-то хотел показать? – спросила Ана.

– Здесь, – сказал Нив, ткнув пальцем в невидимое море, – и здесь, – он провел пальцем чуть ниже, – южная пустыня, видишь?

Василий Воронков

– Нандин, – ответила Ана.

Ее лицо таяло в полумраке из-за черной респираторной маски.

– Карпараза, – и она показала рукой далеко на юг, где уже наверняка начинались мертвые пески.

Когда они вышли из музея, Нив даже прикрыл рукой глаза, защищая их от яркого вечернего солнца.

– Куда теперь? – спросила Ана.

Они вернулись на перрон и сели на ближайший поезд в сторону северо-востока. Нив уже забыл о своем маршруте – ему просто хотелось ехать дальше, неважно куда – в центральные районы, в другой конец города, или на окраину, к пескам.

Начинало смеркаться, улицы под ними теперь переливались яркими огнями, сверкала газовая иллюминация, светились ночные фонари.

Ане захотелось выйти на одной из станций.

Люди, стоявшие на перроне, заняли в поезде их места. Это было похоже на смену караула – ранний вечер, забытый пост на высоте в несколько этажей, растрепанные ветром пестрые флаги.

Они встали у парапета, над бурлящей улицей.

Праздник был в самом разгаре. Ана ничего не говорила и лишь смотрела на толпы людей внизу. Она выглядела спокойной и умиротворенной. Дул легкий ветер, дневная жара начинала спадать.

– Поехали домой, – тихо сказала Ана.

– Тебе стало хуже? – спросил Нив.

– Нет. Я просто...

Ана повернулась к Ниву. Ветер неожиданно усилился. Красное праздничное знамя часто трепыхалось за ее спиной, обмотавшись вокруг флагштока.

– Я просто устала, – сказала она. – Так много впечатлений за один день.

И они поехали обратно – снова по разным линиям, на разной высоте над уровнем моря, в непохожих поездах, старых и новых, пустых и заполненных людьми. Теперь они уже не выходили на станциях, хотя праздничные огни стали ярче, и улицы сверкали, нарушая надвигающийся сумрак. По стеклам вагонов проносились стремительные отражения газовых гирлянд, но Ана даже не смотрела в окно.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Нив.

Ана ничего не ответила и лишь непонятно кивнула головой.

– Надо было все-таки придумать маршрут покороче, – сказал Нив.

– Все в порядке. Я...

Ана склонила голову на плечо Ниву.

– Сегодня было так хорошо. Спасибо тебе.

Они вернулись домой.

Ана включила радио. Передавали какой-то праздничный шум, невнятную музыку, легкое шипение помех. Нив пошел на кухню разогреть воду для хараса.

Он вернулся с дымящейся кружкой в руке.

Ана спала.

Она лежала в постели, не раздевшись, респираторная маска осталась на столе, радио продолжало работать – диктор наигранно-торжественным голосом рассказывал, какие гуляния и представления, мимо которых они проезжали на поезде, проходили в городе. Через несколько часов должен был начаться праздничный салют.

Нив присел рядом с Аной, не зная, что делать.

Он хотел прикрыть ее одеялом, но в комнате было довольно душно, а Ана легла в одежде. Перепутанные волосы закрывали ее лицо, на щеках выступил болезненный румянец.

Когда Нив возился на кухне, то решил предложить завтра остаться дома – устроить себе маленькое продолжение праздника, о котором не знает никто, кроме них двоих. И пусть город уже не будет таким бушующим и ярким, пусть даже они весь день проведут в тесной квартире, напротив опечатанного окна.

Но Ана уже спала.

Нив сел за стол. Выключил радио. Он по-прежнему держал в руке кружку с кипятком. Пить харас теперь совсем не хотелось. Нив подумал, что нужно разбудить Ану, помочь ей раздеться, быть может, даже сделать укол, но почему-то не решился. Ей, наверное, снится, что они сидят вместе за столом, пьют харас, слушают радио и ждут начала праздничной канонады, извещающей о завершении дня.

До начала салюта оставалось еще несколько часов. На улице внизу слышались чьи-то крики и смех. Проносились по эстакаде сверкающие поезда.

Василий Воронков

Нив поднялся из-за стола и осторожно, стараясь не шуметь – хотя Ану не мог разбудить даже громкий голос ведущего по радио, – подошел к двери, снял с вешалки свою куртку, надел ботинки, погасил свет. Он вышел из квартиры, запер за собой дверь, как можно тише поворачивая ключ, и стал спускаться по лестнице в подъезд.

Другие жильцы тоже выходили из квартир, кто-то громко разговаривал этажом ниже, скрипели дверные петли.

Уже в подъезде Нив нерешительно остановился. Он вдруг подумал, что забыл о чем-то, когда выходил. Но нет – дверь была закрыта, радио выключено, дхаав работал, Ана спала.

На улице было уже не так жарко, как днем. Ане наверняка бы понравилась эта легкая сумрачная прохлада, такая непривычная после тесной духоты их наглухо закрытой квартиры.

Дул ветер, проносивший запах песка. Под эстакадой, неподалеку от их дома, столпилась разноряженная молодежь, но на Нива никто не обращал внимания.

Нив вздохнул и зашагал вниз по улице, к станции Нивартан, словно собирался повторить дневное путешествие. В паре кварталов от дома была небольшая забегаловка с яркой вывеской над входом – Нив заглядывал туда как-то раз, уже больше года назад. Он не был уверен, работает ли еще эта питейная – обычно все подобные заведения закрывались до темноты. Но забегаловка оказалась открыта.

На улице поднялся сильный ветер, и Нив, подняв ворот куртки, вдруг подумал, что весь сегодняшний день выбивается из правил, и он не удивится, если еще до салюта начнется дождь.

В самаде былолюдно.

Нив взял быточку каттойи у недружелюбной женщины за стойкой и попытался найти свободный столик – ему не хотелось ни с кем говорить. Лампы на потолке часто мерцали, издавая сухое электрическое потрескивание, и все вокруг – стены с бессвязными фотографиями пыльных башен, песчаных дюн и парящих в воздухе кораблей, затоптанный пол, низкий потолок с темными разводами, даже лица посетителей – казалось желтым, как в глубокой пустыне на закате дня. Нив подумал, что даже в такой день владелец не озаботился заменить потолочные лампы, как будто нормальное освещение помешало бы людям пить.

Свободных столиков не оказалось, и Ниву пришлось подсесть к мужчине, который в одиночестве пил каттойю. Незнакомец поприветствовал его кивком головы и что-то сказал на гали. Нив улыбнулся и тоже кивнул головой в ответ. Лампы снова замерцали. Нив почувствовал, как праздник подходит к концу.

Его по-прежнему не отпускало странное беспокойство. Он надеялся, что этот день, проведенный с Аной, поможет ему во всем разобраться – новая работа, зона молчания, бункер в песках, – но Ана спала дома, а он пил в переполненном самаде.

Всего через несколько недель он полетит в пустыню – туда, где взрывали дюны, а потом еще дальше, в самое сердце песков, где даже обычные люди не могут дышать без респираторной маски. Нив вспомнил, что небо в открытой пустыне черное и ясное по ночам. Там, за высокими стенами, которыми обнесен город, можно увидеть звезды. Он подумал, что ночная пустыня будет напоминать ему о родине – и неожиданно рассмеялся.

Его сосед поднял рюмку, предлагая безмолвный тост. Нив поддержал. Каттойя была приторной и теплой, Нив поморщился, его стало подташнивать, и он отвернулся, вытирая губы рукой. Его сосед что-то сказал и, ухмыльнувшись, вновь наполнил рюмку.

За соседним столом громко говорили двое молодых мужчин. За стойкой слышалась сдавленная музыка из приемника, которую нарушало привычное шипение помех. Резко хлопала входная дверь – кто-то уже торопился домой. Послышался звон разбитой посуды.

Нив вздохнул.

Зачем он пришел сюда? Его мутит от здешнего пойла, Ана может проснуться и увидит, что его нет, а он не оставил даже записки, он просто ушел, закрыв за собой дверь. Вдруг ей снова станет плохо – в тесной и душной комнате, где едва работает дхаав? Радио молчит. В их квартирке темно – он выключил свет. Кружка с кипятком наверняка уже давно остыла на столе.

Нужно было вернуться. Оставить здесь недопитую каттойю и вернуться, пока не проснулась Ана. Но Нив не уходил.

Тошнота прошла, и Нив выпил еще, на выдохе, стараясь быстро проглотить каттойю, как лекарство. Каттойя обожгла горло, Нив почувствовал приятное тепло в груди.

Нужно было вернуться. Но он не уходил. Он налил себе еще одну рюмку.

Василий Воронков

Сосед порывался заговорить с ним, но Нив лишь угрюмо кивал. Он просто продолжал пить. Каттойя теперь совсем не была похожа на рвотное зелье, и Ниву захотелось выпить еще. Уже не нужно никуда возвращаться. Ана проспит всю ночь. Она даже не заметит, что он уходил.

Нив почувствовал легкое головокружение и слабость во всем теле. Праздник завершался здесь, в скверном освещении, рядом с пьяным незнакомцем, под звуки протяжной музыки, искаженной треском помех.

Нив закрыл глаза и представил, как он летит в вимане над пустыней – под ним тянутся бесчисленные дюны, одинаковые вплоть до тонких ручейков песка, оставленных ветром, а город где-то далеко позади, в дрожащем мареве зноя, и похож на мираж.

Нив наполнил рюмку.

– Дидитсу, скоро начнут палить, – дружелюбно сказал его сосед и снова поднял рюмку, предлагая очередной тост.

Праздник завершался.

Забегаловка стала пустеть. Нив взял себе еще каттойи, не понимая, почему он продолжает сидеть в этом прогорклom помещении, которое давно уже закрылось бы в будний день. Нив чувствовал вялое оупение от каттойи, делать ничего не хотелось, свет в питейной стал еще более неровным и тусклым, а улица в окне казалась совсем черной, как будто давно уже наступила ночь.

Музыка теперь не играла – кто-то переключил приемник на вечерние новости и прибавил громкость. Оглушающий голос ведущего рассказывал о готовящемся салюте. Эта поздняя передача как бы невзначай намекала засидевшимся в самаде, что пора уже идти домой. Но Нив не прислушивался. Не слышал он и своего соседа, который продолжал что-то бормотать на гали. Нив был уже пьян, но странная боль не проходила.

Пора было возвращаться. Ана все же могла проснуться. Вдруг опять начнет сбойть дхаав?

Нив выпил последнюю рюмку, вновь почувствовав резкую приторную горечь, от которой начинало тошнить.

Все, с него достаточно.

Он вдруг понял, что не может долго смотреть на один и тот же предмет – все вокруг начинало расплываться. Ему было

сложно просто сосредоточиться на каком-то одном образе, мысли, чувстве.

Нив с трудом поднялся из-за стола. Радио настойчиво хрипело ему вслед о грядущей ночной канонаде.

На улице действительно стало темнее, хотя на стенах домов уже зажглись синие ночные фонари. Все так же дул сильный ветер. Нив медленно побрел под эстакадой по направлению к дому, но вдруг остановился.

Город как-то пугающе преобразился за то время, что он пил – Нив не знал, куда идет. Хотя его начинало подташнивать и он с трудом заставлял себя держаться на ногах, ему захотелось выпить еще. Все не так, как должно быть. Этот день должен был завершиться иначе.

Наверху, прямо навстречу, пронеслись два ярких слепящих огня. Фасады зданий, выхваченные из темноты прожекторными фарами, напоминали изваяния из рассыпавшегося гипса – как если бы весь город был лишь бесформенной бутафорией, которую наспех прикрыла ночная темнота. Огни пролетели над Нивом и устремились дальше, в сумрак, показывая верный путь.

Нив пошел вслед за поездом.

Его слегка покачивало, и он старался держаться середины тротуара, словно от этого зависело его равновесие. Ноги Нива отяжелели – идти приходилось через силу. Он представил, что его ноги вязнут в песке.

Скоро он улетит в пустыню, где по ночам видно звезды.

На улицах все еще попадались прохожие, одежда которых выглядела в сумерках одинаково серой. Все они вышли посмотреть, послушать, как загородная батарея, отстроенная специально для праздников, начнет слепо обстреливать ночное небо. Нив хотел подойти к ним и сказать, что они ошибаются – это будут не праздничные выстрелы в небо, вовсе нет, это взрывают в пустыне высокие дюны, и звуковая волна только сейчас доходит до города.

Улица, несмотря на поздних гуляк, стала пустой, лишенной формы и цвета, и Нив с трудом пробирался через эту пустоту – руки его дрожали, а дышать было тяжело, ведь воздуха вокруг становилось все меньше.

Кто-то окликнул его. Нив явственно услышал свое имя, и этот громкий возглас его испугал. Он свернул в черный,

Василий Воронков

пропахший дымом проулок и встал, опираясь рукой о шершавую каменную стену – дальше идти уже не было сил.

Нив уселся на тротуар – он медленно опускался, придерживаясь рукой за что-то темное и холодное, но все равно поскользнулся и сильно ударился спиной о стальной выступ. Но все это уже не имело ни малейшего значения.

Над Нивом нависала огромная черная стена.

На улице, где-то вдалеке, в синем тумане ночного освещения раздавались чьи-то шаги, бесплотные голоса, гортанный шум ветра, окрепшего с сумерками.

Ветер напоминал о пустыне. Салют запаздывал. Пронесся по эстакаде отстающий от расписания поезд – стремительные отблески из его окон на секунду осветили проулок.

Нив подумал, что ему не стоило уходить из питейной – он мог бы провести там всю ночь, праздник бы не кончался, по радио бесконечно передавали бы одну и ту же песню, один и тот же выпуск новостей.

Нив представил – он сидит в дешевом самаде, в тепле, в духоте, в нарочито желтом свете полоточных ламп, из-за которых кожа становится выцветшей, как у покойников. Он наливает себе очередную рюмку – он уже сбился со счета. Его сосед по столу, пьющий каттойю несколько дней подряд, рассказывает о том, что чувствует человек в самом центре мертвых земель без респираторной маски – десять секунд жизни, легкие разрывает от боли, невозможно вдохнуть. Похоже на приступ у Аны. Нив сонно кивает головой и выпивает залпом свою рюмку. Потом начинается салют, и от чудовищного грохота в питейной вылетают все стекла.

Нив попробовал встать и снова поскользнулся. Голоса прохожих на улице странно отделялись, больше не проносились по эстакаде поезда. Нив закрыл глаза.

Он летел над пустыней. Одинаковые барханы, бесконечный океан песка, высокое полуденное солнце – в особой точке равновесия между небом и землей. Виман летит по необычной траектории, повторяя в воздухе плавные изгибы дюн, слегка покачиваясь под натиском встречного ветра.

Нив подумал, что вот, наконец-то, вот то, что беспокоило его, то, что не отпускало последние дни. Как же он был глуп, как же не

мог понять, насколько в действительности рад своему назначению – он станет покорителем пустыни, королем использованных земель. Он будет старательно изучать каждый бархан, каждую скалу, каждый кратер. Он занесет все это на карту. Он исследует все пески. Его виман будет летать от городских стен до самого горизонта, пока не закончится весь запас свободного пространства, пока все не будет изучено и рассчитано, пока...

Виман летел над пустыней. Навстречу теплому порывистому ветру, который обдавал его горячим песком – как пенными брызгами во время прибоя. Песок барабанил по обшивке.

Нив думал, что через несколько лет, когда его вклад в покорение спящих земель отметят на особом торжественном заседании в главной управе, когда за выслугу лет ему даже дадут лишний выходной, когда Ана...

Нив снова безуспешно попытался подняться.

...когда Ана сможет, наконец, дышать без респираторной маски, когда море песка выйдет из берегов, когда весь город превратится в пустыню...

Где-то совсем близко – так, что задрожали нависающие над Нивом стены – раздался оглушающий громовой раскат. Нив вздрогнул, панически всплеснул руками, попытавшись ухватиться за что-то, но его руки провалились в темноту. В проулке пахло едким дымом.

Нив с трудом поднялся на ноги, голова у него болела, во рту чувствовалась отвратительная горечь, хотелось пить. Гром слышался вновь – казалось, что-то взорвалось прямо на главной улице, совсем недалеко от Нива, там, где еще совсем недавно ходили люди и пролетали поезда.

Нив выбрался из проулка.

Спина его горела от боли, однако он уже понимал, где находится – широкая мостовая, закрытая магистраль, газовая вывеска над каким-то знакомым зданием, свет фонарей, который спорил с ночной темнотой и неумолимо уступал ей.

Ему надо было возвращаться.

Теперь громовые раскаты доносились откуда-то сверху, обрушивались с неба на ночной город.

Нив поднял голову.

Василий Воронков

Небо было черным и пустым. И снова взрывная волна с грохотом разбилась о стены домов, у Нива закружилась голова, он покачнулся, и вся улица зашаталась ему в такт.

Нива стошнило.

Его тело сводило от рвотных спазмов, он прислонился плечом к холодному столбу, чтобы не упасть. На глазах у него выступили слезы.

Нив несколько раз глубоко и судорожно вздохнул и почувствовал, как по лицу стекают слезы. Он опять посмотрел на небо – пустое, без звезд. И тут он понял, что плачет вовсе не потому, что его тошнило.

Вся улица по-прежнему содрогалась от пальбы.

Больше он никогда...

А через несколько лет эти улицы занесет песком, через несколько лет Ана...

Нив упал на колени и заплакал.

Вновь усилился ветер. Нив вспомнил, как в шутку думал, что может начаться дождь. Он встал на ноги. Страшное эхо праздничного салюта подгоняло его.

Нив быстро, насколько мог, зашагал по улице. Он уже почти не чувствовал себя пьяным. Он был уверен, что Ану разбудил этот оглушительный салют, и она волнуется, не понимая, куда он мог уйти, ждет его, сидя у окна. По радио тем временем передают отголоски бессвязных дневных новостей.

Нив шел, ссутулившись, стараясь не смотреть вверх. Темнота над домами давила на него. Через несколько лет... Это еще так далеко. Это совсем в другой жизни. В другом месте. Не здесь. Это так же далеко, как и...

Уже миновав Нивартан – пугающее эхо праздничного салюта затихало, тишина нагоняла его, – Нив не удержался и вновь посмотрел на небо.

Где-то в вышине заблестела звезда.

ПУСТЫНЯ

Каждый год пустыня неотвратимо наступала на город – не помогали даже механические укрепления, высокие металлические щиты, возведенные за анильским морем, которые медленно разрушались под упорным натиском песков. Стены часто

перестраивали, укрепляли грунт, взрывали пески, заполняя кратеры цементом; иногда с помощью огромных вакуумных установок загоняли глубоко под землю тяжелые металлические стержни, пробивая длинные скважины, куда потом вливалась строительная известь; там же, где песок был совсем мелким, как пыль, целые равнины покрывали смесью жидкого стекла с кислотой, которая застывала в неровный слой искусственного льда, и казалось, что чудовищным машинам удалось победить законы природы и заморозить пустыню.

Но ничего не помогало.

Нив раньше и не подозревал, что существует такое множество способов бороться с наступлением пустыни, но Кханд, его новый коллега, знал об укреплении песков почти все. Кханд говорил, что много лет назад – когда на месте анильского моря еще стоял городской квартал, – пытались даже высаживать в песках особые растения, которые оплели бы цепкими корнями иссушенную землю, однако те погибли после первого же мизрака-ваари.

Кханд странно восхищался тем, что в пустыне все было обречено на смерть. Он говорил, что люди научились очищать воздух, строить огромные корабли, которые поднимаются в самую темную часть неба, однако до сих пор не могут понять пустыню.

В городе уже много лет пытались изучать движение песков, миграцию дюн, меняющуюся с каждым годом в зависимости от направления ветра, однако, если пустыня вблизи стен еще хорошо поддавалась исследованию с помощью радиовышек, то потом сигнал быстро слабел, и разобрать что-то становилось уже невозможно. Едва работала связь, компасы путали направления света, замирали часы. А еще дальше начиналась нируттара, зона молчания, где сходили с ума радары, а корабли теряли управление и падали в пески.

Для составления карт зоны молчания использовали специальное устройство, звуковой радар – гира, или голос, как его называл Нив, постоянно забывая название на гали. Голос отслеживал колебания звуковых волн и записывал их в виде продольных дорожек разной глубины и ширины на плоские черные диски. Радар не мог работать в воздухе, и его сигнала хватало лишь на десяток миль, поэтому инженерам, которые занимались изучением ландшафта мертвой земли, приходилось по многу раз

Василий Воронков

высаживаться в поясе ветров, в красные пески, где никогда не шел дождь, а из-за раскаленного, обжигающего легкие воздуха приходилось постоянно носить респираторную маску.

Кханд говорил, что эти попытки записать изменения облика пустыни так же бессмысленны, как и борьба с песком, но почему-то старательно считал все свои полеты и в день знакомства сразу же объявил Ниву, что отправляется в мекхала-агкати в трехтысячный раз.

Познакомились они во время первого назначения Нива в пески.

Нив не успел даже распаковать вещи, как ему объявили, что через несколько часов дежурный виман впервые отвезет его в пояс ветров.

Кханда назначили ответственным за этот полет, и старик поначалу старательно изображал из себя заботливого наставника, долго и надоедливо разъяснял Ниву, как следует вести себя в пустыне, повторяя официальные правила безопасности, которые Нив и так уже знал наизусть.

Однако потом они разговорились о закреплении песков и о том, что пустыня с каждым годом наступает на город.

– Вообще, я всегда думал, что как раз город постоянно растет, – сказал Нив. – Строят новые здания на севере. Хотя...

– Знаешь, сколько лет анильскому морю? – спросил, усмехаясь, Кханд.

Он тогда вытащил Нива из бункера задолго до прилета корабля и повел его в противоположную сторону от посадочной площадки – да так далеко, что Нив уже начал беспокоиться, не нарушают ли они те самые правила, о которых только что распалялся Кханд.

Старик собирался показать то, что он называл велаадри – песчаные холмы, как понял Нив.

Нив впервые был в карпаразе и после переполненного суматошного города, где даже морские ветра порою приносили лишь запах гнили с рынка да едкую гарь от пролетающих кораблей, пустыня оглушила его, он был как после контузии, и чувства его метались между восхищением и ужасом. Нив продолжал говорить со своим новым напарником, но не мог узнать

даже собственный голос, словно вместо него говорил кто-то другой. Ровный шум сухого и теплого ветра – каара, как называл его Кханд, особенно растягивая первый слог, – был похож на чье-то неровное болезненное дыхание.

– Видишь, там, – сказал Кханд, оборачиваясь к Ниву и показывая рукой на невысокий песчаный холм. – Сайката гири. Я помню, когда его еще нельзя было даже разглядеть отсюда. А совсем скоро бхавита-виятаа накроет бункер.

Кханд часто переходил на гали – как бы неловко сбиваясь с привычного течения слов, но в то же время показывая, что это и есть подлинный языка песка, язык, достойный пустыни. Нив не понимал ни слова на гали, и речь Кханда представлялась ему смешной и косноязычной.

– И что будет? – спросил Нив. – Дюну сроят?

– Гхат, – сказал Кханд и устало зевнул. – А потом абхипрапад новая дюна.

Кханд стал рассказывать, что то же самое происходит и с гором, что, как бы ни пытались бороться с песком, ничего нельзя противопоставить пустыне.

– Не знаю, – вздохнул Нив, глядя на высокие дюны, окружавшие бункер. – Я все же предпочитаю думать, что когда-нибудь здесь будут ходить поезда.

Нив вообразил, как над барханами поднимается высокая стальная магистраль, по которой спешат загруженные пассажирские поезда, пролетая над пустыней в облаках песка.

– И в нашу честь обязательно назовут какую-нибудь станцию, – пошутил Нив. – Хотя потом наверняка переименуют.

Кханда неожиданно задела его слова.

– Ты бы сначала поработал здесь с мое! – сказал он. – Хагата! Анедамуука. Первое, о чем вы думаете, – это когда здесь запустят поезда.

– Ну, а ради чего мы здесь? – спросил Нив.

Но Кханд ничего не ответил.

Они стали возвращаться к бункеру. Ноги Нива увязали в песке, по лбу струился пот. Виман задерживался уже на несколько минут – в пустыне, как объяснил Кханд, любое опоздание, даже такое ничтожное, было поводом для беспокойства, особенно при порывистом встречном ветре, который, вопреки

Василий Воронков

прогнозам, поднялся с самого утра. Кханд даже начал заметно нервничать, что немного удивляло Нива. Нив был уверен, что за столько лет в пустыне можно было бы привыкнуть к опозданиям кораблей.

Они встали в тени бункера – так, чтобы была видна часть заметенной песком посадочной полосы. Нив хотел предложить подождать корабль на станции, но ничего не сказал.

Когда вдалеке над дюнами показался виман, Кханд облегченно вздохнул.

Корабль летел низко, над самыми гребнями дюн, поднимая тучи песка. Казалось, его двигатели, забитые пылью, сбоят и теряют тягу, из-за чего корабль не может набрать высоту.

– А вот и наш... виманас, – сказал Кханд, презрительно скривившись.

Он толкнул Нива в плечо, и они вместе отошли к другой стороне бункера, подальше от поднятой кораблем песчаной бури.

– Это будет интересный полет, – сказал Кханд и повернулся к Ниву. – Особенно для первого раза.

Он странно подмигнул Ниву.

– Почему?

Но Кханд загадочно промолчал.

Пилот не сразу заглушил двигатели, и несколько секунд в сторону бункера летели клубы песка в сопровождении раскатистого утробного рева. Кханд выругался на гали. Нив подумал, что стоило все-таки предложить ему дожждаться корабля в бункере.

Когда волны песка наконец улеглись, пилот выбрался из кабины, чтобы их встретить. На нем была мягкая бесцветная форма, вылинявшая на солнце, и массивная респираторная маска, черная и блестящая, закрывающая все лицо. Пилот направился к Кханду, видимо, признав старика издали, но Кханд что-то крикнул ему на гали и недовольно взмахнул рукой. Пилот вновь вернулся в кабину.

– Обойдешься на сей раз без церемоний, – сквозь зубы сказал Кханд и сплюнул на песок.

– Да что такое? – удивился Нив. – Ты знаешь этого пилота? Как ты вообще узнал его в такой...

– Такие виражи только он тут закладывает, – сказал Кханд и, хитро сощурившись, посмотрел на Нива. – Я же говорю, это будет интересный полет.

Нив взволнованно вздохнул.

В пассажирском отсеке вимана было сумеречно и душно. У потолка висел странный компас с белым циферблатом без каких-либо обозначений. Двухцветная стрелка, раздвоенная тенью, ровно указывала на подразумеваемый юг.

Кханд устроился в самом темном углу, рядом с перегородкой, отделявшей кабину пилота. Несколько ламп там перегорело, и старик почти скрылся в тени. Рядом с ним стоял высокий металлический контейнер, привязанный затертыми ремнями к металлическим поручням на стене.

– Радар? – спросил Нив.

Кханд кивнул головой.

Нив сначала сел рядом с Кхандом, но потом, когда заработали моторы, перебрался поближе к единственному иллюминатору.

Дверь отсека с лязгом закрылась.

Нив невольно протер рукавом иллюминатор – стекло было мутным и едва пропускало свет. Их бункер и песчаный холм неподалеку, о котором говорил Кханд, странно искажались в неровном стекле и были похожи на причудливые миражи.

Потом двигатели корабля заревели, и все за иллюминатором затянуло густыми облаками песка.

Виман начал медленно подниматься, сильно раскачиваясь, закручиваясь штопором в плотный от зноя воздух. Взлетев над потоками ветра, корабль застыл на несколько секунд, а потом чудовищная сила вжала Нива в жесткое кресло так, что у него перехватило дыхание. Рев стоял такой, как будто огромные сопла вимана за одну секунду выбрасывают в воздух сотню тонн расплавленного вещества.

Когда тяжесть немного отпустила, Нив судорожно вздохнул и посмотрел в иллюминатор. Под ними проносились высокие дюны – покатые и яркие с наветренной стороны и отвесные, почти черные с другой. Из-за того, как причудливо преломлялся свет в тусклом стекле, казалось, что песчаные холмы движутся, переливаются, как ртуть, превращаясь в узкие остроконечные гребни песка, и тут же растекаются, становятся почти плоскими насыпями, над которыми струится подгоняемый ветром песок. Тень от корабля, страшно искаженная и преувеличенная, скользила по дюнам. Отставленное назад крыло, которое из-за

Василий Воронков

странной аберрации выглядело неправдоподобно большим, пугающе покачивалось в потоках воздуха. Нив с трудом заставил себя не думать о том, что сильный встречный ветер – каара, или как там называл его Кханд, – может в любой момент разломить крыло пополам.

Внезапно двигатели замолкли, захлебнувшись огнем, и корабль, вздрогнув, резко наклонился на правый бок. Нив чуть не вылетел из кресла, едва успел ухватиться рукой за перекладину в стене. Кханд рассмеялся. Нив поспешно накинул на себя ремень безопасности, о котором рассеянно забыл.

– Да уж, интересный полет! – сказал Нив.

– Просто нам сегодня повезло с пилотом, – ответил Кханд.

Нив кивнул и проверил, хорошо ли пристегнут ремень.

– Я уже падал в пустыне, – сказал Кханд. – Не самый лучший способ провести день. Даже в тех местах, где работает радио.

– И часто бывает... – начал Нив, но не договорил – корабль снова трянуло.

Кханд усмехнулся.

– А как думаешь, сколько из наших... борцов с пустыней переводились по собственному желанию? Абхила-сита?

Нив нервно заерзал в кресле.

– Да ладно тебе. Нурбхаяна, – Кханд небрежно качнул рукой. – Здесь-то летать немногим опаснее, чем над городом. Эти корабли, – он постучал костяшками пальцем по металлической переборке, – и не такое выдержат...

– Надеюсь, – вздохнул Нив.

– Я тебе скажу, когда нужно будет бояться, – добавил Кханд, ухмыляясь.

Дюны под ними стали меньше – или же виман все еще продолжал набирать высоту. Багровое солнце, искаженное в пыльном воздухе, пугающе увеличивалось в размерах, точно Дёза сошла с орбиты и падает в самый центр пылающей звезды. Иногда солнечные лучи попадали прямо в иллюминатор, и Ниву приходилось отворачиваться, прикрывая ладонью глаза. В окне в эти мгновения не было ничего, кроме сияющей пустоты.

И тут Ниву впервые стало по-настоящему страшно.

Они почти в двух сотнях миль от города, зыбкие очертания высоких башен давно уже скрылись за горизонтом, растаяв, как мираж, двигатели корабля сбоят, пилот ведет себя так, словно

отлетал лишь пару часов на учебных курсах, может не справиться с управлением, и они упадут в пески.

В пассажирском отсеке быстро становилось жарко – как если бы у корабля отказала система охлаждения и даже сам воздух внутри раскаляется от перегревшихся двигателей. Пройдет несколько минут, и они попросту сварятся заживо.

Нив рассегнул верхние пуговицы рубашки и стал шарить по карманам в поисках платка.

– Да не сваримся мы тут, – сказал Кханд. – Скорее уж...

Он хотел вновь о чем-то пошутить, но передумал, заметив, как побледнело, несмотря на духоту, лицо Нива.

Корабль опять передернуло, корма резко взлетела, и Нив на мгновение испытал пронзительное чувство невесомости, а потом повис на ремнях.

– Да что же такое! Драапа! – крикнул Кханд, постучав кулаком по переборке.

– Да уж, мгновато для первого раза, – сказал Нив.

– Он так из нас всю душу вытрясет, – согласился Кханд. – Прислали ахи кого. Вот из-за таких корабли-то и падают.

Нив несколько раз кивнул головой, думая спросить, насколько часто на самом деле происходят катастрофы – впрочем, Кханд наверняка бы снова отшутился или попытался его напугать.

– Хотя и ветер сегодня, конечно, не подарок, – сказал Кханд. – Мог бы сигнал включить, – добавил он и кивнул в сторону большой лампы на потолке.

Нив покосился на лампу.

– А что, пилот действительно новичок? – спросил Нив.

– Навака! – усмехнулся Кханд. – Я бы ему больше дюжины полетов не дал.

– Мне казалось, здесь опытные пилоты летают.

– Опытные летают тоже, – сказал Кханд. – А так... Кто есть, того и посылают.

Нив посмотрел в иллюминатор, надеясь увидеть хоть какие-нибудь признаки жизни – иссушенные растения, похожие на мотки ржавой проволоки, умирающие в ожидании дождя, огромных ящериц, которые, как он слышал, жили когда-то в пустыне, следы присутствия людей, – однако внизу не было ничего, кроме песка.

– А вы сколько лет здесь уже работаете? – спросил Нив.

Василий Воронков

– Всю жизнь, – ответил Кханд. – У меня здесь... бессрочное назначение.

– Это как? – удивился Нив.

– Абхила сита, – сказал, улыбаясь, Кханд.

Нив вдруг заметил, как стрелка на странном компасе у потолка – с чистым циферблатом без обозначения сторон света – конвульсивно вздрогнула. Нив стал невольно следить за движением стрелки.

– А это детектор, – сказал Кханд. – Детектор мекхала-агкати. Нив недоверчиво нахмурился.

– Никогда не подводит, – добавил Кханд, ухмыляясь. – Как и твои часы.

Нив взглянул на свои наручные часы, но не стал ни о чем спрашивать. Через несколько секунд стрелка компаса снова дернулась и немного отклонилась, но Нив не придал этому значения, решив, что они просто изменили направление пути.

Внизу показались невысокие скалы, замеченные песком. Хотя, из-за искажений в иллюминаторе, Нив даже не был уверен в том, что видит. Всю песчаную равнину под ними покрывала широкая гряда небольших камней, но потом внизу показались невысокие горы с пролежнями светлого, почти белого песка, блестящего на солнце.

Стрелка компаса дернулась, описала полный круг, метнулась назад, а затем стала медленно двигаться от севера к югу, отсчитывая невидимые секунды. Кханд, заметив удивленное выражение лица Нива, чуть привстал и посмотрел на компас.

– Добро пожаловать в мекхала-агкати! – сказал он.

Корабль начал снижаться. Пилот включил посадочные огни. Выпуклая лампа на потолке ярко загорелась, осветив неприятным красным светом весь отсек.

– Да, точно. Нас ведь там ждут, – сказал Кханд, взглянув на лампу.

Нив хотел о чем-то спросить, но корабль снова судорожно затрясло, и он тут же забыл о своих вопросах.

– Интересно, – сказал Кханд. – Садиться он тоже будет по учебнику?

Виман заходил на посадку, медленно закручиваясь вокруг своей оси. Ниву хотелось посмотреть, куда они садятся, но

в иллюминаторе из-за поднявшихся туч песка ничего нельзя было разглядеть.

Они проваливались в зыбучие пески.

Корпус вимана содрогнулся от сильного удара, покачулся и замер. Через несколько секунд замолкли двигатели. Нив расстегнул ремень безопасности, поднялся из кресла и уже направился к двери пассажирского отсека.

– Драапа! Куда! – крикнул Кханд. – Респиратор!

Нив вздрогнул, подумав, что мог бы выйти в пустыню вот так, без респираторной маски.

– Не хватало мне тут еще одного навака! – начал жаловаться Кханд. – Жить вам, что ли, всем надоело?

Кханд еще что-то сердито пробурчал на гали, открыл небольшой лючок рядом с иллюминатором, достал две маски и протянул одну Ниву. Нив раньше никогда не видел такой респиратор. Маска была бледно-серой, как кожа больного, и закрывала почти все лицо; на месте рта, там, где обычно была дыхательная мембрана, торчали две закрученные резиновые трубки, которые тянулись через всю маску и смыкались на затылке.

– Ага, – сказал Кханд. – У кого-то все в порядке с чувством юмора, правда? Будешь дышать затылком.

– Ну, наверное, это... – начал Нив, но не договорил.

Он крутил в руках странную маску, пытаясь раздвинуть плотные резиновые трубки.

– Ты хоть знаешь, как ее надевать?

Нив кивнул, хотя вовсе не был в этом уверен. Ему потребовалась почти минута, чтобы найти крепежи и натянуть на себя маску. Респиратор оказался слишком узким и больно сжимал ему виски. Кханд к тому времени уже успел надеть маску, замотать голову грязной серой тряпкой, нацепить черные очки с выдуленными блестящими стеклами и с интересом наблюдал за Нивом. В таком наряде, низкорослый и сухощавый, с криво намотанным тюрбаном на голове и мешковатыми бахилами на высоких ботинках, он как будто потерял всякое сходство с человеком – даже голос его под респираторной маской стал странным и чужим. Только слова на гали по-прежнему звучали естественно и мелодично.

Василий Воронков

– Инаа. Вот, – сказал Кханд, когда Нив закончил, и показал пальцем на свой головной убор. – Обмотай вокруг головы, – и бросил Ниву кусок материи.

На это потребовалось еще несколько минут.

– Дидитсу? – спросил Кханд, уставившись на Нива выкупленным стеклами очков.

Нив кивнул головой, хотя ничего не понял.

Кханд тоже кивнул в ответ, ударил кулаком по огромной металлической кнопке на стене – дверь отсека стала с лязгом подниматься, – и, не дожидаясь, пока выход полностью откроется, прыгнул вниз, в горящий на солнце песок.

В пассажирский отсек дохнуло жаром.

Нив неуверенно подошел к открытой двери. Кханд присел на корточки у корабля, коснулся двумя пальцами красного песка и тут же отдернул руку.

– Неси гиру! – крикнул он, повернувшись к Ниву.

Нив стал снимать с радара ремни, которыми тот был привязан к поручням на стене. Кханд даже не думал ему помогать, и Ниву пришлось самому тащить высокий контейнер из корабля. Радар оказался таким тяжелым, что Нив едва смог приподнять его двумя руками; ему приходилось тащить контейнер по металлическому полу волоком, и все равно он быстро выбился из сил.

– Было бы проще... – простонал Нив, вытаскивая контейнер на песок, – делать это вместе.

Кханд сделал вид, что ничего не расслышал.

– А оборудование у нас сегодня бывалое, – сказал он, разглядывая контейнер.

Нив начал разминать сведенные мышцы на руках и тут заметил, что корабль сильно осел в песок.

– А бывало такое, что виман садился в зыбучие пески? – спросил он у Кханда.

– Обычно это не проблема. Суупасарпана. Если, конечно, пилот знает свое дело. Эти малышки, – он покачал рукой на двигатели корабля, – могут своротить целую дюну. Однако сегодня нам, видимо, повезло.

Кханд, наконец, перестал изучать контейнер и посмотрел куда-то вдаль, поставив козырьком жилистую руку.

– Ладно, – сказал он. – Я пока поищу место для гиры.

Нив хотел сказать, что им проще поставить радар у корабля, пока не началась буря, песчаный смерч, или что тут бывает на границе мертвых песков, но, подумав, решил, что не стоит спорить со стариком, который уже три тысячи раз летал в пояс ветров.

У Нива было время, чтобы осмотреться.

Горы, которые мерещились ему в иллюминаторе корабля, оказались лишь припорошенными пылью камнями. После величественных песчаных холмов вокруг бункера мекхала-аггати выглядела, как плоская равнина. Дюны, над которыми, причудливо повторяя их изгибы, текли широкие воздушные ручейки красноватой пыли, были невысокими, словно их постоянно подтачивал сухой порывистый ветер – та самая каара, о которой говорил утром Кханд. Единственный большой бархан, похожий на застывший в песке гребень волны, лишь ненамного поднимался над их кораблем.

Небо, пугающе багровое в вышине, необычно темнело у горизонта. От покатых дюн вдалеке поднималась страшная полуденная ночь, но было видно, что это вовсе не ранние сумерки.

Кханд, закончив свои непонятные поиски, неторопливо возвращался к кораблю.

– Смотри, там! – крикнул Нив старику.

– Видел, – ответил Кханд.

– А мы успеем?

– Это до нас вообще не дойдет. Здесь всегда так. Нир бхайана.

Кханд остановился рядом с контейнером и уперся руками в поясницу.

– Я подыскал там хорошее местечко, – сказал он, махнув куда-то рукой. – Я пока проверю песок. Забыл взять лопату. А потом вместе перенесем эту штуку. Прасар?

Кханд нырнул в пассажирский отсек вимана и через секунду вернулся, держа в руке короткую лопату с металлическим черенком.

– А почему нельзя установить радар здесь? – спросил все-таки Нив. – Насколько я понимаю, не должно быть никакой разницы.

Но Кханд лишь недовольно покачал головой и направился к ближайшей дюне, закинув лопату на плечо. Нив вздохнул и поплелся за ним.

Василий Воронков

Ветер усиливался, обдавая их колкими брызгами песка. Темнота у горизонта поднималась все выше. Нив шел, опустив голову, глядя на то, как ноги его в тяжелых и неудобных ботинках с толстыми, как у хромых, подошвами глубоко проваливаются в песок.

– А ветер тут все-таки совсем нехороший, – сказал Нив.

Какая-то песчинка попала ему в глаз, он моргнул и прикрыл глаз рукой. Жаль, что на корабле нет запасных очков. И почему никто не предупредил его об этом?

– Мне казалось, что в таких случаях вообще не летают, – сказал Нив.

– Обычный ветер, – прохрипел Кханд из-под респираторной маски. – Здесь по-другому и не бывает. Это же мекхала-агкати. Ты думаешь, почему ее так назвали?

Кханд остановился и, скинув с плеча лопату, вдавил ее ногой в рыхлый песок.

– Но все-таки... Вся эта пыль не может как-нибудь повредить двигателя? – спросил Нив, поворачиваясь к кораблю.

– Бхраанти, – сказал Кханд.

На крыше вимана загорелись красные аварийные маяки. Их судорожный свет был похож на беззвучный крик о помощи и испугал Нива.

– Вот, еще один боится ветра, – пробурчал Кханд. – Виманас. На кой ляд тут включать систему оповещения, если все равно ничего не работает?

Нив вдруг подумал, что пилот испугается приближающейся бури, непроницаемой тишины по всем радиоканалам и улетит, не дождавшись их возвращения, бросит их здесь, посреди мертвых песков, где они не протянут и часа.

Кханд продолжал копать, нетерпеливо переходя с места на место. Он глубоко зачерпывал лопатой песок, но стенки образовавшейся ямки тут же осыпались. Кханд остановился и, выругавшись, вытер лоб рукавом.

Он тяжело и хрипло дышал, плечи его поникли от усталости, а куртка на груди потемнела от пота.

– Может, попробовать там, – предложил Нив, показывая рукой на подветренную сторону длинной дюны.

– Плохое место, – сказал Кханд. – Кустхаана.

Но все же направился к дюне.

Кханд копнул несколько раз и, удовлетворившись, оставил лопатку в песке и махнул Ниву рукой. Они вместе перетащили контейнер к дюне, но даже вдвоем нести тяжелый радар по песку, который расползался под каждым шагом, было непросто.

Контейнер открывался сбоку, распадаясь на две части, как скорлупа – Нив неудачно разомкнул тугие, похожие на когти крепления, и радар повалился на песок прямо у них под ногами.

Нив удивленно уставился на длинное клиновидное устройство из темного металла, заостренное с одного конца, из-за чего радар напоминал огромный бур для зыбучих песков. Наверху устройства была массивная, слегка вытянутая сфера с широкой вставкой из мутно-белого стекла, напоминающая фонарь. Три концентрических кольца обхватывали длинный корпус радара посередине, и от них спускались телескопические крепления, тонкие и почти черные, словно покрытые копотью.

Придерживая радар за эти кольца, спотыкаясь, поднимая ногами облачка пыли, они наконец установили его в разрытую яму. Кханд, сверившись со своими записями, заставил развернуть радар в другую сторону, а затем стал поворачивать по часовой стрелке верхнюю часть устройства, ту, что похожа на фонарь. Радар скрипел так, точно весь его механизм проржавел насквозь. Сделав несколько оборотов, Кханд отошел назад и, подмигнув Ниву, сказал:

– Сейчас.

Радар стал ритмично раскачиваться вверх и вниз – медленно, как маятник, отсчитывающий время, оставшееся до того, как всю пустыню вокруг них накроет бушующий у горизонта смерч. Всякий раз, когда вытянутый корпус радара подбрасывало вверх, из ямы под ним вылетали брызги песка, а лампа в фонаре на секунду ярко загоралась, освещая неестественно белой магниевой вспышкой окружающие их пески. Радар издавал странные электрические звуки, похожие на резкие отрывистые хлопки, с которыми взрывается газовая лампа.

Хлопок и вспышка. Хлопок и вспышка.

– И долго это обычно? – спросил Нив.

– Да нет, – сказал Кханд. – Хотя по-разному бывает. Он остановится сам. Ты это... можешь пока осмотреться, сарватас. В первый же раз тут.

Нив сначала подумал, что старик издевается над ним, но стоять рядом с работающим радаром, ослепляющим его световыми разрядами, ему не хотелось. Нив огляделся и заметил вдалеке невысокую скалу, утопающую в дюне. Старик продолжал невозмутимо стоять напротив радара, и яркие ритмичные вспышки отражались в его огромных очках.

Нив зашагал по наветренной стороне дюны.

Ноги его глубоко увязали в песке, он старался наклоняться вперед, к гребню дюны, чтобы не поскользнуться из-за осыпавшегося песка, однако все равно оступился и чуть не сверзился вниз. Ветер дул ему навстречу, поднимая легкий, почти невесомый песок, который тут же растворялся в воздухе.

Из-за огромного красного солнца все барханы вокруг были багровыми. Жар песка чувствовался даже через толстые подошвы башмаков. Дойдя только до середины дюны, Нив устал бороться с песком и остановился.

Он обернулся и посмотрел на Кханда, который по-прежнему стоял, сцепив на груди руки и изучая что-то вдалеке – быть может, поднимавшиеся над далекими дюнами тучи песка. Ритмичные вспышки радара освещали его невысокую ссутуленную фигуру. Нив вспомнил, как еще несколько дней назад думал о своем первом полете в мекхала-агкати, представляя современные скоростные корабли, специально построенные для безжалостной пустыни, слаженную работу команды опытных инженеров, которые строго следуют инструкциям, отработанным за долгие годы исследования песков. Все действия рассчитаны по минутам, у каждого члена команды своя четкая роль, никто не совершает ошибок, и пилот не включает сигнал паники, когда начинает дуть привычный для этих мест ветерок. Но вместо всего этого Ниву достался какой-то косноязычный старик, помешанный на пустыне.

Нив уже решил повернуть назад, как вдруг заметил яркую вспышку в небе. Над его головой пролетел сгусток кипящего огня, оставляя после себя широкий след дыма. Метеорит упал, как показалось Ниву, совсем рядом с кораблем, опалив брызжащим пламенем обшивку, и поднял в воздух фонтан песка. Нив испуганно попятился, оступился и, невольно вскрикнув, взмахнув руками, покатился вниз по дюне. Он зажмурил глаза и попытался прикрыть локтем незащищенную часть лица.

Нив летел вниз в облаке пыли.

Горячий песок попал ему под одежду, забил дыхательную мембрану маски. Даже растянувшись у подножия дюны, Нив боялся открыть глаза – он был уверен, что пески разверзлись под ним, и он провалился в глубокую бессветную пропасть, из которой уже не сможет выбраться наверх.

Его растолкал Кханд.

Придя в себя, Нив увидел склонившегося над ним старика, в огромных очках которого отражалось багровое небо.

– Ну, наконец-то! Праматта, хватит лежать! – крикнул Кханд.

Он настойчиво потянул Нива за руку; у старика была сильная, даже какая-то судорожная хватка. Поднявшись на ноги, Нив на секунду решил, что из-за падения у него нарушилось зрение, и все вокруг теперь видится ему приглушенным, сумеречным, как в поздний вечер. Но потом он понял, что действительно стемнело.

– Ты как? Цел? – спросил Кханд.

Длинная полоса серой ткани выпросталась из его криво повязанного тюбана и развевалась на ветру.

– Да... Кажется... – сказал Нив.

– Нет, я все-таки таким не был, – сказал Кханд, покачивая головой.

– Я просто оступился.

Нив стал отряхивать одежду от песка. Его респираторная маска странно хрипела при каждом вздохе.

– Я понимаю, что ты не сам прыгнул, – сказал Кханд, недовольно оглядывая Нива. – И где вас только... – начал он, но не договорил.

– А что это было? – спросил Нив.

– Метеорит. Тут это не редкость. Я думал, ты знаешь.

– Но он упал совсем рядом с виманом.

– Да нет, тебе показалось.

Нив все еще не мог прийти в себя.

– Ладно... – Кханд показал в сторону радара. – Он сейчас уже заканчивает. Нам пора нистыр отсюда.

С гребня дюна сорвалась струйка красного песка и закрутилась вихрем.

– Я, кажись, немного ошибся с направлением ветра, – добавил Кханд.

Василий Воронков

Он снова дернул Нива за рукав, и они пошли вверх по дюне. Кханд ступал широко – настолько позволяли его короткие ноги, – как будто перешагивая через что-то, а Нив думал только о том, чтобы вновь не свалиться вниз.

Голос стоял, наполовину утопленный в песке, и его магниевая лампа больше не загоралась. Радар был похож на странный обесточенный фонарь, который неведомым образом занесло в эти красные пески.

Сад достал из прорези под лампой круглый черный диск с глубокими концентрическими дорожками и спрятал его в своей куртке.

– А мы успеем дотащить эту штуку до корабля? – спросил Нив, глядя на небо.

– Должны. Ты знаешь, сколько он стоит?

Они подняли радар из песка, Кханд впопыхах сложил телескопические крепления, которые мешали бы его нести, и, схватив голос с двух сторон, как чье-то мертвое тело, они спешно потащили его к кораблю. Контейнер от радара так и остался валяться рядом с раскопанной ямой.

Пилот вылез из кабины, но, вместо того, чтобы помочь им с радаром, стоял у вимана, возбужденно размахивая руками и что-то выкрикивая в респираторной маске. Пассажирский отсек по-прежнему был открыт, и в него заносило песок.

– Постой-ка...

Кханд попросил Нива перехватить радар и подбежал к пилоту, который тут же замолчал и уставился на старика. Кханд выкрикнул что-то на гали и грубо толкнул пилота в плечо. Пилот попятился и затем, сообразив, наконец, где находится, стал вручную опускать широкую заслонку пассажирского отсека, наваливаясь на нее всем своим весом. Кханд снова выругался и оттолкнул пилота от двери.

Нив едва справлялся с радаром; он тащил его, ухватившись двумя руками за фонарь и постоянно приседая, стараясь отталкиваться ногами, увязающими в песке. Пот лился по его лицу. Нив остановился.

Кханд заметил, что Нив не справляется один, и быстро засеменял по песку, указывая куда-то рукой. Но Нив не смотрел. Пот заливал ему глаза.

Вместе с Кхандом они приволокли радар к виману, но теперь пассажирский отсек был закрыт, и Кханд яростно забарабанил кулаками по кабине пилота.

– Вот виманас! – выкрикнул он. – Ахи его... Совсем мозгов нет, драапа!

Огромный люк пассажирского отсека начал медленно, со скрежетом подниматься. Ветер сильно бил в спину, и Нив едва стоял на ногах. Он даже боялся обернуться.

Когда они, наконец, втащили радар в отсек, Нив был на грани обморока. Он упал в кресло рядом с заплывшим иллюминатором и закрыл глаза. Дверь отсека закрылась со звонким лязгом, корпус корабля стало сильно трясти. Нив вздрогнул, точно пробудившись от кошмара, и пристегнул ремень безопасности.

Через несколько секунд виман уже набрал высоту.

Ровный напряженный гул двигателей сменился на пронзительный истошный рев, и сила ускорения вновь вжала Нива в неудобное кресло. Кханд внезапно рассмеялся и сказал:

– Поздравляю! Отличный первый день!

– Да уж... – проговорил Нив.

Виман летел быстрее, чем раньше – пилот боялся задержаться здесь даже на несколько лишних секунд. Корабль раскачивался на воздушных волнах, двигатели завывали, и по всему корпусу проходила частая дрожь.

Нив подумал, что пояс ветров никак не хочет их отпустить, что песчаная буря вот-вот нагонит надрывающийся виман и накроет его страшной багровой тучей.

Радар, который они даже не успели закрепить перед взлетом, катался по полу всякий раз, когда виман попадал в потоки сильного встречного ветра, ударяясь фонарем о двери отсека.

– Интересно, а он все еще работает? – спросил Нив.

– Ахи его знает, – усмехнулся Кханд.

Нив посмотрел на свои наручные часы, однако стрелки на циферблате беспомощно застыли, показывая неправильное время, хотя пружинка завода была взведена до упора.

– Все, – сказал Кханд. – Теперь можешь выбросить.

– Что? Почему? – не понял Нив.

– Ты откуда вообще... такой? – хмыкнул Кханд. – Мекхала-агкати, магнетизм. Это еще в видая-лая изучают. Ахи ты вообще часы с собой взял?

– Я... не подумал... – проговорил Нив.

Ему все еще казалось, что их преследует буря. Прошло несколько минут, прежде чем Нив решился, наконец, посмотреть в иллюминатор.

Под ними вновь тянулись пологие длинные дюны, которые почти сливались с бесцветным выжженным небом. Испорченное стекло иллюминатора причудливо искажало вид – дюны то вздымались вверх, то растягивались и становились почти плоскими. Не было ни иссушенных пустынных растений, ни исследовательских станций – только горящий на солнце песок.

Пояс ветров оставался далеко позади, и его красные дюны, метеориты и надвигающийся шторм представлялись теперь лишь странным мороком, навевным пустыней. Они еще не прилетели к мекхала-агкати, не ставили радар, не спасались от бури, а только недавно покинули станцию. Просто часы Нива перестали работать, а компас у потолка, забывший о своем предназначении, пытается отсчитывать какое-то неправильное пустынное время.

– Ты как, ничего? – спросил Кханд. – В сознании?

– Нормально, – сказал Нив. – Впечатлений, конечно...

Он снова посмотрел в иллюминатор на тянувшееся под ними полотно безжизненного песка. Нив вдруг подумал, что эта пустыня так пронзительно и необъяснимо красива именно потому, что лишена жизни. Он подумал, что начинает понимать, почему Кханда рассердили его слова о строительстве хагаты в песках.

Кханд тем временем отвязался от своего кресла и, осторожно придерживаясь руками за трубы в стенах, перебрался к Ниву и уселся рядом с ним.

– Рассказать тебе, как я сам летал в мекхала-агкати в первый раз? – спросил он.

Ниву не особенно хотелось слушать его рассказ о путешествии в пояс ветров – непременно с падением метеоритов и ужасающей песчаной бурей, – но он подумал, что раз уж старик решил поделиться с ним своими воспоминаниями, то от этой истории у него уже не получится отказаться.

ПЕСНЯ ПЕСКА

Иногда Нив думал, что само течение времени в пустыне необъяснимо отличается от города за высокой защитной стеной – здесь не работают хронометры и сходит с ума компас, часы пролетают, как секунды, а секунды становятся долгими, как часы.

После первого полета в мекхала-агкати Нив чувствовал себя совершенно измотанным. Руки у него тряслись, он с трудом мог устоять на ногах. Нив не мог поверить в то, что всего лишь несколько часов назад виман привез его из города; он был уверен, что провел в песках множество дней – без отдыха и сна, – и за все это время не сделал ни единого глотка воды.

Когда они вернулись в бункер, Нив выпил несколько бутылок воды, однако ему не стало легче – наоборот, чувство жажды странно усилилось. Нив открыл еще одну бутылку.

– Эй, полегче, – сказал Кханд. – Это тебе не поможет. Тебе на самом деле не хочется пить. Так бывает... в первый раз. Приляг лучше.

Комнатка Нива была настолько тесной, что туда влезли только узкая кровать, вычислительная машина и приделанный к стене металлический столик. Единственное окно, похожее на иллюминатор в вимане, было плотно закрыто металлическими жалюзи, а у потолка горела газовая лампа. Дхаав в стене работал на полную мощность.

Нив присел на кровать и посмотрел на большие настенные часы с секундной стрелкой, которая неприятно пощелкивала, передвигаясь по циферблату рывками. В городе в это время он обычно возвращался с обеда.

Нив выключил свет.

Он лег в постель не раздеваясь, думая, что немедленно заснет, однако стоило ему расслабиться и закрыть глаза, как он тут же услышал голос Кханда, рассказывающего свою бесконечную историю – первый полет к поясу ветров, неопытный пилот, по сравнению с которым даже их сегодняшний неумеха мог бы сойти за аса, и страшный пустынный смерч, подобных которому сам Кханд больше никогда не видел. Нив спросил старика – как же они умудрились остаться в живых? А Кханд ответил что-то на гали. На этом рассказ закончился. Виман сел рядом с бункером, и земля пошатнулась у Нива под ногами.

Ниву рассказывали о пустынных смерчах еще задолго до того, как он получил назначение в пески. Нив даже слышал записи передач с какой-то затерянной станции – взволнованные голоса (большинство видели смерч впервые), помехи, напоминающие шелест песка, монотонные сигналы дежурной сирены, которая должна была предупреждать об опасности, но в действительности лишь выводила из себя. Однако Нив никогда не думал, что сам когда-нибудь попадет в смерч на станции. После рассказов Аны ему казалось, что в пустыне чаще бывают грозы, чем ураганы.

Но та пустыня, которую он увидел, была совершенно другой.

Обманчивая и нереальная, изменчивая и неизменная. Весь этот иссушенный солнцем мир состоял из навязчивых миражей и длинных историй Кханда. Нив даже не был уверен в том, что в поясе ветров на самом деле упал на его глазах метеорит, что они и вправду спасались от бури, которая надвигалась на них из самого сердца спящих земель.

Постепенно Нив заснул.

И ему приснилось, что он спит. Но только не в цельнометаллической камере посреди песков, а у себя дома, где немного душно, а газовый свет, который пробивается с улицы, подкрашивает ночной сумрак призрачной синей пастелью.

Но Аны рядом нет.

Нив уже проснулся, он чувствует, что лежит один, но не хочет вставать. Еще не время. Весь город во тьме. Слышится протяжное раздражающее шипение, похожее на шум пустынного ветра – он забыл выключить с вечера радио. Но Нив все равно не хочет вставать. Еще слишком рано, чтобы бодрствовать, на улице еще горят синие фонари. Однако теперь именно шум радио мешает ему забыться.

Нив ворочается на постели и вдруг понимает, что проснулся вовсе не из-за шипения помех. Его изводит страшная жажда, губы разохлились, гортань кровоточит, даже дышать становится тяжело.

Нив поднимается с постели, и в этот момент распахивается дверь.

Нив видит Кханда – в смешной респираторной маске и круглых очках.

– Пойдем, – говорит Кханд.

Они уже не в городе. Кханд ведет Нива по коридору бункера. Они выходят в пустыню, и Кханд настойчиво тащит Нива за рукав. Нив – полуголый, босиком. Песок больно обжигает ему ноги.

– Пойдем, – повторяет Кханд.

Они уходят все дальше и дальше от бункера. Каждый шаг для Нива подобен пытке – он как будто ступает по раскаленному металлу. Однако Кханд непреклонен.

Наконец, они останавливаются. Кханд оборачивается к Ниву.

На старике уже нет ни очков с огромными стеклами, ни респираторной маски, исчез и грязный тюрбан с головы – Кханд почти седой, его редкие волосы смешно торчат на голове. Кожа на лице Кханда желтая и морщинистая, а черные подслеповатые глаза слезятся, как у древнего старца.

– Смотри, – говорит Кханд и показывает рукой. – Это то, о чем я рассказывал тебе.

Нив боится смотреть в ту сторону, куда указывает рука старика. То, о чем говорит Кханд, не существует в действительности. По крайней мере, пока Нив сам это не увидит. И пусть песок обжигает его ступни. Пусть его губы побелели и облупились, как у мертвеца, пусть вся гортань превратилась в огромную кровоточащую язву от жажды. Все это нереально. Пустыня – это то, что придумал Кханд.

– Смотри, – требовательно повторяет старик, и Нив невольно поворачивает голову.

Он видит, как от горизонта на юге поднимается черная небастная тьма, и все небо затягивает чья-то необъятная тень.

В тот же миг на них спускаются стремительные сумерки, становится темно, как глубокой ночью. Но никакой бури нет, не чувствуется даже слабого ветерка. Кханд куда-то пропал. Нив теперь один. Раскаленный песок больше не беспокоит его.

Нива окружает оглушающая темнота.

Высокие дюны, застывшие волны песка, бесконечно повторяют друг друга, как отражения, и Нив знает, что этим пескам нет конца, что горизонт – это лишь черта, где пустыня сливается с небом. Города почти не видно, и лишь бледно-синее зарево на севере напоминает о том, что у него еще есть место, куда он может вернуться.

Нив чувствует странное умиротворение.

Василий Воронков

Он думает, что далеко-далеко, за одинаковыми барханами, в одном северном квартале, который разрушается от старости, стоит его дом с раскрашенным фасадом, обращенным к рассвету. Шторы на окне неплотно прикрыты. Дхаав едва работает. Шипит невыключенное радио.

Внезапно Нив вспоминает о чем-то. Он поднимает голову. И замирает от ужаса. Небо абсолютно черное, над его головой зияет пронзительная пустота.

И тут Нив просыпается – забившись в конвульсиях и чуть не свалившись с узкой постели. Его все еще охватывает пронзительный страх. Нив даже не сразу понимает, где находится.

В комнате совершенно темно.

Монотонно гудит очиститель воздуха. Настенные часы, циферблат которых едва различим в темноте, показывают то ли направление света, то ли время суток.

Ниву требуется несколько минут, чтобы прийти в себя.

За окном и вправду темно. Он проспал весь день, но все равно чувствует себя уставшим.

Нив усмехнулся, представив, что Кханд все еще терпеливо поджидает его в общей комнате, намереваясь продолжить историю о своем первом полете в пески.

Однако в общей комнате никого не оказалось.

На столе стояла его откупоренная бутылка воды.

Нив сделал несколько глотков, хотя даже не понимал, хочет ли пить на самом деле. Все его чувства сошли с ума. Однако ему стало лучше. Нив подумал, что сейчас вернется в свою металлическую каморку, сразу заснет, хорошо выспится, а завтра будет здоровым и бодрым, будет готов к новому полету в пояс ветров, к новым историям Кханда.

Но потом он вспомнил свой сон.

Нив прошелся по темной комнате. Поставил бутылку на стол, потом взял ее со стола. Наконец, он решил, открыл дверь бункера и вышел в пустыню.

Было холодно, дул порывистый ветер, слышался шелест песка. Нив сделал несколько шагов к голубоватому зареву от города вдалеке и вдруг замер, восторженно глядя на небо.

Над его головой были сотни, тысячи звезд, ярких и тусклых, мерцающих и горящих непрерывным уверенным светом.

Все небо над ним переливалось. От этого свечения у Нива закружилась голова.

Он никогда в жизни не видел такого звездного неба. Ночь в Южном Хапуре была лишь бледным подобием того, что открылось здесь, над его головой – мириады созвездий, стремительные кометы, тусклые песчинки планет, крадущие свет у солнца. Вся вселенная проступала сквозь ночную темноту.

Нив долго стоял в пустыне.

Он забыл про свой сон. Лишь когда его пробрал ночной холод, а окрепший ветер начал сбивать с ног, Нив вернулся на станцию. Ему хотелось поговорить с кем-то – хотя бы с Кхандом, – рассказать об этих удивительных невозможных звездах. Теперь у него была своя история – куда интереснее песчаных бурь, метеоритов или дождя. Но Кханд спал. Было еще несколько часов до рассвета.

Каждое утро они летали в пояс ветров, а вечером Нив проверял собранные во время полетов данные и переписывал их на магнитную пленку, которую по завершению своей семидневной миссии должен был забрать в город. Нив сидел напротив узкого окна с видом на закат – безжизненное небо, подернутое пылью – и смотрел, как похожая на гуптику машина считывает данные с черного диска. От усталости глаза начинали слипаться. Дюны в окне были багровыми, как в поясе ветров.

Во время полетов они записывали рельеф пустыни на специальные круглые пластины. Пластина представляла собой большой диск из гибкого черного материала – ее можно было безо всяких последствий согнуть, удерживая за края, – на котором радар вычерчивал непрерывные круговые дорожки, разной ширины и глубины. Для считывания таких записей использовались специальные электрические машины, которые Нив до этого ни разу не видел. Он вставлял диск в прорезь металлического приемника и поворачивал рычаг – медленно и осторожно, как объяснял ему Кханд, чтобы не повредить пластину. Гуптика издавала чуть слышный назойливый треск, и Ниву всегда казалось, что драгоценная пластина, ради которой они рисковали жизнью, рассыпается внутри на бессвязные осколки, стирается в графитовую пыль. На лицевой панели

Василий Воронков

гуптики судорожно мерцали разноцветные лампы – индикатор питания, индикатор считывания, индикатор частоты. Странный вычислительный аппарат успокаивался только спустя несколько минут, после чего на огромную лучевую трубку выводились, строка за строкой, длинные последовательности цифр – карта рельефа песков.

Отдельные значения никогда не поднимались выше восьми, а за точку отсчета был принят уровень анильской впадины, абсолютный ноль. Нив не совсем понимал, почему выбрали именно такую систему расчета; впрочем, Кханд тоже не мог ничего ему толком объяснить.

Нив каждый вечер проверял собранные данные.

Вычислительная машина нередко ошибалась, или же звуковой радар отрисовывал рельеф на диске неверно – так, что его загадочная вязь уже не поддавалась никакой расшифровке, – и тогда на экране появлялись ровные ряды невозможных нулей. Считалось, что в пустыне не может быть точки с уровнем ниже, чем у анильской впадины, и наличие нулевых высот всегда служило верным сигналом о возникших ошибках. Нив перечитывал диск повторно – зачастую даже по несколько раз, – и обычно это помогало; но все же иногда вычислительная машина никак не могла разгадать злополучную запись, и Ниву приходилось делать в цифровой карте пометки, выделять ошибочные куски.

Вся пустыня становилась строго расчиленной, простой и неодоушевленной. Подо все можно было подвести жесткое математическое основание, набор нерушимых аксиом, универсальные законы, как если бы даже песчаные холмы росли и опадали не под действием ветра, а согласно формулам, которые подсчитывал тресчащий вычислительный аппарат.

Как-то вечером Кханд предположил, что система измерений, которую они используют – ровно в девять градаций, – является, скорее всего, данью каким-нибудь стародавним традициям, чему-то такому, о чем никто уже и не помнит. Нив тогда подумал, что такой бессмысленной традицией были и поиски особого места для установки радара в песках, но не решился сказать это Кханду.

А потом он вдруг понял.

Традиции. Компас в роли детектора мертвых песков, особое расположение радара – и сотни других вещей, о которых он

еще не успел узнать. Жизнь в пустыне строилась на суевериях, а без них все вокруг становилось лишь тем, чем и было на самом деле – сотнями миль безжизненных песков.

Кханд должен был помогать Ниву, однако не слишком любил возиться с цифрами и всячески старался избавиться от этой обязанности. Старик закрывался в своем отсеке, утверждая, что занимается делом куда более важным, чем сложение и вычитание высот, и Ниву как бесправному новобранцу приходилось разбираться во всем одному.

Исследовательская станция – сто седьмая линия, как ее называли – была похожа на отливающий металлом купол заброшенного храма, местами потускневший, выгоревший на солнце, с белесыми шапками песка. Купол поднимался над пустыней на высоту в три человеческих роста, удерживаясь на дюжине тонких стальных колонн, наполовину утопающих в песке. Лестница к входной двери была зачем-то заключена в истошно-красную клетку, напоминающую шахту лифта. Когда Нив спускался из бункера в пески, у него иногда возникало чувство, что он выходит в безвоздушное пространство.

Площадка перед станцией, куда садились корабли, была окружена частоколом сигнальных бакенов, похожих на звуковые радары, намертво вросшие в песок. Площадку постоянно пытались расчищать – Кханд утверждал, что однажды ее даже заливали жидким стеклом, – однако пустыня все равно брала свое, вокруг станции росли дюны, и виманы при посадке поднимали песчаный шторм.

На станции круглосуточно работали мощные дхаавы, но Нив все равно мучался от духоты, как будто никакие машины не могли справиться с сухим каара и сильным ветром, заносившим в помещения повисающую в воздухе песчаную пыль. Нив знал, что каждая исследовательская станция оборудована специальными устройствами по переработке кислорода, и они могли долгое время протянуть с отрезанной подачей воздуха снаружи – что, наверное, случалось, когда сильная буря полностью заносила бункер песком, – однако Кханд, видимо, желая попугать Нива, утверждал, что генератор на сто седьмой уже почти год как вышел из строя, и что он даже несколько раз сообщал об этом в центральную, но те так и не оправили к ним ремонтную

Василий Воронков

бригаду, полагая, что эти самые специальные устройства им не потребуются и на сто седьмой все равно ничего не может произойти.

Согласно стандартной планировке бункера нового типа, которую Нив тщательно изучал перед своим первым полетом, на каждой станции должны быть оборудованы четыре личных отсека, предназначенных для работы и сна, однако на сто седьмой один из этих отсеков превратился в склад для изношенного оборудования, а в другом был такой толстый слой пыли, словно там никто не жил уже с полсотни лет.

В комнате Нива, рядом с похожим на иллюминатор окном, стояла мощная вычислительная машина, необычно компактная, доходившая Ниву только до пояса, в которую был также вмонтирован лучевой экран – особая профессиональная модель, вмещающая сорок строк текста.

Работать в тесной каморке было не слишком удобно. Ниву приходилось сидеть практически вплотную к экрану – он не мог отодвинуться дальше – стул упирался в похожую на поддон для трупов кровать, намертво прикрученную к полу. Справа от него было окно, но до заката он всегда опускал жалюзи, чтобы солнце не светило в глаза. Дхаав, гонявший по комнате теплый воздух, гудел прямо у Нива над головой.

Кто-то – видно, из прежних обитателей бункера – забыл в его комнате фотографию, вид на город с дальнего берега анильского моря, поздним вечером или ранним утром, когда еще горят синие газовые фонари. Ниву не нравился этот снимок – он был каким-то наигранным, ненастоящим, точно фотограф пытался сделать типичный вид города из пустыни, но побоялся выйти даже за пределы заградительной стены. Нив хотел снять фотографию со стены, но не решался – все равно он улетит отсюда через несколько дней и, возможно, никогда уже не вернется.

Убранство всех комнат было утомительно однообразным – две из них представляли собой точные копии друг друга и, перепутав впопыхах дверь, не сразу замечал ошибку. Помогала только фотография на стене. Третью завалили старыми машинами, и Нив никогда туда не заходил. Последняя комната тоже немного нарушала строгую симметрию жилых отсеков – помимо хлопьев пыли и отключенного от центральной сети дхаава, кровать там стояла у другой стены, а вид из окна, кроме песчаного

неба и дюн, включал в себя взлетную площадку и призрачные городские огни вдалеке.

На станции находились еще и технические помещения, а также просторная по меркам бункера прямоугольная комната с обстановкой, позаимствованной из дешевого саада, которую Кханд называл гаандхарва-заала – то ли в шутку, то ли всерьез, что сложновато было понять, не зная гали.

Всю первую неделю Нив и Кханд провели на станции вдвоем – единственные живые люди, как несколько раз пафосно говорил Кханд, на расстоянии в сотню миль. Впрочем, Нив подзревал, что это не совсем соответствует действительности, но предпочел не спорить со стариком по пустякам.

Поздним вечером, когда от чтения монотонных статистик с мерцающего экрана болели глаза, а вид гаснущего, умирающего неба, который открывался в похожем на иллюминатор окне, вызывал ощущение тревоги и тоски, Кханд вытаскивал Нива в гаандхарва-заалу и заводил очередную историю о пустыне с обилием названий и ругательств на гали, количество которых имело склонность удручающе увеличиваться к концу, из-за чего Нив зачастую вообще не понимал смысла его рассказов.

Во второй вечер Нива в пустыне они просидели в гаандхарва-заале почти до полуночи.

Нив жевал брикеты безвкусного непортящегося пайка, который заменял им завтрак, обед и ужин, запивая набухающую во рту массу теплой водой из бутылки. Небо за окнами бункера было усеяно тысячами ярких звезд – казалось, что, пока они говорили, станцию вынесло на орбиту планеты, и они медленно плывут в пустоте. Кханд тогда выпил бутылок пять воды и часто ходил в уборную.

– Сто седьмая миля, – удовлетворенно сказал старик, усаживаясь за стол после очередного перерыва, – это даже еще не настоящая валукаабхи. Так окрестности песков для паам-сукрида. Им и до генераторов поэтому нет никакого дела.

Всего несколько часов назад, когда они вышли из бункера на посадочную площадку, чтобы посмотреть, как из вечернего зноя и пустоты рождаются над дюнами маленькие взмывающие в небо вихри, Кханд, напротив, убеждал Нива, что тот чуть ли не в самом сердце пустыни, где и корабли-то пролетают

Василий Воронков

нечасто и куда совсем уж редко посылают таких, как Нив, новичков.

– Самое интересное начинается ближе к двухсотой, – продолжал Кханд. – Там уже и радио толком не работает. Там уже точно кажется, что вокруг никого, кроме тебя, нет. Да и не было никогда.

– А вы часто оказываетесь на станции один? – спросил Нив.

– Бывает и такое, – сказал Кханд. – На сто восемьдесят первой я и был все время один. Ну, кроме виманас... – Он засмеялся. – Туда абхила сита никто, наверное, и ехать-то не хотел. Когда летали в мекхала-агкати, то пилот мне обычно помогал устанавливать гиру.

Нив кивнул, представив, как Кханд вместе с пилотом в цветшей форме тащат по песку огромный радар.

– Когда я впервые попал на сто восемьдесят первую, – продолжал Кханд, – то станция выглядела так, как будто уже десяток янати пережила, если не сотню.

Нив тогда подумал, что старик в действительности работает в пустыне лишь несколько дней, прилетел на сто седьмую на неделю раньше, чем сам Нив, и теперь, пользуясь его еще большей неопытностью, изображает из себя бывшего жителя песков, постигшего какие-то невразумительные тайны и тысячи раз летавшего в пояс ветров. Потом Нив даже удивился, когда узнал, что Кханд действительно работает в песках почти всю свою жизнь.

На следующий день Кханд снова взвалил на Нива всю работу, а сам закрылся до сумерек в своем отсеке. Однако вечером Ниву довелось, наконец, узнать, чем занимался его напарник.

Кханд мастерил непонятный прибор, который гордо продемонстрировал Ниву сразу же после заката. Можно было подумать, что старик нарочно дожидался, пока стемнеет, и на небе не появятся звезды, как если бы его творение не умело работать при свете дня.

– Хочешь узнать, как звучит мекхала-агкати? – спросил, ухмыляясь, Кханд.

Нив, только что выбравшийся из своей каморки для позднего ужина, даже не успел ничего сказать. Кханд ушел и вернулся лишь спустя несколько минут, неся в руках массивный короб, из которого торчала огромная, мятая по краям воронка. Застонав, Кханд взгромоздил устройство на стол и шумно вздохнул.

– Пришлось делать из того, что было, – сказал он. – Корпус практически чистая чинайя.

Для убедительности Кханд постучал по прибору костяшками пальцев.

Его поделка представляла собой увесистую металлическую коробку, как будто и правда сваренную из толстых листов промышленной стали. Из прямоугольного короба поднимался на тоненьком стержне широкий вертикальный раструб, похожий на воронку у стоков для воды, сохранившихся лишь на самых старых зданиях в городе. Под этой жестяной крагой крепились два круглых симметричных диска, точно совпадавших по размеру с пластинами, которые использовал звуковой радар. Диски были закреплены один над другим, образуя щель примерно в два пальца толщиной, причем из верхнего диска, выполняющего роль крышки, спускалась вниз тонкая, едва заметная игла.

– Что это? – спросил Нив, уставившись на аппарат.

Кханд удовлетворенно хмыкнул.

– Янпатала, – сказал он. – Принеси-ка пластину, которую мы записали сегодня.

– Зачем?

– Да не бойся ты, ахи! Ничего с ней не будет. Я уже проверял эту штуку раньше. Сейчас только доработал чуток.

Нив послушно принес пластину, которую они записали во время утреннего полета. Кханд взял пластину, покрутил ее в руках, привередливо рассматривая тонкие концентрические бороздки, затем аккуратно вставил в щель под раструбом – так, что пластина оказалась зажатай между двумя дисками.

– Это не... – начал Нив.

– Спокойно!

Кханд стал поворачиваясь верхний диск, из которого торчала вниз острая игла, по часовой стрелке.

– И что будет? – нетерпеливо спросил Нив. – Надеюсь, это не испортит пластину?

Нив уже переписал все данные на пленку, однако, согласно порядкам, диски обязательно нужно было сохранять, передавая в управление вместе с магнитной записью – видимо, для того, чтобы другие могли сделать перепроверку.

– Бхраанти, – сказал Кханд.

Закончив, он надавил ладонью на верхний диск так, что игла уперлась в пластину, отошел от механизма и встал, выжидающе сцепив руки на груди. Верхний диск начал медленно вращаться вокруг своей оси.

– И что? – спросил Нив. – Для чего это? Игла ведь может...

Он услышал тонкий шорох, напоминающий помехи во время радиопередач, а затем слабый сбивчивый свист – как ветер, который пробивается сквозь неплотно закрытое окно.

– Вот! Вот!

Кханд подошел к янпатале и склонился над ней, наблюдая за тем, как игла скользит по черной пластине.

– Это она! – почти выкрикнул Кханд и тут же поднял вверх ладонь, призывая к молчанию, хотя Нив не говорил ни слова.

Прерывистый свист напоминал теперь странный сигнал о помощи, который кто-то посылает навстречу пескам. С каждой секундой свист становился громче, нервно нарастал, пока вдруг не сменился резкой оглушающей тишиной.

– Что это? – пораженно спросил Нив.

– Погоди, погоди, – сказал Кханд. – Сейчас, бхавита-вия-таа... Судя по дорожкам...

Вновь послышался шорох, похожий на шум осыпающегося песка. А потом произошло что-то странное – Нив услышал грудной женский голос, произносивший нараспев длинное непонятное слово, утопая в треске усилившихся помех.

– Это... пение? – спросил Нив.

– Похоже, да? – улыбнулся Кханд. – Песня песков, мекхала-агкати.

Кханд часто вздыхал. Голос вздрагивал и сливался с шумом – как песня, которая доносится через песчаный шторм и обреченно тонет в наступающем шуме.

– Куда больше... вдохновляет, чем измерения высот, а? – спросил старик.

Загадочная песня песков закончилась, сменившись неразборчивым шорохом, а затем верхняя пластина с иглой остановилась, и Кханд недовольно покачал головой.

– Да, пружина все равно слабовата, – сказал он.

Нив сел рядом с янпаталой, не говоря ни слова. Кханд засунул палец между дисками проигрывателя, чуть приподнял верхний

и вытащил пластину. Он заботливо провел по ней ладонью и протянул Ниву.

– Ну, бери же... Все в порядке с твоей...

Нив молча смотрел на черную матовую пластину в руке Кханда.

– Ты как, аадхи? – усмехнулся Кханд. – Все уже закончилось, можешь отмереть.

Нив взял пластину. Ему вдруг сильно захотелось пить.

– Но в этом ведь нет... – проговорил он.

– Смысла? – подсказал Кханд. – Ну, как скажешь...

Кханд уселся на стуле рядом с Нивом и устало вытянул ноги.

– Хочешь послушать еще одну? – спросил он.

Нив кивнул.

– Только надо будет опять заводить этот ящик.

Прослушав все диски, которые у них были, Нив сказал Кханду, что хотел бы попробовать записать эту музыку на магнитную пленку, сохранить ее на память о песках, и Кханд, поначалу заявивший, что ничего не получится, что слушать песню песков, рену гаайя, можно только так, с помощью его магической коробки со старым водостоком, в итоге даже вызвался ему помочь.

В комнате Нива был большой промышленный приемник, однако, помимо служебных радиочастот, приемник мог ловить и обычные передачи из города – правда, с очень сильными помехами, да и то лишь поздними вечерами, когда начинало садиться солнце, что, как считал Нив, не поддавалось объяснению.

Всю первую неделю Нив тяжело уставал, работая с вычислительной машиной, Кханд упрямо отказывался ему помогать, и Нив чувствовал себя, как заключенный, которого насильно держат в металлической камере, заставляя вчитываться в мерцающие на экране цифры, пока не откажут глаза.

Радио, даже шипение помех, успокаивало Нива.

Иногда в шорохе и треске можно было различить чьи-то голоса, призрачное эхо новостных сводок, пение, которое тонуло в грубом неровном шуме.

Пустыня с сумерками становилась еще более однообразной, темнота скрадывала детали, а когда Нив смотрел в узкий иллюминатор в отсеке, то ему казалось, что во всем мире нет ничего, кроме песка.

Нив слушал радио и думал об Ане.

Он пытался представить, что она делает без него. Прошло уже несколько дней со дня его отъезда. Ана скучает. Смеркает-ся. В городе скоро включают ночное освещение. Уже поздно, и Ана наверняка дома. Наверное, она слушает радио – так же, как и он. По любимой частоте передают треск помех. Прошло всего несколько дней, несколько дней в песках, и теперь он знает, о чем в действительности говорил Кханд, когда утверждал, что они – единственные люди на расстоянии в сотню миль.

Нив даже радовался, если Кханд, устав от своих музыкальных экспериментов и ощутив потребность в собеседнике, (или, скорее, слушателе), вытаскивал его под вечер из комнаты. Их трапеза нередко длилась до самой ночи – они разговаривали, слушали рену гаайя, которая, впрочем, зачастую почти не отличалась от радиопомех. Нив предложил Кханду несколько усовершенствований для янапаталы, к которым старик поначалу отнесся с недоверием, но потом все же модернизировал свой аппарат.

Кханд продолжал рассказывать свои истории о пустыне.

Например, Нив узнал, что ежегодно на Дёзу падает сто тысяч тонн космической пыли, которая необратимо изменяет климат планеты, и сотни метеоритов оказываются погребенными в спящих песках – от некоторых даже остаются воронки в милю длинной. Кханд был просто кладезем подобных фактов, которые обычному человеку, привыкшему к скучной предсказуемости города, к тому, что взгляд всегда ограничен стенами домов и сверкающей на солнце эстакадой, показались бы невероятными.

Однако к концу своего первого назначения Нив и сам накопил немало историй. Он видел мекхала-агкати, где дышать можно лишь в респираторной маске. Он видел, как упал метеорит. Их чуть не настигла страшная буря, превращающая день в ночь. Он видел удивительное звездное небо, к которому – как он сознавал с ужасом – успел привыкнуть за прошедшую неделю.

Кханд работал и жил в пустыне.

Старик даже утверждал, что его отправляют в город чуть ли не насильно, дважды в год, согласно какому-то бессмысленному уставу, а Нив так и не решился спросить, почему его приятель приговорил себя к добровольному изгнанию в пески. Под конец назначения Нив думал только об Ане, о том, как вернется

домой, а Кханду предстояло остаться на станции и встретить на следующий день нового напарника для полетов в пояс ветров. Нив не сразу понял, что это разделяет их куда больше, чем привычка Кханда говорить на гали.

Нив сильно поразился, когда зашел в отсек Кханда, чтобы попрощаться, а старик лишь раздраженно сказал, что очень занят, что у него нет времени на разговоры, и посоветовал Ниву поторопиться, чтобы не пропустить свой «виманас». Это было так странно – Кханд, у которого нет времени на разговоры. Нив тогда подумал, что мог чем-то ненароком обидеть старика.

Впрочем, ему было некогда размышлять о причудах Кханда. Ниву предстояло возвращение домой, в город, к Ане. И целая неделя вдаль от песков.

Виман снова опоздал и поднял такие тучи песка, что все вокруг на несколько минут затянуло облаком песчаной пыли. Нив растерялся, не успел отойти от посадочной площадки – он впервые ждал корабля в одиночку, – и его забросало песком, а несколько горячих песчинок попали в глаза. Даже в пассажирском отсеке он все еще прикрывал лицо рукой, едва сдерживая тяжелый беспричинный кашель. Глаза его слезились. Он был единственным пассажиром.

Нив сел у иллюминатора и посмотрел вниз.

Виман медленно поднимался над взлетной площадкой, и корабль окружали клубы песка. Потом, когда виман набрал высоту и двигатели заработали на полную мощность, Нив успел краем глаза увидеть купол сто седьмой, сверкающий на солнце. По щекам у него стекали слезы.

ВРЕМЯ

Во время второго полета Нива назначили на сто двенадцатую, и он волновался так, словно разница в несколько миль могла полностью изменить его представление о пустыне.

На станции, кроме него, работали еще два инженера – Акар, который был одного с Нивом возраста, хотя и выглядел немного старше из-за преждевременной седины на висках, и Эвам, молодой на вид парнишка, получивший назначение в пустыню впервые.

Василий Воронков

Ниву предстояла, как говорили в управлении, «долгая остановка» – вместо привычной недели он должен был провести на сто двенадцатой почти две и сделать дюжину вылетов в пояс ветров, причем, другие инженеры уже жили на станции больше недели до его прибытия.

Нив поначалу хотел отказаться от такого долгого назначения, он переживал, как Ана проведет все это время без него, однако ему пообещали двухнедельный отпуск в городе по возвращению, и Нив в конце концов согласился.

Долгая остановка.

Нив был рад, что теперь их на станции трое, а неопытность Эвама даже немного его воодушевляла. Больше никто не будет поучать его безумным премудростям жизни и разглагольствовать о философии пустыни, подспудно пересказывая учебники по безопасности, которые Нив и сам уже знал наизусть – они просто выполняют свою работу и вернутся домой.

Кханда в тот раз направили на какую-то отдаленную станцию – так, по крайней мере, говорили в бюро. Нив представлял, как старик сейчас скучает где-нибудь около двухсотой мили, один, без напарников, в одиночку ворочает тяжелый радар по зыбучему песку, а вечерами разговаривает сам с собой, выпивая за один присест несколько бутылок воды.

Нива встретили уже на станции, никто не удосужился выйти к виману, привезшему его из сумеречного, еще пропитанного стильным ночным оцепенением города и, едва Нив успел разложить вещи в отсеке, Акар зашел к нему и сообщил, что в мекхала-агкати они полетят вдвоем.

– У Эвама тут есть чем заняться после нашего последнего полета, – сказал Акар.

Нив собирался спросить, что произошло в поясе ветров, почему Эвам лишь на несколько секунд показался в общей комнате, а потом исчез куда-то, чтобы не попадаться им на глаза, но Акар, предугадывая его вопрос, сказал:

– Много работы накопилось. – Однако даже по его голосу чувствовалось, что дело совсем не в этом. – Вдвоем мы отлично справимся.

Можно было думать, что Нива прислали сюда на замену. Что ж, по крайней мере, это означало, что он уже на хорошем

счета, и Кханд, хотя Нив чуть не свернул себе шею в первый же день, дал ему хорошую рекомендацию.

Виман прилетел чуть раньше намеченного времени, но Акар задержался в отсеке, и они вышли, когда корабль уже несколько минут стоял на посадочной полосе. Нив поначалу решил, что Акар недоволен чрезмерной расторопностью пилота, но потом, глядя на то, как его товарищ идет, сощурившись и прикрывая лицо рукавом, хотя ветер на сто двенадцатой был совсем слабый, подумал, что прошедшая здесь неделя оказалась для Акара слишком серьезным испытанием.

Пилот зачем-то включил аварийные огни и не стал вылезать из кабины, чтобы их встретить. Нив беспокойно взглянул на Акара, но тот не придавал этому никакого значения. Они молча зашли в пассажирский отсек и сели в кресла. Послышался знакомый гул двигателей, и виман на несколько секунд накрыло облако песка.

Корабль летел ровно, их почти не подбрасывало на воздушных волнах. Акар устроился рядом с иллюминатором, Нив сел рядом, однако из-за широких плечей Акара ничего не видел. Впрочем, это была все та же пустыня, что и неделю назад – выточенные ветром дюны, песок, постепенно меняющий свой цвет с бледно-желтого, почти белого, на багровый и красный, невысокие скалы, подернутые песчаной пылью.

– Это у тебя какое уже по счету назначение? – неожиданно спросил Акар.

– Второе, – ответил Нив.

– Ну, это... хоть что-то, – задумчиво произнес Акар и замолчал.

Акар сидел, опустив голову, устало потирая пальцами лоб и виски. Нив все еще сомневался, стоит ли поднимать тему об Эваме, который отсиживается на станции вместо того, чтобы лететь с ними в мекхала-агкати.

– А сегодня как будто совсем нет ветра, – сказал Нив вместо того, чтобы спросить об Эваме. – Наверное, это тут хорошая примета. Или плохая?

Он улыбнулся и посмотрел на Акара.

– Как хочешь, – сказал Акар. – Тут не угадаешь с приметами.

– В самый первый мой полет нас немного потрепало, – добавил Нив. – Интересное было... приключение... Еле удрали тогда.

Василий Воронков

– Это раз на раз, – сказал Акар. – То, что тут ветер слабый, еще ни о чем не говорит.

– Пожалуй, – согласился Нив.

Они долго молчали.

Нив невольно прислушивался к надрывному реву двигателей, к странному скрипу обшивки, точно виман, не выдерживая перегрузок, расходился по швам. Полет был долгим. Свет в иллюминаторе был неестественно желтым и резким, какой бывает только в городе по вечерам, когда солнечные лучи едва пробиваются сквозь завесу чада, висящего над домами.

Внезапно свет погас, и в иллюминаторе на несколько секунд стало совершенно темно, словно корабль влетел в песчаную бурю. Нив вздрогнул и потянулся к иллюминатору. Акар сначала недовольно взглянул на Нива, а потом медленно отодвинулся в сторону.

Они летели рядом с высокими скалами – почти настоящей горной грядой, покрытой густыми залежнями песка. Огромные тени от скал тянулись по дюнам на целые мили, неимоверно черные, как выжженные на песке.

Нив несколько секунд пораженно смотрел в иллюминатор, а потом виман поднялся выше, и ему пришлось отвернуться, прикрывая глаза от яркого солнца.

– Давай просто сделаем свою работу, – сказал Акар. – Тут нет ничего сложного. Всего лишь установить этот... – он замолчал на секунду, сдерживаясь, чтобы не выругаться, – радар. Я просто хочу покончить со всем этим и вернуться домой.

– Да я и сам предпочел бы здесь не задерживаться.

– Вот и отлично.

– Все будет в порядке, – поспешил добавить Нив. – Я ведь уже не новичок. На моем счету целых семь боевых вылетов.

Акар хмыкнул и повернулся к окну.

Они снова замолчали. Корабль едва заметно покачивался, рассекая встречный воздушный поток. Двигатели вздрагивали и завывали. Они были уже недалеко от пояса ветров.

– Интересно, а здесь бывают еще станции? – спросил Нив.

– Где здесь? – не понял Акар.

– Ну, я имею в виду, на таком расстоянии от анильского моря. Тут ведь уже миль сто восемьдесят, наверное.

– Вряд ли, – пожал плечами Акар. – Сто восемьдесят... Скорее, уже за двести. Смысл тут что-то строить? Связь не работает уже совсем.

Виман передернуло – Ниву даже пришлось ухватиться за поручень, – и на мгновение двигатели потеряли тягу. Они падали в пески. Но через секунду корабль выровнялся и уверенно пошел на снижение.

– Интересный маневр, – сказал Нив, стараясь скрывать дрожь в голосе.

Акар ничего не ответил. Лампа у потолка загорелась.

– Вот и мекхала-агкати, – сказал зачем-то Нив.

Акар молча кивнул головой.

Виман стремительно планировал над дюнами. Нив подумал, что пилот кружит из-за того, что никак не может найти подходящее место для посадки.

Лишь спустя несколько минут корабль пошел на снижение.

Они сели на удивление мягко. После глухого толчка корабль погрузился в песок, и двигатели, изрыгнув облако чада, заглохли.

Акар отстегнул ремень безопасности, поднялся с кресла и начал освобождать от ремней контейнер с радаром. Нив волновался, как в первый раз. Наверняка Акар опасается, что он тоже совершит какую-нибудь глупость, как тот паренек, чье имя Нив уже начал забывать.

Надо все сделать правильно. Проверить, плотно ли застегнута куртка, не разошлись ли бахилы на ногах, внимательно осмотреть респираторную маску.

Нив вздохнул и попытался успокоиться.

Он здесь уже не в первый раз. В этом, как правильно заметил Акар, и правда, нет ничего сложного. Сегодняшний полет ничем не отличается от других.

Нив открыл щиток на стене и достал респираторную маску. Он тщательно проверил дыхательные мембраны на затылке, как полагалось по инструкции, и тут же подумал, что слишком долго возится с этим респиратором, прямо как рассеянный новичок, которые и не знает ничего, кроме того, что пишут в учебниках.

Акар быстро нацепил маску и уже ждал Нива у дверей.

Двери отсека открылись, и в глаза им ударили лучи солнца. По выгоревшему небу невозможно было даже определить время суток.

Все вокруг выглядело точно так же, как и в тех секторах, куда они летали с Кхандом. Но, в то же время, совершенно иначе. Нив не мог этого объяснить. Он вспомнил о падении метеорита в первый свой день и стал оглядываться по сторонам в поисках кратеров, но если те и были здесь когда-то, то их давно уже занесло песком.

– Ну, куда будем ставить? – спросил Нив.

– Выбирай сам, – сказал Акар. – Можно хоть прямо здесь. Место просто отличное. Лучше и не придумаешь. И в самом пекле заодно.

Нив кивнул и залез в пассажирский отсек за радаром.

– Место такое отличное, что у меня сейчас мозги вскипят, – добавил Акар и зашел в отсек вслед за ним.

Они поставили радар рядом с кораблем.

Ветер в поясе ветров дул сильнее, чем на сто двенадцатой, однако горизонт вдалеке был чистым – никаких признаков надвигающейся бури.

Нив уже собирался пройти к ближайшим дюнам, чтобы не стоять рядом с работающим радаром, но Акар окликнул его:

– Ну, и куда ты? Совсем сдурел? Это тебе место для прогулок, что ли?

– Да я просто... – начал Нив.

– Везет мне в этот раз на напарников, – сказал Акар, и его маска странно захрипела, как будто он пытался смеяться.

Нив стоял рядом с ним, чувствуя себя полным кретином.

– Ладно, – сказал Акар. – Пойдем в виман. Здесь, и правда, немудрено свариться.

В корабле было душно, дхаав в отсеке отрубился вместе с двигателями, и воздух теперь медленно раскалялся, как в парной. Нив предпочел бы постоять снаружи, на ветру, но ему не хотелось перечесть Акару.

– Ты с кем летал-то? – спросил Акар.

– С Кхандом, – сказал Нив.

Акар кивнул, и маска его вновь захрипела.

– Что? – спросил Нив.

– Да ничего.

Акар устало вздохнул.

– Придунок он полный. Летал я с ним. Да кто не летал-то. У него совсем там под черепком сварилось что-то.

– Не знаю, – сказал Нив. – Мне он показался вполне...

– Нормальным? Да он совершенно безумен. Или, вернее, нет... Как там это?.. Совершенно дурпта. Он же у нас так любит говорить на гали.

– Ну, по крайней мере, он любит свою работу, – сказал Нив.

Акар долго смотрел ему в глаза, пытаясь понять, всерьез он говорит или нет.

В открытую дверь отсека было видно, как ритмично раскачивается радар, озаряя дюны яркими вспышками.

– А ты давно здесь работаешь? – спросил Нив.

– Два года, – ответил Акар.

– Два года? – удивился Нив. – А ты разве не писал заявление на перевод?

– Да, – вздохнул Акар. – После первого года писал. Но как видишь... Наверное, они ждут, пока у меня окончательно не сварятся мозги, вот тогда...

Акар закашлялся – вернее, Ниву так показалось, – из респираторной маски доносились лишь резкие судорожные хрипы.

– Вот тогда, – продолжил Акар, – меня можно будет переводить.

Он замолчал.

– А почему тебя вообще сюда перевели? – спросил Нив.

Но Акар в ответ лишь странно посмотрел на Нива и ничего не сказал. Нив не понял его взгляд, но больше не стал ни о чем спрашивать. А почему меня сюда перевели, подумал он.

Дышать становилось все тяжелее. Акар сидел, сцепив на груди руки и опустив голову. Казалось, он задремал, хотя Нив не понимал, как можно заснуть в такой духоте.

Нив вышел из корабля.

Стало темнее. Высоко в небе плыли огромные грозовые облака, а солнце стало багровым, как во время заката.

Нив вдруг подумал, что сейчас он увидит то, чего не видел еще ни Кханд, ни Акар, ни другие обитатели пронумерованных станций, ненавидевшие или влюбленные в пустыню. Это будет удивительно и невообразимо – начало дождя в поясе ветров.

Василий Воронков

Но потом Нив понял, что даже если тут и пойдет дождь, то ни одна капля не долетит до земли.

Снаружи дышалось легче, чем в душном корабельном отсеке, и Нив даже собирался вернуться, растолкать Акара и предложить ему выбраться из раскаленной душегубки в пески. Но возвращаться ему совсем не хотелось, да и Акар наверняка предпочел бы духоту этим преждевременным сумеркам в поясе ветров и назвал бы Нива безумцем, дурпта – ведь человек в здравом уме ни за что не захочет выходить в поясе ветров из корабля.

Радар все еще работал. Его вытянутый корпус методично раскачивался, отсчитывая последние мгновения до начала страшного пустынного дождя – там, где в пески не падает ни единая капля.

Нив стоял, глядя на дюны.

Ветер дул в лицо, он чувствовал странный запах соли даже через маску. Над головой Нива плыли грозовые облака, не предвещавшие грозы. Часто ли можно увидеть в поясе ветров такое небо? Пусть даже здесь никогда не пойдет настоящий дождь, но, быть может, он все равно является свидетелем чего-то уникального, чего-то такого, чего раньше никто до него не видел.

И это еще одна история, которую он сможет рассказать.

Возвращаясь на станцию, Нив чувствовал привычную уже усталость. Ему хотелось спать, а губы пересохли от жажды. К тому же, в пассажирском отсеке вимана все еще стояла духота.

Акар уступил Ниву место рядом с иллюминатором. Внизу проносились одинаковые дюны, горящие на солнце с одной стороны и черные с другой. Этот вид вызывал странное тоскливое чувство. Пустыня оставалась позади, но и впереди была только пустыня.

Вечером Эвам, наконец, показался из своей комнаты. Нив вышел в гаадхарва-заалу, чтобы перекусить и поговорить с кем-нибудь о пустыне, как он привык во время прошлого назначения с Кхандом, однако Акар отказался составить ему компанию, зато появился Эвам.

Парнишка был невысоким и тощим, хотя оказался гораздо старше, чем вначале подумал Нив. Лицо Эвама поросло густой щетиной, а под глазами пролегли темные круги.

Нив приветливо улыбнулся и протянул ему бутылку воды.

– Что, работал весь день? – спросил Нив.

Парнишка молча кивнул.

Он взял бутылку и держал ее в руках, не открывая, напряженно глядя на Нива.

– Да, мы ведь даже не успели толком познакомиться, – спохватился Нив. – Я – Ниверт. А тебя зовут Эвам, да?

Эвам снова кивнул.

– Мы, кстати, неплохо слетали сегодня, – сказал Нив. – Без приключений. Всегда бы так.

Эвам молчал.

– Вы ведь здесь уже неделю вдвоем? – спросил Нив.

– Да, неделю, – сказал Эвам.

– И это твой первый раз? – Нив качнул головой. – Тяжело, наверное, так сразу... Для меня это тоже только второе назначение, я и сам еще новичок.

Эвам сел и принялся открывать бутылку, крепко вцепившись пальцами в глубоко засевшую пробку. Та не поддавалась.

– Я сам согласился, – сказал Эвам. – Назначение на три недели... Я подумал, будет даже в чем-то проще. Успею...

– Адаптироваться? – подсказал Нив.

– Вроде того, – согласился Эвам, все еще пытаясь вытащить пробку.

Нив скучающим взглядом осмотрел комнату.

– Как-то... тихо у вас тут, – сказал он. – Акар всегда такой... нелюдимый?

– Наверное, – сказал Эвам.

Паренек открыл, наконец, бутылку.

– А что, все-таки, у вас вчера произошло? – не выдержал Нив. – Акар как-то не очень распространялся.

Эвам сделал несколько глотков, вытер рукавом губы и сказал:

– Метеориты. Даже... целый дождь из метеоритов. И все падали так близко.

Эвам замолчал, но Нив продолжал смотреть на парня.

– Мои родители погибли в городе из-за падения метеорита, – тихо проговорил Эвам.

– Извини, – сказал Нив.

Ему хотелось приободрить парня, рассказать, как сам в первый свой полет так испугался метеорита, что не смог устоять на

Василий Воронков

ногах, а по возвращению на станцию проспал чуть ли не сутки, но это было бы слишком похоже на Кханда, дурпту, сумасшедшего старика.

– Это произошло... – продолжал Эвам, – уже очень давно. Просто метеориты...

– Я слышал о падении метеоритов в городе, но, честно говоря, не был даже уверен, что это правда, – сказал Нив. – Ни разу не видел ничего подобного, хотя живу там уже...

– Редко, – сказал Эвам. – Совсем редко. А вот в пустыне – часто.

– И ты, – неуверенно начал Нив, – перевелся сюда, зная об этом?

– Перевелся? – Эвам как-то испуганно качнул головой. – А вы сами писали заявление о переводе?

– Я? Нет, но...

Нив подумал – а чего он, собственно, ожидает? Кто будет подавать заявление о переводе в пески в надежде, что бюро потом исполнит свое смутное обещание и позволит выбрать любую работу?

Нив вдруг почувствовал странную болезненную усталость – глаза начали слипаться, мысли путались, бутылка с водой чуть не выпала из рук.

– Ты, кстати, видел, какое здесь небо? – спросил Нив. – Столько звезд! Я сам из Южного Хапура, и там по ночам видно звезды, но все-таки... ничего подобного. Даже близко! Иногда мне кажется, что только ради этого...

– Не знаю, – сказал Эвам. – Я местный и... Как-то я не особенно обращал внимания на звезды... Звезды видны уже рядом с морем, не так, как здесь, но... Вовсе не обязательно забираться в самую карпазу для этого.

– Наверное, ты прав, – рассмеялся Нив. – Просто... звездное небо напоминает мне о доме, наверное... Хотя дома я никогда не видел такого звездного неба.

Нив встал.

– Ты извини, – сказал он, – но что-то я совсем замотался сегодня, глаза закрываются...

– Доброй ночи, – сказал Эвам.

Нив уже уходил, но обернулся в дверях.

– Ты знаешь, – сказал он, – в первый полет всякое бывает. У меня вот тоже... Когда полетел в пояс ветров в самый первый раз, то метеорит упал так близко от вимана, что его аж волной песка накрыло. В общем... У нас ведь впереди еще две недели. Мы еще обязательно слетаем вместе.

– Слетаем, – согласился Эвам.

Они полетели вместе через три дня. Нив сам уговорил Ака-ра, который считался главным в их миссии, отпустить паренька, благо лететь им на этот раз предстояло не в пояс ветров, а всего на полсотни миль от станции, к обычному каменистому плато.

Виман, который должен был их забрать, сильно опаздывал.

Эвам нервничал, и его волнение передавалось Ниву. Нив даже пожалел, что не стал подробно расспрашивать Эвама о том, что же произошло во время его предыдущего полета в пояс ветров.

В пассажирском отсеке Нив сел, как обычно, у иллюминатора, а Эвам пристроился в конце отсека, там, где перегорела потолочная лампа, и почти скрылся в тени. Виман сразу показался Ниву знакомым. Кривое стекло в иллюминаторе забавно преломляло свет, и купол сто двенадцатой был вытянутым, как шпиль на абитинских башнях.

Пилот явно не спешил. Прошло несколько минут после того, как они устроились в отсеке, прежде чем корабль начал взлетать. Песок забарабанил по обшивке. Внезапно виман резко перевалился на правое крыло, и Нива впечатало в стенку, а Эвам, не успевший пристегнуться, чуть не вывалился из кресла.

– Виманас, – усмехнулся Нив.

– Что? – не понял Эвам.

– Пристегни ремни! – крикнул Нив, но его заглушил рев моторов.

Виман судорожно набирал скорость, Нив чувствовал спиной сильные ритмичные толчки. Он закрыл глаза. По крайней мере, этот полет будет недолгим.

Воздух в отсеке был спертным и теплым – дхаав едва работал, и Нив с трудом мог вздохнуть полной грудью. На лбу выступил пот. Нив вспомнил о своем первом полете в пояс ветров, шуточки и наставления Кханда, сошедший с ума компас. Теперь, всего пару недель спустя, ему самому нужно играть роль опытного товарища, а не уповать на чью-то помощь.

Град из песка лупил по обшивке так, будто они пролетали сквозь дюны. Наверное, «виманас» просто не набрал достаточную высоту. Но Ниву даже не хотелось открывать глаза, чтобы посмотреть в иллюминатор.

Мысль о том, что он теперь – самый опытный и главный, немного его испугала. Он еще не был готов отвечать за кого-то, он сам только что получил свое второе назначение в пески.

Нив вытер рукавом пот со лба.

Рев двигателей за спиной причинял ему почти физическую боль, а после каждого толчка и воздушной ямы он чувствовал, как к горлу подступает тошнота. Нив решил, что ему лучше пересест поближе к Эваму – там тряска не будет ощущаться так сильно, – и уже потянулся рукой к ремню безопасности, как весь виман задрожал и страшно накренился.

– Ниверт... – хрипло сказал Эвам.

Нив посмотрел на парня, пот застилал ему глаза.

– Мне кажется... здесь что-то не так, – сказал Эвам. – Я...

Лицо у Эвама было совсем красным и лоснилось от пота, но губы странно побелели.

– Я не могу дышать, – сказать он.

Нив попробовал вздохнуть, но раскаленный воздух в отсеке только обжег ему легкие.

– Постучи ему... там... – сказал Нив.

– Что? – не понял Эвам.

– Пилот! – крикнул Нив так громко, как только мог.

Эвам стал осматривать покрасневшими глазами дрожащие стены отсека и вдруг с ужасом уставился на прорезь в стене, из которой торчали оборванные провода.

– Здесь нет гиразы! – пробормотал Эвам. – Как же они...

Нив растегнул ремень и попробовал подняться. Он покачнулся, весь корпус корабля трясло. Нив с трудом удерживался за поручни в стенах.

Добравшись до другого конца отсека, Нив несколько раз ударил в переборку кабины кулаком. Руки его тряслись, и он сам не услышал собственного стука. Рев двигателей заглушал все. Нив ударил еще раз.

Эвам попытался встать, но пошатнулся и упал в кресло. Тогда он схватился рукой за поручень и вновь попробовал подняться.

– Что ты делаешь? – прохрипел Нив.

– Это, наверное... теплоотвод, – сказал Эвам. – Там есть датчик в стене... в щитке.

– Да...

Нив опустился на пол, чувствуя, что у него подкашиваются ноги – он бы не устоял при очередном толчке.

– Или дхаав. Или... да что угодно, ахи!

Нив стал осматривать пассажирский отсек в поисках того, чем можно было бы постучать в перегородку. Был только радар, привязанный к стене ремнями. Внезапно Нив почувствовал какое-то странное тупое безразличие. Делать ничего не хотелось. Эвам наверняка разберется. Он уже проверяет этот проклятый датчик теплоотвода, или очистителя воздуха, или как его там.

Нив закрыл глаза.

Он медленно проваливался в темноту, тело его было неведомым. Рев двигателей и даже чудовищная жара больше его не беспокоили.

– Да! Здесь... – слышалось откуда-то издалека. – Этот датчик давно уже... не работает. Даже непонятно... что отказало.

Нив уже не сопротивлялся сковывающей его слабости.

– Ниверт! Нив!

Нив попытался ответить, но губы не слушались его. Кто-то грубо встряхнул его за плечо. Над ним возвышался Эвам. Жилы на лбу у парнишки вздулись, а белки глаз покраснели.

– Мы можем как-то связаться с пилотом? – спросил Эвам.

– Стучать, – сказал Нив и показал рукой на переборку. – Это... Здесь нет гиразы... Этот корабль просто забыли списать.

Эвам смотрел на него с ужасом.

– Но почему пилот... Неужели он не видит?

– Может, у него тоже... не работает датчик...

Нив неожиданно рассмеялся, но смех его тут же сорвался на хрип.

Эвам обессиленно опустился в кресло рядом с ним.

– И что... – пробормотал он. – Мы ведь так долго...

– Нам лететь еще несколько минут, – сказал Нив. – Наверное... Еще совсем чуть-чуть...

Эвам снова встал, как-то неожиданно решительно и быстро, и стал барабанить в перегородку. Нив удивленно посмотрел на него, но потом поднялся тоже. Его покачивало, по лбу стекал пот, легкие обжигало при каждом вдохе.

Нив несколько секунд стоял, упираясь руками в переборку, по которой бил кулаками Эвам, потом медленно переместился к радару и, ухватившись рукой за поручень, стал отстегивать ремни, которыми голос был привязан к стене.

Удары Эвама теперь звучали все тише и тише. Парень уже рассадил себе в кровь кисти, но упорно продолжал бить.

Нив отвязал последний ремень, и контейнер упал, едва не придавив его к полу.

Нив чувствовал, что в любую секунду может потерять сознание. Руки его тряслись. Он встал на колени, чтобы вытащить радар из контейнера, но очередной толчок сбил его с ног. Ударов Эвама было уже не слышно.

Нив поднялся и ухватился обеими руками за огромные скобы замков. Сил у него не оставалось, он не мог даже разомкнуть металлические зажимы. Новый толчок опрокинул Нива на спину, а когда он смог подняться, то увидел, что замки наконец слетели, и ящик с радаром открылся. Одна из створок контейнера заскользила по полу и больно ударила его по ноге. Нив едва видел, темнота перед глазами сгушалась.

Он встал на колени, попробовал вдохнуть и, закашлявшись, обхватил фонарь и попытался повернуть его вокруг своей оси.

Фонарь едва сдвигался. Пружину заело, и она сопротивлялась Ниву с силой, в десятки раз превосходящей его собственную. К тому же потные руки постоянно соскальзывали с гладкого полированного металла. Нив уже почти ничего не видел. В ушах стоял гул.

Вдруг раздался отчетливый щелчок, и фонарь заклинило. Нив больше не мог его повернуть.

Он даже не понял, что произошло. Он попытался подняться, и тут что-то сильно ударило его в грудь и отбросило к стене. Раздался оглушительный грохот и лязг, весь отсек ослепила яркая вспышка, и Нив потерял сознание.

Он очнулся, когда пилот пытался поднять его с пола.

Дверь отсека была открыта. Перед ним простирались горящие на солнце пески.

Нив встал сам и, опираясь на плечо пилота, вышел из корабля. Дул, как ему показалось, прохладный ветер. Эвам стоял

неподалеку от вимана, согнувшись так, словно его рвало, и упираясь руками в колени. Нив отстранил пилота, сделал несколько шагов по направлению к ближайшей дюне и упал на колени.

Песок обжигал ему ноги через брюки, но он ничего не чувствовал.

По результатам этого инцидента было назначено расследование, которому даже присвоили пугающе длинный номер, намекающий на то, что подобные случаи не так уж редки в песках.

Впрочем, расследование не затянулось.

Нива только один раз вызывали в центральную и спрашивали в основном о разбитом радаре. Нив поначалу боялся, что его заставят возместить ущерб или даже сократят по какому-нибудь раздутому обвинению, но человек, который его допрашивал, не слишком-то и беспокоился о судьбе радара – как и о том, что, собственно, произошло в песках.

Нив даже не понял, чем завершилось расследование. Вроде бы, виман с отказавшей системой очистки воздуха наконец списали, но даже в этом Нив не был уверен. В награду за «компетентные действия, спасшие жизнь товарища» ему дали лишнюю неделю отпуска.

На этом все.

Ане Нив ничего не сказал, а огромный синяк на груди объяснил тем, что упал во время сильной тряски в вимане, забыв по неопытности пристегнуться. Зато когда он в следующий раз попал на одну станцию вместе с Кхандом, ему было о чем рассказать старику.

– А ты, я смотрю, вообще везучий парень, – сказал Кханд. – В первый раз мы с тобой едва ноги унесли, а теперь это. Я уж сколько летаю, а о таком и не слышал ни разу. Вот падение в песках – это да...

– Как бы мне не откинуться от такого везения, – сказал Нив.

– Надеюсь, оно у тебя не заразно, – усмехнулся старик и добавил: – Но вообще ты молодец. С радаром отлично придумал.

Кханд встал – чтобы взять еще одну бутылку воды – и, проходя мимо Нива, похлопал его по плечу.

– Что-то у меня... особое чувство по поводу тебя.

– В смысле? – не понял Нив.

Василий Воронков

– Ну... – начал Кханд. – Я вообще не шибко-то во все эти случайности верю... Интересная у тебя тут будет карьера, не сомневаюсь.

– Ну, спасибо, – сказал Нив.

– И все-таки, – продолжал Кханд. – Ты легко отделался. Неделю отпуска дали за то, что радар разбил... Везучий парень, я же говорю.

После этого разговора Нив начал считать дни, которые оставались до конца его первого года в песках.

На пятидесятый день он полетел в мекхала-агкати вместе с Кхандом. Нив даже поразился, что этот полет так совпал с его маленьким юбилеем, но Кханду ничего не сказал. Он был почти уверен, что снова увидит в поясе ветров падающий метеорит, но их полет прошел без происшествий, даже Кханд не слишком долго упрямылся, выбирая, где установить радар.

Сотый день был днем его возвращения в город. Нив сильно устал за проведенную в пустыне неделю. Он работал с Акаром и еще одним инженером, мужчиной средних лет, который тоже не отличался приветливостью. Их станция была глубоко в карпаразе, на сто семьдесят четвертой миле, и Нив едва не сошел с ума от жары. Он скучал по городу и по Ане. К тому же этот юбилей – ровно сто дней с первого назначения в пески – представлялся ему необычайно важным и, несмотря на усталость, он хотел даже предложить Ане сходить куда-нибудь вечером или просто прогуляться по улице перед тем, как зажгутся ночные огни, однако, вернувшись домой, он сразу лег спать.

Нив стал ловить себя на мысли, что частенько даже скучает по Кханду. Хотя старик постоянно сваливал на него всю работу, Нив был рад, когда узнавал, что следующую неделю ему предстоит провести вместе со своим косноязычным другом. Благодаря Кханду, пустыня переставала быть просто выжженной солнцем песчаной равниной, где едва работает радио и падают корабли. Когда Нив был вместе с Кхандом, пустыня приобретала смысл, пояс ветров пел, у каждой дюны было свое имя на гали, да и сам Нив как-то необъяснимо верил в то, что с ним ничего не может произойти. Ведь у Кханда по поводу него было особое чувство.

На сто пятидесятый день Нив снова оказался на одной станции вместе с Кхандом. Девяносто девятая. Нив все еще запомнил эти номера, как если бы они имели особенный смысл.

На сей раз никто не встречал его ни на посадочной полосе, ни на самой станции. Высокая песчаная коса за сверкающим куполом девяносто девятой накрывала густой тенью всю станцию. Дюна абхипрапад, подумал Нив, вспоминая о Кханде.

Девяносто девятая была пуста.

Нив достал из холодильника бутылку воды, зашел в ближайший отсек, бросил на пол свою тяжелую сумку, собранную вместе с Аной – множество якобы нужных вещей, которые совершенно не пригодятся ему за эти несколько удушливых дней – и, намочив руки водой, протер лицо.

Было еще только раннее утро, но после города казалось, что в пустыне стоит исступляющая жара. Нив даже несколько раз проверил дхаав в своем отсеке – тот случай в вимане так и не забылся. В похожем на иллюминатор окне виднелись одинаковые волны бледного песка, которые превращались в сплошное желтоватое полотно у горизонта. Нив попытался послушать радио, но даже промышленный приемник не смог поймать ни одной волны.

Кханд прибыл только час спустя – вместе с облаком песка и сухим пустынным ветром, каарой. Вместе с ним прилетели и два тяжелых потертых чемодана, которые старик, рахитично сгорбившись, еле выволок из вимана и бросил себе под ноги на песок. Нив, услышав рев вимана из своего отсека, выбежал встречать Кханда, и старик приветливо помахал ему рукой.

Пилот не стал дожидаться, пока они дотащат поклажу Кханда до станции, и начал взлетать – как во время срочного вызова, когда нельзя подождать и секунды.

Их накрыло волной песка. Станция на мгновение исчезла в облаке пыли, которая столбом поднималась в желтое небо.

Кханд ссутулился и, закашлявшись, поднял воротник своей куртки. Нив выругался, но Кханда почему-то совсем не возмутила выходка пилота. Они зашли на станцию.

– Из города? – спросил Нив, показывая кивком на чемоданы.

Кханд вздохнул.

– Да, две недели, – и тут же добавил, как бы оправдываясь: – Я бы и не улетал, но правила компании, понимаешь...

Василий Воронков

У Кханда в городе никого не было, и старик не слишком любил улетать на вынужденный отпуск. Нив вдруг подумал, что Кханду и правду лучше в бункере в песках, чем в общественной гармии, где до него никому нет дела.

– Ну... – сказал Кханд. – Когда мы в последний раз с тобой? Уже как будто абдаардха назад.

– Да? А у меня такое впечатление, что только вчера.

Кханд рассмеялся.

Они занесли его чемоданы в свободный отсек, но старик не спешил распаковываться.

– Ну, и как ты тут без меня? Уже подавал заявление?

– Увы. Только через полгода, – ответил Нив.

Кханд качнул головой.

– Что, раньше не дают? Придется тебе еще полгода отмотать.

– Это если переведут, – сказал Нив.

Их вылет в пояс ветров был запланирован на вечер.

Нив до сих пор не понимал, кто и как составляет расписание, почему они всегда отправляются в пояс ветров в разное время, однако спрашивать об этом Кханда не имело смысла – старик опять принялся бы травить свои фантастические байки, и Нив в итоге забыл бы, с чего начинался разговор.

– Что там у нас будет? – спросил Кханд, лениво зевая. – Двести тридцать шестая?

– Двести тридцать девятая, – сказал Нив.

– Ладно. – Кханд открыл один из чемоданов и вытащил затертый кожух с отвертками. – У нас еще куча времени.

Они долго разговаривали. Кханд заставил Нива пересказать чуть ли не все свои недавние полеты, вспомнить всех последних напарников и особенно долго допытывался об Акаре – так, что Нив даже не утерпел и спросил:

– А что, у вас была какая-то... история с ним?

– Да тут у всех друг с другом истории, – рассмеялся Кханд. Нив не стал уточнять.

Потом Кханд сказал, что ему нужно немного поработать до обеда, хотя наверняка собирался опять колдовать над янпаталой, и Нив вернулся к себе в отсек.

Нив пытался слушать радио – огромное, похожее на длинноволновую военную гиразу, – по которому передавали помехи, новости и сводки о полетах.

Эти отчеты, сухая статистика, которую зачитывал грудной женский голос, вызывали у него непонятную сонливость, однако он не мог придумать себе лучшего занятия – Кханд закрылся в отсеке, работы у Нива не было, а читать или спать не хотелось.

Близился полдень.

– Девяносто шестая. Два инженера. Вылет состоялся в десять ровно. Полет, согласно докладу пилота, длился час и тридцать шесть минут. Была успешно снята карта с юго-восточного сектора в четырнадцать милях от велаадры. Во время возвращения назад виман попал в небольшую зону турбулентности.

Нив покрутил ручку регулятора частоты, и сквозь нескладных вой помех пробилась резкая раздражающая музыка. Нив вернул приемник на прежнюю частоту.

– Сто двадцать первая. Три инженера. Вылет состоялся в десять двадцать шесть. Полет, согласно докладу пилота, длился час и восемь минут. Была успешно снята...

Нив никогда раньше не слушал сводки, он даже не понимал, зачем это передают по служебному каналу – безымянные инженеры, станции под строгими номерами, высчитанное с точностью до минут время полетов. В конце дня незнакомая женщина с приятным голосом расскажет и о сегодняшнем задании Нива – девяносто девятая, два инженера, вылет состоялся, полет, согласно докладу...

Нив подумал, что его полеты не закончатся никогда.

По радио передали последнюю сводку – виман вернулся на станцию всего несколько минут назад. Нив уже решил, что сейчас передача завершится, и по служебной волне начнется ровная невозмутимая тишина, однако женщина продолжила зачитывать статистику по второму кругу.

После обеда Нив проболтал с Кхандом почти до самого вечера. Старик показал ему усовершенствованную янпатулу, которая теперь заводилась длинной ручкой сбоку, и долго сокрушался, что они пока не могут ее испытать – ведь пластин с записями рельефа у них не было.

Ближе к вечеру Кханд захотел ненадолго прилечь, и Нив тоже решил немного отдохнуть в своей комнате. Он растянулся на узкой койке, даже не думая спать, но пришел в себя, когда Кханд уже барабанил в дверь – виман заходил на посадку.

Кханд настойчиво поторапливал Нива, однако они вышли из станции, когда у вимана еще работали моторы, и их снова обдало волной песка.

Ближе к закату жара начала спадать, а багровое вечернее солнце стало огромным из-за висящей в воздухе пыли. Нив сидел на своем привычном месте – рядом с узкой прорезью иллюминатора, в котором не было видно ничего, кроме песка.

Духота в отсеке быстро разморила его, он чувствовал, что начинает засыпать. Смотреть было не на что. Он уже видел все это сотни раз.

Кханд, решив приободрить товарища, снова начал рассказывать ему о своем первом полете в пояс ветров – в пятый или даже шестой раз. Нив старался делать вид, что слушает, но в действительности с трудом боролся со сном.

Вскоре он, и правда, начал засыпать. Тело его странно лишилось веса и медленно летело куда-то вниз, в бесконечную бессветную пустоту. Рев моторов вимана слился в ровный монотонный гул. По лбу Нива сползла капелька пота.

Нив вздрогнул и открыл глаза.

Он глубоко вздохнул, и воздух обжег ему легкие.

– А тебе не кажется, что здесь... – сказал он, повернувшись к Кханду, – немного жарко?

– Я уж думал, ты привык, – ответил Кханд. – Полгода ведь летаешь, – и добавил, заметив, как Нив недоверчиво нахмурился: – Всегда так.

Нив вздохнул и невольно покосился на щиток в стене, закрывающий датчик системы теплоотвода.

– Ну, видимо, мне просто нездоровится сегодня, – сказал он.

– Да я и смотрю, ты какой-то расслабленный, – сказал Кханд. – Я тоже вечерние полеты не люблю. Хотя и не так жарко, но... – Он странно улыбнулся и наклонился вперед, к Ниву: – Представляешь себе бурю в сумерки?

– Только не начинай, – сказал Нив.

Он снова закрыл глаза, но расслабиться уже не получилось – мешала тяжелая удушливая духота.

– Да, а вас сильно пожарило тогда, – неожиданно сказал Кханд.

Нив посмотрел на него, но ничего не сказал.

– Знаешь, – начал Кханд, – шансы того, что это произойдет снова...

– Да, да, я знаю, – перебил его Нив. – Равны нулю. Ты мне об этом уже говорил.

– К тому же здесь все работает, даже связь с пилотом, – сказал Кханд. – Совсем новенький виман. Лет десять летает, не больше.

Нив даже не понял, шутит он или говорит всерьез.

Стрелка на слепом компасе заходила по кругу – они были уже недалеко от пояса ветров. Корабль начал снижаться. Нив рефлекторно сжался, подготовившись к удару – не всегда пилотам хорошо удавалась посадка, – однако они на удивление медленно и мягко опустились в пески.

Виман приземлился рядом с невысокой скалой, похожей на обломок метеорита. Нив быстро нацепил черные очки, респираторную маску, сделал глубокий вдох через дыхательную мембрану и едва сдержал кашель.

– Ты как? – спросил Кханд.

Нив в ответ махнул рукой, и старик ударил по круглой металлической кнопке на стене. Похожая на изогнутый щит дверь стала со скрежетом подниматься.

Выбравшись наружу, Кханд встал рядом с кораблем, недобольно оглядывая песчаные холмы вокруг.

– Ты знаешь, на сей раз у меня нет совершенно никакого желания тащить этот радар ахи знает куда, – сказал Нив.

Кханд уставился на него блестящими стеклами своих огромных очков.

– Записать твою песню пустыни можно и здесь, – добавил Нив.

Кханд, немного помедлив, неохотно кивнул головой и вновь посмотрел куда-то вдаль, отвернувшись от Нива.

– А ты, видно, часто с летаешь с Акаром, да? – спросил старик.

Нив ничего не сказал и начал вытаскивать радар из пассажирского отсека. Кханд ему не помогал. По небу, оставляя за собой черный маслянистый след, пронесся метеорит и упал где-то далеко за дюнами – так, что не было даже видно поднятого фонтана песка.

Они установили радар и принялись ждать, когда он закончит работать, укрывшись в тени корабля.

Василий Воронков

– Что, ты исти куда-то? Неотложные дела? – спросил Кханд, заметив, как Нив непроизвольно поглядывает на свои неработающие часы.

– Ну... Не самое приятное место, чтобы провести вечер.

Кханд хмыкнул.

– А зачем ты их носишь, кстати?

– Не знаю, – ответил Нив. – По привычке.

– По привычке, – задумчиво повторил Кханд.

Они молчали до тех пор, пока радар не замер, уставившись своим ослепшим оком на неподвижные дюны.

– Все, можно возвращаться на нактаб-хояна, – сказал Кханд.

В этот раз у них было время, чтобы спокойно уложить радар в контейнер и отнести в пассажирский отсек корабля.

Виман начал взлетать. Нив снова не смотрел в иллюминатор.

– А ты изменился, – сказал Кханд. – Прямо как Акар...

– Я просто устал, – примирительно сказал Нив. – Завтра установим радар там, где хочешь. Можем хоть милю его тащить...

Старик вздохнул.

– А что у вас с этим Акаром? – спросил Нив. – Конфликт поколений?

– Да что с Акаром, ничего с Акаром нет, – как-то неохотно ответил Кханд. – Нормальный мужик. Был. Пока заявление не завернули.

Виман летел по течению ветра, и корпус корабля почти не трясло. Даже двигатели работали тише. Духота уже не так мучила Нива, дхаав, наконец, стал нормально работать, и Нив мог спокойно дышать. Однако его снова клонило в сон.

– Просто не всегда, – медленно проговорил Кханд, – не всегда получается так, как ты хочешь.

– Глубокая мысль, – усмехнул Нив.

– Ну, для некоторых, вроде твоего Акара, это так и есть.

Нив все же посмотрел в иллюминатор. Они пролетали над скалистым плато, уже смеркалось, и багровое солнце медленно утопало в песках.

– А что, это часто бывает? – спросил Нив. – Когда отказывают в переводе?

Кханд поморщился и стал приглаживать редкие седые волосы на затылке.

– Сложно сказать... – ответил он. – Некоторым отказывают, а некоторым не отказывают. Тут не угадаешь, по правде... Я к тому, что от того, как ты работаешь, это на самом деле зависит... не всегда.

– А меня уверяли, что год – и всё. И якобы никого тут насильно не держат. Переводят куда захочешь, по первому требованию.

– Гхат, бывает и так, – сказал Кханд. – Часто бывает, но... Ты пойми, тут, может, и нет какого-то заговора. Скорее всего, тех, кого есть куда переводить, переводят. Но так не всегда же есть.

– Наверное, – сказал Нив.

– Ну, отработаешь ты в худшем случае еще каких-нибудь полгода. Что изменится? Нир бхаяна!

– Акар здесь уже больше двух лет, – напомнил Нив.

– Ну, Акар... У него, считай, дайвагати такая... Люди обычно либо быстро отсюда уходят, либо остаются. И остаются они чуть больше, чем просто еще на один год.

– Остаются сами? – спросил Нив. – По собственному желанию?

Но Кханд ничего не ответил.

– А куда тебе спешить? – сказал он некоторое время спустя. – Нистыр куда? Обратно в город за столом сидеть? Дидитсу? Это, что ли, карьера мечты?

– Я десять лет просидел за столом и...

– И что? Вернешься туда снова?

– Не все так просто, – начал Нив. – Раньше я хотел вернуться домой, в Южный Хапур. Я говорил тебе. Но сейчас... Я думал, что, может, найду какую-нибудь позицию в городе, необязательно в бюро расшифровки... Что-нибудь другое.

– Да нет ничего другого, – сказал Кханд.

– Тогда будет... как все и было, – сказал Нив.

Пустыню в иллюминаторе медленно затягивала вечерняя тень.

– Я не Акар, – сказал Нив. – Но я и не ты. Я не смогу здесь работать всю жизнь... Сам же говорил про мою везучесть. Я просто... не создан для этого.

Кханд громко вздохнул.

– Почему? – спросил он.

– Что почему?

– Почему ты не можешь вернуться в Хапур?

Нив вдруг понял, что даже не помнит, рассказывал ли он Кханду об Ане.

– Я ведь не один живу, – ответил Нив. – Не все так просто.

– Ну, так возьми ее с собой.

– Она больна.

– Думаешь, не дадут разрешение? Ну, это в принципе решаемо, сам же знаешь.

– Дело не в разрешении, – сказал Нив. – У нее урахксата.

Даже в сумраке отсека было видно, как у Кханда вытянулось лицо.

– И ты никогда не говорил мне? – спросил старик.

– Ты извини, но я не очень люблю говорить об этом.

– Понимаю.

– Но я просто не могу оставаться здесь, – сказал Нив. – Я имею в виду, в пустыне, – тут же добавил он. – Я оставшиеся дни-то считаю, а еще год, еще полгода даже... Я этого просто не вынесу.

– Так часто бывает, – сказал Кханд. – Через полгода у многих такое. Поначалу от страха-то и подумать некогда, сплошной аадхи, а сейчас... Всё одинаковое, одинаковые полеты. Не пове-ришь, у меня так же было.

– Успокаиваешь? – хмыкнул Нив.

– Просто говорю то, что на самом деле... – сказал Кханд. – Ты знаешь, с пустыней все чувства взаимны. Чем больше ты ее ненавидишь, тем больше она...

Его заглушил рев двигателей – они попали в воздушную яму, корабль резко перекосило, и Нив от неожиданности охнул и всплеснул руками, ухватившись за поручень в стене.

Так закончился стопятидесятый день.

После этого Нив перестал считать. Ему начинало казаться, что с каждым новым днем его перевод не становится ближе – как если бы время изменило свой ход и пошло в обратную сторону или, напротив, застыло, точно стрелки сломавшихся часов. Никто не будет читать его заявление, обещанный год превратится сначала в пять, а потом и в шесть, восемь, двенадцать лет. Все закончится тем, что он просто умрет в песках.

Чувство времени постоянно подводило Нива, когда он был в пустыне. Часто время тянулось невыносимо медленно, и один день на станции в песках мог поспорить с целой неделей в городе, где порою кажется, что лишь несколько мгновений отделяют утренние сумерки от вечерних.

Остановившиеся часы Нива, которые он по-прежнему носил на руке, показывали вечный полдень.

Особенно тягостно становилось долгими вечерами на станциях, когда Нив сидел в тесном металлическом отсеке, уставившись в мерцающий экран или слушая радио – тусклый, смешанный с помехами голос из далекого города, за десятки миль от пустынного бункера, который медленно погребал песок.

Но потом, во время одного из полетов в пояс ветров, Нив вдруг понял, что с момента его назначения уже прошел почти год, и он может вновь написать заявление на перевод, на любую открытую, как учили его некоторые товарищи, позицию, чтобы не ждать, пока освободится желанная должность, продолжая медленно умирать в песках.

Кханду в тот день нездоровилось с самого утра, и старик всю дорогу молчал, уставившись невидящим взглядом прямо перед собой, словно у него неожиданно иссяк весь запас надоедливых историй – все было рассказано, выпита до дна последняя бутылка воды, – а они снова летят в мекхала-агкати снимать карту песков.

Нив смотрел в иллюминатор и думал, как ненавидит эти пески, всю эту мертвую бесконечную пустыню, которая сводит его с ума, эти исследовательские станции из цельного металла, даже Кханда с его вечными наставлениями и поисками того самого особенного места, где нужно установить радар.

Нив решил, что теперь, начиная с этого дня, все будет иначе.

Нет смысла подавать заявление, идти на очередное бесполезное собеседование, скрывая это от Аны, чтобы она не расстраивалась, когда ему придет неизбежный отказ. Это назначение стало для него испытанием, жестокой проверкой, и ему нужно лишь выдержать, не сдаться, отработать здесь еще год или два. Его быстрее переведут, если он вообще не будет писать никаких заявлений.

Эти мысли приободрили Нива. Он даже улыбнулся понуруму Кханду. Нив подумал, что вот так и заканчивается его первый

Василий Воронков

год, и что в следующий раз он обязательно оставит дома неработающие часы.

А потом Ниву стали сниться сны.

Он видел город, окутанный голубоватым свечением, бесконечные, странно преувеличенные его воображением высотные пути для скоростных поездов, которые поднимались в пустое черное небо над остроконечными крышами каменных башен. Он видел, как идет дождь, видел капли на иллюминаторе в корабле, который вырывается из исступляющего жара пустыни, поднимаясь над горячими потоками встречного ветра, и влетает в пронзительный холодный ливень, идущий уже множество дней подряд.

Однако он ни разу не видел во сне Ану.

Порою эти видения не отпускали его даже после пробуждения – когда по тусклым полоскам света между пластинами жалюзи было видно, что еще слишком рано вставать, и Нив не поднимался с постели, представляя себе дождь, город и огромные скоростные пути, зная, что в реальном мире его ждет только невкусная еда, скучный разговор и теплая вода из бутылок.

Это было похоже на сон, только Нив не переставал бодрствовать – он слышал шелест воздуховода, глухие металлические удары, которые доносились из технического отсека, но при этом видел город, неправдоподобно точно воссозданный по памяти, длинные тени на мостовых, серые улицы в начале пасмурного рассвета и дождь, столь редкий на этой выжженной планете, на который никто не обращает внимания.

И жизнь – движение скоростных поездов, опережающих ветер, черные виманы над каменными домами, толпы людей на станциях – продолжалась своим чередом. День только начинался, набирал свой ход, люди в поезде говорили все громче, шипели динамики, изрыгая бессвязную музыку и треск помех.

Постепенно все эти мысли вновь затягивали его в сон, но будил его не луч утреннего света, а Кханд, ворчавший, что уже пора вставать. Или кто-то другой.

Но особенно тяжело приходилось Ниву в последние часы на станции, когда он ждал прибытия вимана и уже не мог думать ни о чем, кроме того, что, наконец, вернется в город, домой, обнимет Ану, которая прижмется к нему так сильно, словно его не было несколько лет.

АНА

Виман летел над пустыней.

Иногда Нив сидел в пассажирском отсеке совсем один, чувствуя себя как заключенный, которого отвозят в участок, чтобы провести пристрастный допрос, а иногда вместе с ним в город возвращались и другие инженеры, но они редко разговаривали – все уже мысленно были дома, пустыня оставалась позади. От судорожного рева двигателей болела голова, корабль покачивался в потоках встречного ветра. Сумрачные дюны в узком проеме смотрового окна казались мелкой рябью на огромной песчаной равнине.

Виман всегда отвозил Нива в пески еще ранним утром, до начала исступляющей жары, а забирал вечером, когда уже смеркалось, и небо становилось багровым у горизонта.

С самых первых дней у Нива появилась традиция – в поздние сумерки, когда все обитатели станции уже спали, он выходил из бункера, чтобы посмотреть на ночное небо. Нив не надевал респираторную маску, а лишь обматывал голову полотенцем, как однажды показал ему Кханд. Он смотрел на звезды, на тысячи созвездий, которые в городе можно было увидеть лишь в музее планет.

Однако в последние дни Нив часто забывал о звездах и разглядывал синеватый мираж города вдалеке – если только его не посылали ближе к двухсотой миле, и свет города совсем не исчезал у горизонта.

Нив стоял под удивительным звездным небом и смотрел на ореол газового света над далекими песчаными холмами.

Он думал об Ане.

Она, наверное, уже спит, в городе давно наступил тот час, когда Ана даже не решается выходить из дома. Нив представлял себе сумрачную тишину их старого квартала, отключенную к ночи магистраль, по которой уже не ходят поезда.

Пустыня абхипрапад.

Нив начинал верить, что весь город, и правда, когда-нибудь будет погребен под песком.

Виман пролетал над изогнутыми навстречу ветра стенами, которые препятствовали движению песков.

Василий Воронков

Приближаясь к морю Анила, виман обычно снижался, хотя Нив никогда не понимал, почему. Он видел в иллюминаторе анильскую впадину, которая с высоты была похожа на глубокую черную бездну. Он видел высокие очистительные башни, таинственные и красивые в мягкой вечерней темноте, встречавшие виман пульсирующими огнями, как пустынные маяки. Нив думал, что Ана видела эти башни каждый день из окна в своей комнате, когда жила где-то на краю города, в позабытой уже уннам-лая.

Больше всего Нив боялся ветра – сильного, сухого ветра, который Кханд называл кааара – и того, что этот ветер нередко приносил вместе с собой.

Во время песчаной бури автоматически закрывались жалюзи на всех окнах в бункере – даже смотреть над клубящийся вихрями песок считалось скверной приметой. Буря могла продолжаться несколько часов. Нив при этом часто вспоминал о том, как Ана рассказывала ему о пустынном дожде, который видела в детстве. Но сам он никогда не видел такой дождь.

Нив сидел в полумраке.

После того, как захлебывалась упредительная сирена, включался режим экономии энергии, и потолочные лампы приглушались, светили вполсилы. Нив сидел в полумраке и слушал истошный вой урагана и шум песка, который стремительными штормовыми волнами окатывал стены станции. Случалось и так, что буря длилась всю ночь, и гулкие металлические своды бункера мешали Ниву заснуть. Он опасался, что их полностью занесет песком, и утром они даже не смогут открыть двери.

Большинство напарников Нива боялись песчаной бури не меньше, чем он сам, и только Кханд как-то непонятно радовался любому ненастью и начинал травить свои повторяющиеся истории или рассказывал о том, сколько слов есть на гали для обозначения песка.

Виман иногда подбрасывало в воздушных потоках, корабль сильно кренился, а затем резко переваливался на другой бок – пилот, пытавшийся восстановить равновесие, видимо, не всегда справлялся с управлением. Нив сжимал поручни так сильно, что

белели пальцы. Он вспоминал рассказы Кханда о падении кораблей в пустыне, вспоминал о своем собственном полете вместе с Эвамом.

Виман летел сквозь раскаленное течение пустыни.

Ниву хватало лишь одного слова. Даже нет – ему и вовсе не требовались слова. Какого бы цвета ни были пески, пустыня теперь всегда была для него одинаковой. Нив даже немного завидовал Кханду, который умел различать двенадцать видов песка.

Если они выходили вместе из бункера – вечером, когда спадала жара, – то Кханд обязательно рассказывал о песке, о дюнах, которым он всегда давал имена.

Ниву постоянно снилась его болтовня, и даже когда старик, разочаровавшись в нем, растерял часть своего красноречия, Нив все равно нередко видел во сне, как разговаривает с Кхандом, как они вместе идут куда-то, далеко от бункера, в самый разгар жары, и солнце печет их обмотанные тряпками головы, песок обжигает ноги через подошвы башмаков, но Кханд не замолкает ни на секунду, и они продолжают идти.

Путь обратно всегда был значительно длиннее. Нив не сомневался, что виман летит медленнее, чем раньше. Быть может, ему мешает переменчивое течение ветров, повернувшее вспять, прочь от города, чтобы не дать им вернуться. Быть может, пилот постоянно выбирает неверный маршрут, летит не на той высоте или просто не думает торопиться.

Виман снижался над анильским морем, проносился над его пустынными берегами, и Нив понимал, что впереди, уже совсем близко, его ждет сверкающий огнями город, но не мог ничего разглядеть в иллюминатор.

Кханд любил давать дюнам имена. Как будто безымянные пески пугали его, пустыня без имени теряла смысл.

Вот это песчаный холм называется Тапами, а тот, чуть дальше, широкий и низкий – Тапати. Кханд повторял несколько раз, опасаясь, что Нив перепутает названия. Тапати, тапами. Море безликого песка.

Небу, пустынному небу, Кханд тоже дал имя, Анасам, слово и небо было песком.

Когда Нив жил на станциях, ему часто снился Кханд с его болтовней, ожившие дюны и летящий в небе песок, даже город холодной и насквозь синей ночью, но он никогда не видел Ану.

Василий Воронков

Пролетев над опоясывающей город эстакадой, виман начинал снижаться.

Оставалось совсем немного.

По линиям внизу проносились поезда, сверкали маячки на высотных путях, можно было даже разглядеть спешащих людей на улицах. Нив вернулся в реальный мир, где песчаные бури не заносят песком дома, где не останавливаются часы, где можно дышать без респираторной маски.

Нив впервые увидел во сне Ану спустя ровно год после первого полета в пески, в ночь перед возвращением в город, когда он устал так сильно, что долго не мог заснуть.

До рассвета оставалось лишь несколько часов, а Нив все еще беспокойно ворочался в постели. Он пытался заставить себя уснуть, медленно и глубоко дышал, представляя длинные, уходящие в темноту коридоры, одинаковые дюны с тонким муаром песка, построенные по лекалу городские дома на бесконечной улице. Это помогало, но Нив все равно понимал, что на самом деле еще не спит. Он пребывал в странном пограничном состоянии, где-то на грани между бодрствованием и сном, когда монотонные дюны и коридоры вдруг сменились яркими и пронзительно-ясными образами.

Поезда проносились под ними, исчезая в сером тумане, рассекая тревожные ранние сумерки прожекторными фарами. Город под вечер задыхался в чаду, но все это было таким привычным и знакомым, и пустыня представлялась Ниву лишь болезненными наваждением, глупой выдумкой, потерявшей свой смысл в тот миг, когда он вернулся назад.

Ближе к центру поднимались одна над другой эстакады, и скоростные поезда расходились в воздухе, пролетая в потоках ветра. На мостовых толпились людей. Рабочий день подходил к концу, все возвращались домой.

Виман поднялся чуть выше, и улицы под ними слились в серое полотно.

Ниву снилось, что он уходит глубоко в пустыню, в самое сердце спящих земель, однако идет он не один, и не с болтливым стариком, рассказывающим о видах песка, а вместе с Аной.

Дышать там, где воздух становился непрозрачным от зноя, было нельзя без респираторной маски – Нив знал об этом во сне, но они все равно отправились в пустыню, не взяв с собой никакого снаряжения. Нив даже не стал надевать тюрбан, как учил его Кханд, но Ана обвязалась длинным серым платком, оставив открытыми только глаза, удивительные серые глаза.

Нив не знал, куда они идут, но был уверен, что их путешествие имеет значение куда большее, чем все его предыдущие полеты в мекхала-агкати. Позади медленно исчезал за высокими перекатами песка призрачный город.

Виман на несколько секунд завис в воздухе – Нив видел в иллюминаторе, как струится вокруг корабля жар от работающих двигателей, – и начал плавно снижаться над посадочной площадкой, медленно поворачиваясь вокруг своей оси. Корабль был объят кипящим воздухом. Теперь уже на мираж походил нечеткий городской ландшафт, дрожащий в окружающем их мареве. Нив представил, что, когда выйдет из корабля, снова увидит лишь пески.

Виман страшно покачнулся и замер, двигатели захлебнулись, и на несколько секунд в пассажирском отсеке погас свет – Нив сидел в темноте, едва разреженной тусклым светом из иллюминатора. Потом со стоном поднялась огромная дверь, и вместо песчаных дюн перед Нивом открылась посадочная площадка на крыше гармии и пустое серое небо.

Ноги вязли в песке, идти было тяжело. Воду с собой они несли в больших округлых флягах, похожих на древние сосуды для вина, однако пить было нельзя – им предстоял длинный путь, они должны экономить воду.

Из бункера они ушли вечером, когда уже смеркалось, но стоило им пересечь ближайшую дюну, как начало светать, словно там, в сердце пустыни, никогда не наступает ночь.

Часто после возвращения Ниву казалось, что за время его отсутствия в городе прошло несколько лет, отгремели пропущенные праздники красок, поднялись над улицами новые эстакады, сменилось расписание поездов, а Ана извелась от ожидания.

Он был на новой земле. Здесь все ему незнакомо.

Василий Воронков

Нив неуверенно переминался с ноги на ногу, стоя в плеве управления, перед дверями на улицу. Странное чувство никак не хотело его покидать. Когда он, вздохнув, уже собирался выйти на шумную мостовую, за спиной послышался чей-то крик:

– Ниверт!

Нив обернулся. Это была девушка из бюро, которая обычно раздавала корреспонденцию на проходной.

– Вот, вам пришло! – сказала девушка. – Только что принесли, еще не успели в ящик кинуть. А вы ведь не проверяете никогда.

И протянула ему конверт.

Нив взял конверт и несколько секунд просто держал его в руке. Плотная бумага, гербовая печать. Какое-нибудь распряжение, официальный документ.

– С удачным возвращением! – сказала девушка.

Нив спрятал конверт.

Смеркалось, на некоторых домах уже загорелись синие огни. После исступляющей жары песков вечерние улицы были промерзшими насквозь. Нива бил озноб, и он постоянно тер руками плечи. Небо без звезд вызывало неприятное гнетущее чувство – как будто он ослеп, разучился видеть то, что умели другие.

Ниву нужно было спешить.

Он знал, что Ана ждет его, что она не сможет заснуть, пока он не вернется. Раньше она порывалась встречать его на улице у центральной – на посадочную площадку ее все равно бы не пустили, – и Нив едва смог ее отговорить. Но, тем не менее, она каждый раз выходила из дома и стояла у дверей подъезда, вглядываясь в лица людей, которые шли от станции Нивартан – ей хотелось пойти навстречу, но она боялась, что они разминутся.

Конверт лежал во внутреннем кармане пиджака.

Они не говорили. Нив был необъяснимо уверен во сне, что разговаривать в пустыне нельзя. Быть может, из-за того, что тело теряет влагу, когда произносишь слова.

Они шли вглубь карпазы.

Ана смотрела на Нива своими удивительными глазами, она была так красива, несмотря на то, что лицо ее закрывала грязная чалма.

Ниву хотелось пить.

Нив быстро шагал к ближайшей станции хагаты. Голова у него была тяжелой от усталости. Возвращение из раскаленных песков в привычный мир всегда давалось ему нелегко, как если бы он прошел все это расстояние – десятки миль по испепеляющей жаре – пешком.

Но больше всего Нива беспокоил конверт, который ему вручили в центральной.

Он не знал, чего ему ожидать. Он не писал никаких заявлений, да и на работе последнее время не происходило ничего такого, что могло бы вызвать внимание начальства. Последний раз он получил такое письмо после того злоключения с Эвамом, когда они чуть не сварились заживо из-за отказавшей системы очистки воздуха в вимане.

Нив остановился и запустил руку в карман. Посмотреть сейчас? Но вместо этого спешно зашагал дальше.

Они понимали друг друга без слов. Он устал, ему хочется пить. Во сне ему не требовались слова, чтобы объяснить это.

Ана остановилась и удивленно посмотрела на него. Ее серые глаза.

Они же взяли с собой фляги с водой.

Но они идут в сердце пустыни, в самый центр спящих земель, где вечный полдень и никогда не идет дождь. Город уже скрылся за горизонтом, они уходят навсегда.

Фляги с водой.

Ана сняла с пояса похожую на кувшин флягу, вытащила с влажным скрипом пробку.

Нив уже чувствовал приятную холодную влагу во рту.

Ана продолжала смотреть на него – долгим непонимающим взглядом, словно он забыл о чем-то очень важном и теперь даже не понимает, в чем заключается смысл их путешествия в пески.

Как мог он забыть?

Ана медленно наклонила флягу.

Несмотря на толкучку на станции, Нив смог найти свободное место в вагоне.

Он сел и вытащил из кармана конверт.

Василий Воронков

Совсем тонкий, крепко умасленный клеем – так, что бумага у разреза даже сморщилась, как обожженная кожа. Нив подумал, что это может быть запоздалый ответ на одно из его старых заявлений – пересмотр решения спустя несколько лет. Он усмехнулся, но потом лицо его побледнело, и он поспешно спрятал письмо в нагрудный карман.

Он не хотел его открывать.

Поезд стремительно неся над улицами, и Нив даже начал бояться, что они пролетят мимо Нивартана, что уставший машинист забудет о его остановке.

Он заранее встал у дверей.

Оставалось совсем немного. Нив вслушивался в музыку, которая звучала из динамиков. Наконец раздалась знакомая заунывная мелодия. Поезд прибывал.

Ана медленно переворачивала флягу.

Нет, нет, что же ты делаешь, нам ведь нужна вода!

Ана смотрела на него с недоумением. Они уходят в пустыню навсегда. Города уже нет. Анильское море вышло из берегов.

Нив хотел остановить ее, перехватить у нее флягу, но не мог пошевелиться. Чувство влаги во рту сменила сухая ядовитая горечь.

И тут вместо воды из фляги посыпался песок, тонкие струйки песка, которые поднимал и уносил ветер.

Они уходят навсегда.

Ана не ждала его у подъезда, как обычно, и это немного испугало Нива, хотя он всегда просил ее не выходить из дома.

Нив поднялся в квартиру, открыл дверь.

Свет нигде не горел, радио на столе не работало, тихо шипел дхаав на стене.

Ана лежала на постели в одежде и – спала. Она часто и неровно дышала, лицо ее было призрачно-синим из-за света уличных фонарей, который падал в окно.

Нив снял куртку и повесил ее у двери. Сел за стол. Ана раньше никогда не засыпала до его прихода. Наверное, она так устала, что не могла бороться со сном. Нив подумал, что нужно все-таки разбудить ее. Она ждала его. Легла, даже не раздеваясь.

Потом он вспомнил про конверт.

Нив подошел к куртке, достал конверт и вновь почувствовал, что совершенно не хочет его открывать.

Нив не находил себе места.

Он прошел на кухню, закрыл за собой дверь и включил свет. Поставил на плиту чайник. Чашка крепкого хараса ему бы не помешала. Есть Ниву не хотелось, хотя раньше Ана всегда готовила что-нибудь к его приезду. Но он уже ужинал – на станции, вместе с Кхандом.

Нив уселся за кухонный стол и положил перед собой все еще запечатанное письмо. Оно чем-то отличалось от дежурных повесток и от тех официальных посланий с раздражающе вежливыми отказами, которые приходили ему раньше, но Нив никак не мог понять, чем.

Наконец он решил и распечатал конверт.

В начале письма его официально поздравляли с завершением первого года на текущей позиции, и Нив успокоился. Видимо, это просто традиция – посылать гербовые поздравления тем, кто умудрился не загнуться за год в песках.

Но потом он не поверил глазам.

«Этим годом завершается Ваше назначение. Мы рады Вам сообщить, что нами было принято положительное решение о переводе Вас в бюро радиопеленга в Южном Хапуре. Мы более чем уверены, что Ваши способности и опыт очень пригодятся в Южном Хапуре. Также, если по истечении первого года...»

В письме обещали какое-то повышение, но Нив уже не смог читать дальше. Письмо выскользнуло у него из рук. Нив чувствовал себя так, словно ему сообщили о смерти близкого человека, которого он собирался навестить.

Засвистел чайник.

Нив бросился снять чайник с плиты и обжег руку. Открыл кран над умывальником и подставил кисть под холодную струю воды. Боль почти не чувствовалась, руку приятно холодило. Но стоило Ниву закрутить кран, как ожог тут же заныл.

Нив вздохнул, поднял с пола письмо, сел за стол и попытался успокоиться. Забавно, ведь он получил то, чего много лет так ждал, однако теперь этот перевод пугает его куда больше, чем работа в песках.

Но ведь это ничего не значит. Никто не сможет заставить его вернуться в Хапур, если он сам того не желает. Он написал

Василий Воронков

последнее заявление несколько лет назад, когда еще не жил вместе с Аной. Ана не сможет с ним поехать. Они должны это понимать. Они не в силах его заставить. В конце концов он всегда может уйти из бюро.

Нив немного успокоился и решил все-таки заварить себе харас, когда за дверью послышался шорох.

Дверь приоткрылась, и в проеме показалась Ана.

– Ой, – сказала она. – Ты уже здесь... А я... Наверное, проспала...

Нив встал и обнял Ану. Она уткнулась ему в плечо, плечи ее чуть заметно вздрагивали – казалось, что она плачет. Они стояли так почти минуту.

– Ты ведь, наверное, давно здесь? – спросила Ана.

– Да нет, совсем недавно... Я только что приехал, – сказал Нив. Ана села за стол.

– А я прилегла... Думала, ненадолго, – сказала она. – А вот как получилось.

Ана вздохнула.

– Надо было меня разбудить, как только пришел.

– Да я только что пришел, – сказал Нив. – Даже раздеться не успел.

Ана снова вздохнула, но ничего не сказала.

– Хочешь харас? – спросил Нив.

– Да... О, ты же, наверное, голодный... Погоди, я...

Она поспешно встала из-за стола. Нив положил ей руки на плечи.

– Я не голодный. Я уже ел на станции.

Но Ана смотрела на него с недоверием.

– Мне правда совсем не хочется есть, – сказал Нив. – Я же тебе говорил, нас там кормят просто на убой.

Нив налил кипятка в обе чашки и достал с полки заварку.

– Как я все-таки рада, – сказала Ана и обняла его сзади за плечи. – Без тебя было так тяжело.

– Тебе было плохо?

– Нет, не в этом смысле... Все было хорошо. Эти уколы новые хорошо помогают. Просто мне было тяжело без тебя.

– Ничего, – сказал Нив. – Теперь я целую неделю дома.

Нив помешивал ложкой кипяток, толченые листья хараса кружились в вихре, налипая на стенках чашки. Ана снова села

за стол. Нив подумал, что ей, наверное, тяжело даже стоять на ногах. Может, предложить ей сделать укол?

– А у тебя-то все в порядке? – спросила Ана. – Как там... в песках?

– У меня была на редкость скучная неделя, – сказал Нив.

– И ничего-то ты мне не рассказываешь. Я даже подумать боюсь, что там на самом деле...

– Ну, как не рассказываю? – удивился Нив. – Но на этот раз и правда рассказать особо не о чем. Много работал. Летали в мекхала-агкати.

– А ты с кем там был? – спросила Ана.

– С Кхандом.

– А... Заболтал он тебя, наверное.

Ана сделала несколько глотков из чашки, харас был раскаленным. Нив продолжал думать о письме, которое лежало у него в нагрудном кармане.

– А ты чего не разденешься? – спросила Ана.

– Ой, да, – сказал Нив и поднялся. – Устал я, конечно, сегодня...

– Надо думать.

Нив вышел из кухни, снимая на ходу куртку.

– Все-таки как хорошо дома, – сказал он и вытащил из кармана письмо.

Надо было его куда-то спрятать. В стол? Нет, Нив почему-то не сомневался, что Ана обязательно найдет там письмо. Он уже стал открывать шкаф с одеждой, не совсем понимая, что собирается делать, когда остановился и посмотрел на книжную полку, где стоял его старый талмуд об орошении пустыни.

– Ну, ты где там? – спросила Ана. – Раздеваться совсем пока не надо.

– Иду, – сказал Нив.

Ночью Ниву приснился сон. Он снова – впервые за долгое время – видел Южный Хапур. Нив шел по улице, солнце отражалось в окнах домов, и ему даже приходилось прикрывать глаза рукой. Нив шел – и боялся обернуться.

Он почему-то думал, что за спиной его простираются пески, что все вокруг – знакомый квартал его родного города,

Василий Воронков

горящие окна домов, бледно-голубое облачное небо – исчезнет, как безумное видение, стоит ему лишь посмотреть назад.

Однако потом Нив понял, что он вовсе не в Южном Хапуре. Он дошел до конца улицы и увидел вдали песчаный берег анильского моря. Впадина была черной, как в сумерки, когда у нее не видно дна. Ветер поднимал тучи песка, небо вдруг потемнело у горизонта. Нив подумал, что теперь он уже не может повернуть назад, что теперь ему остается лишь идти навстречу буре.

Он проснулся.

Утром Нив проводил Ану до работы – выходные закончились, у нее были классы с самого утра, – и вернулся домой. Нив был рад, что остался один. Ему не придется притворяться, что ничего не произошло, что он просто устал после недели, проведенной в пустыне.

Вчера, перед сном, Нив думал, что сразу же, только проснувшись, поедет в центральную, напишет жалобу, новое заявление, расскажет всем, что ему не нужен никакой перевод, что он готов оставаться в песках.

Однако ехать в центральную ему не хотелось.

У него болела голова, лоб был горячим, как во время простуды, хотя последнюю неделю он провел на жаре. Нив решил ненадолго прилечь, однако дхаав едва работал, и ему стало еще хуже от духоты.

Нив вышел на улицу. Близился полдень, небо было пустым и серым, без облаков.

Ему хотелось поговорить с кем-нибудь. Он направился было в питейную неподалеку, но остановился, не пройдя и половины пути. Он боялся пить.

Солнце пекло его непокрытую голову. Нив подумал, что зря опять послушался Кханда и вышел в пустыню, не нацепив свой тюрбан из грязного полотенца. Старик знает, что говорит.

Над головой Нива с грохотом пронесся скоростной поезд, подняв волну едкой пыли, и Нив вздрогнул, точно очнулся от сна. Он огляделся по сторонам – эстакада, разрисованные арки жилых домов, уродливый металлический остов перрона вдалеке – и вдруг рассмеялся. Прохожие удивленно смотрели на него, некоторые даже с опаской переходили на другую сторону улицы, но Нив не мог остановиться.

Он не поехал в управление. Не поехал он туда и на следующий день. И на следующий тоже. Нив решил, что у него еще много времени, что нет нужды делать все впопыхах. Он всегда успеет отказаться. Они ведь будут только рады, что какой-то дурпта решил остаться в песках.

Так прошла вся неделя.

Ана ничего не заметила – или ничего не сказала. Под конец Нив чувствовал странную радость, что вновь улетает в пески, и стыдился этого. Но там, вдали от города, где даже оброненная капля воды тут же превращается в песок и нельзя дышать без респираторной маски, он сможет спокойно все обдумать. Там ему не нужно будет притворяться, не нужно будет ничего скрывать.

Нива в этот раз назначили на сто двадцать шестую – и опять вместе с Кхандом. Вылет в пояс ветров планировался только на третий день, а сразу после приезда Нива они полетели к каменистой равнине на юге, где Кханд даже не стал по своему обыкновению выбирать место для установки радара.

Они развернули голос рядом с кораблем. Радар начал ритмично отсчитывать секунды.

– Что-то случилось? – спросил Кханд.

Старик стоял спиной к Ниву, горделиво расправив плечи и делая вид, что изучает каменную гряду вдалеке.

– Да нет... – сказал Нив. – Даже не знаю.

– Не знаешь? – усмехнулся Кханд, и его респираторная маска захрипела.

Нив промолчал, и Кханд не стал настаивать.

По пути на станцию они молчали. Нив сидел, ссутулившись, погруженный в свои мысли. Узкий иллюминатор был залит желтым пронзительным светом.

– Нив!

Нив вздрогнул и поднял голову. Кханд показал пальцем на сигнальную лампу, которая часто вспыхивала пугающим красным светом.

– Что... что это? – удивился Нив. – Мы ведь уже должны были...

– Ахи его знает! – хмыкнул Кханд. – Скорее всего, нас немножко потрясет.

Нив рефлекторно схватился за поручень в стене.

– Да не бойся ты так! – рассмеялся Кханд. – Встречный ветер, наверное, сильный. И все. По протоколу, понимаешь, положено в таких случаях аварийку включать... Просто наши виманасы об этом обычно забывают... Не знают, видимо, где кнопка находится.

Нив кивнул, но так и не отпустил поручень.

– Да что с тобой сегодня? – покачал головой Кханд.

Корабль долетел до станции без происшествий. Кханд почти разочарованно посмотрел на сигнальную лампу, которая продолжала вспыхивать, когда они садились.

– Ну вот, – сказал он, – только понапрасну напугал нашего навака. Когда нужно, не включают. Когда не нужно...

Навака. Нив уже выучил, что это слово означает «новичок».

Весь оставшийся день Нив провел в своем отсеке, работы у него хватало, однако он постоянно отвлекался и делал ошибки. Нив хотел рассказать о своем переводе Кханду, но в то же время боялся того, что может насоветовать ему старик.

Вечером Нив вышел в гаандхарва-заалу, где уже сидел Кханд, закинув ногу на ногу и скушаяще позевывая.

– Ну как, поработался? – спросил Кханд.

– Не хочешь выйти прогуляться? – сказал Нив.

Кханд качнул рукой – дескать, почему бы и нет, – и тут же водрузил на голову тюрбан, словно только и ждал, когда появится Нив и предложит выйти из бункера. Сам же Нив долго возился, как навака, которому предстоит первая прогулка по поясу ветров. Он даже начал надевать респираторную маску, хотя в этом не было никакой нужды, и Кханд остановил его, потечески положив на плечо руку.

В пустыне начинались сумерки. На небе горели первые звезды. Ветер был тихий, как ослабшее дыхание, и уже не обдавал жаром, как днем.

– Я получил письмо о переводе в Южный Хапур, – сказал Нив. – Так неожиданно...

Кханд остановился и посмотрел на Нива, нахмурившись. Его загоревшее обветренное лицо было морщинистым и старым.

– Я никаких заявлений не подавал, – добавил Нив. – Ничего не делал. Они просто прислали сами. Как будто... Даже не

знаю. Я получил письмо неделю назад, прямо в тот день, когда вернулся.

Кханд ничего не говорил.

– Южный Хапур, – сказал Нив, – это город, где я...

– Да помню я, – перебил его Кханд.

Старик взял его за руку и потащил за собой.

– Пойдем.

Они пересекли посадочную площадку и так далеко ушли от станции, что ее сверкающий купол скрылся за пологими дюнами. Хотя дневная жара начинала спадать и солнце на затянута пылью небе медленно гасло, растворяясь в песке, по лбу Нива струился пот. Он быстро выбился из сил и даже пожалел, что не взял с собой воды. Во рту у него пересохло.

– Вон там.

Кханд наконец остановился и показал куда-то рукой. Ветер усилился, и с гребней высоких дюн перед ними поднялись волны песка. Ниву пришлось отвернуться, прикрывшись рукой, чтобы пыль не попала в глаза. Он не сразу заметил темноту, которая поднималась от горизонта.

– И как ты это понял? – удивился Нив. – Ведь на станции...

– Есть приметы, – усмехнулся старик. – Вот отработаешь тут с мое... – и замолчал.

Нив продолжал смотреть на растущее черное облако вдалеке. Казалось, что спустя сотни лет непрерывного полдня в сердце мертвых песков наступает ночь.

– И это придет к нам? – спросил Нив.

– Вряд ли. Судя по направлению ветра... – Кханд поправил тюрбан на голове и взглянул на Нива. – Да и в любом случае, чего нам бояться? Пропустим полет утром, если разойдется. Тус, тоже мне атьяхита.

– Ну да, – сказал Нив и подумал, что ему совсем не хочется вновь оказаться на станции во время бури. – Вернемся к бункеру? А то этот ветер...

– Погоди немного.

Кханд сощурился и стал всматриваться в поднимающуюся над горизонтом темноту, потом качнул головой, прикрыл рукой лицо – видно, пылинка попала ему в глаз – и повернулся к Ниву.

– Так что, – спросил он, – тебя можно поздравить, или?..

Василий Воронков

– Ты ведь знаешь, что я... не могу, – сказал Нив. – Когда-то я бы, наверное, свихнулся от радости, получив такое назначение... Но, честно говоря, я не понимаю... почему. Почему именно сейчас? Я не подавал никаких заявлений, ничего. Тому же Акару отказали в переводе, а мне...

– Их никогда не поймешь, – сказал Кханд. – Кого переводят, кого не переводят – сиди да гадай... Хотя был у меня один знакомец, так вот он говорил, что лучший способ добиться перевода – это не просить о нем.

Летящая в воздухе пыль стала закручиваться вихрями, черное облако вдали выросло в размерах, и Ниву даже послышался гортанный рев бури.

Они повернули обратно, к станции.

Кханд придерживал рукой тюрбан. Выпроставшийся лоскут бился на ветру.

– Я думаю отказаться. Попрошу не переводить. Не знаю, получится или нет. Может, ты как-нибудь поможешь?

– О чем речь, – сказал Кханд. – Но бхраанти помощь-то не потребуется. Не тот случай. Не припомню, чтобы кого-то насильно переводили из песков. Тус, я бы не беспокоился.

– Думаешь? – с сомнением спросил Нив.

– Это не будет проблемой, нир бхаяна. Я и сам, конечно, слетаю в центральную, посмотрю, что там да как. Если чего нужно там – рассказать, какой ты важный и незаменимый, – то без проблем.

– Спасибо.

– Нану, – сказал Кханд, – Вот только не там ты проблему ищешь... Отказаться от перевода? А что потом будет, решил? Дадх они тебе перевод, когда ты надумаешь все-таки?

Они подошли к станции, Нив остановился на посадочной площадке, с которой волнами поднималась песчаная пыль. Ветер бил ему в спину.

– Ну, может, я, как и ты... Всю жизнь здесь.

– В прошлый раз ты другое пел, – сказал Кханд. – А теперь? Готов остаться в песках навсегда?

– Навсегда... Не знаю. Думаешь, если я сейчас откажусь, меня никогда не переведут?

Кханд пожал плечами.

– А ты сам как думаешь?

Нив молчал.

– Немногие на самом деле остаются абхила-сита в пустыне, так что тут... никогда не угадаешь... Но если ты решил – я рад. Вот только... ты решил?

– Я же говорил тебе, – сказал Нив. – А что у меня остается? Я же не могу просто бросить ее здесь... Разрешение на переезд ей не дадут. И даже если... Она просто не переживет этот полет.

– Так значит дидитсу...

– Слушай, – раздраженно сказал Нив, – я не понимаю гали, я же тебе...

Но Кханд как будто не слышал его.

– Могу я быть с тобой откровенным? – спросил он.

Нив удивленно посмотрел на старика и кивнул головой.

– Твоя женщина... – начал Кханд. – Я помню, раньше с урахксата и до двадцати не доживали. Сейчас, конечно, все иначе, но вылечить-то ее все равно не вылечат...

Нив ждал.

– Сколько ей еще осталось?

На секунду Нив возненавидел этого уродливого морщинистого старика, стоящего перед ним с таким видом, словно постиг незыблемую мудрость пустыни и знает людей не хуже, чем свои пески, когда сам так привык к жизни на станциях, что боится даже возвращаться в город.

– А сколько осталось тебе? – сказал Нив. – Или...

– Ну, я еще не так уж и стар, – усмехнулся Кханд. – И у меня нет урахксата... Ты извини, – добавил он, – я не хотел тебя задеть. Просто... ты ведь сам наверняка думал об этом...

Кханд снова начал поправлять тюрбан – серое полотенце, которым он обмотал голову, почти развязалось и постоянно сползало ему на лоб.

– Может, зайдем все-таки? – сказал Кханд. – Ахи мы вообще выперлись сюда? Особенно перед началом бури...

Они вернулись на станцию. Нив сел напротив окна, Кханд начал готовить харас.

– Сколько бы ни осталось... – начал Нив.

Кханд замер и обернулся.

– Я откажусь, – сказал Нив. – И не важно, к чему это приведет. Пустыня так пустыня. Я уже привык.

Василий Воронков

– Ну что ж, – сказал Кханд. – Я рад. Можешь считать, что ты прошел посвящение. Теперь ты настоящий житель пустыни.

Старик усмехнулся, и было непонятно, всерьез он говорит или нет.

– И чем же я настоящий? – спросил Нив.

– Ты остаешься здесь по собственной воле.

Никогда еще неделя в пустыне не длилась так долго.

Каждое утро, просыпаясь в своей комнатке, где безостановочно работал дхаав, Нив был уверен, что ему всю ночь снились удивительные красочные сны, но он забыл их в тот самый миг, когда открыл глаза.

А потом корабли отвозили его вместе с Кхандом в пески. Встречный ветер поднимал песчаные бури, их кидало в воздушных ямах так, что у Нива даже остались синяки от ремней на груди, но ни один пилот больше не включал сигнальную лампу.

От рева двигателей по-прежнему закладывало в ушах, но Нив все равно упорно садился рядом с иллюминатором, у переборки, за которой ревели огромные турбины. Он снова стал с интересом рассматривать пустыню, и ему даже казалось, что теперь он узнает отдельные места – горную гряду, кратер, оставшийся от метеорита, высокие дюны. Тапати, Тапами. Он уже не новичок, он прошел посвящение и выучил язык песков. Он остается здесь на всю жизнь – вместе с Кхандом.

Нив решил, что напишет заявление – отказ от перевода – в тот же день, когда виман отвезет его в город. Больше нет смысла тянуть. Кханд поможет ему, если потребуется, хотя Нив уже и сам не сомневался, что его без проблем оставят в песках. Он откажется от перевода, и уже не будет нужды о чем-то рассказывать Ане.

Она так и не узнает, что с ним произошло.

В ночь перед возвращением домой Нив долго не мог уснуть.

Во всем, верно, был виноват терпкий харас, который онпил перед сном с Кхандом, когда старик увлеченно рассказывал ему свои пустынные истории – как в первые дни их знакомства.

Нив лежал на жесткой постели и представлял Ану.

Она, должно быть, уже давно спит в пропитанной синей мглой комнате. Письмо с извещением о переводе так и лежит промеж страниц книги об орошении песков. И почему он положил его

туда, почему не взял с собой? Как будто он был уверен, что из всех его книг эту Ана никогда не откроет.

Нив вдруг понял, что в действительности ничего не решил. Сколько ей еще осталось? Ниву стало тяжело сдерживать слезы.

Он оделся и вышел в гаандхарва-заалу. Было лишь несколько часов до рассвета.

День, когда виман отвезет его в город.

День, когда он согласится на пожизненное изгнание в пески.

Дидитсу.

Нив замотал голову полотенцем – по привычке, ведь была уже глубокая ночь – и вышел в пустыню.

В первую секунду он подумал, что все еще спит.

Он испуганно озирался по сторонам, решив, что это один из тех снов, удивительных и ярких, которые всегда забывает после пробуждения. Но он не спал. Нив несколько минут стоял, не двигаясь, оцепенев от восторга и ужаса, а потом рассмеялся.

В пустыне шел снег.

Крупные снежинки кружились на легком ветру, падали на бледно-желтый песок и тут же исчезали, растворялись в песчаной пыли.

Нив вдруг подумал, что именно этого он и ждал все время, пока летал в пески. Он почувствовал странное умиротворяющее спокойствие. Все уже было решено. Он не в силах изменить что-либо.

Вернувшись в свою комнату, Нив сразу заснул.

Когда виман вез Нива в город – он улетел, так и не попрощавшись с Кхандом, бросив старика в песках, – то от бывшего спокойствия уже не оставалось и следа. Нив думал, что должен поговорить с Аной. Он расскажет ей обо всем в этот же вечер, он не будет тянуть.

Нив даже представлял, как начнет этот разговор, какими будут его первые слова, но Ана снова ждала его у подъезда – она выглядела уставшей, даже больной, но в то же время счастливой.

Нив обнял ее. Они стояли под массивным коробом очистителя рядом с подъездом, который обдавал их горячим воздухом, напоминающим ветер пустыни.

Нив ничего не сказал. Ана заснула, прижавшись к нему. От нее пахло лекарствами и медицинским шаром.

Василий Воронков

На следующий день, отправив Ану на работу, Нив вышел из дома и сел на поезд на ближайшей станции. Он попал в самый час пик, в вагоне было не протолкнуться, но Нив не мог оставаться дома, не мог просто ждать ее возвращения.

Он поехал на окраину – туда, где завершалась скоростная магистраль.

Близился полдень, когда Нив брел по пустынной улочке мимо старых заброшенных домов. День выдался жарким, воздух пах песком и солью. Казалось, что, встав посреди улицы и приложив козырьком ладонь, можно увидеть всю пустыню, до самого края – там, где небо становится песком.

Ветер поднимал легкие облачка пыли.

Нив подумал, что так он прощается с пустыней – пусть даже вскоре ему предстоит полететь на станцию вновь, и последнее назначение еще не близко. Именно сейчас, именно в этот миг он понимает, что не вернется. И Нив впервые почувствовал, что будет даже тосковать об этих мертвых песках.

Пустыня была повсюду – в городе, за горизонтом, в его жизни с Анной.

Нив провел весь день на южной окраине, а вечером поехал встречать Ану. В поездах опять была давка, приходилось расталкивать других, чтобы просто втиснуться в переполненный вагон, где голова начинала болеть от духоты, сумбурной музыки и навязчивого гомона разговоров. Нив поражался, как люди в таком шуме могут понимать или даже просто слышать друг друга.

На некоторых зданиях уже начинали загораться вечерние огни, и Нив волновался, что опоздает. На последней станции ему пришлось пробиваться через огромную толпу, заполонившую перрон. Толпа пыталась толкать его обратно в поезд, не пускала к Ане.

Ана ждала Нива у видая-лая.

Она заулыбалась, увидев его. Ана как бы говорила, что совсем не расстроилась из-за его опоздания – главное, что он здесь, что он пришел. Однако, когда Нив приблизился, то вместо того, чтобы обнять его, прильнуть к его груди, Ана нахмурилась и обеспокоенно посмотрела ему в глаза.

– Что-то случилось? – спросила она.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Виман летел над пустыней.

Нив редко разговаривал с другими пассажирами – с него хватало чужих историй. Достаточно было лишь приветственного кивка, дежурной улыбки. Никто и не навязывался на разговор. Молчание, мысли о доме – все это было частью возвращения из песков. Корабль плыл в потоках раскаленного воздуха, повторяя плавные изгибы дюн, точно пилот лишь учился управлять виманом над пустыней. Все пассажиры молчали.

Но в этот раз Ниву хотелось поговорить. Заканчиваются его последние дни. Сколько таких поездок ему осталось? Нив даже стал с интересом слушать надоедливые истории Кханда, которые старик успел рассказать уже по множеству раз.

В вимане рядом с Нивом сидела худенькая девушка – совсем юная, едва успевшая закончить акаара-лая. Она была красива, но совсем не так, как Ана. Ее кожа в полумраке отсека казалась совсем смуглой, как если бы девушка всю жизнь провела в песках. Девушка заметно волновалась, крепко держалась за поручни кресла и боялась даже посмотреть в иллюминатор. Виман слегка покачивало на воздушных волнах.

– Первый раз? – спросил Нив.

– Да нет... – улыбнулась девушка. – Уже пятый. Ретрансляторы, профилактика, – добавила она, объясняя. – Просто на сей раз довольно далеко. А я не очень люблю летать.

– К этому быстро привыкаешь, – попытался успокоить ее Нив. – Меня тоже поначалу немного трясло на этих полетах. Просто ветер сейчас очень сильный...

Девушка снова улыбнулась и чуть заметно кивнула.

– Правда, иногда, – зачем-то добавил Нив, – бывает и похуже.

Девушка взглянула на него, но промолчала. Нив подумал, что стал вести себя, как Кханд – осталось только рассказать какую-нибудь историю о песчаной буре, а еще лучше о песке, обо всех его двенадцати видах. Но все эти истории уже были рассказаны.

– Пятый полет, значит? – спросил Нив.

– Да, – сказала девушка. – Чуть больше месяца назад все это началось. Впрочем, я... Меня все равно скоро переведут.

Нив хотел рассказать ей о том, как долго в пустыне ждут переводов, но не стал.

Василий Воронков

– А ты когда-нибудь видела, как в пустыне идет снег? – спросил он.

Виман начал сбавлять ход, снижаясь над высокими барханами, но Нив решил, что ему это только кажется. Путь обратно всегда длиннее – таковы законы пустыни.

– Кстати, меня зовут Ниверт, – сказал он. – Или просто Нив.

– А я – Анурати, – ответила девушка.

– Красивое имя, – сказал Нив.

Девушка улыбнулась и наконец решилась посмотреть в иллюминатор.

Белые пески отражали свет вечернего солнца и, стоило лишь ненадолго задержать взгляд, как глаза переставали различать очертания проносящихся дюн, и казалось, что все вокруг корабля заливают яркое безжизненное свечение.

– Снег в пустыне? – спросила Анурати. – Это вообще возможно? Ну, то есть... я имею в виду... Наверное, это очень необычное зрелище.

– Да уж, – согласился Нив. – Словами не опишешь.

– Вы видели, да? Это было ночью?

– Да, если достаточно холодно и... ну, сама понимаешь, то, что могло стать дождем, становится снегом. – Нив вздохнул. – Вот и получается – пески, звездное небо и снег.

Анурати покачала головой.

– Даже представить себе такое не могу.

– Ну, в таком случае у тебя... – Нив нетерпеливо качнул рукой, пытаясь подобрать нужные слова. – Это, пожалуй, самое удивительное, что тут есть. Самое...

Анурати кивнула.

Разговор не клеился. В пассажирском отсеке было довольно душно, хотя, кроме них, летели только двое мужчин, которые сидели, одинаково ссутулившись и закрыв глаза, точно качка и рев двигателей нагоняли на них сон. Одного из них Нив даже знал – они ни разу не работали вместе на станциях, но часто встречались на пассажирских кораблях, которые отвозили их домой. Мужчина запомнился ему из-за своей необычной внешности – он был высоким, тощим и лысым, с торчащими скулами и впалыми глазами, как у больного. Вроде его звали Кандазаака. Нив помнил, как кто-то обращался к нему по имени. Впрочем, сами они никогда не говорили.

Нив вздохнул и тоже закрыл глаза.

Путь домой всегда длиннее, они летят против течения ветра. Но даже с закрытыми глазами Нив видел перед собой пески – бесконечное полотно пустыни. Нив пытался представить город – вечерние улицы, раскрашенные стены высоких зданий, прожекторные огни поездов, но перед ним все равно возникала лишь упрямая бесконечная пустыня. Дома становились дюнами, тротуары обращались в песок – Нив безнадежно терял власть над своим воображением. Пустыня угрожающе надвигалась на него, и Нив никак не мог от нее избавиться.

Он открыл глаза. Анурати нервно ерзала в кресле. Иллюминатор заливала белизна.

– Душно здесь, – сказал Нив, расстегивая верхние пуговицы рубашки. – Я один раз попал так... В корабле отказал дхаав, и мы чуть не изжирились.

– Вы специально пытаетесь меня испугать?

– Нет, извини, – сказал Нив.

Наверняка духота ему только кажется. Совсем уже скоро они прилетят. Совсем уже скоро он увидит то, что никак не может представить, когда закрывает глаза – вечерние улицы, огни на эстакадах, пронсящиеся поезда.

– А это правда? – спросила девушка.

– Что? – не понял Нив.

– Правда, что вы...

Она не договорила. Лампа в другом конце отсека внезапно вспыхнула красным и стала часто мигать.

– Драапа! Только этого не хватало! – раздался возглас слева.

Девушка испуганно уставилась на лампу.

– Да не волнуйся, – поспешил заверить ее Нив. – Это ничего не значит. Просто потрясет немного. А может, и вообще ничего не будет.

Анурати попыталась улыбнуться.

– Собственно говоря, он уже давно должен был ее включить, – сказал Нив. – Судя по тому, как нас кидало.

Девушка кивнула головой, но Нив заметил, как она крепко сжала пальцами подлокотники кресла.

Виман тряхнуло – корму резко подбросило, а затем весь корабль накренился, потерял равновесие и грузно повернулся набок.

Кто-то вскрикнул.

Василий Воронков

Нив непроизвольно взмахнул руками в попытке ухватиться за что-то, и в следующее же мгновение чудовищная сила отбросила его к стене, как безвольную куклу. Нив разбил о настенный поручень кисть – боль на секунду обожгла его руку – и повис на ремне безопасности, тисками обхватившем его грудь.

Анурати сжала губы, сдерживаясь, чтобы не закричать.

Корабль начал выравниваться, но все еще стремительно терял высоту. Лампа заливала весь отсек истерическим красным светом. Нив попробовал оттянуть здоровой рукой ремень, все еще сжимавший его грудь.

Они просто попали в воздушную яму. Такое уже случалось. Беспокоиться тут не о чем. К тому же они наверняка недалеко от анильского моря.

Разбитая кисть сильно болела. Лампа продолжала гореть.

– Что все это... значит? – произнесла девушка дрожащим голосом. – Мы... мы что...

Нив уже собирался успокоить ее, сказать, что в пустыне случается и не такое, но в этот момент раздался истошный аварийный сигнал.

Анурати с надеждой посмотрела на Нива, но тот уже и сам не понимал, что происходит. Виман продолжал снижаться – корпус корабля дрожал, двигатели истошно ревели. Пески стремительно надвигались на них. Нив уже видел в иллюминаторе, как из-за ветра, поднятого их кораблем, вздымаются в небо песчаные волны.

Ему стало страшно.

Виман падает. Орет сирена, разрывающая барабанные перепонки, из-за аварийной лампы все в глазах точно залито кровью, и никто не говорит ни слова – все онемели от ужаса.

Нив закрыл глаза.

Пустыня никогда не отпустит его. Даже если он выживет при крушении. Десятки миль безжизненных дюн. Еще одна история Кханда.

Удара не было.

Пилот умудрился выровнять виман уже над самыми барханами и, зависнув в облаке едкой гари и пыли, посадил корабль прямо в пышущее пекло песков. Несколько секунд виман еще содрогался от конвульсивной вибрации двигателей, как

будто пилот никак не мог их заглушить, но потом во всем отсеке отрубился свет, и наступила тишина.

Нив заметил, что один из пассажиров – полноватый мужчина средних лет – прижимает к голове потемневший от крови платок. Сидящий напротив него Кандазаака, потный, с темными кругами вокруг глаз, пытался снять с себя заклинивший ремень и что-то тихо бормотал.

Кто-то должен был открыть отсек. Электричества нет, придется поднимать дверь вручную.

– Да, вот это... – сказал Нив. – Такого еще не случалось.

Анурати сидела, крепко вцепившись руками в подлокотники, сжавшись от напряжения, словно ее сковал паралич.

– Где мы, драапа? – спросил мужчина с разбитой головой. – Какая это миля?

Девушка вздрогнула, очнувшись, и стала ошалело оглядываться по сторонам.

– Мы сели, – сказал Нив, ни к кому не обращаясь. – Всё в порядке. Наш пилот молодец.

– Сели да толку?! – послышался крик. – Здесь сколько до моря?

Заскрипели двери. В открывшемся проеме показалась вечерняя пустыня, в отсек потянуло жаром. Внутрь зашел пилот – в черной громоздской маске, которую он, наверное, забыл снять – и, задержавшись на несколько секунд у дверного проема, побежал к мужчине с разбитой головой.

Кандазаака наконец справился с ремнем и встал, упираясь руками в стену. Ноги у него дрожали. Анурати продолжала сидеть, не двигаясь. Пилот склонился над мужчиной с разбитой головой.

– Драапа, да где мы... – сказал Кандазаака, остановившись у открытой двери корабля.

Лысина его влажно блестела, а руки были тощими и сухими – сплошные кости, обтянутые дряблой кожей. Кандазаака что-то пробормотал на гали и вышел из вимана. Нив тоже поднялся на ноги.

– Куда вы? – испуганно спросила Анурати.

Нив обернулся к девушке.

– Мы ведь еще в карпаразе? – Губы у нее были почти белыми, а лицо болезненно побледнело. – Далеко от города, да?

– Я... посмотрю, – неуверенно сказал Нив.

Спускаясь, Нив услышал, как начал стонать мужчина с ра-
ной на голове, но не обернулся.

Нив встал рядом с виманом, глубоко вдохнул и почувство-
вал, как жар обжигает легкие. Всего через пару часов сядет солн-
це, и в пустыне станет холодно – так, что даже дождь может
превратиться в снег, – однако пока еще кожа горела от пекла.

Нив не мог разглядеть очертания города. Было безветрено,
но, судя по песчаной дымке над дюнами вдалеке, это затишье
обещало продлиться недолго.

Они приземлились у подножия высокого бархана, тень от
которого теперь накрывала виман. Нив не видел никаких по-
вреждений на корпусе, однако на крыше вимана поблескивали
сигнальные маячки.

Кандазаака по-прежнему стоял у входа, согнувшись, упира-
ясь руками в колени. Больше никто не выходил.

Нив вернулся в пассажирский отсек.

Анурати наконец оправилась от шока и подошла к мужчине
с разбитой головой. Пилот стоял рядом с ней и что-то объяснял,
нервно покачивая руками – сильный встречный ветер, двигате-
ли потеряли тягу, произошла рассинхронизация. Анурати спро-
сила, смогут ли они снова взлететь, и Нив подумал, что уже знает
ответ. Кисть сильно болела.

– Но связь работает, – сказал пилот. – Так что всё... Я вы-
звал спасательную команду – они будут здесь совсем скоро.

Он так и не снял свою маску.

– Всё... не так страшно, – продолжал пилот. – Самое глав-
ное, что мы смогли сесть.

Ниву захотелось поблагодарить пилота – ведь если бы не
он... ведь только благодаря ему... их жизни... ведь это почти
подвиг, посадить неисправный виман в пески... – но все, о чем
он мог подумать, звучало так пафосно и вычурно, как будто он
собирался произносить торжественную речь.

– Скоро – это как? – спросил Кандазаака, объявившийся
в дверном проеме. – Сомневаюсь, что мы протянем здесь долго.

– Мне сложно сказать... точно, – ответил, запинаясь, пилот. –
Мы довольно далеко от ближайшей... Но я послал сигнал, они
могут нас обнаружить, и обычно... Я уверен, – добавил он, – что
спасательная команда уже летит...

– Я спрашиваю ведь не просто так. Я... – Кандазаака показал рукой на пустыню позади себя. – Скоро здесь перестанет быть так тихо.

– Я знаю, – сказал пилот. – Я видел. Надеюсь, они придут раньше. Я включил сигнальные огни, так что нас заметят... надеюсь. А если ветер усилится и... Мы всегда можем переждать здесь.

– Но дхаав ведь не будет работать? – спросил Нив.

Анурати испуганно взглянула на него и тут же отвернулась. Пилот вздохнул.

– Боюсь, что нет, – сказал он. – Дхаав не работает от аккумулятора. Да и если бы работал... Заряд остался небольшой, а мне нужно держать включенным тревожный сигнал.

– У вас было когда-нибудь такое раньше? – спросил мужчина с раной на голове, морщась от боли.

– Нет, боюсь, что... Наверное, я достаточно хороший пилот, и виман еще ни разу не разбивал.

Пилот, наверное, хотел пошутить, но голос его в респираторной маске был сдавленным и хриплым.

– Вы и сейчас его не разбили, – сказал Нив.

Анурати склонилась к мужчине, который прижимал к голове скомканный платок.

– Скажите, – спросила она, – а у вас есть бинты?

– Да, конечно, – сказал пилот и показал пальцем на переборку кабины. – У меня там... Я сейчас...

Пилот направился к выходу из отсека. Кандазаака отодвинулся, пропуская его.

– Спасибо вам, – неожиданно сказала Анурати.

Пилот обернулся и кивнул головой.

Нив несколько минут стоял, глядя на то, как девушка аккуратно стирает платком кровь рядом с раной на голове мужчины, а потом тоже вышел из вимана. Он почти столкнулся с пилотом, который нес черную металлическую коробку со складной скобой на крышке, выполнявшей роль ручки. Такие же аптечки были и на станциях в песках.

– Вы... – выдохнул пилот. – Только не уходите далеко от корабля. Здесь, конечно, не пояс ветров, но все же... И эта буря...

– Да, конечно, – сказал Нив. – Я буду недалеко.

И тут же зашагал прочь от вимана.

Василий Воронков

Обогнув высокую дюну, Нив опомнился и остановился. Виман оставался где-то позади, На темно-синем прозрачном небе уже начинали появляться первые звезды.

Ана.

Скоро она выйдет на улицу и будет ждать его у подъезда. На стенах домов зажгутся синие огни, последний поезд пронесется по эстакаде, а она все еще будет стоять под обшарпанным коробом очистителя, взглядываясь в лица редких прохожих.

Ветер усиливался.

Песчаная пыль струилась у Нива под ногами. Следы за его спиной, ведущие к кораблю, уже почти растаяли на песке. Нив посмотрел на сумрачные дюны вдалеке, над которыми поднималась темная тяжелая буря, и быстро, насколько мог, зашагал обратно к виману. Ноги его увязали в песке.

Голову инженеру, который расшибся при качке, перевязали, и криво намотанный бинт напоминал странный головной убор, как будто созданный специально для пустыни. Пилот принес бутылку воды и помогал перевязанному мужчине пить. Металлическая аптечка лежала на полу, теперь уже никому не нужная. Анурати села в кресло рядом с иллюминатором. Кандазаака по-прежнему стоял у входа.

Забираясь в отсек, Нив случайно задел правой рукой за дверной проем, и кисть тут же свело от боли. Он совсем забыл про ушиб. Нив бережно обхватил разбитую кисть здоровой рукой и прижал к груди, как во время молитвы. Вся ладонь странно потемнела, точно на ней выступили темные трупные пятна.

– А с вами все в порядке? – спросил пилот, обернувшись к нему. – Вам не нужна помощь?

– Нет, нет, все в порядке, – сказал Нив. – Просто ушиб. Не думаю, что мне нужна перевязка.

Нив сел на прежнее место, рядом с Анурати, которая напряженно смотрела в иллюминатор, хотя там не было видно ничего, кроме ближайших дюн.

Мужчина с перевязанной головой уснул или потерял сознание – тело его обессиленно повисло на ремне безопасности, а голова чуть заметно вздрагивала при каждом вдохе. Пилот стоял посреди пассажирского отсека, зажав металлическую аптечку под мышкой.

– Он сильно расшибся? – спросил Нив.

– Я не врач, – ответил пилот. – Обычный ушиб. Мне кажется, не слишком сильный. Но, может, было сотрясение, хотя... Он ведь не терял сознание?

Пилот вздохнул, коснулся рукой респиратора и тут же отдернул кисть – видимо, он только сейчас понял, что забыл снять маску.

– Думаю, все обойдется, – сказал пилот.

– А он, кстати... – начал Нив. – Он не сказал, как его зовут?

Пилот покачал головой.

– Рохин, – сказал Кандазаака. – Я с ним работал как-то на станции, где-то полгода назад.

– А я Ниверт, – сказал Нив.

Они все представились.

Анурати последней назвала свое имя – тихим и неуверенным голосом, как будто едва могла его вспомнить.

Пилот еще несколько минут постоял в отсеке, наблюдая за неровным и слабым дыханием Рохина, а потом сказал, что вернется в кабину, попробует еще раз связаться со спасательной командой, и вышел.

Дверь отсека по-прежнему была открыта.

Ветер заносил в виман белую песчаную пыль. Нив подумал, что через несколько дней виман полностью занесет песком.

Анурати что-то тихо произнесла и отвернулась от иллюминатора.

– Все будет хорошо, – ободряюще сказал ей Нив. – Мы легко отделались. Связь работает, нас скоро заберут... Я-то часто летаю к поясу ветров, вот если там упадет виман... А здесь, считай, мы почти на берегах анильского моря.

– Да не сказал бы, – подал голос Кандазаака.

Он сел рядом с Рохином, скрестив длинные тощие ноги.

– Пока ты на прогулку ходил, – продолжил Кандазаака, – пилот рассказал, как он садился. Мы с курса неплохо так сошли. Пилот говорит, что тут миль сорок до моря, но, извини, я уже давно в пустыне... Тут далеко не сорок. Ни города, ни стен – ничего не видно.

– Может, тут местность такая, – предположил Нив. – Дюны слишком высокие. Мы с девяносто второй летели и... Думаю, половину-то мы пролетели точно.

Василий Воронков

– Не похоже это на сорок, – повторил Кандазаака и недовольно покачал головой.

– Скажите... – начала девушка. – А вы...

– Что? – спросил Нив.

– Вы думаете, что пилот и вправду смог связаться с городом? За нами прилетят?

– Ты считаешь, он нас обманывает? – сказал Нив. – Даже на девяносто второй работала рация...

– На станции, – уточнил Кандазаака. – Там немного другие передатчики.

– И что, вы тоже?..

– Да нет, – Кандазаака махнул рукой. – Хотя не знаю. Но тут все же не мекхала-агкати и...

Нив вдруг представил, как пилот пытается связаться с центральной, но слышит в наушниках только настойчивый треск помех и завывание, похожее на шум ураганного ветра, прямо как в мертвых песках.

– Посадка у нас была мягкая, – начал рассуждать Нив. – Как на перины сели. С чего бы рации не работать?

– А они не должны были уже прилететь? – спросила Анурати.

– Уверен, что скоро... – сказал Нив.

Он сглотнул. Горло у него пересохло. Нив встал и подошел к железному контейнеру на стене рядом с дверью. Дверца была закрыта.

– Вода? – спросил Кандазаака. – Пилот говорил, что в корабле запасов нет.

– Как нет?

– А вот так и нет. Видимо, выпили все, – Кандазаака неприятно осклабился, лицо его все лоснилось от пота. – Есть лишь одна бутылка, у пилота. Половина бутылки. Это вся наша вода.

– Да, тут и правда начнешь верить, что рация не работает.

– Ну, это несложно проверить, – сказал Кандазаака.

– А толку? Пешком мы все равно не пройдем – что сорок миль, что десять. Да и без воды к тому же. Остается только ждать.

– Но как в корабле может не быть воды? – спросила дрожащим голосом девушка.

– Видимо, они считают, что полеты по этому курсу безопасны, – сказал Кандазаака.

– У меня иногда возникает впечатление, что кто-то там явно хочет нашей смерти, – сказал Нив.

Девушка побледнела и вновь сжалась в кресле.

– Да не бойся ты, – усмехнулся Кандазаака. – От жажды мы точно не умрем.

– Почему? – спросила Анурати.

Кандазаака показал ей на песок, занесенный ветром в пассажирский отсек.

– Но мы ведь можем закрыть эту дверь, так?

– И вот тогда мы точно не умрем от жажды, – повторил Кандазаака.

Нив закрыл глаза.

Еще несколько минут назад ему не хотелось пить, однако теперь он чувствовал неприятную сухость в горле. Сколько они протянут здесь без воды? Пять, десять часов? Впрочем, Кандазаака прав – сейчас им стоит беспокоиться вовсе не о жажде. Дхаав не может работать от батарей, и с того момента, как им придется закрыть дверь...

– Все это... разговоры, – сказал Нив. – Хватит уже девушку пугать. Нас заберут отсюда задолго до того, как все это станет проблемой.

– А сколько... – начала Анурати. – Как вы думаете, когда они прилетят?

– Спасатели? – Нив задумался. – Если мы действительно в сорока милях...

– Что маловероятно, – перебил его Кандазаака.

– Если мы в сорока, – продолжил Нив, – то, думаю, не больше, чем через час. Мы немного сбились с курса – это известно. Им придется прочесать сектор... наверное, миль пять в диаметре, – Нив придумывал цифры на ходу. – Но сейчас сумерки, это отчасти нам на пользу. Будет хорошо видно сигнальные огни.

– Но, мне кажется, мы здесь уже час как минимум, – сказала Анурати.

– Сложно сказать, – ответил Нив. – В таких ситуациях время тянется очень медленно.

Он повернулся к Анурати.

– Не нужно себя накручивать. Это... В общем, это практически обычная ситуация в песках. Считай, боевое крещение.

Василий Воронков

Даже без воды мы протянем здесь достаточно долго. Маяки работают. Нас найдут.

– Хорошо.

Анурати улыбнулась, ей и правда стало немного легче.

Нив снова закрыл глаза и попытался расслабиться. Оставалось только ждать, больше они ничего не могли сделать.

– Как ваша рука? – спросила Анурати.

Нив посмотрел на потемневшую ладонь. Боли он уже не чувствовал – пока не пытался согнуть пальцы.

– Не думаю, что это серьезно, – сказал он. – По крайней мере, от этого я точно не умру.

– А вы давно летаете в пустыню? – спросила девушка.

– Год, – ответил Нив.

– Наверное, год тут считается очень много.

– Не так, чтобы очень, – вмешался Кандазаака. – Я летаю уже лет пять, а есть и такие долгожители...

– Ну да, – согласился Нив. – Я знаю одного человека, который работает здесь всю жизнь.

Сигнальные маяки отбрасывали красные отблески на покатые волны песка вокруг корабля. Дверь была открыта, и Нив чувствовал теплый ветер на своем лице. Песок как будто скрипел у него на зубах.

– Всю жизнь, – тихо произнесла девушка. – Это же...

– Ну, ему очень нравится здесь. Для него это практически работа-мечта... Кстати, он говорил, что не раз падал в пески.

– Правда? – спросила девушка.

– Кханд много чего говорит, – с непонятым раздражением сказал Кандазаака. – Если, конечно, я правильно понял, о ком ты.

– Я ему верю, – сказал Нив.

– Ну, верь. – Кандазаака кашлянул и сплюнул на пол. – Я вот пять лет летаю и не падал ни разу.

– А я летаю год и чуть не сварился заживо, когда в корабле очиститель накрылся.

– Ладно, – сказал Кандазаака. – Что сейчас перетирать-то? Теперь вот все упали. Год, месяц – не важно.

Анурати вновь начала нервничать – она заламывала руки и напряженно смотрела в открытую дверь, через которую ветер заносил песок.

– Да заберут нас, заберут, – примирительно сказал Кандазаака. – Чего не забрать-то? Поваримся тут, конечно, малость.

– Меня ждут, – сказала Анурати. – Я уже давно должна была прилететь.

Всех ждут, подумал Нив.

– И могло же такое случиться... Вы летали целых пять лет и...

– Просто нам не повезло, – сказал Нив.

Скоро их заберут. Скоро все это закончится. Он уговорит Ану остаться завтра дома – ведь он получил боевое ранение, ему требуется уход, – и они проведут вместе весь день. А потом...

Продолжало смеркаться, усиливался ветер.

Песок барабанил по обшивке корабля. Скоро придется закрыть двери, и они окажутся в полной темноте, без работающего дхаава.

Нив почувствовал, что начинает засыпать.

– И как могло такое случиться! – спросила Анурати.

– Что-то случилось? – спросила Ана.

Нив совсем не хотел ее напугать. Он и не думал, что она заподозрит о чем-то. Но ведь уже не было никакого смысла откладывать этот разговор.

– Что-то случилось?

Вечернее солнце окрашивало стены зданий в цвет песка из спящих земель. Десятки очистителей, уродовавших пыльный фасад видая-лая, дышали на них жаром.

– Да нет, ничего страшного, – выдал из себя Нив. – Просто я...

Каара. Сухой ветер пустыни. Респираторная маска Аны издавала протяжное шипение с каждым вдохом.

– Просто я... – сказал Нив.

Он вспотел, пока пробирался к Ане через толпы на станции. Ему хотелось пить. Да и непринужденная прогулка по окраине странно измотала его, Нив устал даже больше, чем после долгого дня за сотой милей, недалеко от пояса ветров.

– Все в порядке, – сказал Нив.

В порядке. Порядок. Одинаковые дюны, одинаковые дни. Улицы, которые отличаются друг от друга только цветом орнамента на фасадах домов. Тапати, тапами. Так легко ошибиться.

– Все в порядке.

Ана смотрела него с непониманием. На улице стало душно под вечер, воздух насквозь пропитался песком. Они медленно шли по тротуару, навстречу спешащей со стороны хагаты толпе.

– Так в чем же дело тогда? – тихо спросила Ана.

Низкое вечернее солнце было багровым, как в пустыне перед началом бури. Сейчас поднимется ветер и занесет улицу красным песком.

– Ты не хочешь зайти куда-нибудь? – сказал Нив. – Посидели бы, поговорили. А то мне, честно говоря, очень хочется пить.

Холодные напитки – подсластитель добавлен по вкусу.

А в вимане почти не оставалось воды. Без света, без воды, с закрытой наглухо дверью. Они будут ждать спасателей, пока буря заметает их песком. Пока Ана ждет его у подъезда.

– Если ты хочешь о чем-то поговорить, – сказала Ана, – говори лучше сразу.

В ее голосе чувствовались отстраненность и холод. Она отвела от Нива глаза.

– Не то чтобы... – сказал Нив. – Я просто хотел посоветоваться по поводу работы. Там все стало... очень непросто.

Непросто.

Сказать об этом непросто.

Они уходили все дальше, вниз по улице, в сердце пустыни, где дышать можно лишь в респираторной маске.

Уже совсем стемнело, и лишь призрачно белели в широком дверном проеме высокие дюны. Они были в сорока, быть может, в пятидесяти милях от большой стены, от берегов анильского моря – если запастись водой, которой у них не было, если надеть респираторные маски, как у пилота, закрывающие все лицо, если все время идти, не останавливаясь и не оглядываясь, то был бы шанс, вероятность, которую можно подсчитать математически, вывести на основе формулы из температуры воздуха, собственного отчаяния и протяженности пути, шанс, что сможешь добраться до города.

Если, конечно, вода во флягах не превратится в песок.

Вечер был истошно желтым, как будто в воздухе и правда висела песчаная пыль. Улица тонула в этом тумане. Слышались крики, топот, шум поездов. Они медленно шли вниз по тротуару.

– Так что у тебя произошло? – спросила Ана.

Нив не знал, что ответить.

– Ты же знаешь, – сказал он, – я работаю в пустыне уже год. Столько обычно и длится назначение. В общем... я никогда и не думал работать там дольше. Однако... оказалось, что все не так просто.

Непросто. Просто. Просто скажи.

– Тебя не хотят переводить? – спросила Ана.

Видая-лая позади них уже скрывало знойное марево, поднимавшееся от тротуара, и здание стало похоже на пустынный мираж.

– Хотят, – сказал Нив, – но... Варианты перевода... вряд ли устроят нас обоих...

Ана остановилась.

– О чем ты? – тихо произнесла она.

– Я думал, меня вернут на старую позицию... Или даже с повышением. Год пройдет – и я вернусь обратно. Все просто. Но оказалось не совсем так. Оказалось, многие там годами добиваются перевода... В общем, выбирать не приходится, и я...

Нив запнулся. Он почувствовал, как у него трясутся руки, и засунул их поглубже в карманы брюк. Ана смотрела ему в глаза. Прохожий случайно толкнул ее в плечо, но она даже не обернулась.

– Я боюсь, моя работа в пустыне продлится дольше, чем я думал, – сказал Нив.

Ему показалось, что Ана улыбается.

– Не страшно... главное, что мы... – сбивчиво произнесла она. – Я уже даже привыкла ждать твоего возвращения каждую неделю. И привыкла, что ты приходишь меня встречать.

В вимане кто-то застонал. Наверное, это Рохин. Но Нив не видел, не открывал глаза.

Пустыня. Дюны.

Нет, вечерний город. В воздухе стоит пыль.

Они остановились с Аной прямо посреди улицы, поперек толпы.

– Все в порядке, – сказала Ана.

Она снова улыбнулась – у глаз появились тонкие лучистые морщинки.

Василий Воронков

– Ты правда не хочешь никуда зайти? – спросил Нив. – Боюсь, из-за моего опоздания мы сейчас в самую толчею попадем. Ждать поезда долго придется.

– Сколько... сколько времени уже прошло? – слышался голос, тусклый и едва различимый, доносившийся издалека.

– Где пилот?

В лицо Ниву полетела песчаная пыль, и он еще сильнее зажмурился.

Нет, пилот не виноват. Он сделал все, что мог. Связался с центральной. Наверное, их просто не могут найти – аварийные огни на вимане слишком тусклые, их медленно заносит песком.

Сколько времени уже прошло?

Час. Нет, гораздо больше. Ана, наверное, все еще ждет его у подъезда. Уже горят синие ночные огни.

Ана.

Нив смотрел, как она медленно снимает свою респираторную маску; казалось, каждое движение причиняет ей боль. Они зашли в икавезман, целый городской квартал под искусственным стеклянным небом, где сотни дхаавов создавали особенную атмосферу с тонким ароматом духов, озона и подслащенных напитков. Но даже здесь было шумно илюдно. Высокий потолок с густыми разводами грязи едва пропускал солнечный свет, и повсюду горели электрические лампы.

Ана.

Сняв маску, она закрыла глаза и глубоко вдохнула. Кожа у нее на лице – рядом с висками и у крыльев носа – была красной от раздражения. Ана посмотрела на Нива и улыбнулась. Нив подумал, что теперь, когда она без маски, когда перед ним настоящая Ана, он решится сказать ей правду.

– Зайдем куда-нибудь? – спросила Ана.

– Да... Как хочешь, – сказал Нив.

Он уже забыл, что несколько минут назад его мучила жажда.

– Устала сегодня? – спросил Нив.

– Да, есть малость. Слишком уж много занятий за один день... Сад мне, кстати, предложил уменьшить нагрузку. Чтобы я вела только вечерников.

– Вечерников?

– Да, подготовительное. Всего пару занятий в неделю – и все. Но я не знаю... Как будто... Я же говорила, что, если не буду работать...

Ана разволновалась. Она часто вздыхала, лицо ее покраснелось, а глаза влажно блестели.

– Я не буду вести только вечерников, – сказала Ана.

– Конечно. Если хочешь, я могу поговорить с этим Садам...

– Да нет, он понимает. Просто...

Ана остановилась.

– Просто раньше он не предлагал мне ничего подобного. Почему сейчас? Я себя отлично... – Ана не договорила. – Я себя чувствую как раньше. Ничего не изменилось.

– Да не бери в голову, – сказал Нив.

– Да, пожалуй.

Они медленно шли между рядами торговых отделов. Большинство магазинов уже были закрыты, но повсюду горел свет.

– Хорошо, что ты предложил зайти, – сказала Ана. – Толкаться в хагате мне совсем не хотелось.

В поездах в это время толпы людей, дхаавы не справляются, нечем дышать. Поезда несутся навстречу сухому сильному ветру, песок баранит по их обшивке. В окнах, под эстакадой, простирается бесконечное полотно песка.

– Ты знаешь, – сказал Нив, – мне так не хочется снова возвращаться туда, в пустыню.

Ана замерла. Оборвались голоса людей, поблек электрический свет. Все вокруг медленно тонуло в темноте.

Нив не спал.

В вимане было темно, хотя дверь пока еще не закрыли. Нив вдруг подумал, что ему изо всех сил нужно бороться со сном. Сон равнозначен смерти. Спать в потерпевших крушение кораблях запрещено – это та самая мудрость, которой Кханд за был с ним поделиться.

Нив осмотрелся.

Рохин сидел на прежнем месте, повязка на его голове сбилась на бок, на бинте проступил темный неровный след крови. Рохин не спал, его глаза поблескивали в темноте. Больше никого в отсеке не было.

Нив поднялся на ноги.

Василий Воронков

Рохин странно вздрогнул и что-то пробормотал на гали, уставившись на Нива.

– Что? – спросил Нив. – Я не понимаю.

– Сколько мы уже здесь? – повторил Рохин. – Я очень хочу пить.

– Воды совсем мало, – ответил Нив. – Но я спрошу у пилота и... Извини, я не знаю точно, сколько прошло времени. Я сам отрубился... ненадолго. Думаю, они скоро должны прилететь.

Рохин ничего не сказал, но продолжал смотреть на Нива.

Нив вышел из корабля.

Анурати и Кандазаака стояли вместе с пилотом рядом с кабиной. Пилот наконец снял маску, но Нив не мог разглядеть его лица. Аварийные маячки на крыше все еще горели. Дюны под ночным небом были почти белыми, отражая свет звезд.

Ветер немного ослаб, и Нив воодушевился.

– Кажется, погода переменялась в нашу пользу, – сказал он, подойдя к кабине.

Но пилот в ответ лишь покачал головой.

– Я думаю, это временно. Судя по... – Он показал пальцем в темноту. – Я думаю, скоро здесь будет сильная буря.

– С чего вы так решили? Ветра нет...

– Я могу ошибаться, и, по правде, этого не было в наших погодных картах, но я думаю... – Пилот замялся. – Мне кажется, просто меняется атмосферный фронт и...

– Но это не значит, что будет буря.

– Там, – повторил пилот, снова указывая куда-то рукой, – там уже начался шторм. Это тридцать, может быть, сорок миль отсюда... Но, как я уже сказал, я могу ошибаться... Просто я уже видел раньше такое.

– И сколько у нас времени? – спросил Нив.

Пилот пожал плечами.

– Не знаю. Я не уверен.

– А центральная? Вы с ними связались? Почему еще нет спасательного корабля?

– Связь накрылась, – вмешался Кандазаака.

– И это еще один знак, – добавил пилот.

– Но ведь они должны были уже давно прилететь, да? – спросила Анурати. – Мы здесь уже так долго, а вы говорили, что до города всего около сорока миль...

Пилот прикрыл ладонью глаза.

– Я объяснял, – сказал он. – Я сбился с курса. Когда двигатель потеряли тягу, мы сошли с маршрута и... Квадрат поиска может быть довольно большой. Я не попадал в такие ситуации раньше, но... вряд ли стоило надеяться, что они прибудут через час.

– А если нас совсем не смогут найти? – спросила девушка.

– Сигнальные маяки будут работать еще долго, – сказал пилот. – Не нужно паниковать понапрасну.

Они молчали несколько минут.

– Как там Рохин? – спросил Кандазаака. – Спит?

Нив качнул головой.

– Нет, он пришел в себя. Хочет пить.

– Воды осталось немного, – сказал пилот. – Не знаю, мне кажется, стоит беречь воду.

– Но я тоже хочу пить, – сказала Анурати.

– Не ты одна, – вмешался Кандазаака. – Смысл беречь? Если начнется буря, воздух все равно закончится раньше, чем вода.

– Хорошо, – согласился пилот. – Вы, наверное, правы. Я принесу воду.

Но продолжал стоять.

– И что нам теперь делать? – спросила девушка.

– Будем держать дверь вимана открытой до последнего, – сказал пилот. – Скорее всего, у нас довольно много времени в запасе. Рано или поздно нас найдут.

– Вы в кабине будете, когда все это начнется? – спросил Кандазаака.

– Нет, в кабине... – Пилот вздохнул. – Воздуха там совсем мало. Я буду с вами, в отсеке. Дверь закроем изнутри.

– Но почему их до сих пор нет? – снова спросила Анурати.

Кандазаака увел девушку в виман, Нив пошел вслед за ними, но задержался в дверях. Пилот все еще стоял рядом с кабиной, потирая рукой лоб и глядя себе под ноги, на бледный песок. Нив направился к нему, и пилот, вздрогнув, быстро сказал:

– Да, вода! Я сейчас принесу.

– Я хотел спросить не об этом, – сказал Нив.

Он посмотрел на высокие дюны вдалеке, над которыми горели тысячи звезд.

– Скажите, – сказал Нив, – а рация работала, когда мы сели?

Василий Воронков

– Да, я не стал бы вас обманывать, – быстро ответил пилот. – Рация работала, но я...

– Вам пришло подтверждение? – перебил его Нив.

Пилот покачал головой.

– Подтверждения не было. Связь тогда уже едва работала. Возможно, из-за бури. Наверное, им дошло искаженное сообщение, но... Это не значит, что нас не будут искать.

Нив внезапно рассмеялся. Пилот посмотрел с удивлением.

– Нет, извините, – сказал Нив. – Наверное, я просто устал.

– Может, они просто не смогли ответить, – начал пилот. – В любом случае, сейчас...

– Да, я понимаю, – сказал Нив.

Он вернулся в пассажирский отсек.

Рохин снова заснул – голова его безвольно склонилась набок, повязка совсем сбилась, длинная полоска бинта выпросталась и свисала через все лицо, закрывая глаза, как покойнику. Анурати и Кандазаака сели на прежние места. Нив тоже устроился рядом с иллюминатором и закрыл глаза.

Нет, он не должен спать. И почему Кханд никогда не рассказывал ему о том, как нужно вести себя после крушения корабля? Как быть, если почти не осталось воды? Если надвигается буря, и скоро им будет нечем дышать?

Послышался чей-то топот – в отсек зашел пилот.

– А насколько хватит заряда батарей? – послышался голос Кандазаака. – Когда наши лампочки погаснут?

– Часов пять, – сказал пилот. – Как минимум. Более чем...

Они выпили оставшуюся воду. Ниву досталось лишь несколько глотков, и пить от этого захотелось только сильнее.

Воздух в пассажирском отсеке вимана был спертым. Пахло горячим песком и кровью. Нив попытался представить ночной город, старый квартал, Ану, но видел лишь белые дюны, отражающие свет звездного неба.

– Постарайтесь уснуть, – сказал пилот, усевшись рядом с Рохином. – Нужно беречь силы.

Уснуть? Как можно спать в потерпевшем крушение корабле?

– Раз у меня рация не работает, то, скорее всего, и у спасателей накрылась радиолокация, – продолжал пилот. – Это из-за бури, но буря обычно... не длится долго в этих местах. Нужно просто подождать.

Нива разбудил глухой гортанный вой ветра. Он не сразу понял, где находится – стояла глухая темнота, весь пол был засыпан песчаной пылью.

– Всё! – прокричал кто-то. – Сейчас здесь все занесет!

Послышались чьи-то шаги, шелест песка. Кандазаака и пилот пытались опустить массивную дверь пассажирского отсека, ветер пробивался в открытый проем и трепал их одежду. В корабль летел песок.

Нив встал, чтобы помочь им, но оступился – ноги у него затекли, и каждый шаг вызывал резкую боль, как будто в распухшие ступни вонзались десятки игл.

Дверь поддавалась с трудом, слышно было, как скрипит забившийся в пазы песок. Кандазаака выругался на гали. Дверь уже была опущена наполовину и застряла, не хотела сдвигаться дальше. Пилот навалился на нее всем весом, дверь задрожала и с лязгом обрушилась вниз.

Стало совершенно темно.

Кто-то зажег огонек – возможно, спички, – но его тут же заставили потушить.

– Вот и всё, – послышался голос девушки.

– Такие сильные бури недолго... – начал пилот, но его заглушил шум бьющего в обшивку песка.

Нив вернулся в свое кресло, однако в иллюминатор уже ничего нельзя было разглядеть, весь корабль обволакивала непроницаемая темнота.

– Теперь за нами уже никто не прилетит, – сказала Анурати.

Голос ее дрожал.

– Буря закончится, – сказал Нив, глядя в темноту. – Нужно просто подождать. Постарайся уснуть.

– Да мы тут задохнемся, пока... – простонал кто-то.

– Отсек большой и... – Это был голос пилота.

– Если кто и искал нас, то теперь... – Это был Кандазаака, его голос сорвался в кашель. – Они полетят только после бури. Не раньше.

Было душно, словно весь воздух закончился за несколько минут. Нив попытался сделать глубокий вдох, и голова у него закружилась. Он почувствовал, как падает в темноту, не испытывая ни сожаления, ни страха – только бесконечное свободное падение.

Потом темнота прояснилась.

Нив увидел яркие, залитые солнечным светом песчаные холмы, мелькавшие в иллюминаторе корабля. Стекло странно искажало вид, и пустыня внизу постоянно меняла форму. Корабль, нервно покачиваясь, летел в порывах попутного ветра, однако песок все равно барабанил по обшивке. Нив совсем не слышал привычного гула двигателей – виман свободно парил в воздушном течении, которое несло их навстречу морю, домой.

Все волнения последних часов оставались позади.

Нив был спокоен. Разбитая кисть теперь не болела – это простой ушиб, и даже синяк уже начал сходить. В отсек подавался прохладный воздух. Дышать было легко.

Корабль на полной скорости летел к городу. Уже через несколько минут он будет на месте.

Нив сидел в пассажирском отсеке один, но это его совсем не удивляло. Остальные летят на другом корабле. Остальным нет нужды торопиться.

Нив снова посмотрел в иллюминатор и тут же замер от ужаса.

Песок внизу стал багровым. Они пролетали над невысокими скалами, а все небо было исчеркано хвостами от падающих метеоритов.

Они летят не туда.

Пилот ошибся и увозит его в самое сердце спящих земель – туда, где падают корабли, где дышать не поможет даже респираторная маска.

Нив вскочил и закричал, однако крик его захлебнулся – Нив лишь беспомощно глотал ртом воздух. Прохладный ветерок из дхаава сменился тяжелой духотой. Нив не мог даже вдохнуть полной грудью.

Было темно.

В стены вимана хлестал песок. Нив сделал шаг в темноту и ударился о стену плечом. Ноги едва слушались его, каждый удар сердца отдавался болью в висках.

Чьи-то смутные тени стояли у двери.

Нив хотел спросить их, что они делают, но вместо этого закашлялся. Одна из теней повернулась к нему. Дверь не поддавалась.

Нив едва мог устоять на ногах. Он схватился двумя руками за дверь и дернул ее вверх, но дверь не двигалась. Теперь рядом с ним была лишь одна тень – вторая сгинула, растворилась в темноте.

Если бы им удалось хотя бы немного приоткрыть дверь. Пусть даже потом весь отсек занесет песком. Он хотя бы сможет сделать еще один вдох. Единственный вдох.

Нив остался один. Он ухватился руками за металлическую скобу в основании двери и, присев, изо всех сил потянул ее вверх. Дверь задрожала, но потом пальцы его непроизвольно разжались, и Нив упал в темноту.

Он ударился обо что-то головой, отключился на несколько секунд, но, придя в себя, вновь начал подниматься на ноги.

Голова у Нива кружилась.

Ему стоило большого труда просто удерживать равновесие. Нив шагнул к двери и вдруг замер. Шума песка было уже не слышно, буря закончилась, в узкий иллюминатор в другом конце отсека пробивалась тонкая полоска света.

Анурати по-прежнему сидела в кресле, глядя перед собой неподвижными застывшими глазами. Рохин все еще спал, склонив набок голову с разматавшимся бинтом. Нив не видел пилота и того лысого инженера с тонкими сухими руками, имя которого он никак не мог вспомнить.

Но это уже было не важно.

Нив осторожно, упираясь рукой в стену, пошел к иллюминатору. Воздух вокруг него стал плотным, а каждый шаг вызывал во всем теле резкую боль, словно он ступал босиком по раскаленному песку.

Времени оставалось совсем немного.

Нив упал в свое кресло и прильнул к иллюминатору. Перед ним была глубокая прекрасная ночь.

Часть 3

ТУМАН

Ана легла спать уже за полночь, едва успев вернуться домой до часа тишины. Она долго слушала приемник, надеясь, что по радио хоть что-нибудь расскажут о внезапной грозе, но была только музыка, скучные повторы и усыпляющий шум помех. Ложась в постель, Ана думала, что вновь проспит до полудня, однако проснулась куда раньше обычного.

Ана была уверена, что ей снился длинный мучительный сон, который потускнел в ее памяти в тот же миг, когда она открыла глаза, оставив после себя лишь бледные ускользающие образы, волнение и боль.

У Аны шла носом кровь.

Темные потеки остались даже на простыне и подушке, а руки дрожали, как во время припадка. Она с трудом добрела до холодной гулкой ванной и оперлась руками о раковину, чтобы не упасть. Волосы ее спутались и падали на лицо. Она открыла кран, намочила полотенце и стала протирать лицо.

Кровь пошла, когда она еще спала. Ане часто нездоровилось по утрам, но никогда еще она не просыпалась от резкого металлического запаха собственной крови. Она даже подумала: хорошо, что Нив не видит ее такой.

Ана вернулась в комнату и села на кровать.

Лицо ее горело. Она проверила шприц на тумбочке – свежая ампула была вставлена, об этом она вчера не забыла – и сделала себе укол.

Прошло несколько минут, и Ана, откинувшись на смятую подушку, почувствовала приятную успокаивающую слабость. Ее уже не беспокоили ни пошедшая носом кровь, ни забытый ночной кошмар.

Ана только сейчас заметила, как истошно хрипит радио, сбившись с привычной частоты, по которой всегда передавали новости и бодрые утренние марши. Треск помех ее раздражал. Она встала с постели, подошла к окну и тут же пораженно замерла, забыв про хрипящий приемник.

За окном была сплошная белая пустота, и весь город сгинул в этой бесцветной бездне – исчезла улица, эстакада, раскрашенные дома. На секунду Ана даже решила, что это обман зрения после укола, странная близорукость, когда не можешь увидеть ничего, кроме того, что находится от тебя на расстоянии вытянутой руки. Однако потом она заметила капли, осевшие с наружной стороны оконного стекла.

Туман.

Это было еще удивительнее штормовой грозы над песчаным морем – или дождя, который в жаркий день не успевает долететь до земли. Ана снова подумала о Ниве – видел ли он хоть раз такое. Видела ли она сама.

Туман, который затянул весь город.

Ана попробовала настроить приемник – наверняка же должны быть какие-нибудь передачи, новости, прогнозы. Она перебрала несколько знакомых станций, но те отвечали лишь тишиной или хрипом помех.

Действие лекарств постепенно усиливалось, и Ана вновь начала засыпать – сидя за столом и слушая завывание ветра из старого приемника.

Она стала одеваться – медленно, как если бы из-за любого резкого движения у нее снова могла пойти носом кровь.

Потом нужно было выйти на лестничную клетку, закрыть входную дверь, спуститься на улицу.

Ана шла по лестнице, держась за перила, чувствуя себя, как в кошмарном сне, когда теряешь власть над собственным телом, и тебя несет вперед непонятная сила притяжения.

Василий Воронков

На улице все еще пахло дождем.

Стена соседнего здания едва проступала сквозь туман. Огромный скелет эстакады казался подвешенным воздухе из-за утопающих в пустоте колонн.

Ана направилась к Самкаре.

Она почти ничего не видела. Тротуар с кривыми неплотно закрытыми колодцами выплывал из дымки у нее под ногами. Очертания страшных незнакомых построек медленно проступали по частям, начиная с неправильных сторон – сначала крыши, тяжело повисающие над туманной мостовой, затем цветные, застывшие в пустоте двери, резные колонны, части узорного фасада, бесформенные куски облицовки, медленно сползающей по невидимым стенам, растаяв от влажности и духоты.

Дышать становилось все тяжелее, в носу вновь стало покалывать. Ана подумала, что у нее опять пойдет кровь, но она уже не могла снять респираторную маску.

Идти было непросто.

Воздух из-за тумана стал плотным, не пускал ее вперед. Но потом вдруг полы ее длинной крутки распались и откинулись назад. Ана не сразу поняла, что это поднялся ветер, теплый и влажный, который дул ей прямо в лицо.

Улица вдалеке начала проясняться.

Показались высотные пути, абитинские башни, даже какие-то люди, уныло потерявшиеся в пустоте. Голова у Аны закружилась – как будто от ветра, – и она почувствовала легкий запах крови в респираторной маске.

Ана пересекла площадь перед Самкарой – пустынную, как если бы только что отгремела воздушная тревога, – поднялась на эстакаду и встала у края перрона, совсем одна.

На путях вспыхивали красные маячки, предупреждая о том, что поезд придет нескоро, однако громкоговоритель молчал – не раздавалось привычных объявлений, неразборчивых сводок, никто не советовал соблюдать тишину и держаться подальше от края перрона. Лишь когда сквозь плотную завесу тумана стали пробиваться мощные прожекторные огни пассажирского состава, громкоговоритель исторг из себя длинный протяжный звон, а затем чей-то сдавленный голос сообщил:

– Внимание! Соблюдайте спокойствие! К платформе прибывает...

Ветер, поднятый несущимся составом, раскачал громкоговоритель на высоком флагштоке, и тот спешно замолк, проглотив последние слова. Туманное марево впереди вздрогнуло, разошлось волнами – как облака, сквозь которые пролетает, опережая скорость звука, едва заметный глазу корабль, – и перед Аной возник, материализовавшись из пустоты, длинный, с горящими электрическим светом окнами, пассажирский состав.

В вагоне тоже было душно. И необычно просторно. Ана уже привыкла к утренней толкучке и переполненным поездам, и теперь ровные ряды незанятых мест вызывали у нее страх – словно она перепутала направления и села на поезд, который отвезет ее туда, где городские дома обращаются в песок.

Ана устроилась подальше от слепого белесого окна и подумала, что над анильским морем, должно быть, тоже стелется туман. Она попыталась представить себе это и не смогла.

Поезд летел в облаках.

Ана огляделась по сторонам, а затем осторожно сняла маску. Стараясь не дышать, она быстро вытерла платком кровь над верхней губой и на щеках. Дыхательные фильтры в маске потемнели и насквозь пропитались кровью, однако заменить их она не могла.

Ана все еще чувствовала легкое покалывание в ноздрах.

Она запрокинула голову, прижав к носу смятый платок и, посидев так несколько секунд, снова надела маску. Поправляя зажимы на затылке, Ана вдруг вспомнила, как Нив настоятельно советовал ей всегда брать собой запасной респираторный фильтр. На всякий случай. Если фильтр забьется пылью. Если пойдет носом кровь.

Послышался чей-то голос, спокойный и холодный. Было даже немного странно слышать человеческую речь, пусть и на гали, в этом пропитанном туманной сыростью вагоне. Ана не понимала ни слова. Голос зазвучал снова, чуть настойчивее и теперь уже совсем рядом с Аной.

Какой-то мужчина спрашивал, как проехать на станцию с длинным непонятным названием, похожим на вышедшее из моды имя. Ему отвечали неохотно, точно он потревожил чей-то сон, но голоса сливались с гвалтом вагона и тонули в тумане.

Поезд стремительно плыл в пустоту, из которой навстречу ему неслись огни сигнальных маяков. Путей не было видно.

Василий Воронков

Мужчина позади Аны все еще попытывался у неприветливого пассажира, как же ему попасть на станцию, так и не решившись подойти к Ане. Хотя, может, они уже начали говорить о чем-то другом. Ана не разбирала слов.

Она сидела, склонив голову к окну, чувствуя, как начинает засыпать под действием укола. Голоса за спиной были холодными и пустыми, лишенными жизни, как записанная на пленку речь.

На каждой станции в вагон заходили люди.

Кто-то сел рядом с Аной.

Голоса пассажиров вдруг зазвучали отчетливее и громче, даже музыка из громкоговорителей стала ритмичнее и ярче. Город медленно возвращался к жизни. В окне проносились крашенные каменные стены, свет фонарей, пробивавшихся сквозь туманную дымку, тени, которые становились фигурами людей.

В видая-лая Ана не сразу сняла респираторную маску.

В коридоре она столкнулась с Садом, который открыл рот и замер – приветствие застыло у него на губах, как будто он увидел Ану в маске впервые.

– Доброе утро, – сказала Ана и испугалась звука собственного голоса.

– О, – выдал из себя Сад, – ты как-то рано сегодня. Почти никого еще нет... Ты как себя чувствуешь? Все в порядке?

– Все в порядке, – сказала Ана.

Она зашла в уборную и промыла лицо холодной водой, чтобы стереть пятна запекшейся крови. Респираторная маска вывалилась из куртки и с глухим стуком упала на кафельный пол.

Ана постояла несколько секунд у раковины, глядя на себя в зеркало, а потом медленно подняла маску.

До первого занятия оставалось еще два часа.

В учительской никого не было, за окном все еще стоял туман. Ана присела рядом с приемником и шелкнула тумблером на его крышке, но кто-то снова игрался с частотой и сбил все настройки – вместо обычных для этого часа новостей послышался лишь сдавленный, едва различимый хрип помех. Ана покрутила регулятор, но это не помогало. Казалось, что вещание этим утром прекратилось на всех волнах.

В учительскую зашел Сад.

– Бесплезно, – сказал он. – Это, наверное, из-за тумана. Или уж не знаю, из-за чего... Опять уроки могут сорваться.

Ана выключила радио.

– А все-таки, – спросил Сад, – почему ты так рано сегодня?

– Не знаю, – сказала Ана. – Я подумала, что в поездках будет пусто. Так и оказалось.

Сад несколько раз кивнул головой и подошел к окну. Он стал вглядываться куда-то, точно пытался рассмотреть лица прохожих в завесе тумана.

– Надеюсь, это сойдет через час-другой, – сказал Сад. – Вроде стало уже получше... До этого совсем ничего не было видно, я по улице боялся идти.

Ана не знала, что ответить. Ей совсем не хотелось говорить.

– Ты, кстати, первая сегодня пришла, – сказал Сад. – Вот уж не подумал бы... А Ила звонила вчера. Сегодня ее не будет.

Сад подошел к столу и с сомнением посмотрел на приемник, потом взглянул на настенные часы.

– Ты помнишь, – вдруг начала Ана, – как предлагал мне взять только вечерников?

– Ну, – Сад нервно потер рукавом лоб, – я тогда думал...

– Да нет, – сказала Ана. – Просто мне сейчас уже...

Она не договорила. Сад напряженно смотрел на нее, на лбу у него проступила глубокая морщина.

– Знаешь, – вздохнула Ана. – Давай поговорим об этом потом... Я, наверное, еще не проснулась.

Сад пожал плечами, вернулся к окну, а потом, как-то наигранно взмахнув рукой, вспомнив о чем-то, вышел из учительской. Ана снова осталась одна.

Сидеть в тишине было тяжело, и она включила радио. По одной из частот начал пробиваться чей-то неуверенный голос.

На первый ее урок пришла только половина класса. Но все-таки Сад ошибался, занятия не сорвались – не всех испугал туман, который все еще стоял за окном.

Ана раскрыла журнал и стала проверять присутствующих по списку. Несколько фамилий она произнесла неправильно, и дети неохотно, даже немного обиженно отзывались в ответ.

Ана закрыла журнал.

– Итак, – сказала она. – На сегодня у нас тема – Южный Хапур. Хапур – небольшой город. В отличие от Качханта, ему будет посвящено только одно занятие. Но на экзамене...

Дети стали перешептываться, и Ана застучала карандашом по столу.

– В прошлый раз, – продолжала она, – я просила вас прочитывать главу в учебнике... главу двадцать три. Надеюсь, все выполнили задание?

Дети замолчали. Ана обвела взглядом класс.

– Ну что, кто скажет численность населения Южного Хапура? – спросила она.

– Двенадцать тысяч! – выкрикнул кто-то.

– Во-первых, надо поднимать руку, – сказала Ана.

Она начала вставать, но голова у нее закружилась, и она просто откинулась на спинку стула.

– Во-вторых, нет, это неверно. Откуда вы взяли эту цифру? Хапур тогда не считался бы городом.

Вновь послышался чей-то шепот, но Ана уже не обращала на это внимания.

– Тем не менее, – продолжала она, – Южный Хапур является самым маленьким по численности населения южным городом. По площади Хапур также...

Ана повернулась к доске. Перед уроком она повесила там старую карту южного региона, но сейчас один из магнитиков, на которых держался широкий ватманский лист, отлепился, и правый край карты завернулся, скрыв как раз ту часть, где был изображен Южный Хапур.

Ана все же заставила себя встать и подошла к доске, однако упавшего магнитка было не видно. Туман в расшторенном окне у доски уже начинал таять, и в комнату пробивался солнечный свет. Ана поморщилась и прикрыла рукой глаза.

– Климат в Южном Хапуре, – сказала она, – мягкий и влажный. Город окружен степью, переходящей в нандин. Самый большой участок степи находится на востоке – более трехсот миль. Средняя температура в год составляет...

– А что такое степь? – спросил кто-то.

Ана вздохнула.

– Нужно поднимать руку, – повторила она.

Парнишка на задней парте нетерпеливо покачал в воздухе вытянутой рукой.

– Да?

– А что такое степь? – спросил он.

– Степь, – сказала Ана. – Вы ведь должны уже это знать, разве нет? Степь – это...

– Это когда много песка, но без холмов? – предположила какая-то девочка.

И почему никто из них не поднимает руки?

– Нет, – Ана закрыла рукой глаза. – И я же просила...

Она вдруг поняла, что совершенно не помнит имена всех этих детей, хотя ведет их занятия почти год.

– Степь, – сказала Ана, – это равнина, но без песка. В основном поросшая джатай. В степях встречаются водоемы, обычно замкнутые и небольшие. Здесь у нас степей нет и, если вы никогда не покидали город, то, наверное, никогда...

Ана стояла, опираясь одной рукой о поверхность доски. Ее слегка покачивало, голова кружилась.

– Да закройте вы это окно! – сказала она, отворачиваясь от солнечного света.

Дети молча смотрели на нее, не двигаясь.

– Окно зашторьте!

Никто в классе даже не шелохнулся.

Ана сама подошла к окну – медленно, опасаясь, что может оступиться – и стала опускать штору.

– А на что похожа степь? – вновь спросил кто-то.

– Это равнина, – сказала Ана.

Она уже устала напоминать им, что надо поднимать руку, прежде чем говорить.

– Это равнина, – повторила Ана. – Только без песка.

Опустив штору, Ана вернулась к доске и, постояв немного у завернувшейся карты, села за учительский стол.

– А как это – без песка? – не унимался кто-то.

– Давайте продолжать, – нетерпеливо сказала Ана.

Теперь ее стал раздражать электрический свет.

– Как я уже говорила, степь переходит в нандин, легкую пустыню, – сказала Ана. – Самый большой участок степи в окрестностях Хапура находится на востоке. – Ана показала рукой на карту. – Его протяженность более трехсот миль. На востоке, западе и на севере от города участки степи меньше, протяженностью... – Ана пыталась вспомнить цифры, торопливо переворачивая страницы в своем учебнике. – Протяженностью от

Василий Воронков

восьмидесяти до ста тридцати миль. Потом начинается нандин, пустыня.

Ана с трудом разбирала текст на странице учебника, строчки сливались.

– Есть вопросы? – спросила она.

Дети молчали.

– Хапур – самый удаленный южный город, также это самый удаленный от нас населенный пункт, который считается городом, – продолжала Ана. – С Хапуром, как, впрочем, и с остальными южными городами, отсутствует прямая радиосвязь. Сообщение организуется путем...

Ана встала из-за стола, подошла к доске и подняла завернувшийся угол карты.

– Южная пустыня от Хапура наименее изучена. По сравнению с другими городами, в Хапуре практически не проводятся исследования пустыни. По предположительным оценкам, зона молчания к югу от Хапура имеет протяженность в двенадцать тысяч миль.

Карта обрывалась там, где пролежала желтая полоска пустыни – всего в паре дюймов от дрожащего красного контура города. Здесь заканчивалась изученная земля.

– На севере от Хапура, – сказала Ана, возвращаясь к столу, – находятся другие города. Это вы все должны уже хорошо знать. А самым северным городом от Хапура является Бахис. Таким образом, Хапур по сути все равно окружен со всех сторон пустыней, и...

Ана заметила на полу упавший магнитик и нагнулась, чтобы поднять его.

– Окружен со всех сторон пустыней, – повторила она, расправляя карту, – и зоной молчания.

Во время обеда Ана спустилась по привычке в самад, есть ей не хотелось. Она взяла только макаранду и села одна у стены. В воздухе витала пыль.

Кто-то громко разговаривал за соседним столом, но Ана не оборачивалась. Она вдруг подумала, что даже рада отсутствию Илы – ей не хотелось ни с кем говорить, слушать очередные сплетни, отвечать на утомительные вопросы.

Ана закрыла глаза.

Голоса затихли и отдалились, превратившись лишь в бледное судорожное эхо. На несколько секунд Ана забыла о том, что ей тяжело дышать.

– Добрый день! – обратился к ней кто-то.

Перед Анной стоял молодой мужчина, которого она видела вместе с Илой в гаандхарва-заале.

Ана молча уставилась на него, как будто молодой преподаватель был первым в мире человеком, решившимся с ней заговорить.

Мужчина стоял перед с ней с подносом в руках, неловко переминаясь с ноги на ногу.

– Вы не против? – спросил он.

– Да... конечно, – сказала Ана и невольно обвела взглядом помещение самада – большинство столов пустовали. – Я, по правде, уже собиралась...

Мужчина сел напротив.

– Вы ведь подруга Илы? – спросил он.

Ана посмотрела на него сонным взглядом, пытаясь вспомнить его имя. Кажется, Ила ей уже говорила.

– Да, – сказала она. – А вы...

– Париспанда, – представился мужчина. – Пар, – тут же добавил он, поправляясь. – Я здесь совсем недавно. Вы меня не помните? Мы с вами виделись несколько раз.

– Конечно, помню. Вы раньше работали в...

Разговаривать ей не хотелось. Нужно просто сослаться на какие-нибудь дела и уйти.

– Да, – вздохнул Пар, словно признавался в чем-то постыдном. – Работал...

На его подносе стояла тарелка с палааной и большая чашка с густым дымящимся супом, однако Пар не притрагивался к еде.

– Вы извините, – вдруг сказал он. – Я вам точно не мешаю?.. Просто я почти никого еще тут не знаю...

Ана машинально покачала головой. Нет, не мешает. Хотя сама думала только о том, как уйти.

– Честно говоря, – начал Пар, немного оживившись, – хотя я и работаю тут уже месяца два, но до сих пор никак не могу привыкнуть. Занятия то утром, то вечером... Я десять лет почти

Василий Воронков

отрубил в регистрации полетов, с детьми не работал, занятий не вел. Так что приходится перестраиваться.

– В бюро регистрации? И перешли в видая-лая первой ступени?

– Перевод по специализации мне предложили не самый... воодушевляющий. Вот и пришлось пересматривать свои приоритеты... А вы давно здесь работаете?

– Давно.

Ее вдруг начал забавлять этот нелепый разговор.

– Я так сразу и подумал.

Ана отпила из стакана. Напиток стал уже теплым.

– Да и добираться сюда мне не очень-то удобно. Вы вот как едете?

– Через Хору.

– Хора? Ну да... Это тоже, конечно, не очень... Просто раньше-то мне было рукой подать. Пешком на работу ходил.

Он замолчал, видимо, исчерпав все идеи для разговора.

– Значит, не нравится вам здесь?

– Ну... не то чтобы не нравится. Просто... я же говорю... с детьми я раньше не работал, все это для меня в новинку. Тут и занятия с вечерниками, и подготовительные...

– Да и сами дети, – предположила Ана.

– Ну да, это, конечно, в первую очередь... – Пар посмотрел на потолок. – Да и само здание это... Такое необычное. Совсем не так я себе видая-лая первой ступени представлял. Когда его построили, интересно? В абитинский...

– Нет, – покачала головой Ана. – Точно не в абитинский. Эта видая-лая все же не настолько старая.

– И это всегда было именно здание видая-лая?

– Возможно. По правде сказать, я точно не знаю. Но последние лет десять уж точно.

– Просто все это так похоже на...

– На гатику? – подсказала Ана.

Пар рассмеялся.

– Да, что-то такое. Ила, кстати, мне тоже говорила об этом... Но на самом деле этот самад вроде бы и правда строили как убежище, как раз для старых видая-лая были такие нормы. Неудивительно, что сейчас они хотят все это возродить.

– А вы откуда все это знаете? – удивилась Ана.

– Ну, – улыбнулся Пар, – я все же пытался подготовиться к своей новой должности.

Самад опустел. Пожилая женщина вышла из подсобки и начала протирать грязной тряпкой пустые столы.

– Никогда бы не подумал, что стану учителем, – сказал Пар, – но это даже интересно. Все новое, я и сам теперь, как ученик... Меня еще что удивляет – все, кого я спрашивал, работают здесь уже очень долго. Как будто я единственный, кто решил, так сказать, поменять карьеру.

– Не единственный, – сказала Ана, пытаясь вспомнить имя. – Икапада, кажется, наш учитель фонетики... Он раньше работал в каком-то исследовательском институте. Но здесь он, правда, уже давно.

– Что ж, это обнадеживает.

Пар снова замолчал, наверное, пытаясь придумать новую тему для разговора. Ане расхотелось ему помогать. Он сам подошел к ней, она просто сидела.

– Скажите, – неуверенно начал Пар, – а вы... не заняты сегодня вечером?

– Сегодня вечером? – Ана даже испугалась. – Нет, то есть я... Я не могу по вечерам. Мне далеко ехать, и...

– Понятно, – вздохнул Пар. – Просто я хотел предложить... если бы вы не были заняты... Мы могли бы сходить куда-нибудь. Я ведь здесь совсем недавно, поговорили бы о видах-ляя, рассказали бы мне, что да как.

Ана молчала.

– А то я до сих пор чувствую себя новичком. Никак... не акклиматизируюсь.

– Но только не сегодня, – сказала Ана.

– Как скажете...

– Мне, правда, совсем неудобно по будним дням...

Ана вдруг подумала, а все ли он о ней знает? Обо всем ли ему успела рассказать Ила?

– Ну, извините... – сказал Пар.

Его обед так и стоял нетронутым на подносе.

– Я совсем не хотел вас смутить.

Ане даже стало его немного жалко.

Василий Воронков

– Да на самом деле я не против, – сказала она. – Может быть, в выходной?

– Отлично! – оживился Пар. – Я, кстати, знаю одно местечко – просто красивейший икавезман. Там всегда так свежо...

– Икавезман? – нахмурилась Ана.

– Да, там в самую жару просто холод дикий. Дышишь – и чуть пар не идет. А еще там есть ботанический сад. И множество...

– А вечером через потолок видны звезды? – спросила Ана.

– Что? Звезды? – смутился Пар. – Не знаю даже. Наверное... Мы, кстати, можем это проверить. Если вы захотите остаться там до вечера.

Ана улыбнулась.

– Интересное, наверное, место, – сказала она.

– Чудесное! – закивал головой Пар. – Я там был много раз. Как будто переносишься... – Пар взволнованно качнул рукой, подбирая слово. – Переносишься куда-нибудь...

– В Южный Хапур?

– Хапур? – снова смутился Пар.

– Куда-нибудь, где нет песка, – объяснила Ана.

Обеденный перерыв заканчивался. У Пара занятий на сегодня больше не было, но у Аны оставалось лишь несколько минут до начала урока – она и сама удивилась тому, как засиделась в самаде, позабыв о времени.

Они попрощались.

Пар сказал ей «до скорых встреч», и это прозвучало так неестественно и странно, словно они не работали вместе, а познакомились случайно в какой-нибудь безлюдной забегаловке. Ана улыбнулась ему в ответ и поднялась в учительскую взять классный журнал и сумку с респираторной маской, которую забыла там же, на столе.

В учительской никого не было, скоро начинался урок, и в любой момент мог прозвучать звонок.

Сумки на столе не оказалось.

Ана начала искать ее в шкафу с журналами и даже заглянула в отделение, где лежала гуптика – кто-нибудь мог по ошибке бросить туда ее сумку, как в ящик для потерянных вещей. Часто вздыхая от волнения, Ана представила, что будет возвращаться домой без респираторной маски. И тут она заметила свою сумку на стуле рядом с дверью. Ее просто переложили.

Респираторная маска была на месте.

Ана глубоко вздохнула и почувствовала, как вздрагивает на выдохе. Она присела на стул рядом с приемником, закрыла лицо руками. И заплакала.

Дверь в коридор была приоткрыта, слышались чьи-то шаги, голоса детей, скрип открываемых дверей. Потом раздалась ритмичная музыка, приглашающая всех на урок.

Ана попыталась успокоиться. Ведь все обошлось. И кто-нибудь может зайти, увидеть ее. Она так и не закрыла дверь.

Ана встала, вытерла лицо, взяла брошенный на стол журнал, но заплакала снова, еще сильнее. Она и сама не понимала, что произошло. Ведь все же как обычно – дурнота после лекций, уроки, головокружение.

Но она не могла остановиться.

Кто-то распахнул дверь, и Ана, вздрогнув, быстро поднялась на ноги. Стыдливо прикрывая рукавом лицо, она, толкнув кого-то локтем, выбежала в коридор. Хотя урок уже должен был начаться, в коридоре по-прежнему носились дети и стоял гам, от которого закладывало в ушах.

Ана зашла в туалет, чтобы умыться. Прополоскав лицо водой, она посмотрела на свое отражение в зеркале. Глаза у нее покраснели. Кожа на висках воспалилась.

Нужно было идти на урок.

Класс был уже полон. Сад стоял рядом с доской и что-то старательно втолковывал детям. Ана даже не секунду подумала, что ошиблась дверью.

– А, вот ты где, – сказал Сад, увидев Ану. – Все, – добавил он, повернувшись к классу. – Сейчас начнется урок.

Сад уже собирался уходить, но остановился рядом с Аной.

– Ты как? – спросил он. – Все в порядке?

– Да, – тихо ответила Ана.

Сад ушел.

Ана положила сумку на стол и подошла к доске. Дети смотрели на нее, не отрываясь. Она взяла мел. Мел крошился. Ана вздохнула и стала писать на доске.

– Итак, – сказала она. – Тема сегодняшнего урока...

Вечером туман уже сошел, и лишь вдалеке, над темными старинными башнями, медленно плыли белые облака. Ана долго

Василий Воронков

стояла у входа в видая-лая, словно ожидая кого-то. В небе едва заметно мерцала звезда – тусклая и одинокая. Ана подумала, действительно ли на вечернем небе появилась звезда, или у нее помутнение рассудка, очередной побочный эффект лекарства.

Облако скрыло звезду.

Ана тяжело вздохнула через респираторную маску и медленно пошла к хагате. Город, с которого спала пелена тумана, необъяснимо изменился – было жарко и душно, цветные барельефы на зданиях поблекли, воздух дрожал, как во время знойного полдня, и улица вдалеке казалась похожей на пустынный мираж. Голоса людей в поезде и шум громкоговорителей сливались в единый неразборчивый шум, в котором Ана наиболее явственно различала лишь хрип собственного дыхания.

Она ехала домой, однако на одной из станций – уже на последней ветке, – вдруг вышла на перрон. Она стояла у парапета, пока привезший ее поезд не скрылся из виду, потерявшись где-то вдали, в узкой и длинной улице, на которую уже спускалась вечерняя тень.

Потом Ана спустилась в плев и вышла на шумный и душный проспект.

Город бился в агонии последние часы перед закатом – пока не погаснет небо и не отключится скоростная магистраль.

Неподалеку от станции был шикарный икавезман, огромный крытый квартал, где Ана однажды гуляла с Нивом. Там всегда работали сотни дхаавов, и воздух был чистым и свежим, как после дождя.

Потолок в икавезмане – выложенные пирамидой стеклянные панели, слегка потускневшие от грязи – едва пропускал солнечной свет. Небо, которое просвечивало сквозь стеклянные своды, было белесым и пустым – из-за облаков, а может, даже из-за странного обмана зрения.

Ана сняла маску.

От пронзительного холода, которым был пронизан весь воздух, у нее закружилась голова. Она долго стояла посреди зала, глядя на прозрачный потолок над головой. Потом поднялась на последний этаж.

Здесь было множество маленьких магазинчиков с пыльными, заброшенными витринами – манекены в странных

болезненных позах, голые или в нарядах, которые никто не захотел купить, гириазы из раздражающе блестящего металла, похожие на экспонаты в музее современных искусств, приемники с отделкой под невиданное дерево, бижутерия неестественных цветов, винный отдел со стеллажами алкогольных напитков разной степени крепости, в бутылках из темного стекла.

Ана никуда не торопилась.

Оставалось еще много часов до того, как перестанут ходить поезда. Ана могла бы даже задержаться здесь до позднего вечера, чтобы увидеть через стеклянное небо звезды.

Она нашла небольшой уютный самад и, взяв себе расавати и макаранду, села за свободный столик. Кроме нее, в кафе было лишь несколько человек – мужчина средних лет в мятой одежде, который пил харас, семейная пара с ребенком лет десяти, понурым и тихим, обиженным на что-то, молодой мужчина, заказавший обильный ужин.

Небо над ними было пустым и белым – там, в вышине, все еще стоял туман. Ана запрокинула голову – как утром, в поезде, когда боялась, что у нее снова может пойти носом кровь – и закрыла глаза, но почему-то сразу же почувствовала обморочную слабость и склонилась над столом.

Мужчина в мятой одежде допил последним жадным глотком свой харас и заказал еще одну чашку. Ана почему-то подумала, что он будет сидеть здесь до самого часа тишины. Все они ждут, когда на небе будут звезды.

В самаде появились новые посетители – Ана уже не приглядывалась. Молодая пара с ребенком ушла, и за их столик сели другие. Громкоговорители на этаже вдруг разразились бодрым объявлением, которое скорее отпугивало, чем зазывало людей в магазин.

Ана вдруг вспомнила, что была здесь с Нивом после посещения очередного врача, который, вопреки всем заветам медицинской вежливости, развел в ответ на ее жалобы руками и даже сказал, что, несмотря на постоянные работы в данном направлении и бесспорный прогресс последних лет, они по-прежнему могут только продлить... но, увы, никак не вылечить... а все эти препараты, которые она ежедневно колет себе в вену, лишь временное и, к сожалению, еще не слишком действенное средство.

Василий Воронков

Так с ней еще никто не говорил.

Ана поморщилась и стала чаще дышать. Воздух в икавезмане уже не казался ей прохладным и свежим.

С тех пор прошло несколько лет, но она до сих пор дышит сама, пусть и через маску, ходит каждый день на работу, учит детей, пьет макаранду в самаде. Бесспорный прогресс последних лет. Врачи уже ошибались по поводу нее.

Люди проходили мимо Аны, спускались по лестнице. Они выглядели уставшими после своих бесцельных блужданий по торговым этажам. Остаться здесь не имело смысла. Небо застилал туман. И все они исчезали, как тени.

Циферблат больших настенных часов напоминал о том, что приближается ночь.

Ана подумала – а может, если она спустится сейчас на первый этаж, то странный обман зрения исчезнет, туман над городом растает, небо зальет ослепительная темнота, и она действительно увидит звезды, сияющее небо, как в Хапуре, о котором столько раз рассказывал ей Нив.

Ана неосознанно поднесла стакан к губам, но стакан был уже пуст. Мужчина в мятой одежде тем временем заказывал себе уже третью чашку.

Ана встала из-за стола, осторожно отодвинув стул, стараясь не шуметь, чтобы на нее по-прежнему никто не обращал внимания, и вышла из самада. Она спустилась по лестнице на первый этаж, глядя себе под ноги, боясь поднять голову. Ана остановилась у дверей икавезмана, достала из сумки респираторную маску, но не торопилась выходить на улицу. Был уже глубокий вечер, солнце село.

Ана вздохнула и посмотрела на стеклянное небо.

ЮЖНЫЙ ХАПУР

Прошло несколько дней, не осталось и следов тумана.

Утром Ана чувствовала себя на удивление хорошо. Дышать было легко, дхаав работал исправно. Ана даже сомневалась – стоит ли делать себе очередной укол, но потом все-таки решила не нарушать заведенных порядков. Скоро ей снова придется идти к врачу, а врач наверняка спросит, насколько прилежно она следовала предписаниям.

Ана села у окна и, не включая радио, устав от бесконечных рассуждений о погоде и шума помех, стала перетягивать руку резиновым жгутом. Было еще рано, солнечный свет едва пробивался над покатыми крышами. Ана постучала двумя пальцами по вставленной в шприц ампуле и слегка надавила на поршень. На острие иглы появилась маленькая блестящая капля.

Ана аккуратно ввела иглу в вену.

Ставив с руки жгут, она откинулась на спинку стула. Лекарство все еще не действовало, она чувствовала только приятную утреннюю слабость, запах постельного белья и измятой подушки, а не головную боль и тошноту. Рука ее невольно, по привычке, потянулась к приемнику, и сосредоточенную утреннюю тишину разрезал бесцеремонный треск помех.

Первое занятие у Аны было только после обеда, но она поехала в видая-лая гораздо раньше, подождав лишь, пока схлынут толпы, наводнявшие станции по утрам. Ей хотелось поговорить с Илой, которую она не видела уже несколько дней.

Ана приехала в видая-лая в середине урока.

В коридорах было пустынно, и даже в учительской никого не оказалось. Ана собиралась спуститься в самад, чтобы скоротать там время до перемены, однако утренний укол уже давал о себе знать, ее начинало подташнивать, и она решила остаться в учительской.

Ана включила радио, чтобы хоть чем-то себя занять.

– ...были уверены, что фронт пройдет мимо, но...

Снова погода. Ана слушала эту передачу раньше – ее повторяли уже в третий или даже четвертый раз.

– ...рекордный уровень осадков за последние сто лет...

Окно в учительской было плотно зашторено – чтобы не пропускать солнечный свет. Казалось, ливень прошел уже много лет назад, однако о нем до сих пор рассказывают по радио.

– ...потом весь город, вплоть до окраин, и даже некоторые из участков нандин были затянуты туманом. Это уникальное... явление...

Ана положила руки на стол и опустила на них голову.

– По оценкам наших... самый сильный туман за последние...

Ане послышалось, что за окном шумит дождь, но это всего лишь шелестел работающий очиститель.

– ...предупреждает... возможность... действительно не...

Голос ведущего утонул в помехах, и Ана переключила приемник на другую радиостанцию. Там шла какая-то познавательная передача – диктор теперь напоминал профессора преклонных лет, говорившего неторопливо и важно, делая частые паузы, как бы беззвучно откашливаясь, прикрывая рукой микрофон.

Ана поначалу не прислушивалась, но потом поняла, что профессор рассказывает об исследовательских станциях в песках.

– На настоящий момент самая удаленная станция находится на расстоянии в сто восемьдесят одну милю от анильского моря, – говорил профессор, – но из-за расширения мекхала-агкати станция будет постепенно выводиться из эксплуатации. Согласно принятому сейчас проекту, в течение ближайших пяти лет будет прекращена работа всех станций, находящихся за сто шестидесятой милей. Однако центр... заявляет...

В эфир вновь вмешались помехи, и Ана покрутила регулятор.

– ...все скорбим о погибших, – раздался громкий голос ведущего. – Это уже второе...

Прием был на удивление чистым, Ана даже недоверчиво посмотрела на радиолу. Диктор продолжал:

– По предварительным данным, падение пассажирского корабля произошло из-за неполадок в двигателях. Пилот успел связаться с центром полетов, однако дотянуть до черты города ему не удалось. Корабль упал в нандин, всего в пятидесяти милях от города, преодолев все расстояние от Южного Хапура.

Ана вздрогнула и выключила радио. На секунду ее посетила мысль, что она все еще спит.

Вскоре из коридоров донеслась ритмичная музыка – урок завершился. Послышался скрип отворяемых дверей, топот ног, детские крики. В учительскую зашел Сад и, увидев Ану, удивленно приподнял брови.

– Ты что, расписание на сегодня забыла? – спросил он.

– Да нет, – улыбнулась Ана. – Просто... Видимо, у меня часы спешат.

– Спешат – это не худший вариант, – сказал Сад и уселся в любимое кресло.

– Ила сегодня с больничного выходит?

– Нет, у нее на сей раз долгий отпуск получился. А что?

Ана пожала плечами.

– Не хочешь сходить в самад? – предложил Сад.

– Меня подташнивает после укола, – сказала Ана.

Сад понимающе кивнул головой.

– Ладно, – добавила Ана, вставая. – Я пойду, нужно еще подготовиться к уроку.

– Аудитория пока занята. Там Икапада, он все еще возится со своей гуптикой.

– Не страшно.

Ана взяла журнал и направилась к двери.

– Что с тобой последнее время? – спросил Сад, когда она уже стояла у порога.

Ана молчала, опустив голову.

– Мне казалось, ты хочешь поговорить о чем-то, – сказал Сад. – Еще тогда, во время тумана.

– Потом, – тихо произнесла Ана.

– Если хочешь снять с себя класс и оставить только вечерников, то, думаю, мы найдем, кем тебя заменить... Если, конечно, это именно то, чего ты хочешь.

– Спасибо, я... буду иметь в виду, – сказала Ана и вышла в коридор.

На следующий день Ана с трудом заставила себя встать. Ночью у нее был приступ, а потом она долго не могла уснуть.

Ана не поехала в вида-лая раньше времени и, задержавшись на Келиване, где было целое столпотворение, даже немного опоздала. В коридоре она столкнулась с Садом.

– Что, часы? – спросил он, ослабившись.

Ана кивнула головой.

– На сей раз... в другую сторону опаздывают?

Ана с трудом заставила себя улыбнуться.

– Ты иди, – сказал Сад, – а то эти бесята скоро бунт поднимут.

В классе и правда стоял гам. Ученики даже не сразу обратили внимания на Ану – ей пришлось постучать журналом по столу.

– Внимание! – сказала Ана и тут же замолчала, пытаясь вспомнить, какой у нее урок.

Ила вышла с больничного несколько дней спустя. Ана встретила с ней в учительской. Ила что-то оживленно обсуждала с Паром, который уселся в кресло Сада, вальяжно

Василий Воронков

закинув ногу на ногу. Ила выглядела даже немного похорошевшей, словно провела все эти дни не на больничном, а действительно уезжала в отпуск, как пошутил Сад.

Увидев Ану, Пар сразу же поднялся с кресла, но ничего не сказал.

– Всем привет, – поздоровалась Ана и повернулась к Иле. – Давно тебя не было видно.

– Да уж, не говори, – вздохнула Ила. – А мы тут...

– Мне надо бежать, – сказала Ана, покосившись на Пару. – Я только за журналом зашла.

Она схватила с полки журнал и быстро вышла в коридор. Ей даже показалось, что Ила окликнула ее, но она не стала оборачиваться.

После урока Ана вновь поднялась в учительскую, но там не было уже ни Илы, ни Пары. Приемник сдавленно шипел – кто-то сбил настройку радиостанции. Ана стала медленно поворачивать регулятор, но потом вдруг замерла и поспешно выключила приемник, едва сквозь пелену помех стали пробиваться чьи-то голоса.

Больше Илу она в этот день не видела.

Вернувшись домой, Ана даже пожалела, что не предложила Иле сходить куда-нибудь после работы – хотя голова у нее раскалывалась от боли, а от одной мысли о еде ее начинало тошнить. Но Ана не хотела идти к врачу. Еще одно обследование, мучительная пытка, во время которой ей придется вдыхать отравленный пар. Новый бессмысленный препарат, новые назначения.

Однако дышать с каждым днем становилось все тяжелее.

Ана легла спать раньше обычного, надеясь, что долгий сон исцелит ее, и она снова проснется здоровой, как несколько дней назад, но ночью ее разбудил приступ удушья.

В комнате стояла страшная, оглушающая темнота.

Все окна были зашторены, радио не работало. Ана беспомощно, с надсадным хрипом пыталась глотать ртом воздух, но легкие ее отказывались расширяться. С трудом заставив себя подняться с постели, она стала искать выключатель, слепо шаря по стенам руками.

Нужно было сделать укол.

Руки у Аны дрожали, она едва понимала, что делает. Затянуть жгутом руку, выпустить из ампулы воздух. Ана ткнула в кожу иглой, но не попала в вену.

Вторая попытка.

Рука Аны была вся уже истыкана шприцом, когда она вдруг поняла, что не боится. Раньше приступы вызывали у нее дикий страх, она не хотела задохнуться одна среди ночи, не дожив до рассвета. Но теперь Ана чувствовала лишь болезненное жжение в легких, резкую боль при каждой попытке вдохнуть и дрожь в руках, как будто тело отказывалось ей подчиняться.

А страха не было.

Ана положила шприц на тумбочку. Укол все равно не имел ни малейшего смысла. Препарат уже давно не действует, ей стало бы только хуже.

Она снова легла и закрыла глаза. Жжение в легких постепенно стихло, боль прошла, и Ана даже почувствовала странную болезненную легкость, точно тело ее стало невесомым и медленно плыло в прелом комнатном воздухе.

Именно так она и представляла себе это раньше – день, когда она просто перестанет дышать. День, когда навсегда замолкнет радио, и во всем городе погаснет свет. Не будет ни страха, ни боли. Не нужно сопротивляться этому. Не нужно бороться, пытаться изо всех сил сделать судорожный последний вдох. Боли уже нет. Больше ей не потребуется респираторная маска.

Она увидела перед собой высокие песчаные холмы. Она медленно скользила над ними в потоках ветра. Над горизонтом вдалеке поднималась в небо черная ненастная темнота, начиналась песчаная буря. Но потом вдруг пошел дождь, оглушительный ливень, подобных которому Ана ни разу не видела в жизни. Песок превратился в грязь, дюны растаяли в падающей с неба воде. Ана была уже в городе, посреди затопленной улицы, где люди в плащах ходили по колено в воде, а из водосточков на стенах домов с клекотом выплескивалась пена. Было темно. На небе продолжали сгущаться облака. Фонари взрывались с резкими электрическими хлопками, разлетаясь искрами и осколками стекла. Дождь закоротил старую проводку. Прохожие исчезали в сгущавшейся темноте, проваливались в отверстую бездну улиц.

Василий Воронков

Ана проснулась, когда солнечные лучи начали пробиваться сквозь шторы. Она даже не сразу сообразила, где находится. Первые несколько секунд ей казалось, что она лежит в пустой и насквозь белой больничной палате, но потом она услышала сдавленный шум, доносившийся с улицы, и знакомое шипение дхаава на стене.

Ана встала с постели.

Дыхание немного восстановилось, теперь уже не нужно было бороться за каждый вдох. Ана расшторила окно и тут же зажмурилась, отвернувшись.

Был полдень. Солнце стояло в зените. Ана взяла с тумбочки шприц и, сев у окна, стала перетягивать руку резиновым жгутом.

В поездах и на станциях было не таклюдно, как по утрам; Ана даже представляла, что едет на работу в выходной, когда никто не торопится выходить из дома. После укола ее подташнивало, но приступ удушья не возвращался – в респираторной маске она могла дышать даже на раскаленной полуденной улице.

Ана немного опаздывала, но в итоге зашла в класс как раз, когда дети только начали собираться – до конца перемены оставалось еще пара минут. Ана успела взять в учительской журнал и даже сверилась с расписанием, чтобы не ошибиться, какой предмет ей предстоит вести, но уже в классе вдруг поняла, что совершенно не помнит тему, которую они изучают.

Оттремел звонок – Сад снова сменил мелодию.

Ана достала журнал и сделала переключку собравшихся, отмечая отсутствующих детей прочерками напротив имен. Ей хотелось, чтобы список никогда не кончался, чтобы она до самого конца урока называла чужие имена.

Но вскоре все дети были уже отмечены.

Ана стала быстро листать учебник, пытаясь вспомнить, о чем рассказывала в прошлый раз. Но это не помогало. Наконец она отложила книгу и сказала, не поднимая головы:

– Так, дети, сегодня я проверю, как хорошо вы справились с домашним заданием. Никто не хочет пересказать параграфы, которые я задавала?

Класс молчал.

Ана открыла журнал и стала водить пальцем по фамилиям учеников.

– Тогда я вызову сама, – сказала она. – Так... Джарат!

Ана обвела взглядом класс. Никто не отзывался.

– Ну же, смелее! – сказала она.

– А его нет, – раздался чей-то голос.

– Нет? – удивилась Ана. – Странно, у меня не отмечено.

Она собиралась поставить прочерк рядом с Джаратом, как вдруг заметила, что прочерк уже стоит.

– Лития здесь? – спросила Ана.

Худенькая девочка в дальнем ряду неуверенно поднялась из-за стола.

– Итак, – сказала Ана, – что ты успела прочитать дома?

– Ничего, – тихо ответила она.

– Ничего? – удивилась Ана. – Как же так? Почему ты не подготовилась?

– Но вы ведь ничего не задавали, сугуру, – сказала девочка.

Ана нервно застучала пальцами по открытому журналу. Потом встала и подошла к доске.

– Значит, никто даже не помнит, что я задавала?

Класс молчал.

– Да ты садись, – сказала Ана девочке.

Лития послушно села за парту.

– Так что, никто не помнит? – с надеждой спросила Ана. – Я не спрашиваю, подготовились ли вы... Я спрашиваю...

Класс молчал.

– Ну, хорошо...

Ана села за стол и стала водить пальцем по именам учеников в журнале. Нужно просто вызвать кого-нибудь к доске. Сегодня они будут повторять старый материал.

– Хорошо, – сказала Ана. – То, что мы изучали на прошлом уроке, тоже никто не помнит?

Ни один из учеников по-прежнему не поднимал руки.

– Ну же! Литя!.. Можешь не вставать...

Девочка все равно поднялась из-за стола и неуверенно, боязливо оглядываясь по сторонам, произнесла:

– Параграф...

Василий Воронков

После урока была длинная перемена – обеденный перерыв, – но утренняя тошнота у Аны усилилась, и она решила, что совсем не будет спускаться. Ана пошла в учительскую, чтобы вернуть журнал, и столкнулась в дверях с Илой.

– О! – сказала Ила. – А я тебя искала с самого утра. Мне казалось, у тебя рано сегодня занятия начинаются.

– Нет, только что было первое, – сказала Ана, хотя сама уже не была уверена.

– Допоздна сегодня?

Ана кивнула.

– Ладно, пойдем, – Ила взяла Ану под руку и потянула за собой. – Мы с тобой почти и не видимся в последнее время.

Ана не сопротивлялась. В конце концов она просто возьмет макаранду или харас.

– У тебя как, все в порядке? – спросила Ила, когда они спустились по лестнице.

– Да, наверное.

– А у меня... Ты не поверишь...

В самаде оказалось людно. Воздух под потолком был тяжелый и пыльный, пылинки поблескивали в снотворном газовом свете. Пахло приторными подсластителями, пряными приправами, пережаренным расавати.

Они встали в самый конец длинной очереди. Ана с трудом сдерживала тошноту.

– Говорят, многие люди к этому очень чувствительны, – продолжала Ила. – При таких сильных дождях перепады давления, а многие не выносят. Причем сначала один фронт, а потом... Не припомню я что-то раньше такой погоды.

– Да. Я тоже неважно чувствую себя последние дни.

– Ну вот, видишь, – вздохнула Ила.

Ана пыталась вспомнить, о чем она так хотела поговорить со своей подругой, почему с нетерпением ждала, когда та вернется с больничного, но в голову ей ничего не приходило. Ей вообще было сложно сосредоточиться. От запахов еды мутило, хотелось уйти, но она продолжала стоять в очереди вместе с Илой.

– Что-то в этом году у нас сплошные катаклизмы, – продолжала Ила. – И из года в год все хуже.

Они уже подходили к прилавку с огромными металлическими контейнерами, от которых исходила резкая приторная вонь. Ана задержала дыхание.

– Страшно представить, что будет в следующем году, – сказала Ила.

Ана мысленно произнесла – «в следующем году» – и почувствовала, как что-то сжалось у нее в груди.

– Мне, кстати, к врачу уже давно пора, – сказала Ана.

– Да, сходи обязательно. Такое откладывать нельзя.

Когда они уже сидели за столом, Ана все еще пыталась вспомнить, о чем так хотела поговорить с подругой.

Ила принялась рассказывать, как болела. Она описала все симптомы – с бессмысленными подробностями, от которых начал зевать бы даже врач, – потом поделилась тем, как ей, несмотря на плохое самочувствие, было скучно валяться целыми днями дома. Ана молча слушала, время от времени кивая, как бы соглашаясь.

– Да, – вздохнула Ила. – Все наши планы... Надо нам будет что-нибудь устроить на этих выходных...

– В выходные я, наверное, поеду к врачу, – сказала Ана.

Они замолчали. Ила уже выговорила и принялась за еду, Ана же больше беспокоилась о том, как бы ее не стошнило, чем о поддержании разговора.

И тут она вспомнила.

– Скажи, – медленно произнесла Ана, – а ты когда-нибудь уезжала отсюда? Была где-нибудь еще?

– Из города? – Ила вдруг смутилась. – Ну, я же рассказывала тебе. Очень давно, в детстве. Я и не помню почти...

К ним подошел Пар, и Ила не договорила.

– Вот вы где! – сказал Пар. – Что-то у нас тут сегодня целое столпотворение. Даже места свободного не найти.

– Ну, у нас всегда найдется местечко, – сказала Ила.

Пар уселся рядом.

– Слышали, – начал он, – что Сад говорил про новую программу на следующий год?

– Я, наверное, пойду, – сказала Ана.

– Как? Куда? – удивилась Ила. – До урока еще куча времени. Подожди меня.

Василий Воронков

– Нет, мне нужно... – сказала Ана, поднимаясь. – Потом поговорим.

Пар уставился на нее непонимающим взглядом, но ничего не сказал.

На следующий день Ана приехала в видая-лая ранним утром, хотя занятия у нее начинались только после обеда. Сада еще не было, учительская оказалась пуста. Кто-то забыл выключить радио, и приемник тихо бормотал, разговаривая сам с собой.

Ана села у окна и принялась ждать.

Она слышала, как методично постукивают настенные часы, отмеряя оставшееся до уроков время, как позвякивает, поймав невозможно высокую ноту, приемник, тут же скатываясь в глухой хрип, гулко прокашливаясь. Она слышала каждый шаг в коридоре, ей казалось, что она может различать даже тонкое поскрипывание дверей в противоположном конце здания. Голова ее раскалывалась от боли, сердце бешено молотило. Ана закрыла глаза, стараясь успокоиться, и тут же перестала слышать что-либо, кроме собственного дыхания.

Когда дверь в учительскую отворилась, Ана вздрогнула.

– Ну надо же! – удивился Сад. – Ты уже тут... Слушай, мне кажется, тебе стоит почаще сверяться со своим расписанием.

– Я хотела с тобой поговорить, – сказала Ана, вставая.

Сад замер у двери.

– Ну что ж, – сказал он, вытирая рукавом пот со лба. – Пойдем.

Он показал рукой на дверь своего кабинета. Они молча зашли, Сад закрыл дверь, затем бросил за стол портфель и подошел к окну. Он потянул одну из штор, однако солнце засветило ему в глаза, и Сад, поморщившись, вновь расправил штору.

Ана стала напротив.

– Ты садись, – сказал Сад.

Ана оглянулась вокруг – стула не было.

– Драапа! – Сад раздраженно взмахнул рукой. – Опять стул уперли! В следующий раз буду закрывать на ключ.

– Я могу постоять, – сказала Ана.

– Погоди, давай я принесу, – предложил Сад.

– Да нет, не нужно, – сказала Ана.

– Ой, ладно, мне не...

– Я ненадолго, – сказала Ана. – Я...

Она вздохнула.

– Я просто хотела сказать тебе...

Сад выжидающе смотрел на Ану. Лоб его лоснился от пота.

– К сожалению, – начала Ана, – мне придется уйти. Но я готова отработать...

– погоди, – перебил ее Сад.

Он вдруг стал спешно искать что-то по карманам – возможно, чтобы просто занять руки.

– Куда уйти? У тебя какие-то проблемы?

– Нет, все в порядке, – с трудом заставила себя произнести Ана.

– Ты нашла другую работу? Ближе к дому?

– Нет. Я боюсь, что...

Ана хотела сказать «не смогу», но не решилась.

– Я не буду искать новую работу. Да и не стала бы никогда. Ты же сам знаешь, я чуть ли не всю жизнь здесь.

– Н-да...

Сад вздохнул, прошелся по комнате и уселся за стол. Свет, пробивавшийся сквозь штору, падал ему на лицо, и он щурил глаза.

Внезапно Сад вскочил и стал вытаскивать из-за стола свое кресло.

– Сядь, – сказал он.

– Да нет, я...

– Сядь, – повторил Сад. – Это явно не минутный разговор. Не могу смотреть, как ты стоишь.

Ана села.

– У тебя как... самочувствие? – спросил Сад, осторожно подбирая слова.

– Как обычно.

Сад стоял над ней, упираясь руками в спинку кресла.

– Нет, правда...

Ана посмотрела на него, повернув голову, и улыбнулась.

– Не сказала бы, что я чувствую себя хорошо. Ну, так, когда я хорошо себя чувствовала... В общем, все действительно как обычно.

Василий Воронков

– Так, а в чем же дело тогда?

Сад оставил в покое кресло и заходил по комнате.

– Может, просто возьмешь вечерников, как мы и хотели? Только вечерний курс – и всё.

– Да нет, это не поможет, – сказала Ана и тут же поняла, как странно прозвучали ее слова.

– А что тогда? – взмахнул руками Сад. – Ты пойми...

Он подошел к Ане и присел перед ней на корточках.

– Я замену-то найду, это не проблема. Но ты же сама говорила, что работа тебе... помогает. Да и столько лет уже с нами... Если тебе и правда... Если у тебя и правда ничего не поменялось, зачем уходить? А нагрузку сократим – это не проблема. Возьми вечерников. Или, если не нравятся вечерники, другое что-нибудь... В общем, придумаем.

Ана встала и подошла к окну.

Она приподняла штору. Улица была залита светом, окна домов горели, по рельсам на эстакаде скользили солнечные блики. У Аны даже заболели глаза. Может, она просто привыкла к мягкому полумраку видавая-лая.

– Дело не в этом, – сказала она, не оборачиваясь. – Я ухожу не потому, что мне становится хуже. Хотя, конечно, мне не лучше. С каждым днем... Но дело не в этом. Я бы не ушла просто так. Если уйти, то...

Ана посмотрела на Сада и попыталась улыбнуться.

– Это ведь и правда как целая жизнь для меня.

– А что тогда? – удивленно повторил Сад.

– Я хочу уехать, – сказала Ана и снова посмотрела в окно.

– Уехать? Но куда ты можешь уехать?

– Далеко, – сказала Ана. – Я...

Раздался звонок – точнее, торопливая сумбурная мелодия, которая извещала о начале первого урока. В коридоре раздался топот ног – его было слышно даже через две закрытые двери.

Сад молча стоял, давая Ане высказаться, хотя по его лицу было видно, что он с трудом сдерживается.

Когда Ана закончила, он со вздохом опустился в кресло.

– Ты сама-то хоть понимаешь, что говоришь? – спросил Сад. – Хапур – это же... Драапа! Ты ведь просто не сможешь... Это же просто...

Сад не договорил.

– Нет! – почти выкрикнул он. – Об этом не может быть и речи!

Сад вскочил и подошел к Ане, положил ей руки на плечи.

– Ты просто устала, – сказал он. – Все мы устали. Этот год выдался не из легких. Возьми отпуск. Просто отпуск. Не торопись. Потом вернешься – и мы поговорим еще раз. Ты же ничего не теряешь. Такие решения лучше не принимать...

– Я не могу ждать, – сказала Ана.

Она повернулась к Саду и посмотрела ему в глаза.

– Ты хочешь знать, как я себя чувствую? Да, мне становится хуже. С каждым днем. И ты прекрасно это знаешь. Так было всегда. Я просто не могу ждать.

– Но зачем? – спросил Сад. – Почему именно сейчас? Почему именно туда? Ты ведь не думаешь, что...

Сад осекся.

– Он был из Хапура?

Ана молчала.

– Но это просто самоубийство. С таким же успехом можно...

– Для меня сейчас все – самоубийство. Я уже не в том... состоянии.

Она попыталась еще раз улыбнуться, но не смогла.

– Это правда ничего не изменит. Сколько еще? Несколько дней, месяц, полгода. Это вся жизнь. И я уже просто устала. Если это...

Ана потерла рукой глаза, ей не хотелось плакать.

– Просто считай, что это... мое особое желание.

Лицо у Сада вытянулось.

– Значит, настолько плохо?

– Уже давно.

– А что говорят врачи? Ты уверена...

– А что врачи? Они еще лет десять назад обещали мне несколько месяцев. Только тогда я чувствовала себя лучше.

– Но, может, это... Из-за все этих перепадов... Вот и Ила даже... Я бы... не торопился. Сходи к врачу.

Ана кивнула.

– Я схожу, вот только... Ты знаешь, я никогда не доверяла врачам. Я почему-то уверена, что обязательно долечу до Хапура. А ты знаешь, там воздух чище... Может, это даже...

– Не надо, – сказал Сад. – Давай ты просто отдохнешь. Мы потом обсудим это еще раз. Спокойно. Через неделю или две.

Василий Воронков

– Хорошо, – вдруг сказала Ана. – Я возьму отпуск. По состоянию здоровья. До тех пор, пока мне не станет лучше... Договорились?

– Да, – пробормотал Сад.

– А когда я выздоровлю, ты возьмешь меня обратно?

Ана улыбнулась Саду.

Вдруг, подчиняясь какому-то неосознанному порыву, она дернула штору на окне, ожидая, что комнату зальет солнечный свет, но на улице было сумрачно, как будто небо вновь затянула пелена тумана.

ПОСЛЕДНЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Ане совсем не хотелось опаздывать в последний свой день, но на станциях была дикая толчея, ей пришлось пропускать поезда, и в итоге она добралась до видая-лая, когда урок уже начался.

Дети вели себя необычно тихо, никто не перешептывался и не смеялся.

Ана чувствовала, как все напряженно на нее смотрят, пока переворачивала страницы в растрепанном учебнике, пытаясь вспомнить, какую тему они вчера изучали. Она вдруг подумала, что все уже знают, даже ученики – это ее последний день в видая-лая, больше она не придет сюда никогда.

Во время обеденного перерыва Ана хотела найти Илу, но ее подруги нигде не было, и Ане пришлось сесть за стол одной. Ила вновь заболела? Или просто боялась увидеть ее в последний раз?

И тут Ана поняла – ее уже не печалит то, что она уходит из видая-лая, где проработала всю свою жизнь. Ведь это только на время. Как больничный. Как отпуск. Просто Нив наконец вернулся домой, скоро начнется праздник красок, и она договорилась на работе, что отдохнет несколько дней.

Ана и правда начинала верить, что скоро вернется. Даже представляла себе лицо Сада, когда она зайвится в видая-лая, здоровая, улыбчивая, и скажет, что его совет пришелся кстати, что она хорошо отдохнула, врачи выписали ей новое лекарство, и она так соскучилась по своей работе, что готова взять еще один дополнительный курс.

На последней перемене, когда Ана готовилась к уроку, вычерчивая на доске карту южных земель, в класс зашел Пар. Он сделал вид, что ошибся дверью, но не спешил уходить.

– Как-то в последнее время... – неуверенно начал Пар и осекся. – Сад сказал, что у тебя сегодня последний день.

Это даже не было вопросом, но Пар чего-то ждал, продолжая стоять в дверях.

– Да.

Ана отошла от доски, все еще сжимая в руке крошащийся мел.

– Извини, что так вышло, – сказала она. – Я ухожу по... состоянию здоровья. Может быть, даже потом я...

Мел выпал у нее из руки, но она не стала его поднимать.

– Уверен, все будут по тебе скучать, – сказал Пар.

Ана улыбнулась.

– Но мы ведь еще увидимся? – спросил Пар. – Будешь ведь заглядывать иногда? Сад говорил, что...

Ана покачала головой.

– Я не знаю. У меня сейчас все... довольно сложно. Возможно, мне придется уехать.

– Уехать?

Пар стоял у выхода в коридор, удивленно глядя на Ану.

– Уехать? – повторил он. – Но...

Перемена заканчивалась, дети начали заходить в класс, в любой момент мог прозвучать звонок. Пар отошел от двери, пропуская детей. Ему нужно было уже идти на свое занятие, но он медлил.

– Ты знаешь, – начал Пар, – а я вот уверен, что мы...

Когда закончился последний урок, был еще ранний вечер.

Солнце не слепило глаза, как днем, в воздухе совсем не чувствовался запах песка. Ана вспомнила о том, как Нив раньше встречал ее после занятий. Она остановилась у входа в видая-лая и закрыла глаза, глубоко вдохнув через респираторную маску.

Когда Нив возвращался из пустыни, то встречал ее каждый день. Случалось, что он опаздывал – по вечерам поезда часто бывали переполнены, – но она всегда терпеливо ждала его у входа. Ана стояла у дверей, а ее коллеги проходили мимо и удивленно смотрели на нее.

Василий Воронков

Вот прошел Икапада, обхватив свой старый портфель, как будто это тяжелая гуптика, которую он тащит в класс. Вот Вайс торопится куда-то. Вот спустился Сад, остановился перед Аной и забавно поднял брови.

– У меня тут встреча, – объясняет Ана.

Сад кивает и идет дальше, мелкими неуклюжими шажками, постоянно оглядываясь назад.

Вскоре никто уже не выходит.

Начинает смеркаться, поднимается пыльный пустынный ветер. Ане становится трудно дышать. Но она продолжает ждать.

Однажды Ана ждала Нива у видая-лая до тех пор, пока не начали загораться ночные фонари. И только потом она поняла, что он уже никогда не придет.

На следующий день Ана проснулась рано – все тело ее было мокрым от пота, а голова раскалывалась от боли. Но Ана была уверена, что ей нужно торопиться, хотя с трудом заставила себя подняться с постели. Надо было собираться. Комнатные часы показывали приближение рассвета. И жары. Радио, которое обычно будило ее по утрам, еще не работало, издавая тихое протяжное шипение.

У Аны вдруг возникло такое чувство, словно она забыла о чем-то очень важном, о чем-то таком, что никак нельзя было забывать.

Шприц все еще лежал на тумбочке, но укол теперь был ей не нужен. За окном все еще стояла ночная темнота.

Ана оделась и вышла из дома.

Она чувствовала себя, как после затяжной комы. Теперь нужно заново учиться дышать, ходить, говорить с людьми.

На улицах не было даже прохожих. Ана шла по старому кварталу, где с домов осыпалась штукатурка, представляя, что осталась в этом городе совсем одна.

Поезда в такой час ходили редко – город только отходил от оцепенения ночи, – и Ана долго стояла на перроне. Из-за пугающей пустоты вокруг казалось, что еще глубокая ночь – слишком светлая из-за необъяснимых атмосферных явлений, окрасивших небо в цвет песка с морских берегов, – и поезда не будут ходить до рассвета.

Однако вскоре на эстакаде показались яркие прожекторные огни. В вагоне никого не было, и Ана села у окна. Она знала – ей предстоит неблизкий путь.

Поезд набирал ход, небо над городом прояснялось, и со стороны песков стало подниматься багровое зарево зари.

И тут она вспомнила.

Воспоминания нахлынули на нее. То, что нельзя было забывать. Ана вспомнила свой сон. Ей снилось, что она бежит по долине, где земля необычно синего цвета, а небо – в талой дымке легких перистых облаков. Ана бежит, спасается от кого-то. Она чувствует, что сейчас ее обязательно нагонят. Она в панике. Она боится даже оглянуться. Она спотыкается, едва восстанавливает равновесие, потом снова задевает за что-то ногой и падает на синюю землю. Преследователи теперь совсем близко. Ана даже слышит топот их ног за спиной. Она быстро поднимается и снова бежит, понимая, что уже слишком поздно, что ее попытки спастись теперь не имеют ни малейшего смысла. Она потеряла бесценные секунды. Они ее схватят. Ана быстро устает, ей становится сложно дышать. Она захлебывается, а ее преследователи уже рядом. До нее доносятся их голоса. Ана неожиданно понимает, что здесь – на этой синей равнине, где воздух чист и прохладен, а вместо раскаленного песка под ногами влажная, как после дождя, земля, – здесь она сможет дышать сама, без респираторной маски. Но почему-то маска все еще на ней. И не такая как обычно. Новая маска закрывает почти все ее лицо, оставляя лишь уродливо вытянутую прорезь для глаз, а вместо дыхательной мембраны изо рта торчат две толстые изогнутые трубки, которые срастаются в пульсирующий нервный узел на затылке. Не останавливаясь, Ана пытается сорвать с себя маску, но не может. Преследователи уже за ее спиной. Ана чувствует их дыхание. Она спотыкается снова. Затем темнота.

Сидя в поезде, Ана невольно потянулась к маске. Вокруг было пусто, на нее никто не смотрел. Ана уже начала расстегивать зажимы на затылке, но остановилась. Над головой заиграла тихая красивая музыка. Поезд прибывал к станции.

Ана не доехала до агада-лая.

Вместо этого она пошла в ботанический сад и долго бродила по оранжерее, мимо высоких саркофагов из запотевшего

Василий Воронков

стекла, где, как она слышала, стояли вовсе не настоящие растения, а лишь искусные имитации, которые никогда не увядали и никогда не цвели. Однако дхаавы работали в полную силу, и воздух пах влажной землей.

Ана гуляла в ботаническом саду несколько часов. Она не устала и как будто нарочно ждала, когда станет слишком поздно, чтобы идти к врачу.

На следующий день Ана тоже не поехала в агада-лая. И день спустя. Ей вдруг стало лучше – она и сама не понимала, почему.

В ее жизни по-прежнему ничего не происходило.

Несколько раз звонила Ила, извинялась, что не пришла в видая-лая в ее последний день, предлагала встретиться, куда-нибудь сходить, и Ана соглашалась, хотя в действительности не собиралась никуда идти. Ей вдруг стало пугать хорошее самочувствие. Голова по утрам не болела, тошнота прошла, приступы не мучили по вечерам. Ана чувствовала себя здоровой и полной сил. Даже маска была, казалось, больше не нужна – Ана надевала ее лишь по привычке. И только спустя несколько дней она наконец поняла, что просто престала делать себе уколы по утрам, что в этом, видимо, и кроется причина ее странного выздоровления.

Ей нужно было к врачу.

Ане не хотелось идти, и она несколько раз откладывала визит. Она сознавала, что полегчало ей ненадолго, что это обманчивое чувство легкости куда страшнее недомогания по утрам, что уколы перестали действовать лишь потому, что тело ее уже привыкло к лекарству.

Однако Ане не хотелось в это верить. Больше не было приступов удушья, головной боли. Она хорошо высыпалась, хотя спать теперь ложилась позднее. Нередко ей хотелось прямо на улице снять респираторную маску. Она стала нормальной – такой же, как все. Даже воспаления на лице побледнели, кожа начала заживать.

Ана чувствовала себя красивой. Она сходила на представление в рагазал и смеялась вместе с остальными. В прохладном самаде она разговорилась с незнакомым мужчиной, который, наверное, и не знал, что она носит респираторную маску. Но все это время Ана понимала, что ей нужно к врачу.

Она решила съехать в агада-лая в выходной, вновь проснувшись рано утром, когда еще даже не начало светать.

Агада-лая уже работала, однако врач сильно удивился, увидев Ану.

Ана зашла, не дожидаясь, пока ее вызовут на прием – в коридоре все равно никого не было, – и уже в кабинете вдруг замерла на пороге, растеряв всю свою решимость.

Полноватый мужчина с бугристым лицом неприятно скривился, увидев ее, и встал из-за стола.

– Вы? – удивился он. – Но вам ведь было назначено на...

– Я, наверное, перепутала что-то, – сказала Ана. – Я могу подождать в коридоре, если вы...

– Ладно, – снисходительно сказал врач. – Раз уж пришли...

Врач уселся за стол и качнул пальцем фигурку вахата, которая прижимала стопку исписанных бумаг; его пресс-папье чуть не упало, но врач вовремя перехватил фигурку рукой. Вимауна. Врач зевнул и стал массировать виски.

– Да, – вздохнул он. – Рано вы сегодня, конечно.

Ана стояла перед столом. Она взволнованно дышала, лицо ее раскраснелось. Она не знала, с чего начать.

– Ну? – нетерпеливо спросил врач. – Как самочувствие?

– Вы знаете... – сказала Ана. – Я думаю... Мне кажется, мне...

Врач продолжал играть с пресс-папье в виде вахата, опрокидывая его одним пальцем и перехватывая другим.

– ...стало лучше.

– Так, – сказал врач. – Вы – Анаадитва?

Ана кивнула головой. Врач оставил в покое вахат и начал перекладывать бумаги на столе.

– Что-то я не нахожу ваше дело, мне, видимо, еще не принесли... А, нет. – Врач достал из завала папку и перелистнул несколько страниц. – Так, – сказал он. – Понятно. Все понятно.

И посмотрел на Ану.

– Что?

– Не удивительно, что стало хуже, – ответил врач. – Затянули вы свой визит. Не стоит так делать, конечно. Так весь курс нашего лечения может оказаться бесполезным.

– Нет, вы не поняли, – быстро заговорила Ана. – Мне стало лучше. Я чувствую себя хорошо.

Василий Воронков

– Что ж, – врач кашлянул, – в любом случае откладывать не стоило.

– Извините, – сказала Ана.

– Что уж теперь... – сказал врач, бросая на стол папку. – Значит, в последний раз мы...

Ана смотрела на него, затаив дыхание. Быть может, на сей раз никакие тесты не потребуются. Он просто подойдет к ней, проверит пульс, послушает дыхание...

– Ну что же, – врач зачем-то посмотрел на свои наручные часы. – Пройдемте, – и показал рукой на дверь в соседнюю комнату.

– Но я... – начала Ана. – Мне ведь стало...

– Это не займет много времени, – сказал врач. – В противном случае вам придется прийти сюда еще раз.

Они зашли в соседнюю комнату. Ана по-прежнему надеялась, что врач просто послушает ее дыхание. В полном обследовании нет никакого смысла, ведь она уже проходила его в прошлый раз. Но врач предложил Ане сесть напротив страшного, напоминающего человеческие легкие аппарата. Два выпуклых стеклянных резервуара были заполнены желтоватой жидкостью, похожей на желчь.

Ана ждала.

Врач посмотрел на нее с нетерпением.

– Вы ведь знаете, что нужно делать? – спросил он. – Дышите ртом, через трубки.

– Но вы уверены... – проговорила Ана, испуганно поглядывая на аппарат, однако врач не удостоил ее ответом.

Ана начала дышать.

Жидкость в прозрачных колбах вспенилась и забурлила, рвотная горечь обжигала ей гортань. Она не выдержала и, отвернувшись от аппарата, тяжело закашлялась, прижимая руку к груди. Голова у нее закружилась.

Врач пододвинул к Ане металлическое судно.

– Вот, сплюньте, – сказал он.

Ана склонилась над судном.

– И продолжайте дышать, – добавил врач. – Извините, но это необходимо.

– Но я... – с трудом проговорила Ана.

– Дышите через трубки, – повторил врач, как-то странно, задумчиво улыбаясь. – Еще совсем немного.

Ана снова припала к аппарату. Она старалась дышать не глубоко, но ей все равно казалось, что едкие пары заполнили все ее легкие. Жидкость в колбах яростно клокотала. Ана опять закашлялась, склонилась над судном, и ее стало рвать.

Справившись с тошнотой, Ана повернулась к аппарату. Она была уверена, что врач и сейчас скажет неизменное «продолжайте дышать», но он, напротив, остановил ее, слегка коснувшись рукой плеча.

– Достаточно.

Голос у врача дрогнул. Жидкость в колбах аппарата потемнела и стала густой, как гной. Врач протянул Ане сложенный, как носовой платок, бинт, и она вытерла губы.

– Так. Ну, что же... – сказал врач, качнув головой, и замолчал. Ана посмотрела на него.

– Как самочувствие последнее время?

Ана попыталась ответить, но рот ее сводило от едкой горечи.

– Сейчас...

Врач вышел в соседнюю комнату. Ана продолжала сидеть перед аппаратом. Темная жидкость в прозрачных резервуарах успокоилась и стала опадать, медленно стекая по стенкам сосудов.

– Вот, – сказал врач, вернувшись.

Он протянул Ане стакан воды.

– Прополощите рот.

Ана набрала в рот воды и сплюнула в судно. Можно было подумать, что врач уже забыл о своем вопросе, и ответ ему не интересен.

– Последнее время, – начала Ана, – я чувствую себя хорошо... Мне стало лучше... Я даже думала...

Ана вновь закашлялась. Врач покачал головой.

– Ладно, – сказал он. – Давайте вернемся в мой кабинет.

Он снова положил руку ей на плечо.

Ана встала, но тут же покачнулась и схватилась за ручку двери. Врач обнял Ану за плечи и аккуратно проводил к креслу для посетителей рядом со своим столом – как больную, которая едва умела ходить. Потом он уселся сам, качнул пальцем фигурку вахата, но не рассчитал усилие, и блестящее пресс-папье грузно повалилось на стопку бумаг.

Василий Воронков

Ана по-прежнему напряженно смотрела на врача, ждала, когда же он ей все объяснит – почему в этот раз она совсем не могла дышать через аппарат, почему жидкость в резервуарах так быстро изменила свой цвет. Быть может, это даже хороший знак.

– Да, я не думал, что так быстро... – сказал врач, не глядя на Ану. – Не стоило вам так откладывать визит. Быть может, если бы вы пришли раньше...

Он что-то записывал в медицинском деле Аны. Фигурка вахата по-прежнему лежала на боку.

– Вы дадите мне направление на новый препарат? – спросила Ана.

Врач поднял голову.

– Что-нибудь происходило последнее время? – спросил он. – Вы регулярно делаете уколы?

– Да, но... – Ана сглотнула, во рту еще чувствовалась горечь. – Последние несколько дней я не делала. От них только... начинало тошнить...

Врач ничего не ответил. Он продолжал писать. Новое направление, подумала Ана. Ей показалось, что свет в комнате на секунду погас, но она не обратила на это внимания.

– Но мне стало лучше, – сказала Ана.

– Это... ненадолго, – сказал врач.

Ана не поняла.

– Почему? – спросила она и тут же ответила сама: – Вы имеете в виду, если я не буду делать уколы?.. Но мне становилось плохо от...

Врач продолжал писать.

– Вы выпишите мне новое направление? – еще раз спросила Ана.

Врач вздохнул, откинулся в кресле, поднял со стола фигурку вахата и опустил ее на тот самый лист бумаги, на котором только что писал – как будто поставил печать.

– Я боюсь, что уже...

Врач вздохнул и покачал головой.

– Мне просто нечего вам выписать...

Ана почувствовала холодок на коже.

– Мне очень жаль, – добавил врач.

– Но мне же стало лучше! – почти выкрикнула Ана и закашлялась.

Ей не нужно было приходить. Этот пыточный аппарат отравил ее дыхание. Этот человек с отталкивающей болезнью кожи только издевается над ней.

– Я не понимаю... – сказала Ана. – Вы знаете, я... Я пойду к другому врачу...

Она резко встала. Ей нужно было уйти, презрительно хлопнув дверью, но в глазах у нее снова потемнело, и она покачнулась.

– Подождите!

Врач привстал из-за стола.

– Не нужно торопиться. Сейчас это пройдет. Посидите, отдохните. А я пока...

– Но мне же стало лучше... – повторила Ана.

Они сидели друг против друга – Ана, тяжело и часто вдыхая, и врач, склонив голову, делая вид, что читает свои записи. Говорить было больше не о чем, но и просто молчать становилось невыносимо.

– И это... все? – спросила Ана.

Врач потер рукой подбородок и посмотрел на Ану мутными глазами.

– Да, боюсь... – сказал он, прикрыв рот ладонью, словно сдерживал кашель. – Мне очень жаль.

Ана медленно поднялась с кресла. Головокружение уже прошло, но она все еще чувствовала себя слабой, отравленной едкими парами, которые вдыхала.

Врач внимательно следил за ней.

Ана собиралась уйти – ведь говорить уже было не о чем, – но вдруг замешкалась, задумалась о чем-то и подошла к окну.

– Быть может, вы хотите что-нибудь? – спросил врач, повернувшись. – Я могу вам... У меня где-то есть...

И он начал рыться в ворохе бумаг на столе.

Но Ана лишь молча покачала головой.

– Вы знаете, – начала она, – почему-то даже сейчас... что бы вы ни сказали... Почему-то даже после...

Ана глубоко вздохнула.

– Я все равно чувствую себя такой...

Ана резко замолчала – ей не хватило дыхания, чтобы произнести последние слова.

Врач нервно заерзал в кресле.

Василий Воронков

– Это будет... очень тяжело? – вдруг спросила она.

– Что?

От удивления врач даже выронил бумаги, яркие печатные буклеты, которые соскользнули под стол.

– Я уверен, что мои материалы, специальные, – врач с ударением выговорил это слово, – материалы наверняка помогли бы вам избавиться от... беспокойства.

Он нагнулся, чтобы подобрать буклеты.

– У меня нет беспокойства, – сказала Ана. – Вы не понимаете. Как раз напротив... Вы знаете, я...

Она опять не договорила.

– Ну, смотрите сами, – сказал врач, шумно выдыхая и распрямляясь в кресле; в руке у него был помятый цветной буклет. – Вы можете подать заявление на госпитализацию, и в вашем случае ее обязательно...

Ана продолжала стоять у окна.

– Но ведь это так глупо, – тихо сказала она, и голос ее дрогнул. – Почему именно сейчас и... Совсем недавно я была бы, наверное, рада, что мне не придется... Но сейчас.

Врач начал нервно листать свой буклет.

– Ведь мне даже некому... – сказала Ана. – Но почему же тогда так...

Ана опустила голову и закрыла лицо руками. Врач поднялся из-за стола.

– Я так хочу жить, – прошептала Ана.

Врач ничего не сказал – он лишь взглянул на нее и отвернулся. Они долго молчали. Врач стоял, сцепив за спиной руки, и едва заметно кивал головой, хотя Ана не говорила ни слова.

Последняя беседа с пациентом. Можно просто постоять у окна.

– Вы думаете, там у меня был бы шанс? – вдруг спросила Ана, посмотрев через отражения настенных ламп на пустое утреннее небо.

– Где там? – не понял врач.

Ана не ответила.

Врач тоже посмотрел на небо. Было заметно, что он чувствует себя обязанным – из врачебной этики, из чувства долга... Но ему так хотелось поскорее закончить этот разговор.

– Тысячи миль песков, – сказала Ана.

– Да, – сказал врач.

Было еще ранее утро, но казалось, что уже стоит глубокий, оглушающе тихий вечер. Скоро на всех улицах загорятся синие огни. Перестанут работать эстакады.

– Я думаю, – сказал врач, – я думаю, что вам... что вам лучше...

Он снова закашлялся, видимо, размышляя про врачебный этикет.

– У вас же есть еще много... – сказал, наконец, врач. – У вас есть еще время... Вы можете взять буклеты. Или стационар...

Ана ничего не ответила, продолжая смотреть в окно.

– Вы можете продолжать делать уколы, – сказал врач. – Тот препарат, который я выписывал вам в прошлый раз. Возможно, он еще...

Он повернулся к Ане, неуверенно поджимая губы. Ана невольно потеряла левую руку чуть ниже локтя – там, где сильнее всего болело.

– Пожалуй... – сказала Ана.

Она вздохнула и отвернулась от окна.

– Пожалуй, я не буду больше делать уколы... Вы знаете, мне кажется, что от уколов...

Врач собирался возразить, но вместо этого снова прикрыл рот рукой, сдерживая кашель.

– Что ж, вам решать... – сказал он, усаживаясь за стол.

– И это все? – снова спросила Ана.

Врач кашлянул.

– Я думаю... на самом деле...

Он посмотрел на часы, затем стал что-то шумно искать в кармане.

– Я, пожалуй, все-таки смог бы записать вас...

– Мне пора, – сказала Ана.

Врач замер, не вынимая руки из кармана.

– Ну, что ж, до встречи, – сказал он.

– До встречи, – сказала Ана.

Уже на улице, в респираторной маске, она остановилась неподалеку от агада-лая и посмотрела на серое утреннее небо. Она никак не могла поверить в то, что только начинается день.

Когда Ана вернулась домой, тошнота и жжение в легких прошли. Она вновь чувствовала себя здоровой, дышать было

Василий Воронков

легко, она даже не замечала духоты в комнате. Ана подумала, что все бы отдала, только бы забыть этот разговор. Ей не стоило ходить. Незнание лучше.

Ана вдруг поняла, как ненавидит этого врача с некрасивым бугристым лицом – его манеру говорить, его полные неуклюжие руки, ворох бумаг на столе, пресс-папье в виде вахата, все здание этой проклятой агада-лая, до которого нужно так долго идти пешком. Почему она должна верить? Почему она должна вообще принимать это всерьез? Она же чувствует сама. Она же знает.

Ана никак не могла успокоиться.

Она взволнованно ходила по комнате. Дыхание ее участилось, руки дрожали. Она пыталась слушать радио, но передавали лишь сумрачную тишину, помехи и какой-то неразборчивый крик.

Врач наверняка ошибся. Его аппарат, обжигающий легкие, неправильно работал. Ана решила, что обязательно пойдет к другому врачу, вновь запишется на полное обследование. Ведь ей же стало лучше, ее никто не может обмануть. Ей уже говорили, что у нее осталось всего несколько месяцев жизни. Они уже ошибались раньше.

Ана устала, почувствовала голод, но ей не хотелось готовить. Уже близился полдень, и на улице стояло привычное пекло. Из окна казалось, что вся мостовая занесена песком.

ПАДЕНИЕ

Несколько дней подряд, просыпаясь утром, Ана начинала собираться в видая-лая и, уже одевшись, стоя на пороге, понимала, что ей некуда идти. Больше не надо пробиваться через толпы на Самкаре, не надо ждать на станциях опаздывающие поезда.

Однажды утром Ана заметила необычное оживление на улице внизу – прямо под ее окнами толпились люди, раздавались крики, трубил полицейский горн. Ана подумала, что начался какой-то внеурочный праздник, шествие гуляк по старым кварталам, но потом по сверкающим в утренних лучах путям пролетел пассажирский состав.

Нивартан наконец открыли.

Ану так поразило это, что она долго смотрела на эстакаду, прислонившись лбом к холодному после ночи стеклу. Она

пыталась вспомнить, когда в последний раз садилась на поезд на Нивартане. Казалось, это было много лет назад.

Спустя несколько часов, когда радостный раж под включенной эстакадой затих, Ана оделась и спустилась на улицу.

Она чувствовала себя хорошо, дышать было легко, голова совсем не болела – утренние инъекции теперь не отравляли ее. Приближался полдень, однако солнце скрывали редкие облака, и привычное для такого часа пекло откладывалось до тех пор, пока ветер не разгонит собравшуюся на небе хмарь.

Ана вспомнила – год, или больше, назад она так же шла по этой полуденной улице, опаздывая на урок, ей слегка нездоровилось после укола, а маска с забитыми фильтрами издавала при каждом вдохе громкий надрывный хрип. Нив был в пустыне, далеко за южной стеной. Ана физически ощущала то расстояние, которое их разделяет – бесконечные мили выжженного солнца. Но теперь она чувствовала лишь пустоту.

По эстакаде пролетел поезд. На секунду у Аны заложило уши от гвалта колес. По мостовой неслась длинная стремительная тень состава. Поезд замедлял ход. Впереди был Нивартан.

Еще дома, планируя свою полуденную прогулку, Ана решила, что обязательно прокатится по старому маршруту, сядет на поезд, уходящий со станции, и, быть может, доедет до видающей, зайдет поздороваться с Илой и Садом – со всеми, кого сможет застать. Сад спросит ее о самочувствии, и Ана ответит, что чувствует себя хорошо. Ведь она и правда выглядит здоровой и сильной. Она улыбнется. И Сад поверит. Он спросит, когда она собирается вернуться, когда ее вынужденный отпуск подойдет наконец к концу, и Ана...

Ана замерла, уставившись на перрон, нависающий над улицей. Поезд уже отбывал – раздался упредительный гудок. У яркой синей арки теперь не дежурили полицейские. Вход на станцию был свободен. Но Ана продолжала стоять.

Когда состав, сверкая слепыми окнами вагонов, скрылся за поворотом, Ана развернулась и пошла домой. Ее респираторная маска издавала протяжный хрип.

Вечером ей позвонила Ила.

– Ну, как ты? – спросила Ила. – Обратно не собираешься еще? А то у нас тут целый завал. На меня все твои классы повесили.

Василий Воронков

Неужели Сад действительно сказал всем, что она просто взяла отпуск по болезни?

Ана молчала несколько секунд, прежде чем ответить.

– Ты там? – голос Илы стал громче. – Я совсем тебя не слышу!

– Да, да, я здесь, – сказала Ана. – У меня все в порядке. Куда лучше, чем...

Она вздохнула, пытаясь подобрать слова.

– Мне, наверное, и правда нужно было немного отдохнуть... Так что назад пока не собираюсь.

– Но с тобой точно все в порядке? – спросила Ила.

– Да, – ответила Ана. – Я думаю, да.

– Кстати, ты ведь знаешь, конечно, что северную линию открыли? – сказала Ила. – Бывает же такое. Прямо когда ты ушла. Я, кстати, тут подумала... У меня на завтра нет...

В трубке послышался треск, и голос Илы потонул в помехах.

– Что? – спросила Ана. – Что ты говоришь?

Ана несколько раз дернула за рычаг гириазы, но это не помогало – вместо привычных гудков в трубке раздавалось лишь странное шипение и треск, как в приемнике, который никак не может поймать радиоволну.

Ана повесила трубку.

Утром Ане нездоровилось. Ее тошнило, она даже не смогла заставить себя выпить чашку хараса – от одного лишь запаха этого горячего пойла у нее к горлу подступал теплый комок.

Ана постаралась успокоиться, умыла лицо холодной водой. Возможно, это просто перепады давления, как говорит Ила. Многим нездоровится в эти дни.

Ана села у окна и включила радио. По радио говорили о том, что в южной пустыне бушует сильный песчаный шторм, который может дойти до самого города.

Ана прибавила громкость.

– Уже сейчас в южных районах города сильный и сухой ветер, – говорили по радио. – Мы рекомендуем всем жителям по возможности не выходить из дома. Движение поездов на нескольких линиях уже...

Внизу, под окном, пронесся скоростной поезд, уходящий навстречу обещанным пустынным ветрам.

– По нашим оценкам, это самая сильная буря за последние сто лет, – говорили по радио. – Все полеты над южными секторами нандин отложены, отменены рейсы на юг. Некоторые считают, что буря может продлиться несколько дней, и до тех пор...

Ане вдруг показалось, что на улице необычно стемнело, и утреннее солнце уже затмили песчаные облака.

– Буря была впервые зарегистрирована на...

Радио разошлось резким треском помех, Ана потянулась к приемнику, чтобы настроить частоту, но вместо этого обхватила руками голову и застонала. Боль усиливалась.

– Обычно такие бури останавливают... Но уже несколько... назад стало ясно...

Радио продолжало хрипеть – шум песчаного ветра заглушал голос ведущего.

– ...из-за перепадов давления... – проскрежетало радио, – рекомендуется...

Ана выключила приемник.

Улица внизу опустела. Ветер поднимал на тротуарах пыль. Вскоре даже маячки на эстакаде стали вспыхивать красным.

Ана долго сидела у окна.

Головная боль не проходила. Ана даже думала о том, чтобы сделать укол, хотя понимала, что это никак не поможет. Она намочила холодной водой полотенце, сделала себе компресс и прилегла на постель.

Ей снился песчаный шторм.

Разбудил ее звонок.

Ана с трудом заставила себя подняться и подошла к гиризе. В трубке снова раздавались лишь шорох и надсадный треск. Ана попробовала набрать номер Илы, треск пропал, но вместо гудков она услышала лишь странную непроницаемую тишину.

За окном было все еще темно, ветер усилился. Ана подошла к столу и включила приемник. Послышался глухой и протяжный хрип, а потом зазвучал слабый, едва пробивающийся сквозь пелену помех голос:

– В центральных районах уже... невозможно определить... движется на север...

Больше Ана ничего не могла разобрать. Она выключила приемник.

Василий Воронков

На секунду в комнате стало тихо, а потом послышался глухой гортанный вой и странный шелест, напоминающий пометы в эфире, как будто эхо от выключенного радио все еще разносилось по улицам.

И тут все за окном затянула пелена песка.

Песчинки барабанили в стекло. Ветер поднимал песок в небо и волнами обрушивал на эстакаду, пытаясь снести ее с опор. Стало темно, как ночью.

Буря бушевала всю ночь.

Ана уже и не помнила, как заснула, однако утром, встав с постели, она сразу же поняла, что все завершилось, даже не поднимая шторы на окне.

Тишина.

Выпив чашку горького хараса, Ана оделась и вышла из дома. Улица была ослепительно пустой, без признаков жизни. Сигнальные маяки на эстакаде не горели. Запах песка, который скрипел под ногами, чувствовался даже через маску. Город стал заброшенным, мертвым, сдался на милость пустыне.

На перроне Ана стояла одна.

Поезда не было долго. Прошло больше часа, прежде чем из-за поворота в конце улицы вынырнул пассажирский состав, который пролетел мимо перрона, сверкая пустыми окнами. Громкоговорители молчали. Никто не предупреждал об измененном расписании поездов.

Ана простояла еще час. В итоге небольшая поездка заняла у нее куда больше времени, чем путь на работу через Самкару в утренние часы.

Когда Ана добралась наконец до управления регистрации полетов, то оказалось, что работает лишь одно окно, и к нему выстроилась длинная очередь, начинавшаяся еще на улице, под фигурной аркой.

Ане снова пришлось ждать.

У нее заболели ноги, ей стало тяжело дышать. Респираторная маска при каждом вдохе издавала слабый протяжный хрип.

Когда подошла очередь Аны, она уже едва стояла на ногах. Безразличный голос в окошке произнес:

– Куда?

– Южный... Хапур, – сбивчиво сказала Ана.

– Документы.

Ана протянула в окошко тоненькую книжицу со своими бумагами. Через несколько секунд мужчина за стойкой недовольно спросил:

– А где справка?

– Какая?

– Медицинская справка, – повторил мужчина. – Для разрешения необходима медицинская справка по форме...

– Но, вы знаете, я... – начала Ана.

– Следующий! – перебил ее мужчина.

Ана даже не успела ничего сказать – кто-то оттолкнул ее от окошка. Она вышла из плева. Очередь в бюро стала еще длиннее и тянулась до самого конца улицы.

Следующие несколько дней Ана почти не выходила из дома.

Пару раз звонила гиираза – линии вновь заработали после бури, – но Ана не поднимала трубку. Она лежала в постели и слушала радио, по которому, вместе с помехами, передавали скучноватую музыку и новости о том, что ее не интересовало.

О песчаных бурях больше не говорили, жизнь вернулась к норме. Несколько дней рабочие неторопливо расчищали под ее окнами песок.

Потом Ана решила поехать в свою старую агада-лая, которую посещала до того, как ее перевели. Наверняка прежний врач еще ее помнит. Он был внимательным, сосредоточенно слушал ее, когда она рассказывала о своих приступах по вечерам и ни разу не заставлял дышать через жуткий, похожий на искусственные легкие аппарат. Ана подумала, что старый врач наверняка выдаст ей требуемую справку.

Однако ей пришлось прождать в плеве до самого вечера.

Невысокий мужчина лет сорока пытался заговорить с Анной, но она ничего не отвечала и лишь мотала головой, как немая. Ей хотелось, чтобы он замолчал. Ана обрадовалась, когда мужчина наконец ушел – поднялся куда-то по лестнице, – но потом поняла, что, кроме него, никто не обращает на нее внимания, что она может просидеть здесь хоть несколько дней, а ее так и не вызовут на прием.

Ана постучала в дверь кабинета и, когда ей не ответили, медленно повернула ручку и заглянула внутрь. Врач сидел за столом и листал книгу. Увидев Ану, он недовольно показал ладонью на дверь.

Занят. Подождать в коридоре.

Прошло уже несколько часов, а он все никак не освободится.

Ане вдруг захотелось, чтобы приставучий мужчина вернулся – со своим громким голосом, от которого больно покалывало в висках. Он хотя бы проявлял к ней интерес.

Ана просидела перед кабинетом врача до сумерек, а потом поехала домой.

По дороге она думала, что не сдастся, что завтра обязательно приедет снова и будет, если потребуется, приезжать каждый день, пока они не поймут, что она заслуживает эту несчастную справку, последнюю услугу, которую они могут ей оказать.

Ана так разволновалась, что не сразу почувствовала жжение в легких, как после едких лекарств. Воздух в вагоне стал странно разреженным, она не могла глубоко вдохнуть. Так обычно начинался приступ.

Ана вышла на ближайшей станции и спустилась в плев.

Она села на скамейку и закрыла глаза. Попыталась успокоиться. Это вовсе не приступ, с ней все в порядке. Она просто устала. Это пройдет.

Ана вдруг вспомнила, как познакомилась с Нивом. Она тогда потерялась и никак не могла найти очередную агада-лая. Это было давно, с тех пор все изменилась.

Ана еще раз попробовала сделать глубокий вдох и услышала тусклый приглушенный свист, который доносился откуда-то снизу, из подсобных помещений здания.

Она встала со скамейки и, покачнувшись, оперлась рукой о стену. Рядом с лестницей стояли двое полицейских и поглядывали на нее с вялым безразличием. Раздался отрывистый гудок, и поезд над ними начал медленно, с тяжелым металлическим лязгом, набирать ход.

В плеве былолюдно. Хлопала входная дверь, слышались голоса и топот ног.

Но свист не исчезал.

Ана по-прежнему отчетливо его различала – во всем этом хаотичном шуме, который сливались в единый, висящий в воздухе гам. Иногда свист сбивался, затухал, но потом расходился снова, громче и ярче, вплоть до звона в ушах.

Ана не могла больше здесь находиться.

Она направилась к выходу. Кто-то сильно толкнул ее в плечо, и Ана оступилась, вновь оперевшись рукой о стену. На станцию подошел новый поезд, и теперь спускающаяся с перрона толпа ломилась в узкие двери, распахивая всех на своем пути.

Ана отступила в конец плева.

Нужно было немного подождать. Вскоре толпа поредеет, и она сможет выйти.

Свист становился все громче. Каждый шаг давался Ане с трудом. Она вдруг почувствовала, что не может даже вздохнуть.

Что-то происходило вокруг.

Людей точно било током, некоторые даже испуганно отшатывались от стен. Лампы у потолка на мгновение погасли, а потом загорелись истощенно-красным. И тут же раздался чудовищный, разрывающий барабанные перепонки рев. Мощная аварийная сирена едва не сбивала с ног. Все стало красным, глаза заливало кровью. Ана зажала уши руками и закричала сама, но крик ее быстро оборвался, выдохся, она не могла даже пошевелиться, не могла вздохнуть.

В красном мареве вокруг нее панически метались неясные фигуры. Ана стояла на коленях, зажимая уши руками; кто-то слепо налетел на нее, и она упала на грязный пол.

Вой сирены не прекращался, а лишь неумолимо нарастал, разрезая окружающее пространство – с каждым мгновением, с каждым ударом сердца.

Потом сирена захлебнулась.

Ана приподняла голову.

Все вокруг по-прежнему тонуло в кровавом мареве, но она больше ничего не слышала – ни рева сирены, ни голосов людей. Ана все еще не могла встать. Она попыталась вдохнуть, но вместо этого закашлялась и стала снимать респираторную маску.

Ее окружал беспощанный вакуум, все дхавы, разом свихнувшись, откачивали воздух из плева – поэтому и замолкла паническая сирена, ведь звук не распространяется в пустоте. Перед глазами Аны по-прежнему мелькали неясные пятна. Кровь пульсировала в висках. Ненужная теперь респираторная маска валялась рядом с ней на полу, но Ана все еще безуспешно пыталась вдохнуть. В груди нарастала тяжелая боль, но не было ни сил, ни воздуха, чтобы позвать кого-нибудь на помощь.

Василий Воронков

Ана приподнялась на руках – над ней уже смыкалась тяжелая, давящая темнота, а глаза почти не различали ничего вокруг – и в последний раз попыталась втянуть в себя воздух. Тело ее изогнулось, как в предсмертной судороге, на лице застыла гримаса немого крика.

Легкие Аны расширились, она вдохнула, резко, с мучительным стоном, и тут же грубые оглушающие запахи обрушились на нее – пыль, висевшая в воздухе, горячий песок, гнилостная вонь из мусорного ведра, жженная резина. Голова закружилась от этого яростного смрада, который она до этого не ощущала никогда, но желание дышать было сильнее, чем отвращение. Ана перевернулась на бок, уперлась руками в пол и попыталась встать.

Тело ее стало тяжелым и непослушным, руки дрожали.

И тут Ана почувствовала, как кто-то обхватил ее за талию – сильная мужская рука, Нив – и легко поднял, поставил на ноги. Ана покачнулась, но мужчина не отпускал ее. Он потянул Ану куда-то в сторону, за собой – она попыталась что-то сказать, но вместо это лишь застонала.

Респираторная маска.

Ана наклонилась, удерживаясь за сильную протянутую руку, и подняла маску с пола.

А потом Нив повел ее за собой.

Ана все еще плохо видела. Она спотыкалась, хотя пол под ногами был ровным. Казалось, красное свечение, которое охватывало все вокруг, мешало ей идти.

Потом они спускались куда-то, Ана не могла разобрать, ей стоило огромного труда просто сосредоточиться на том, чтобы наступать на ступеньки. Длинный тоннель с кровавыми потеками на стенах проваливался в темноту, в глубинные недра города. Ана по-прежнему задыхалась, у нее кружилась голова, но спаситель упорно тянул ее вперед.

Они оказались в широком шумном зале, где пахло потом и мочой, а обжигающий красный свет сменился на холодный белый.

К Ане постепенно возвращалось зрение.

Она была в подземной гатике с темно-серыми, влажными стенами, где собралась такая толпа людей, какую она ни разу не видела даже на площади у Самкары. Люди пытались пробиться

в конец зала, к едва различимым дверям, закрывавшим, должно быть, выход, подъем наружу – на улицу, где можно дышать.

Зачем он привел ее сюда?

Ана прислонилась к стене. Рука, державшая ее за талию, внезапно исчезла. Ана дернулась, повернулась – так быстро, насколько могла, – но Нива уже не было, он исчез в испуганной толпе, окружавшей ее.

– Нив!

Ана потратила на этот крик весь воздух в легких, но никто не слышал ее, никто даже не обернулся.

На подземном этаже стояла дикая вонь – пот, нечистоты, даже сырость, как в подвалах старинных домов. Ану мутило от этих грубых неприкрытых запахов, и она вновь стала натягивать респираторную маску.

Зачем он привел ее сюда?

Ана продолжала смотреть по сторонам. Она понятия не имела, что произошло, почему загорелся аварийный свет и включилась сирена, что все эти люди делают под землей. В маске Ана почувствовала себя увереннее, но дышать стало еще тяжелее.

Она попыталась пройти вглубь зала, касаясь рукой грязной стены.

Почему он оставил ее здесь?

Нужно найти его, нужно хотя бы увидеть его лицо. Теперь, когда к ней вернулось парализованное красными огнями зрение...

Нога подвернулась, она чуть не упала. Никто не поддерживал ее, а она не могла идти сама.

Ана села на пол у стены.

Какие-то люди проходили совсем рядом, даже задевали ее ноги, но Ана продолжала сидеть. Она была уверена, что скоро дыхание ее придет в норму, и силы вернутся к ней.

Ана закрыла глаза.

Ей нужна всего пара минут, а потом она обязательно его найдет. Всего пара минут, чтобы восстановиться.

Ана невольно прислушивалась к тому, что творится вокруг.

Со всех сторон доносились изуродованные слова, дыхание, стоны и плач. Все эти голоса сливались в единый гортанный крик, вопль запертой в подземелье толпы, который страшно нарастал, пока вдруг не оборвался, захлебнувшись на выдохе.

Василий Воронков

Несколько мгновений Ана слышала только глубокую спокойную тишину.

Люди в гатике постепенно успокоились. Наверное, так действовало мертвенно-бледное освещение на стенах.

Ана по-прежнему не понимала, что происходит. Почему все они здесь. Почему Нив бросил ее посреди этого хаоса, когда она даже не может подняться на ноги.

Ана проваливалась в головокружительную темноту – пол разверзся под ней, расступились стены, и все вокруг затягивало в черную горловину ночи. Тело Аны сковал паралич. Ее поначалу испугала это непреклонная слабость, но потом она перестала бороться с подступающим сном, поддалась ему. В этот же миг дыхание перестало ее беспокоить, головная боль прошла, шум толпы затих, пробиваясь к ней через невидимую завесу и лишь подчеркивая облекающую ее тишину.

Прошло мгновение – а может быть, несколько часов, – и кто-то вновь споткнулся об ее ноги. Ана вздрогнула и открыла глаза.

В гатике стало значительно тише.

Никто уже не толкался, пытаясь пробиться к закрытому выходу или найти своих родных. Все успели отыскать друг друга – или же потерялись навек. Изредка еще слышались взволнованные крики и детский плач, но все остальные, смирившись, тихо сидели на низких скамьях или на каменном полу, подстелив под себя куртки.

Где-то в стенах захрипели громкоговорители.

Ана попыталась подняться на ноги. Тело ее ломило от каменного холода пола. Со стен стали бить ритмичные, похожие на биение сердца удары – как маятник, отсчитывающий оставшиеся им часы. Потом послышался треск. Сейчас кто-то, безучастно наблюдающий за беспомощной паникой запертой в гатике толпы, настроит на своем гигантском приемнике искомую волну.

Ана поднялась.

Идти было тяжело. Но помогать было некому. Люди удивленно и недоверчиво поглядывали на нее – как она медленно, шаткой походкой идет между скамьями, думая только о том, чтобы не упасть. Один паранек брезгливо отвернулся в сторону, когда она прошла мимо, хрипло дыша через респираторную маску. Ей захотелось остановиться, сказать, что она не заразна, но она продолжала идти.

Ана еле добралась до другого конца зала и встала, опираясь плечом о холодную стену. Его нигде не было.

Нив.

Над головой зазвучал голос, спокойный и ровный, похожий на тот, что объявлял о прибытии поездов:

– Сохраняйте спокойствие...

Ана отодвинулась от стены и посмотрела на двери вдалеке, за головами бесчисленных людей.

– ...для вашей же безопасности...

Она продолжила идти.

Он не мог просто исчезнуть. Где он. Его унесло потоком толпы. Но он здесь. Он ищет ее.

Ана шла осторожно, рассчитывая каждый свой шаг, выставив перед собой руку, как слепая.

Он должен быть где-то здесь.

– ...поступил неожиданный сигнал из центра наблюдения... – хладнокровно объяснял голос. – Хотя изначально считалось, что траектория...

Громкость то слабла, то нарастала вместе с треском помех. Все в гатике взволнованно замолкли и слушали.

Ана остановилась. Она все поняла. Было уже недалеко до дверей, у которых стояла знакомая серая фигура. Она все поняла. Из космической темноты падают на город горящие осколки планет, улицы заливают кипящее пламя, раскаляются пополам огромные башни, и из их разверстых жерлов вздымаются вверх фонтаны огня – и при этом не слышно ни единого звука, как в пустоте.

– ...по неизвестным пока причинам изменилась... поэтому возможно падение... – продолжал голос.

Рассыпаются, превращаясь в пыль и песок, крашенные стены домов. Плавятся от чудовищного жара пилоны надземных путей, и скелет эстакады, дрогнув, оседает под собственным весом, проваливаясь в бушующее пламя.

– ...есть лишь небольшая... – доносилось со стороны стен. – расчет траектории до сих пор...

Небо стало багровым, как песок в сердце пустыни. Ветер разносит по улицам дым и огонь. Весь город превратился в огромный, сжигающий себя крематорий.

Василий Воронков

– Сохраняйте спокойствие, – повторил невозмутимый голос. – Скоро... – и передача оборвалась.

Раздались обеспокоенные голоса. Люди вокруг обсуждали услышанное. Кто-то, стоявший рядом с Аной, говорил громко и нервно, но Ана различала лишь отдельные слова на гали.

Идти дальше не было смысла и сил. Ана нашла себе свободное место и села на пол, как другие. Полная женщина лет тридцати мельком взглянула в ее сторону и отодвинулась подальше.

Ана попыталась сосредоточиться на дыхании.

Не нужно думать о том, что происходит там, наверху. Они в самых недрах города. Им ничего не грозит. Даже если улицы над ними зальет огнем.

Нив.

Но ведь здесь никого нет, кроме нее. Во всем убежище вакуум, нерушимая пустота.

И Ана снова закрыла глаза. Темнота охватила ее, и она отдалась ей целиком.

Ана видела город.

Это были не разрушения и огонь, не падающие из рассеянных огненными вспышками небес метеориты, а дождь, проливной дождь, и ясное небо, потоки воды, которые бурлили по тротуарам, стекали по стенам, смывая краску с фасадов домов. Ана чувствовала пронзительную пронизывающую свежесть. Пустынный песок под ногами превращался в речную грязь. Дышать было приятно и легко, но Ана понимала, что ее дыхание, что каждый ее вдох...

Кто-то грубо толкнул ее в плечо, и Ана открыла глаза.

Над ней склонился человек в красном балахоне; на плече у него висела автоматическая винтовка. В первую секунду Ана подумала, что заснула в поезде, и ее разбудили на последней станции – там, где завершается магистраль. Потом она вспомнила.

– Все закончилось, – сказал человек в балахоне. – Можете идти, – и отвернулся, тут же потеряв к ней интерес.

Ана поднялась на ноги.

В убежище уже почти никого не оставалось. Несколько полицейских ходили между рядами, высматривая тех, кто обессиленно заснул, как сама Ана. Двери были теперь открыты настежь.

Ана не помнила даже, как попала в это убежище. Кто-то привел ее, когда она едва не теряла сознание и не видела ничего

вокруг. Ана не знала, как ей вернуться назад, на улицу. Не знала, было ли еще куда возвращаться.

Она некоторое время стояла, нерешительно оглядываясь по сторонам. Мимо нее прошел еще один полицейский.

– Извините! – окликнула его Ана. – Вы знаете, я...

Полицейский остановился.

– Вы не знаете, как можно вернуться на станцию?

Она думала, что увидит город в развалинах. Будет стоять сильный запах дыма, а солнце на рассеченном метеоритами небе – светить так ярко, что обожжет глаза даже через закрытые веки. Будет дуть порывистый и сухой ветер, каара. Весь город превратится в пустыню, окажется погребенным под толщей песка.

Но все было как прежде.

Уже стемнело, горели синие фонари на стенах домов. По эстакаде пролетел, сверкая стеклами, скоростной поезд. Люди спешили куда-то по тротуарам.

Ничего не произошло, голос в подземелье ошибся. Ничего не было, даже дождя.

Ана вернулась домой уже затемно.

Теперь она даже не думала о часе тишины, да и полицейские по пути ей не попадались. Быть может, привычный распорядок дня изменили в честь несостоявшегося метеоритного дождя, а может, она просто была никому не нужна.

Ана по-прежнему дышала с трудом – даже дома, с работающим дхаавом, без маски, – укол делать все равно не решилась.

Ана согрела воду, сделала себе растворимый суп и включила радио. Передавали новости – панику удалось погасить, жизнь налажена, движение восстановлено, наблюдательный центр ошибся, идет расследование, все данные проверяются и перепроверяются, бояться нечего, опасности нет. Уже в самом конце сказали, что большой метеорит действительно упал, только далеко от южной стены, в зоне молчания, где оставил кратер размером с анильское море. Что было бы, если...

Потом голос замолчал.

Ана выключила приемник. Она заставляла себя есть, несмотря на тошноту. Ей нужны были силы. Справившись с супом, Ана проверила дхаав – тот выдыхал легкую прохладную струю воздуха, – разделась и легла в постель.

ПОЛЕТ

Пустыня всегда была неизменной.

Высокие дюны исчезали, обращаясь в пыль во время бури, но появлялись новые, преображались целые песчаные равнины, в зависимости от сезона изменялись скорость и направление ветра, песок после дождя часто обращался в грязь и, если ливень длился несколько дней подряд (что случалось лишь пару раз за столетие), то все вокруг затягивало мутной пеленой воды, которая быстро высыхала на стремительном солнце.

Однако пустыня никогда не менялась.

Каждое утро начиналось с того, что Ана, едва проснувшись, видела в окно одинаковые дюны и тусклое мертвое небо, которое вдалеке, у горизонта, сливалось с песком. Каждое утро было трудно дышать, как будто весь воздух вокруг пропитался песчаной пылью.

Ане часто снилось, как она уходит в пустыню и идет, пока не отнимаются ноги. Видимо, если тебя окружают безжизненные пески, а весь день занят лишь тем, что пытаешься научиться дышать через респираторную маску, воображение просто не способно на большее. Даже когда Ана услышала о Вимауне и стала мечтать о том, чтобы когда-нибудь улететь в другие миры – где дожди всегда чистые, павана-ваари, и можно дышать без респираторной маски, – ей все равно снилась пустыня.

Порою Ана завидовала Болтуну.

Его молчание было особым даром, тайной способностью, о которой и не подозревали все остальные, так безрассудно тратящие свое дыхание на разговоры. Болтун все понимал и все знал. Он знал, почему дождь над морем идет так редко, почему город становится синим по вечерам, почему небо, как и песок, меняет цвет, почему воспитательница забирает их приемник. Он знал, куда ведет высокая эстакада неподалеку от уннам-лая, он знал, почему в пустыню падают звезды. А еще Болтун знал, почему Ана не может дышать без респираторной маски. Болтун никогда не видел в своих снах великую пустыню. Не слушал радио, не мечтал улететь на большом корабле. И он все время молчал.

Ана верила, что, если однажды Болтун все же начнет говорить, проснувшись от своего тяжелого безмолвия, то обязательно поделится тайнами, на которые только ему известен

ответ. Ана ждала этого и боялась. Она была уверена, что не поймет ни слова – речь Болтуна будет ужасной, как у безумца, который путает слова. Но как еще мог говорить Болтун, с рождения наложивший на себя обет молчания? Как будто с самого начала, с самого первого дня своего, с самого первого вдоха Болтун знал что-то такое, о чем нельзя никому говорить.

Ана завидовала Болтуну.

Она жила в мире, где пустыня всегда неизменна, где каждое утро надо делать болезненные уколы и надевать уродливую маску всякий раз, когда выходишь во двор.

И Ане продолжали сниться сны, в которых она не видела ничего, кроме песков.

А потом Болтун (как гласила его история) ушел в самое сердце мертвых земель, и Ана осталась совсем одна – в своей тесной комнатке с видом на пустое небо и песчаные берега. Она скучала по Болтуну, ждала, когда он вернется – когда просто появится в ее комнате, тихо, без единого слова, словно и не исчезал вовсе.

Спустя несколько дней к Ане стали приходиться какие-то люди – всегда в одно и то же время, сразу после утреннего укола, – которые отводили ее в специальную комнату, где не было окон, и от искусственного освещения болели глаза.

У одного из этих людей, высокого и тощего мужчины, было такое странное и длинное имя, что Ана даже не могла его произнести. Она думала, что человек этот приехал откуда-то издалека, из-за горизонта, и там, в стране за границей пустыни, всем при рождении дают такие непонятные имена.

Они говорили о Болтуне.

Ана понимала не все вопросы и часто отвечала невпопад. Худощавый мужчина старался быть приветливым и добрым, но Ане не нравился ни он сам, ни его длинное имя. В комнате всегда горел яркий электрический свет.

Ана не знала, чего от нее хотят. Несколько дней подряд ее забирали сразу после укола и продолжали спрашивать, спрашивали и спрашивали, зачастую повторяя одни и те же вопросы по несколько раз.

Худощавый мужчина говорил мягким и теплым голосом, улыбался и смотрел Ане в глаза – с какой-то снисходительной

Василий Воронков

жалостью, точно она была душевнобольной. И задавал одинаковые вопросы.

- А что вы делали, когда играли вдвоем?
- А как вы проводили время?
- Во что вы играли?
- Как проводили время, когда шел дождь?

Мужчина был таким высоким, что ноги его едва помещались под столом, за которым они сидели. От него пахло лекарствами, как от докторов, но одет он был иначе – в бледно-желтый костюм со светлой, цвета выжженного песка рубашкой. Его вытянутое, лишенное черт лицо казалось бескровным и серым.

– А как вы... – неприятно улыбался он, склоняясь к Ане, – как вы общались друг с другом?

Ана даже застыла от удивления. Она никак не могла понять, что он хочет услышать в ответ.

– Общались? – переспросила она.

– Ну, вы ведь как-то понимали друг друга? – мужчина откинулся на спинку стула, стул заскрипел. – Вы общались при помощи жестов? Как-то еще?

Ана молчала.

– Не бойся, – добавил мужчина, улыбаясь. – Мне просто интересно.

Но Ана лишь опустила голову, пряча от него глаза.

– Ну, хорошо...

Мужчина встал и заходил по комнате.

– Когда вы шли куда-то вместе... – сказал он. – Ты ему что-нибудь объясняла, вы как-то говорили? Почему он ходил за тобой все время?

Мужчина остановился рядом с Аной. Голос его стал резче, и Ана взволнованно заерзала на стуле.

– Мы просто... понимали друг друга, – сказала она.

– Просто понимали! – усмехнулся мужчина. – Просто...

Ана напряженно следила за тем, как он расхаживает перед столом. В комнате было душно.

– Да ты не бойся, – сказал мужчина своим прежним теплым голосом. – Я тоже просто пытаюсь понять.

Ана начинала думать, что в исчезновении Болтуна кроется какая-то тайна, что, может быть, ее друг действительно ушел в пустыню, и никто не понимает, почему.

Эти странные беседы всегда проходили рано утром – сразу после укола, когда Ана даже не успевала толком проснуться. Кроме худосочного мужчины, с ними была только молодая женщина, высокая и красивая, как запомнилось Ане. Однако женщина ничего не говорила, лишь изредка улыбалась Ане, если замечала ее любопытный взгляд, и все время записывала что-то в длинный блокнот с откидными страницами. Ана даже не знала, как ее зовут.

– А что вы делали вместе? – спросил худосочный мужчина во вторую их встречу. – Вы выходили вместе во двор? Не бойся, – тут же добавил он, – можешь мне все рассказать, я не буду ругаться.

– Мы очень редко выходили вместе во двор, – сказала Ана и виновато опустила голову.

– Разве?

Ана молчала.

Худосочный мужчина поднялся из-за стола. Немая женщина что-то записывала в свой блокнот.

– Ты, кстати, не знаешь, что делал твой друг без тебя? – спросил мужчина.

Ана попыталась представить Болтуна одного. Вот начался рассвет, они проснулись, ее увели делать укол, Болтун проводил ее немой и пристальный взглядом...

Комната возникала в ее воображении по частям – узкие постели, на которых так неудобно спать (одна с растрепанным одеялом), привычный вид из окна (невольно возникавший перед ней всякий раз, когда она закрывала глаза), старый потертый стол, тряпичный цветок в игрушечной вазе, колченогие стулья, пыльная радиолка у окна.

Болтун...

Болтун, полноватый, со слипшимися от пота редкими волосами. Лицо его спокойно, как и всегда, взгляд ничего не выражает. Но ему тесно в комнате, он не помещается среди всех этих вещей. Ану уводит врач, и Болтун тоже проскальзывает в коридор, идет навстречу широким солнечным лучам...

– Он куда-то... ушел? – тихо спросила Ана.

– Что? – не понял худосочный мужчина. – Ушел? Почему ты так решила? – и нахмурился. – Скажи, это очень важно, когда именно он ушел?

Ана разволновалась и замолчала. Красивая женщина что-то записывала в свой блокнот.

Ана думала, что эти беседы никогда не закончатся, что теперь каждое утро ее будет допрашивать этот худой и высокий человек. Но совсем уже скоро она увидела его в последний раз.

Тогда было пасмурного с самого утра, и над анильским морем сгустились темные, как дым от пожарищ, грозовые облака.

– Сегодня... – сказал худосочный мужчина и откинулся на спинку скрипящего стула, – сегодня у нас будет необычная встреча. – Он склонился к Ане, широко улыбаясь. – Ты хочешь немного прогуляться?

Это был один из тех дней, которые запомнились Ане лучше всего за проведенные в уннам-лая годы. Пустыня готовилась к началу дождя. Солнца было почти не видно. Их ждали лишь сумерки, холод и темнота, как будто день уже успел завершиться.

Ана долго возилась с респираторной маской – крепления на затылке никак не хотели сходиться, – и худощавый мужчина даже принялся ей помогать. Голова у Аны немного кружилась, а руки дрожали – то ли от утреннего укола, то ли от волнения.

Они вышли во двор.

Все вокруг было серым, почти бесцветным. Ветер нес со стороны анильского моря мелкий, похожий на пыль песок, и худощавый мужчина даже закашлялся, прикрывая лицо рукавом. Ана с наглым хрипом дышала через респираторную маску.

– Я понимаю, – сказал мужчина, отворачиваясь от ветра, – ты, наверное, уже привыкла ко всему этому... Но на самом деле здесь очень красиво... Даже несмотря на весь этот песок.

Во дворе никого не было. Уннам-лая уже начали готовить к началу дождя. Но они продолжали стоять и смотреть на пасмурное анильское море.

– Скажи, – начал худощавый мужчина, – вы ведь часто выходили во двор?

Ана помотала головой.

– Отчего же нет? Здесь же так красиво.

Ана ничего не сказала.

Мужчина подошел к заграждению двора и, поставив ладонь козырьком, прикрываясь от пыли, а не от солнца, сделал вид, что рассматривает тучи над морем. Ана послушно пошла вслед за ним.

– Вам тут не нравилось? – предположил худощавый мужчина. – Наверное, вы и правда уже устали от этой пустыни. Это я...

– Нет, – сказала Ана и поразились тому, как незнакомо звучит ее голос в респираторной маске. – Нет... Просто он боялся...

– Боялся пустыни? – спросил худощавый мужчина.

– Нет, – ответила Ана. – Он боялся меня.

Лицо худощавого мужчины вытянулось. Он вновь поставил ладонь козырьком, чтобы посмотреть на тучи, но потом качнул головой, одернул куртку и как-то грубо схватил Ану за руку.

– Пойдем! – громко сказал он.

Они зашли в здание, когда на песок стали падать первые капли.

Худощавый мужчина остановился у двери и посмотрел на Ану.

– Скажи, а в тот день... в тот день, когда он ушел... – и не договорил.

Когда Ана вернулась в свою комнатку, уже вовсю лил дождь. Шторы были задернуты, по стеклу барабанили капли. Приемника у окна не оказалось. Ана присела на кровать, не зная, чем ей заняться.

И тут она поняла, о чем все время допытывался у нее худощавый мужчина.

Она выбежала в коридор.

Ведь еще есть время. Худощавый мужчина наверняка здесь, он никак не мог уйти во время мизрака-ваари. Однако в коридоре было сумрачно, и Ане даже пришлось опереться руками о стену. Она не видела ничего вокруг себя.

Ноги у Аны подкашивались, дышать было тяжело; казалось, что во всем здании перестали работать дхаавы. Ана жадно глотала ртом воздух, но это не помогало.

Она не помнила, что произошло потом.

Ана пришла в себя уже в своей комнате, когда ей медленно протирали ваткой кожу на руке. Мужчина в белом халате поднял на свет шприц с уже вставленной ампулой, чуть надавил на поршень, а потом ловко ввел в вену иглу.

У Аны был первый в ее жизни приступ.

Больше худощавый мужчина к ней не приходил. У него закончились все вопросы, красивая женщина исписала свой блокнот до конца. Ана ждала его, она думала, что он обязательно

Василий Воронков

должен ей рассказать, что же произошло с Болтуном, но худощавый мужчина так и не пришел.

Ана вновь стала никому не интересна, никто с ней не говорил.

Только врач, который делал ей уколы, иногда что-то спрашивал, приветливо и безразлично, как человек, пытающийся изобразить эмоции, которых на самом деле нет.

Вскоре Ана перестала ждать.

Она знала, что Болтун больше не вернется. Она знала, что худощавый мужчина не придет и не расскажет ей, что случилось с Болтуном.

Пустыня оставалась неизменной.

Высокие дюны исчезали, превращаясь в пыль перед началом дождя. Усиливался ветер, падала среднесуточная температура, появлялись новые заградительные стены, поднимались бури, дрожала во время песчаного шторма земля. Дышать каждое утро становилось все тяжелее, воздух был пропитан пылью и запахом старой одежды. Едва работало старенькое радио, передавая помехи вместо музыки и выпусков новостей.

Ночью Ане приснился сон.

Она улетала куда-то на Вимауне, она была единственным пассажиром, единственной, кому разрешили покинуть Дёзу и отправиться в долгое путешествие в другие миры. Она сидела в тесной и черной кабине, в самых недрах гигантского корабля. Она часто дышала, у нее начинался приступ, но это совсем ее не беспокоило. Она сделала все, что могла, она выполнила свое предназначение, и теперь может уже поддаться охватывающей ее слабости.

Тело Аны подхватила странная невесомость, хотя корабль был еще на земле. Она перестала чувствовать духоту кабины, сжимавший горло воротник костюма, усталость и головную боль. Она перестала дышать.

Ана ненадолго уснула – а может, и просто на секунду закрыла глаза, – когда ее потревожил гулкий нарастающий рев, который отдавался судорожным звоном в металлических стенах кабины. Было по-прежнему темно. Тускло мерцали цветными огнями непонятные приборы.

Рев продолжал усиливаться, дикая боль сдавливала ее барабанные перепонки, Ана открыла рот, но кто-то лишил ее голоса, и она не смогла даже закричать.

Потом ее тело вдавило в кресло, наполненные водой мышцы костюма, которые должны были спасти от перегрузок, вспухли и сжали упругим обручем грудную клетку. Рев сменился заглушающим мысли гулом. Сила ускорения пыталась раздробить все ее кости.

Нив!

Его имя вспыхнуло перед ней. Тело ломило от боли. В отсеке неожиданно загорелся свет, вспыхнули выхваченные из темноты ровные металлические стены.

Ана зажмурила глаза.

Она корчилась в огромном неповоротливом кресле, точно прикованная к страшному пыточному устройству. Резиновые камеры перегрузочного костюма, судорожно вспухшие, похожие на оголенные человеческие мышцы, душили ее, не давая вдохнуть. Она не могла даже пошевелить рукой, но продолжала думать о нем.

Нив!

Боль усиливалась. Тело ее стало пугающе изменяться в размерах, вытягивались искривленные силой притяжения ноги, уродливо распухали ступни, а вся кабина вокруг сжималась под давлением кипящего воздуха, через который летел с надрывным ревом корабль, пытаясь вырваться из гравитационного колодца. Это уже не было простой физической болью. Ана испытывала то же, что и в тот день, когда поняла, что Нив больше к ней не вернется.

Страшная сила заламывала ей шею, выкручивала руки. Металлические стены отсека сместились под странным углом, как будто корабль, летящий сквозь пламя, нарушил законы пространства, и теперь далекое стало близким, а близкое оказалось на границе зрения.

Потом вокруг Аны начала сгущаться темнота. Темнота надыгалась на нее, смыкалась над ней плотным кольцом.

Ана поняла, что плачет.

Пыточное кресло, к которому она была прикована, поплыло навстречу темноте.

Нив!

Давление, в двадцать раз превышающее вес тела, сжимает грудь, кровь оттекает к ногам, отказывает зрение, внутренние органы умирают от недостатка кислорода.

Василий Воронков

Но все это неважно, Нив.

Я люблю тебя.

Рука Аны соскочила с подлокотника и стала выкручиваться на излом – Ана почти слышала, как хрустят кости.

Эта боль не имеет значения. Все это нереально. Реально лишь мое чувство к тебе, Нив.

Рев двигателей внезапно оборвался, боль мгновенно затихла, и Ана чуть не вылетела из кресла – лишь ремни безопасности удержали ее. Тело ее стало невесомым, мышцы скафандра обмякли, а легкие сами расширились, когда Ана попыталась вдохнуть.

В иллюминатор были видны пронзительно яркие, завораживающие звезды. Ана поняла, что она, наконец, дома. Она там, куда улетел Нив.

А потом Ана проснулась.

В первые секунды она не могла сообразить, где находится. За окном было все еще темно, и Ане казалось, что, поднявшись, она увидит черное звездное небо.

Она подошла к окну.

Небо постепенно меняло цвет – с темно-серого на багровый, – и космическая темнота отступала, сгорая в утренних лучах.

Сегодня был важный день.

Ана неторопливо оделась. Она рано проснулась, и у нее оставалось еще время в запасе. Она села за стол. Радио не работало. Ана натянула респираторную маску. За окном медленно занимался рассвет.

Они договорились о встрече на станции.

Ана просто не смогла придумать ничего другого. Это и было самым разумным местом – на пересечении прямых, двух скоростных магистралей, где никто их не заметит, где все время столько людей, что нельзя ни услышать голосов, ни разобрать лиц.

И все же он может почувствовать, может понять.

Разговоры людей в переполненном вагоне, в котором Ана ехала на встречу, даже музыка, звучавшая из громкоговорителей, были тусклыми и приглушенными. Ана попыталась прислушаться к чьей-то беседе, но не смогла ничего разобрать, как будто вновь потеряла способность понимать человеческую речь.

Он уже ждал ее.

Он был рядом с гиразой – все скамейки в плевке оказались заняты, – и Ана не сразу заметила его. В зале стоял гомон, как и ожидала Ана. Они выбрали для встречи самый подходящий час.

Он не сразу узнал ее в респираторной маске и немного смутился. Он хотел что-то предложить, показав кивков головы на дверь – быть может, пойти куда-нибудь, где Ана сможет дышать сама, где она снимет респираторную маску, и ему уже не будет так неловко, – но ничего не сказал.

– Ты... как? – спросил он.

Его лицо странно покраснелось.

– Хорошо, – сказала Ана.

– Надеюсь, что ты знаешь... – начал он, но не договорил.

Он вел себя так, словно боялся слежки. Не нужно привлекать к себе внимания. Полицейский сейчас занят допросом какого-то парня, проверяет его документы. Фигуру в красном балахоне заслоняют проходящие мимо люди, но полицейский в любой момент может к ним подойти.

– Это было непросто, – сказал Пар и полез во внутренний карман куртки. – Пришлось всех своих бывших коллег... Ты уверена? – вдруг спросил он, глядя Ане в глаза.

Ана не сомневалась, что он спросит об этом, он не мог не спросить. И она была ни в чем не уверена. Как можно верить во что-то, когда город кажется похожим на пустынный мираж, а голоса людей – на призрачное эхо? Только голос Пара был другим.

– Мне жаль, что все так... – сказал Пар. – Но в конце концов это ведь то, чего ты хотела?

Он вновь пристально посмотрел на Ану, как бы ожидая, что она подтвердит его слова, и ему станет от этого легче. Но Ана молчала. Она вдруг подумала, что уверена только в одном – скоро ей опять станет плохо, скоро она просто перестанет дышать во сне.

Пар протянул Ане сложенный вчетверо лист бумаги, искоса поглядывая в сторону полицейского.

– Это... – начал он, но осекся и неожиданно сказал: – Извини.

– Спасибо тебе, – сказала Ана.

– Мне пора идти, – сказал Пар.

Они разошлись. Пар стал подниматься по лестнице на перрон, крепко держась за перила, точно боялся упасть. Полицейский по-прежнему был занят допросом.

Ана вышла на улицу.

Она глубоко вдохнула и услышала, как тихо посвистывают фильтры в респираторной маске – их надо снова менять, хотя сейчас это уже не имеет значения. Было безветренно и душно. Как если бы в городе уже целую сотню лет не шел дождь.

Ей потребовалась почти неделя, чтобы достать билет до Южного Хапура.

Она заложила квартиру и готовилась выкупить билет за любую цену, однако большинство рейсов на юг отменили, а в тех вахатах, которые еще числились в расписании, были распроданы все места. Срок действия разрешения уже подходил к концу. Скоро Ана должна была съехать с квартиры. Она не знала, что делать. Каждый день она ездила проверять, не освободились ли места.

Ей повезло – кто-то отказался от полета в самый последний момент, – и она получила билет на вахат, улетающий ранним утром на следующий день.

Ана вышла на улицу и встала у дверей, взволнованно дыша, все еще не веря в то, что она действительно сделала это.

Потом Ана поняла, что сегодня – ее последний день.

Был полдень, солнце стояло в зените.

Ана чувствовала жар, исходящий от тротуара, даже через обувь. Кто-то толкнул ее, спеша к кассам патмана, и извинился, даже не оборачиваясь. Ана держала руку в кармане – там, где лежал билет на огромный вахат, улетающий в Южный Хапур. У нее оставался всего один день. А потом весь этот город, бесцветное небо, пустыня исчезнут навсегда.

Ане не хотелось возвращаться домой – там ей нечего было делать.

Она думала, чем бы заняться в этот последний день. Голова немного побаливала, но дышать все еще было легко – она чувствовала себя куда лучше, чем раньше.

Скоро толпы на станциях поредеют, все разъедутся по своим делам, и она сможет гулять по городу хоть до самого часа тишины, последнего часа тишины.

Ана посидела немного в ближайшем самаде, где былолюдно и шумно. Она даже не решалась снять респираторную маску

и ничего не заказывала. К ней никто и не подходил, другие посетители настороженно поглядывали на нее и тут же отворачивались, боясь встретиться с ней глазами. Потом Ана пошла к станции хагаты.

Жара не спадала.

По лбу у Аны стекали капельки пота. Когда он заходила в плев, то думала, что придирчивый полицейский до сих пор допрашивает того невезучего паренька, в десятый раз проверяя его документы, но в плевке никого не оказалось, совсем никого, и это испугало Ану.

Невозможно.

Обычно к полудню давка на станциях спадала, но хагата никогда не становилась пустынной в такой час. Однако на перроне тоже никого не было. И тут Ана поняла – все правильно, именно такой она хочет запомнить последнюю поездку на край города, к анильскому морю, к песчаным берегам.

Ана ехала одна в вагоне, и никто не заходил на станциях – весь город умер, превратился в пыльную каменную пустыню за то время, пока она сидела в дешевом самаде в респираторной маске.

Окраина встретила Ану запахом гниющих отходов, пробивавшимся даже через дыхательные фильтры. Эта вонь доносилась со свалки, которая выросла на месте ее уннам-лая. Море Анила было спокойным и мертвым. На вершинах атмосферных станций вспыхивали яркие огоньки, готовясь встретить корабли, которые возвращаются из карпаразы.

Пустыня была все так же неизменна.

Ана видела те же самые дюны много лет назад, в детстве, когда верила что улетит когда-нибудь с Дёзы на большом космическом корабле.

Она улыбнулась.

Потом нащупала в кармана свернутый четверо листок. Ее подташнивало, голова была тяжелой. Она просто устала. Слишком много впечатлений для одного дня.

Но ей по-прежнему не хотелось уходить.

Ана шла по улице, за которой начиналась пустыня. Она еще не сделала то, ради чего приехала сюда в последний свой день. Не выполнила последнее распоряжение, последнюю волю.

Ана остановилась.

– Будь ты проклята! – сказала она, глядя на дюны вдалеке.

Дома было пусто, душно, и плохо работало радио.

Ана села у окна и попыталась настроить приемник. Новости, помехи, чьи-то неразборчивые голоса. Ана хотела найти музыку, красивую протяжную песню, похожую на молитву, но музыки нигде не было – только новости города, который был для нее не важнее, чем полузабытые видения из сна.

Ана выключила приемник.

Надо было поесть. И собраться. Завтра на сборы уже не останется времени, ей придется выехать совсем рано, как только начнет светать.

Ана встала из-за стола и пошла на кухню, чтобы поставить на плиту чайник. Потом вернулась в комнату, открыла шкаф, стала выдвигать ящики стола. Что взять с собой? Что оставить?

Одежда Нива, в которой еще сохранился его запах. Наручные часы, которые когда-то остановились у него на руке. Книги Нива. Письмо о переводе Нива.

Ана вспомнила, как Ила однажды предлагала отдать ей все его вещи. И тогда она чуть не сделала это. Теперь же она может просто не брать их с собой.

На кухне тем временем выкипал чайник.

Ана села за стол и попыталась составить список всего, что ей потребуется в пути: респираторная маска; фильтры для респираторной маски (Ана оглянулась по сторонам, ища подсказки); новое платье, которое она надевала лишь несколько раз; две-три упаковки сладкого супа; украшения; шприц...

Нет.

Ана стала вычеркивать записи на листке. Радио не работало. За окном уже начинало смеркаться.

Все нужно сделать не так. Все это не потребуется ей больше.

Ана так и заснула за столом, не успев дописать свой список нужных вещей. Утром все тело у нее болело. Проснувшись, она тут же испуганно вздрогнула – неужели опоздала? – но нет, было еще совсем рано, за окном даже не начало светать.

Но ей все равно нужно было спешить.

Ана стала поспешно собираться. Она боялась опоздать. Времени на список нужных вещей уже не оставалось, и она складывала в сумку все, что попадалось ей под руку. Только вещи Нива решила не брать.

Перед уходом Ана подумала, что стоит, наверное, в последний раз послушать радио, сводку погоды, утреннюю музыку, треск помех, однако побоялась включить приемник, словно из-за выпуска новостей могла опоздать.

Собравшись, Ана надела респираторную маску и еще раз обвела взглядом комнату. Она уже сюда не вернется. Но Ана совсем ничего не чувствовала, хотя и прожила в этой квартир-ке большую часть своей жизни.

На улице еще было прохладно, и Ана заторопилась, как будто хотела опередить рассвет. Она села на поезд на Нивартане. Вагон, несмотря на ранние часы, уже не был пустым, но на Ану никто не обращал внимания.

На одной из пересадочных станций ей пришлось долго ждать поезда, однако она все равно приехала в патман слишком рано – за несколько часов до объявления посадки на рейс.

На территорию патмана никого не пускали.

У входа стояли полицейские с оружием. Вокруг здания, у ограды, собралась уже целая толпа – все о чем-то говорили, где-то даже хрипело радио.

– Что случилось? – спросила Ана стоявшего неподалеку мужчину, но тот лишь взглянул на нее, нахмурился и отошел в сторону.

У кого-то в толпе был работающий приемник. Ана расслышала доносящиеся сквозь хрип помех слова:

– ...считает, что нет оснований для беспокойства... падению метеоритов на территории города... расчеты очень приближенные...

Ану толкнули, она выронила из рук сумку и чуть не упала. Давка у закрытого патмана продолжала расти, со стороны ближайшей станции хагаты шли целые толпы. Как будто во всем городе объявили эвакуацию.

Кто-то стал яростно раскачивать закрытые металлические ворота.

Тут же возникло несколько фигур в красных балахонах, раздался крик. Ана вздрогнула. Она тоже стала протискиваться к воротам, но ее не пускали. Толпа плотными рядами обступала заграждения, тесня полицейских.

– У меня есть билет! – закричала Ана.

Откуда-то сверху донесся оглушительный рев, Ану чуть не сбил с ног мощный поток ветра, и все вокруг засветилось, как на испорченной фотографии.

Над толпой низко завис черный виман с включенными прожекторами. Раздался резонирующий металлический голос:

– Внимание! Вы мешаете работе патмана! Расходитесь!

Но люди не слышали.

– Все нарушающие режим будут арестованы!

Однако толпа лишь сильнее стала напирать на ворота. Раздались крики. Затем все вокруг застелило черной гарью от двигателей вимана. У Аны перехватило дыхание – дым разъедал легкие даже через маску. Ее сбили с ног, она повалилась на тротуар и на секунду потеряла сознание.

Ану подняли чьи-то сильные руки. Она встала, покачиваясь от слабости. Кто-то поддерживал ее за плечо.

– Вам нужно уходить, – сказал полицейский.

– Но у меня есть билет!

Ана полезла в карман, где лежал свернутый лист бумаги. На мгновение ей показалось, что она потеряла его, что листок выпал, когда она упала. Но билет был на месте. Ана протянула его полицейскому. Тот с недовольным видом развернул листок.

– Все рейсы откладываются на неопределенное время, – сказал полицейский. – Вам долго придется ждать.

– Ничего, я подожду, – сказала Ана.

Полицейский пожал плечами.

Толпа у заграждений быстро поредела. На территорию патмана по-прежнему никого не пускали. Черный виман несколько раз с грохотом низко пролетал над землей, поднимая облака пыли, распуская тех, кто все еще стоял у высокой металлической ограды. Полицейские с автоматическими винтовками проверяли у всех билеты и документы, но Ану больше никто не трогал – она стояла чуть поодаль от заграждений и смотрела на взлетную площадку вдалеке, где высились одинаковые темно-серые вахаты.

В патман стали пускать уже после полудня. К тому времени у ворот оставалось лишь несколько человек – и почти два десятка полицейских.

В плеве оказалось пугающе пусто.

Ана сняла респираторную маску. Кто-то опрокинул урну, и на полу у входа валялась смятые листки и пустые бумажные пакеты. Воздух был прохладным, с легкой примесью хлора.

Ана медленно прошла между пустыми рядами сидений и остановилась перед табло, на котором не было ни одного рейса.

Ана села рядом с пустым табло, напротив больших настенных часов, которые невозмутимо отсчитывали бессмысленное время, и поставила в ногах сумку. Она не взяла с собой ни еды, ни питья, а горло у нее уже пересохло.

Ана закрыла глаза.

Она чувствовала себя так, словно пришла на прием в агадалая – к своему старому врачу, который отнесется к ней с вниманием, выслушает все жалобы, даст направление на новый препарат – и ждет в пустынном плеве, пока подойдет ее очередь. Врач занят и все никак не вызывает ее к себе. Но Ана знает – она будет сидеть здесь до самых сумерек. Теперь уже ничто ее не остановит.

От пронзительно холодного воздуха кружилась голова, однако дышать, несмотря на сотни работающих дхаавов, не становилось легче. Ана с хрипом пыталась глотать воздух, но легкие ее отказывались расширяться.

Это началось. Приступ.

Ана попыталась подняться, но ноги подкосились, и она повалилась на пол. В глазах темнело, голова была тяжелой.

Вокруг – во всем плеве – не было ни души.

Ана отчаянно глотала ртом воздух. Она повалилась на спину, на грязный пол. В глаза ей бил яркий свет потолочных ламп, по щекам стекали слезы.

Собрав все силы, которые у нее оставались, Ана все же смогла сделать вздох. Легкие тут же пронзила острая боль, но Ана попыталась вздохнуть снова. И еще, и еще.

Она продолжала лежать на полу.

Огромные настенные часы рядом с пустым табло громко и безжалостно отсчитывали время. Секундная стрелка двигалась рывками, застывая на едва ощутимые мгновения, когда Ана делала вдох – с каждым разом все дольше, точно завод у часов медленно сходил на нет, пока стрелки вдруг не замерли, остановившись.

Василий Воронков

Перестало доноситься дыхание дхаавов, в плеве стояла тишина.

Ана попробовала встать – медленно, чтобы вновь не закружилась голова, осторожно опираясь одной рукой в пол и ухватившись второй за хлипкую спинку сиденья.

Она поднялась – и чуть не упала снова. Ноги подкашивались, стоять не было сил.

Ана села рядом с сумкой. Она не хотела спать, не хотела проснуться от удушья, но как-то незаметно вновь провалилась в сон.

Разбудил ее громкий скрежет в громкоговорителях у потолка.

По всему плеву разносился страшный надсадный треск, от которого резало в ушах.

Потом зазвучала музыка, чем-то похожая на бодрые ритмичные мелодии перед выпуском новостей. Ана уперлась руками в подлокотники кресла и поднялась, преодолевая слабость.

Музыка прекратилась, послышался чей-то обеспокоенный неровный голос. Ана поначалу не прислушивалась, но потом вдруг вздрогнула и замерла от ужаса.

– ...крупнейшая катастрофа с момента основания... – доносились с потолка. – Около десятка городских кварталов полностью разрушены – практически весь северный район перестал существовать. Выведены из строя более двенадцати линий транспортной сети. До сих пор ведется подсчет...

Голос внезапно оборвался, и вновь заиграла музыка – бодрая, неприязнительная, как перед утренним выпуском новостей.

Ана подошла к двери.

Через окна пробивался желтоватый свет вечернего солнца, улица казалась спокойной, застывшей во времени. Где-то вдалеке поднимался над приземистыми домами металлический скелет эстакады. Как будто ничего не произошло.

Ана подумала – а сколько уже времени она находится в этом плевe? День близится к концу. На табло с рейсами по-прежнему ничего нет.

Она вернулась к брошенной посреди плева сумке и принялась ждать. Ей хотелось спать, но она изо всех сил боролась со сном, думая, что потом уже не сможет проснуться.

Постепенно в плеве начали появляться другие люди.

На Ану никто не обращал внимания. Все о чем-то говорили – и совсем тихо, почти шепотом, как будто боялись, что их услышат, и, напротив, громко, почти срываясь на крик, надеясь, что их будут слышать все – даже те, кто зажал уши.

Но Ана не различала слов.

Музыка продолжала играть. Ана пыталась сосредоточиться на дыхании – медленный глубокий вдох, затем выдох. Это ведь так легко, и воздух в плеве прохладный и чистый. У нее не должно быть нового приступа. Это случилось от волнения. От усталости.

Потом на табло стали высвечиваться какие-то цифры – патман оживал, возникало из пустоты новое расписание полетов. Ана не сомневалась – еще немного, и появится ее рейс. Южный Хапур. И номер – как у станции далеко в песках.

Она снова никак не могла справиться с дыханием. Казалось, все дхаавы в плеве разом перестали работать, отключились, как во время перебоя электричества в видае-лая.

Ана прошла в конце плева и надела респираторную маску. Она помедлила несколько секунд, обернулась, взглянув еще раз на табло, где появлялись нечитаемые названия, и вышла из здания.

В нос ей ударил резкий смрад препаратов, маска хрипела, точно забившись пылью, и едва пропускала воздух, однако дышать вдруг стало необъяснимо легче, и у Аны даже слегка закружилась голова.

Был уже глубокий вечер.

На небе горели звезды. До самого горизонта тянулись высокие дюны, одинаковые, как во сне. Порывистый и сухой ветер поднимал в воздух песчаную пыль, закручивал ее вихрями. Осыпались со странным гулом гребни барханов. Пустыня была живой, Ана даже чувствовала ее теплое и неровное дыхание.

Вдалеке, едва различимые в вечернем сумраке, виднелись чьи-то уходящие к горизонту следы.

Василий Воронков

ПЕСНЯ ПЕСКА

роман

Редактор – *Ю. Иванов*
Технический редактор – *А. Конкина*
Компьютерная верстка – *Ю. Иванов*

Подписано в печать 8.04.2014.
Формат 60х84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура OctavaC. Усл.-печ. л. 19,11.
Тираж 1000 экз. Зак. №512.

ООО «Издательство «Шико»
91011, Украина, г. Луганск, ул. Челюскинцев, 6/15.
Тел.: 8 (0642) 781-140, 781-141.
e-mail: shiko_12@mail.ru

Свидетельство о внесении
в Государственный реестр субъектов
издательского дела ДК №1415 от 03.07.2003 г.

